

ЖИЗНЬ

ВЕРИ

18

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Москва
«ТЕРРА»
1998

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том восемнадцатый

ЗАМОК В КАРПАТАХ

АГЕНТСТВО
ТОМПСОН И К^о

Романы

Москва
«ТЕРРА»
1998

УДК 82/89
ББК 84 (4 Фр)
В35

Художники
Л. ЧЕРНЫШЕВ, А. КАПНИНСКИЙ

Составитель
В. НИКИТИН

Верн Жюль

В35 Собрание сочинений: В 20 т. Т. 18: Замок в Карпатах: Роман / Пер. с фр. Е. Аронович; Агентство Томпсон и К^о: Роман / Пер. с фр. В. Большакова. — М.: ТЕРРА, 1998. — 384 с.

ISBN 5-300-01796-5 (т. 18)

ISBN 5-300-01303-X

Жюль Верн (1828—1905) — всемирно известный французский писатель, один из создателей жанра научной фантастики. Наука, ее история, ее современное состояние и будущее, научные дерзания, вера в беспредельные возможности разума, способного проникнуть в неведомые тайны природы, — все это определяет творчество Ж. Верна.

В восемнадцатый том Собрания сочинений включены романы «Замок в Карпатах», в основу которого легла легенда Карпатских гор, и роман «Агентство Томпсон и К^о» об удивительном путешествии по трем архипелагам.

УДК 82/89
ББК 84 (4 Фр)

ISBN 5-300-01796-5 (т. 18)

ISBN 5-300-01303-X

© Издательство «ТЕРРА», 1998

ЗАМОК В КАРПАТАХ

Роман

ГЛАВА I

Эта история отнюдь не фантастика, а романтическая быль, хотя кому-то описанные события и могут показаться невероятными. Но таков XIX век: то, что сегодня загадочно и сложно, завтра благодаря достижениям науки становится простым и понятным.

Жаль только, что в нашей жизни все меньше остается места для сказаний, легенд, поверий. Так происходит и в Британии, где обитают злые карлики-карриганы¹, и в Шотландии — пристанище домовых и гномов, и в Норвегии, на родине великанов, эльфов, лесных духов и валькирий, и даже в Трансильвании, где величественное кольцо Карпатских гор способно, кажется, разбудить самое бескрылое воображение. Впрочем, какие-то отголоски старых преданий в этих краях еще живы.

Ни Жозеф Жерандо, ни Элизе Реклю, описавшие малонаселенные окраины Европы, ни словом не обмолвились об удивительной истории, которая легла в основу нашего романа. Слыхали ли они о ней? Возможно. Но особого значения, судя по всему, не придали, что весьма прискорбно, поскольку первый мог бы передать ее с точностью и строгостью историка, тогда как второй — с поэтичностью лирика, присущей его путевым заметкам.

Так или иначе, ни один из них этого не сделал, и мне не остается ничего другого, как самому взяться за перо.

Двадцать девятого мая сего года некий пастух стерег стадо на горном пастбище невдалеке от вершины Ретьезад, вздымавшейся над цветущей, плодородной долиной, окруженной стройными тополями. Это плато открыто всем ветрам, но особенно «пробивается» (по выражению местных жителей) северо-западным.

Наш пастух нимало не походил на буколического пастушка из античной Аркадии — ни одеждой, ни повадками. Его не-

¹ Карриган — персонаж английских сказок, карлик, злой дух.

возможно было спутать с Дафнисом¹ или Аминотасом², принять за Титира³, Лисида⁴ или Мелибея⁵. Да и река Силь, бушевавшая у его ног, обутой в грубые башмаки на деревянной подошве, не походила на греческий Линьон, хотя ее прозрачные воды и были достойны омыwać меандры⁶, описанные в романе «Астрей»⁷.

Фрик — так звали овчара — не принадлежал к баловням судьбы: в убогой хижине на краю родной деревни Верст он, подобно многим своим собратьям-пастухам, ютился вместе с овцами и поросятами.

Следуя известному латинскому изречению «*Imitapim resuscitantior ipse*»⁸, Фрик, выгнав стадо на пастбище, чаще всего подремывал, лежа на зеленой травке с трубкой в зубах, и лишь время от времени свистом подзывал собак, если одна из овец забивалась в кусты, да еще изредка шелкал кнутом, будя в горах громкое эхо.

Было четыре часа пополудни. Солнце клонилось к западу, вершины на востоке тонули в туманной дымке. Косые лучи, прорвавшиеся сквозь горную цепь, проникали в ущелье, точно свет из полуотворенной двери.

Край, раскинувшийся между комитатами Клаузенбург и Колошвар, по праву считался самым диким во всей Трансильвании, являющейся частью Австрийской империи. По-венгерски эта удивительная земля называется «Эрдели» («Страна лесов»). Раскинувшись на шестидесяти тысячах квадратных километров, или шести миллионах гектаров, что равно одной девятой Франции, она граничит с Венгрией на севере, с Валахией на юге и с Молдовой на западе. Многое тут напоминает Швейцарию, правда, Трансильвания, не превосходя Гельвецию по численности населения, по площади в полтора раза больше. Ее плодородные плато, прекрасные пастбища, широкие долины в обрамлении причудливых гор пересекаются вулканическим по происхождению Карпатским хребтом, а также бесчисленными горными потоками, питающими реку Тиссу и великолепный Дунай с его знаменитыми Железными Ворота-

¹ Дафнис — герой греческой мифологии, юный сицилийский пастух, сын Гермеса и Нимфы.

² Аминотас — имя трех королей Македонии.

³ Титир — известный лондонский франт, весельчак и забияка (XVII в.).

⁴ Лисид — персонаж комедии греческого писателя Аристофана.

⁵ Мелибей — пастух, персонаж «Пастушьих песен» римского поэта Вергилия.

⁶ Меандр (по названию извилистой реки Меандр в Малой Азии — ныне Большой Мендерес) — орнамент в виде ломаной или кривой линии с завитками.

⁷ Астрей — роман-пастораль французского писателя Оноре д'Урфе (1607—1628) о любви Селадона и Астrei.

⁸ «Даже крупный рогатый скот — только скот» (лат.).

ми, расположенными на несколько миль¹ южнее и как бы преграждающими путь балканской горной цепи к границам Венгрии и Османской империи.

Эта древняя страна даков в первом веке христианской эры была завоевана Траяном. Независимость, обретенная при Иоанне Заполи, длилась до 1699 года и закончилась воцарением Леопольда I, который присоединил Трансильванию к Австрии. Но каково бы ни было политическое положение страны, здесь всегда обитали разные народы. Валахи, румыны, венгры, цыгане, молдавские секлеры и саксонцы долго жили бок о бок не смешиваясь. Однако время и обстоятельства взяли свое, народы эти в конце концов ассимилировались и слились в благополучное трансильванское братство.

К какой же из национальностей относился пастух Фрик? Может, к древним дакам? Трудно было сказать что-либо определенное, глядя на его необычный тип лица, всклокоченные волосы, кустистую бороду, густые пегие брови и зелено-голубые вечно слезящиеся глаза. Ему уже минуло шестьдесят пять. Высокий, худой, пропорционально сложенный, в порыжелом от непогоды плаще и в широкой войлочной шляпе, он мог бы привлечь внимание художника, особенно когда неподвижный, точно утес, стоял над пропастью, опершись на посох с вороньей головой.

Но вот солнечные лучи брызнули сквозь западный излом горы. Фрик повернулся на другой бок, приподнялся и посмотрел вдаль из-под руки.

На скале, примерно в миле от пастбища, виднелся укрепленный замок — как раз в седловине хребта Вулкан, поднимавшегося над плато Оргалл. Контуры замка четко вырисовывались на фоне предзакатного неба. Требовалось, однако, очень острое зрение, чтобы разглядеть древние башни и стены.

Пастух долго всматривался в даль и вдругprovорно вскочил на ноги:

— Эгей, старина!.. Хоть и построили тебя на века, через три года ты рухнешь, коли у бука осталось только три ветви!

Огромный бук, росший рядом с одним из бастионов, темнел на фоне неба, точно вырезанный из картона.

— Да,— повторил Фрик,— три ветви... Еще вчера было четыре, но четвертая, видать, сломалась ночью... Теперь их осталось только три, ишь торчат, ровно зубья на вилах...

Пастухов часто идеализируют, представляя мечтателями и мудрецами. Говорят, будто они беседуют с самим небом. На самом же деле это в большинстве своем люди грубые и невежественные, отнюдь не блистающие умом и красноречием. Народная молва утверждает, будто пастух знает секрет приво-

¹ Венгерская миля равняется 7500 метрам.

ротных зелий, может предсказывать судьбу, насылать порчу, пользоваться от болезней. Стоит ему бросить на чье-либо поле заколдованный камень, и земля перестанет родить, а коли взглянет искоса да, не дай Бог, с левой стороны на овцу, бедняжка останется без ягнят. Даже в самых цивилизованных странах существуют подобные поверья. Встретившись с деревенским пастухом, крестьянин спешит снять с головы шляпу, выражая таким образом почтение ко всему «сословию волхвов». Люди верят, что иначе можно накликать беду. Трансильвания в этом смысле не исключение.

Фрик слыл колдуном, умеющим вызывать и повелевать нечистой силой — всякими там вампирами и ведьмами. Подобно тому, как в других странах двадцать девятого февраля появляется Дух, который катается на крыльях ветряных мельниц, знает язык диких зверей и разговаривает со звездами, бесплотные слуги Фрика являлись якобы в новолуние, в самую темную ночь.

Фрик ничего не имел против этих домыслов и даже извлекал из них немалую пользу, приторговывая разными порошками и целебными эликсирами, в чью силу и сам свято верил, хотя и не считал себя таким уж могущественным колдуном...

В деревушке Верст никто не удивился предсказанию Фрика о скором падении старого замка. Впрочем, все по порядку.

Собрав разбредаящихся овец, пастух двинулся в деревню. Собаки мчались позади, подгоняя скотину. Дай им волю, эти злющие полукровки с большим удовольствием задрали бы пол-отары. В стаде было около сотни баранов: дюжина — годоводков, остальные — трех- и четырехлетки уже с четырьмя или даже шестью зубами.

Животные принадлежали судье Кольтцу, который оплачивал пастбище и весьма высоко ценил Фрика как отличного стригала; доволен судьей был и тем, как пастух лечит овец, справляясь без труда с любой хворью — будь то микоз, хромота или переломы.

Плотно сбившееся стадо следовало за пастухом, звеня колокольчиками и громко бляя.

Но вот пастбище осталось позади, и Фрик вышел на широкую тропу, петлявшую среди полей высокой ржи и маиса. Дорога вела к хвойному лесу. На опушке уже сгущались тени, а внизу катила свои бурные воды река Силь, таща через огромные камни гладко отполированные бревна и сучья.

Животные сгрудились на берегу и жадно припали к воде.

Деревня находилась на расстоянии трех выстрелов. Вокруг было пустынно. На закате крестьяне обычно спешат разойтись по домам, так что по дороге Фрику ни с кем не пришлось даже перекинуться словечком. Но когда овцы напились и Фрик уже готовился свернуть в лошину, в излучине реки показался какой-то путник.

— Эй, приятель! — окликнул он пастуха.

Незнакомец оказался бродячим разносчиком, каких часто можно встретить в больших и малых городах и селениях. Они говорят решительно на всех языках без всяких затруднений. Этот торговец был польский еврей — высокий, тощий, горбоносый, с остроконечной бородкой, крутым лбом и живыми глазами.

Его товар — подозрные трубы, термометры, барометры и стенные часы — был разложен на лотке, перекинутом через плечо, висел на поясе и даже на шее — настоящая бродячая лавка.

Видать, торговец побаивался пастухов. Во всяком случае, он вежливо поздоровался с Фриком и заговорил по-румынски с небольшим акцентом.

— Как жизнь, приятель? Идет помаленьку?

— Идет... Время идет, и жизнь тоже, — степенно ответил

Фрик.

— Погода стоит чудесная, значит, все хорошо. Верно?

— Верно. А завтра пойдет дождь, и сразу станет плохо.

— Будет дождь? — удивился разносчик. — А что, в этих местах дождь падает с ясного неба?

— Тучи нагонит ночью, вон оттуда, со стороны гор.

— Как вы это узнали?

— По шерсти овец: она очень сухая, а кожа точно дубленая.

— Да... Плохо тому, кто всю жизнь скитается по дорогам...

— И хорошо тому, кто проведет эту ночь под крышей.

— Надо еще иметь ее, эту крышу...

— У вас есть дети? — поинтересовался Фрик.

— Нет.

— А жена?

— И жены нет.

Фрик задавал свои вопросы в соответствии с правилами здешнего этикета.

— А сами-то вы из каких мест?

— Из Германштадта.

Германштадт — городок в Трансильвании, где Силь поворачивает в сторону Венгрии.

— И куда путь держите?

— В Колошвар.

Чтобы добраться до Колошвара, нужно подняться по горному склону из долины Марош, потом еще выше — в горы Вихор, а там уж и до главного города комитата рукой подать — не больше двадцати миль.

Торговцы термометрами, барометрами, часами и тому подобными предметами всегда пробуждают у простых людей суеверный страх, поскольку продают время, солнце и дождь словно какие-нибудь корзины, вязаные носки или платья из

ситца. Вот почему бродячий торговец так поразил воображение пастуха. Фрик зачарованно смотрел на товары, многие из которых видел впервые.

— А для чего нужна вот та штука, у вас на поясе? Похожа на кость мертвеца...

— Это вещь, нужная любому человеку.

— Любому? — хитро подмигнув, переспросил Фрик. — И даже пастуху?

— Даже пастуху, — подтвердил еврей, встряхивая термометр. — Взглянув на нее, вы можете узнать, тепло на дворе или холодно.

— А я и без того знаю: если мне жарко в плаще, значит, на дворе тепло, а если продрог до костей, значит, холодно...

Этих знаний и впрямь достаточно для пастуха, которому всякие ученые премудрости ни к чему.

— А это что за чепуховина с иголкой? — Фрик указал на барометр.

— Это не чепуховина, а прибор, предсказывающий погоду на завтра: дождь будет или солнце.

— Ну так она пастуху даром не нужна. Стоит мне только посмотреть, ползут ли тучи из-за гор или облака стоят высоко в небе, и сразу ясно, какая будет погода на целые сутки вперед. Видите, туман стелется по земле? Так вот: завтра пойдет дождь, помяните мое слово.

И в самом деле, пастух Фрик, великий знаток природы, прекрасно обходился без барометра.

— Выходит, и спрашивать нечего, нужны ли вам стенные часы?

— Зачем они мне? Мои часы идут без завода. Если солнце стоит над вершиной горы Родюк, значит, сейчас полдень. А если свет падает поверх ущелья Эгельт, значит, пора гнать стадо домой. Это даже бараны понимают, да и собаки тоже. Так что ваши штучки нам без надобности.

— Если бы все покупатели были пастухами, я бы давно разорился. Так ничего и не возьмете?

— Ничего.

Конечно, товаром своим разносчик вряд ли мог гордиться: показания барометров не всегда соответствовали действительности, часы шли неточно... Пастух ничего не собирался покупать и уже хотел распрощаться, как вдруг его внимание привлек еще один предмет, висевший на плече у торговца.

— А это что у вас? Не пистоль?

— Нет, — отвечал тот, — подзорная труба.

Это и впрямь была самая обыкновенная подзорная труба, дававшая увеличение в пять-шесть раз.

Фрик взял ее в руки и принялся вертеть и так и эдак.

— Подзорная, говорите?..

— Да, совсем почти новая. С ее помощью вы сможете далеко видеть.

— А я и так далеко вижу. В ясную погоду могу разглядеть каждый уступ на горе и каждое дерево на склоне Вулкана.

— Да ну!

— А все благодаря росе,— я ведь сплю на открытом воздухе. От росы зрение острее становится.

— Никогда об этом не слышал. Но я все равно увижу дальше вас, если погляжу в трубу.

— Интересно...

— Если не верите, посмотрите сами.

— Я?..

— Ну да!

Пастух недоверчиво покосился на еврея.

— А сколько это будет стоить?

— Нисколько, если, конечно, не надумаете покупать.

Фрик наконец решился посмотреть в трубу. Торговец уставил резкость и приложил окуляр к правому глазу пастуха.

Нацелившись на гребень горы Вулкан, Фрик медленно перевел объектив к вершине Плезы, потом — к деревушке Берст.

— В самом деле...— пробормотал он.— Много лучше, чем простым глазом... Вижу главную улицу... Люди идут... Даже узнать их могу! Вон наш лесничий, Ник Дек, возвращается с обхода с рюкзаком за спиной и с ружьем на плече...

— Я вам говорил! — подхватил торговец.

— Точно Ник! А что это там за девушка выходит из дома моего хозяина? Красная юбка, черный корсаж, я ее прямо как вас вижу!

— Узнали?

— Конечно! Это красавица Мириота. Ну, держитесь, ребята, вы у меня теперь как на ладони, вижу все ваши проделки!

— Ну что теперь скажете?

— Здорово!

Никогда раньше Фрику не доводилось смотреть на родную деревню в подзорную трубу, и сейчас он испытывал удовольствие от одного ее вида, хотя это было одно из самых захудалых селений комитата Клаузенбург.

— Ваша деревня слишком близко, теперь поглядите на то, что расположено дальше,— предложил торговец.

— Тоже бесплатно?

— Конечно.

— Ладно, посмотрим на венгерский берег Силя. Вон колокольня Ливадзеля с обломанным крестом. А ниже, среди елок, колокольня Петрошани с петушком из белой жести,— ишь как клюв-то раскрыл, будто курочек сзывает! А вон и башня тор-

чит из-за деревьев! Башня Петриллы... Я посмотрю еще — вы не потребуете с меня платы?

Фрик направил объектив на плато Оргалл и стал внимательно разглядывать покрытые лесами темные склоны Плезы, далекий силуэт замка — все, что попадало в поле зрения.

— Гляди-ка! — внезапно вскричал он. — Четвертая-то ветка валяется на земле! И никто не станет подбирать ее, чтобы бросить в костер на Иванов день! Дураков у нас нет: ведь тот, кто это сделает, погубит и жизнь и душу... Лишь один охотник не позднее полуночи подберет ветку и бросит в адский огонь. И это будет сам черт!

Чертом в этих местах называют сатану.

Еврей собирался было спросить, что означает слово «черт», ибо людям, никогда не бывавшим в окрестностях деревушки Верст, оно неизвестно, как вдруг Фрик испуганно воскликнул:

— А что там за туман вокруг башни? Да нет, не туман, больше похоже на дым... Не может быть! Уже много лет печи в замке не топятся!

— Но вы же видите своими глазами!

— Не может быть! Просто стекло, наверное, запотело.

Фрик потер стекло рукавом и снова направил трубу на замок. Сомнений быть не могло — столбом валивший дым поднимался в небо и таял в неподвижном воздухе.

Фрик молчал, сосредоточив все свое внимание на замке, контуры которого были размыты тенью, накрывшей плато Оргалл.

Наконец пастух опустил трубу и потянулся к кошельку, висевшему у него на поясе.

— Сколько стоит ваша игрушка?

— Полтора флорина¹!

Продавец уступил бы трубу и за флорин, если бы пастух догадался поторговаться, но тот только крутил головой от удивления, молча доставая деньги.

— Вы для себя покупаете?

— Нет, для хозяина. Он даст за нее два флорина.

— Прощайте, приятель.

— Добрый путь.

Фрик свистом подозвал собак и погнал стадо по дороге в Верст.

Еврей недоуменно пожал плечами. Какой-то сумасшедший! Знать бы раньше, можно было запросить больше.

Уложив поаккуратнее товары на лотке, торговец, направлявшийся в Колошвар, спустился на берег Силя и потом куда-то исчез. Куда? Это не важно, мы с ним больше не встретимся.

¹ Флорин — равен 3 франкам 60 сантимам.

Когда смотришь издали на нагромождение камней — результат многократных колебаний земли за долгие геологические эпохи — и сравниваешь их с камнями, уложенными в стены древних строений, те и другие в сероватой патине веков выглядят одинаково. Дикий камень ничем не отличается от обработанного — ни цветом, ни формой.

Таков и замок в Карпатах, старинная укрепленная крепость. На расстоянии его развалины почти сливаются с горными отрогами, и потому крепостная башня на поверку может оказаться всего-навсего завалом камней, а куртина¹ — причудливой скалой. Многие приезжие даже сходятся во мнении, что никакого замка здесь никогда не было и нет, что это просто-напросто легенда.

Чтобы убедиться в обратном, проще всего было бы совершить подъем в горы, наняв проводника. Однако проводника тут найти труднее, чем тропу, ведущую к крепости: ни один смельчак в округе ни за какие деньги не согласится отправить-ся туда.

Кое-что мы могли бы узнать, имея подзорную трубу, но настоящую, а не ту жалкую поделку, которую пастух Фрик купил для своего хозяина.

В восьми или девяти сотнях шагов позади гребня горы Вулкан возвышается стена из песчаника, окружающая неровную, изрезанную трещинами площадку в 400—500 туазов². По обе ее стороны высятся два угловых бастиона; у того, что справа, растет знаменитый бук. Слева сохранились остатки стены с ажурными контрфорсами и надвратной часовней, где под порывами ветра время от времени раскачивался колокол, пугая своим звоном окрестных жителей. К площадке в центре, окруженной зубчатой стеной, примыкает башня с тремя рядами зарешеченных окон и опоясывающей первый этаж галереей. Посреди площадки торчит длинный металлический шпиль, украшенный ржавым феодальным гербом-флюгером, повернутым порывом северо-западного ветра на юго-восток.

Есть ли за полуразрушенной стеной строение, пригодное для жилья, никто не знал: подъемный мост и тайный ход из крепости были давным-давно разрушены. На самом же деле внутри замок сохранился гораздо лучше, чем казалось на расстоянии. Дурная слава и всякие предрассудки оберегали его не хуже, чем василиски, гаубицы, бомбарды, кулевины, тоннуары и прочие артиллерийские орудия далеких времен.

Этот замок заслуживает внимания туристов и любителей старины. Благодаря его местоположению на самом краю пла-

¹ Куртина — часть крепостной стены между двумя бастионами.

² Туаз равняется 150 метрам.

то Оргалл с верхней площадки башни открывается чудесный вид. На заднем плане — высокая горная цепь на границе с Валахией. Перед фасадом — глубокая расщелина, скрывающая единственный путь, ведущий к замку из пограничных провинций. Позади долины обеих Силей возвышаются замки Ливадзель, Лоньяи, Петрошани и Петрилла, со всех сторон обступившие шахты этого богатого угольного бассейна. А позади замка высятся горные цепи, заросшие у подножия зеленым лесом; над их скалистыми вершинами вздымаются к небу еще более высокие и крутые пики Ретьезад и Паринг.

А дальше, за долиной Гатчег и рекой Марош, тонут в густых туманах контуры Альпийского хребта Центральной Трансильвании.

В глубине этой природной воронки кое-где блестят озера тектонического происхождения, питающиеся водами обеих Силей. Отсюда реки, прорезав горы, катят свои воды дальше. Теперь в этой впадине началась добыча угля, с ее плюсами и минусами. Высокие кирпичные трубы вперемежку с тополями и стройными елями поднимаются к самому небосводу. Черный дым, затеняя синеву, уродует пейзаж и отравляет воздух, совсем еще недавно напоенный ароматами цветущих фруктовых деревьев.

И все-таки во время действия нашего романа, когда нарождавшаяся промышленность все крепче сжимала край своей железной рукой, природа еще не отступила и во многом сохраняла свою первозданную красоту.

Карпатский замок был сооружен в XII или XIII веке. В далекие времена, когда тут владычествовали воеводы, дворцы, монастыри, церкви и замки строились и укреплялись подобно крепостям. И сеньоры и крестьяне готовились к защите от многочисленных врагов. В силу этого древние укрепления замка, его башни и башни возводились как оборонительные сооружения, всегда готовые к бою. Какому архитектору пришло в голову расположить замок на плато, на этой недосыгаемой высоте? Неизвестно. Возможно, воспетому в валашских легендах румыну Маноли, который обессмертил свое имя, построив Кюрте-д'Аржис, знаменитый замок Рудольфа Черного.

Но если имя архитектора осталось неизвестным, то род, которому принадлежал замок, был куда как знаменит. Бароны фон Гортцы с незапамятных времен владели здешними землями и принимали участие во всех войнах, опустошавших трансильванский край, — сражались против венгров, саксонцев, секлеров, о чем повествуется в народных песнях — балладах-«дойнах». Девизом владельцев замка служила известная валашская пословица: «De re maorte» — «Все отдай, не жалея и самой жизни». И они отдавали все, проливая кровь, унаследованную от предков — древних римлян.

Столько усилий, столько жертв — и во имя чего? Что оста-

лось от этих воинственных родов? Они утратили всякий политический вес. Их уничтожили, раздавили. Но народ — валахи и трансильванцы — оказался не сломлен. Люди эти, упрямо твердя «Roman pe rege!» — «Романский народ не уничтожить!», и сейчас еще верят, что будущее принадлежит им.

Последний представитель этого славного рода барон Рудольф фон Гортц, родившийся в Карпатском замке, еще в молодые годы понял, что семья его угасает. К двадцати двум годам он остался совсем один. Все его родственники друг за другом уходили в мир иной, точно сломанные ветви бука, с которыми народная молва связывала благополучие замка. Лишенный родных и друзей, барон Рудольф явственно ощущал, что смерть бродит где-то неподалеку. Чем мог наполнить он свою одинокую жизнь? Что это был за человек, каковы были его привычки, вкусы, пристрастия? Никто не знал. Известно лишь, что он страстно любил музыку, в особенности пение знаменитых мастеров. Однажды он покинул обветшавший замок, оставив там лишь нескольких старых слуг, и исчез. Позднее прошел слух, что свое довольно солидное состояние фон Гортц тратит на посещение центров певческого искусства в Германии, Франции и Италии, удовлетворяя тем самым неисчерпаемую фантазию эксцентричного дилетанта, почти маньяка.

Однако воспоминания о родных местах оставили неизгладимый след в душе молодого барона. Во время своих бесконечных странствий он все не мог забыть Трансильванию и не раз возвращался на родину, чтобы принять участие в очередном кровавом бунте румын против венгерского владычества.

Но вот потомки древних даков оказались окончательно разбиты, земли их разделили между собой победители. И тогда барон Рудольф решил покинуть Карпатский замок, который к тому времени почти совсем превратился в руины. Старые слуги умерли, родовое гнездо опустело. Доходили слухи, что фон Гортц из патриотических чувств присоединился к знаменитому Шандору Рожа, разбойнику больших дорог, которого борьба за независимость сделала трагическим героем. К концу войны барон ушел из банды «бетя» и хорошо сделал, так как старый разбойник стал главарем воровской шайки, был схвачен полицией и брошен в тюрьму Самош-Уйвар.

С тех пор здешние жители утверждали, что барон убит в схватке с таможенниками на границе. Во всяком случае, в замке он больше не появлялся, и все сошлись на мысли, что его уже нет в живых. Однако народной молве следует внимать с осторожностью.

Замок барона, покинутый его обитателями, стал замком-призраком. Живое воображение окрестных жителей населило его нечистой силой. Все уверяли, что там появляются привидения и полночные духи. Подобные легенды нередко рождаются в отдаленных европейских провинциях, где люди склонны к

суевериям, а Трансильвания, безусловно, занимает среди них первое место.

В деревне Верст никто не сомневался в существовании сверхъестественных сил. И священник, по-местному поп, и учитель — при том, что один наставляет односельчан в вере, а другой учит их детей, — с одинаковым усердием вбивали в головы своих подопечных разные поверья, и делали это тем старательнее, чем искреннее верили во всякие небылицы сами. Оба пастыря приводили неопровержимые доказательства того, что по окрестным полям бродят оборотни и вампиры, которых здесь зовут колдунами, они бормочут тайные заклинания и пьют человеческую кровь. Оба уверяли, будто стаффии облюбовали развалины и творят зло, если не оставить им еду и питье. А еще есть феи, с коими ни под каким видом нельзя встречаться по вторникам и пятницам — неблагоприятным дням недели. Попробуйте, мол, углубиться в лесную чащу, заколдованный бор, где скрываются балори — гигантские драконы, головы которых достают до облаков, огромные крылатые змеи, которые похищают принцесс королевской крови, а иногда и красивых простолюдинок, и вы сами во всем убедитесь.

Вот такой сонм фантастических чудовищ породило народное воображение. Верили люди и в серпи де каса — домашнюю змею, которая живет на печи в каждом доме. Чтобы снять ее благорасположение, на печь выставляли свежее молоко и сливки.

И если уж народная фантазия населяла подобными фантастическими существами почти все старые замки, то более подходящего для них места, чем Карпатский замок, просто не найти. Расположен он на малодоступном плато, со всех сторон окруженном еще более неприступными горами, и ведут туда лишь несколько заросших троп — кто же усомнится, что именно там поселились драконы, феи, ведьмы, а быть может, и какие-то призраки из семейства баронов фон Гортцев. Местные жители говорили, что крепость заколдована, и в доказательство приводили множество доводов. Впрочем, добраться до замка, чтобы собственными глазами увидеть, что там происходит, никто не отваживался. Казалось, он окружен стеной ужаса, губительной топью, источающей ядовитые миазмы. Даже подойти к нему на четверть мили считалось смертельным риском — можно погубить душу на вечные времена, как неустанно твердил на школьных уроках магистр Эрмод.

Разумеется, долго так продолжаться не могло, и настало время, когда от крепости баронов фон Гортцев не осталось камня на камне.

А теперь мы расскажем одну старинную легенду.

Самые уважаемые люди в Версте утверждали, что возникновение замка связано со старым буком, который рос над угловым бастионом, справа от куртины.

После исчезновения Рудольфа фон Гортца жители деревни, и в числе первых пастух Фрик, заметили, что каждый год бук теряет одну из своих ветвей. Когда барон в последний раз появился на площадке башни, их было восемнадцать, теперь же осталось только три. Говорили, будто каждая ветвь — это год жизни замка, и, когда упадет последняя, на плато Оргалл не останется и следа от старинной крепости.

Такова была одна из легенд, которые щедро рождает народная фантазия. Бук и в самом деле терял по одной ветви каждый год, во всяком случае, так утверждал пастух Фрик, который внимательно следил за замком во время блужданий со стадом по берегам Силя. Все верили Фрику — от последнего хлебопашца до самых почтенных людей деревни, и никто ни разу не усомнился в том, что замку и в самом деле осталось стоять три года, потому что на буке, покровителе и хранителе этих мест, осталось всего три ветви.

Итак, наш пастух был на пути в деревню, готовясь поведать землякам великую новость, рассказать о том, что он увидел в подзорную трубу.

Новость и в самом деле была важной. Дым над башней! То, что Фрик не смог бы увидеть невооруженным глазом, он отлично разглядел в трубу. Пастух нисколько не сомневался: из башни шел дым, он поднимался прямо вверх и таял в облаках. А ведь в замке никого не было... Давным-давно человеческая нога не ступала на его землю, к тому же ворота закрыты, а мост поднят... Если там кто-то и появился, то несомненно призраки — кто же еще? Но с какой стати призракам понадобилось зажигать огонь? Где они развели его? В камине? В очаге? Непонятно...

Фрик вел стадо в загон. Повинуясь его командам, собаки бежали с двух сторон, не давая овцам отклоняться от крутой тропы, где на траве уже заблестела вечерняя роса.

Припозднившиеся в поле крестьяне почтительно приветствовали Фрика, а тот небрежно кивал им в ответ. Важно не только поклониться пастуху — он обязательно должен ответить, иначе хлопот не оберешься. Но почему у Фрика такой странный вид? Что означает этот блуждающий взгляд? И эти жесты? Полстада у него, что ли, зарезали? И кто? Волки? Медведи? Пастух, видать, явился в деревню с дурными вестями.

Судья Кольц первым услышал сообщение Фрика. Пастух еще издали закричал:

— В замке кто-то развел огонь, хозяин!

— Что ты несешь, Фрик?

— Говорю то, что есть.

— Да ты что? Умом повредился?

И в самом деле — какой такой огонь? Что могло гореть в этом мертвом нагромождении древних камней? Это все равно

что поверить, будто загорелся Негой — самая высокая вершина Карпат. Невероятно!

— Что ты сказал, Фрик? Замок горит?

— Не горит, но дым идет.

— Туман, наверное?..

— Да нет, дым идет из трубы! Идите посмотрите сами!

Они вышли на середину главной деревенской улицы, которая заканчивалась террасой на скалистом уступе. Оттуда замок был виден как на ладони.

Фрик протянул хозяину подзорную трубу. Судья Кольц так же, как и пастух, видел подобное приспособление впервые.

— Это еще что? — спросил он.

— Труба, которую я купил для вас, хозяин, за два флорина, хотя на самом деле она стоит не меньше четырех.

— У кого же ты купил ее?

— У разносчика.

— А что с нею делать?

— Приставить к глазу и навести на замок.

Направив трубу на замок, судья долго смотрел в нее, не отрываясь.

Действительно, из трубы поднимался самый настоящий дым. Вот гонимый ветром серый столб устремился к вершине горы и окутал ее.

— Дым! — воскликнул потрясенный Кольц.

Подожли Мириота и лесничий Ник Дек, только что вернувшийся с обхода.

— Что это такое? — спросил молодой человек, беря в руку трубу.

— В эту штуку можно далеко видеть.

— Шутите, Фрик?

— Ничуть. Менее часа назад я видел, как вы спускались на дорогу к Версту, вы шли от...

Фрик еще не договорил фразу, как Мириота вспыхнула и опустила глаза. Хотя что тут особенного? Разве запрещено честной девушке выйти навстречу жениху?

Обрученные начали по очереди смотреть в трубу. А тем временем их окружили соседи, человек шесть, и тоже стали смотреть в сторону замка.

— Дым! Дым в замке! — закричал один.

— Может, в башню ударила молния? — предположил другой.

— Разве здесь была гроза? — спросил судья.

— С неделю назад была, — припомнил пастух.

Если б этим славным людям сейчас сказали, что на вершине Ретьзад открылся кратер и началось извержение, они бы удивились гораздо меньше.

Деревушка Верст так мала, что на большинстве карт даже не отмечена, а в административно-хозяйственном отношении она еще менее значима, чем соседняя, получившая название Вулкан и прилепившаяся к отрогам Плезы, на которых обе деревни раскинулись весьма живописно.

С началом разработки угольных шахт стало заметно деловое оживление в находившихся в нескольких милях друг от друга небольших городах Петрошани, Ливадзель и им подобных. Однако ни Вулкан, ни Верст не получили ни малейшей выгоды от близости индустриального центра; какими эти селения были пятьдесят лет назад, такими и останутся еще полстолетия. Элизе Реклю, например, считает, что добрая половина населения Вулкана состоит из «охраняющих неприкосновенность границ таможенников, жандармов, налоговых инспекторов, фельдшеров и санитаров карантинной службы». Исключите жандармов и налоговых инспекторов, замените их на земледельцев и хлебопашцев, и вы получите население Верста — четыре или пять сотен жителей.

Деревня, собственно, состоит из одной широкой улицы, покрытой ямами и ухабами, так что подниматься и спускаться по ней дело нелегкое. Улица эта служит естественной границей между Валахией и Трансильванией. По ней проходят стада коров, овец и свиней, по ней шагают торговцы мясом, свежими фруктами и зерном. Редкие путешественники отваживаются идти пешком по этой дороге, вместо того, чтобы добираться поездом из Колошвара через долину Марош.

Почва в долине, окруженной горными хребтами Бихор, Ретьезад и Паринг, славится плодородием, а недра — богатством: здесь и копи, которые дают ежегодно более 20 000 тонн каменной соли Торды; и целые предгорья близ Парада, на протяжении семи километров состоящие из поваренной соли; здесь и шахты Торожко, где добывают свинец, свинцовый блеск, ртуть, железо (разработки железных руд начались тут еще в X веке); и шахты Вайда-Хуняд, поставляющие минералы для выплавки высококачественной стали; здесь и угольные разрезы в окрестностях Гатцега, а в Ливадзеле и Петрошани обнаружен настоящий неисчерпаемый клад, залежи угля тут оцениваются в 250 миллионов тонн. И наконец, неподалеку от города и замка Оффенбанья в районе Топанфальва добывают золото. Почти все тамошние жители на домашних мельницах перебивают песок Вереш-Патака (так называемый «Пактол Трансильванский»), ежегодно экспортируя драгоценного металла на два миллиона франков.

Казалось бы, такой благословенный край, такая щедрая природа! А людям не становится жить лучше, и никакой им нет пользы от индустриального прогресса. И если в городах

Торожко, Петрошани, Лоньяй появились современные индустриальные предприятия, а в менее крупных городах и селениях возникли веревочные мастерские, налажено производство скобяных изделий, построены склады, магазины и рабочие кварталы с каменными домами, украшенными балконами и верандами, то в деревнях Вулкан и Верст ничего этого нет и в помине.

Около шести десятков разбросанных по обеим сторонам единственной улицы глинобитных домов с подслеповатыми оконцами мансард и фигурными крышами; ветхие, покосившиеся, крытые соломой сараи и хлевы; колодцы, из которых воду достают с помощью журавля и бады; два или три пруда с дождевой водой, что струится ручейками по камням, — такова деревня Верст, затерявшаяся в горах. Все это убожество скрашивает, однако, буйная зелень и цветы, которые здесь всюду: в палисадниках под окнами, на дверях и на стенах домов, сплошь увитых диким виноградом. В густой траве старинным золотом отливают прошлогодние сухие стебли; высоченные тополя, вязы, буки, ели, клены поднимаются по склонам гор позади домов. А еще выше — горная седловина и высокие вершины, синие в тумане, сливающиеся с голубизной небес.

В Версте, как и во всей Трансильвании, не в ходу ни немецкий, ни венгерский — все, включая цыган, живущих в большинстве деревень комитата, говорят только по-румынски. Цыгане обычно перенимают язык и религию той страны, где живут. Вот и в Версте целый их клан с «воеводой» во главе поселился в ветхих с остроконечными крышами хижинах, между которыми носятся стайки чумазных ребятишек. Оседлые цыгане по своим нравам и обычаям заметно отличаются от кочевых, что бродят по Европе. Они исповедуют православие, как и все местные жители. Духовный пастырь деревни Верст — поп — живет в соседней деревне Вулкан, до которой отсюда около полумили.

Цивилизация, точно вода или воздух, проникает в малейшую щель и стремительно меняет жизнь людей. Но в южную часть Карпат, о которой идет речь, кажется, еще не донеслось ни малейшего веяния перемен. Недаром же Элизе Реклю сказал о Вулкане: «Это — окраина цивилизации в валашской долине Силя». Так стоит ли удивляться, что Верст — одна из самых глухих деревень комитата Колошвар. Что еще можно сказать о деревушке, где каждый житель рождается, живет и умирает, ни на один день не покидая родных мест?

Были в Версте и школьный учитель, и судья. Правда, магистр Эрмод мог научить своих учеников лишь тому, что знал сам, а сам он едва умел читать и с грехом пополам считать. Что до прочих наук — истории, географии, литературы, — учитель знал только народные песни и легенды, зато хранил их в памяти великое множество. И еще он был большой дока по ча-

сти народных поверий и местных обычаев, так что ученики все-таки могли извлечь кое-что из его уроков.

Ну а что сказать о судье Кольтце? Это невысокий румын лет пятидесяти пяти — шестидесяти, седоватый, но черноусый, с большими добрыми глазами, крепко сбитый как истый горец, носит широкую войлочную шляпу, пояс с большой пряжкой, безрукавку и короткие пузырящиеся штаны, заправленные в высокие кожаные сапоги. Кольтц здесь скорее староста, нежели судья, и, хотя ему приходится иногда разрешать споры соседей, он предпочитает прежде всего управлять жизнью деревни. Через руки судьи проходят все акты купли-продажи, при этом кое-что перепадает и ему самому. Не прочь сей законник и поживиться дорожной пошлиной с путешественников, туристов и торговцев.

Благодаря всем этим доходам страж порядка и справедливости сколотил приличное состояние, и если крестьяне комитата по большей части живут в ужасающей нищете и их земли вот-вот окончательно завладеют еврейские ростовщики, то судье опасаться за свое будущее не приходится. Его имущество, свободное от ипотеки, то есть не заложенное, оценивается в кругленькую сумму, и он никому ничего не должен. Напротив, многие из жителей деревни — его должники, но Кольтц старается не слишком притеснять и без того обездоленных бедняков. У него прекрасные пастбища, отлично возделанные поля, где применяются новейшие методы ведения сельского хозяйства. Судья любит прогуливаться по собственным владениям и по праву гордится своими виноградниками, которые приносят немалый доход.

Дом богача, конечно же, самый красивый в деревне. Он выстроен на краю террасы, замыкающей длинную, поднимающуюся в гору улицу. Каменный дом со входом между третьим и четвертым окнами окружен садом. Все тонет в зелени, все оплетено плющом; два высоких бука словно шатром накрывают соломенную крышу; за домом — вверх по склону горы — огород и фруктовый сад. Комнаты в доме просторные, чистые, отдельно столовая, отдельно спальня, вся мебель — столы, кровати, скамьи и скамеечки — резная и расписная, на полках красуются кувшины и блюда, на потолке — резные балки, с которых на лентах свисают кувшины и вазы; на окнах — яркие занавески, у стен — узорчатые, покрытые выделанными шкурами сундуки — они служат и чемоданами и шкафами. На беленых стенах — портреты румынских патриотов, в том числе и популярного героя XV века воеводы Вайды-Хуняды.

Этот роскошный дом, разумеется, велик для одного человека. Но судья Кольтц не одинок. Хотя жена его умерла лет десять назад, у него осталась дочка, прекрасная Мириота, вызывающая всеобщее восхищение и в Версте, и в Вулкане. Слава о красавице идет по всей округе. Девушку вполне могли бы

назвать каким-нибудь из тех языческих имен: Флорика, Даина или Дориция, которые так любят в валашских семьях. Но ее называли Мириотой, то есть «овечкой». Двадцатилетняя кареглазая блондинка с прелестным личиком была стройна и грациозна. Да и наряд необыкновенно шел ей: красная блузка с вышивкой по вороту, на манжетах и плечах; юбка, перетянутая поясом с серебряной пряжкой, а поверх — катринца, как бы двойной фартук. На ногах у Мириоты желтые кожаные сапожки, на голове косынка; лента, вплетенная в косу, скреплена металлической заколкой.

Что и говорить, красивая девушка и довольно богатая для этой крошечной деревушки, затерянной в отрогах Карпатских гор. К тому же она отличная хозяйка и прекрасно ведет дом отца. Дочь судьи ходила в школу магистрата Эрмода, где ее научили читать, писать и считать. И вот теперь ей целыми днями приходилось заниматься и тем, и другим, и третьим. А что до местных преданий и легенд — ученица знала их поболее, чем сам учитель. Какие истории могла рассказать она о Леани-Ке, Утесе Богородицы, где сказочная принцесса укрылась от татар; о пещере Дракона в долине Королевской Горы, о крепости Девы, которую построили «во времена фей», о Детунате, Громовом Ударе, — знаменитой базальтовой горе, похожей на гигантскую каменную скрипку, на которой, как говорят, дьявол играет в грозовые ночи! Знала Мириота и легенду о Ретьезаде, вершину которого срезала ведьма; легенду о перевале Торда, который прорубил своей шпагой святой Ладислав. Девушка, разумеется, искренне верила во все эти сказки, но не казалась от этого менее прелестной.

Молодые люди так и увивались вокруг красавицы — единственной наследницы судьи Кольтца, главного должностного лица в деревне. Да только зря они старались: Мириота давно уже отдала свое сердце Николасу Деку!

Этот Николас, или Ник Дек, парень двадцати пяти лет, истинный румын — высокий, сильный, с гордо посаженной головой, с черными кудрями, выбивающимися из-под белой шляпы, с прямым, открытым взглядом и красивой осанкой, с ногами оленя и уверенной походкой, был лесничим, то есть человеком скорее военным, чем штатским. Ладный и обходительный, он имел собственные земли в окрестностях Верста и потому нравился отцу Мириоты не меньше, чем ей самой. Впрочем, девушку о ее чувствах никто и не спрашивал — вопросы женитбы, замужества решают в этих краях не молодые, а их отцы-матери.

До свадьбы Ника Дека и Мириоты Кольтц оставалось две недели. Вся деревня готовилась к празднику. Судья отнюдь не был скупцом, он умел не только заколачивать денежки, но и тратить их. После свадьбы Ник собирался поселиться в доме Кольтца, который тот завещал молодым, надеясь, что рядом с

мужем Мириота перестанет наконец бояться скрипа дверей или мебели в долгие зимние ночи или со страхом ждать появления какого-нибудь призрака из любимых ею легенд и сказаний.

Чтобы дополнить список именитых жителей деревни, остается еще рассказать об учителе и враче.

Магистр Эрмод был пятидесятилетний очкастый толстяк, не выпускавший изо рта изогнутой трубки с фарфоровой головкой. Спутанные редкие волосы едва прикрывали его плоское темя, левая щека на гладком голом лице то и дело подергивалась. Основным занятием этого ученого мужа было затачивать своим подопечным гусиные перья — писать стальными строго-настрого запрещалось. Прямо с каким-то остервенением, прищулив глаз, работал магистр старым ножичком и под конец резким движением раздвигал кончик стила. Не жалея сил, Эрмод добивался от учеников красивого почерка, видя в том священный и, пожалуй, единственный долг учителя.

А теперь несколько слов о лекаре Патаке.

Возможно, читатель спросит, как же объяснить: в деревне имеется врач, а жители верят в нечистую силу? Но тут нужно рассказать, как сей врач стал врачом.

Патак, полный коротышка сорока пяти лет, занимавшийся медицинской практикой в Версте и в округе, отличался непомерным апломбом, все сметающим на своем пути красноречием и пользовался у деревенских жителей не меньшим доверием, чем пастух Фрик, а это само по себе кое-что да значит. Он лечил местных крестьян и продавал им разные порошки, которые по большей части не приносили пользы — пациенты чаще всего выздоравливали сами. Впрочем, в окрестностях Вулкана воздух чистый и заразных болезней не бывает, люди почти не хворали, а если кто и умирал, то ведь умирают всюду, не только в этом благословенном уголке. Что же касается доктора Патака — а все здесь называли Патака доктором, — то у него не было никакого образования — ни медицинского, ни фармацевтического, решительно никакого! Когда-то он служил санитаром в карантине, где в его обязанности входило наблюдать за путешественниками, которых выдерживали определенное время на границе, дабы исключить возможность инфекции. Этого было более чем достаточно для нетребовательных обитателей деревушки Верст. Следует заметить, что Патак, как и все хитрецы, кто отваживается лечить себе подобных, делал вид, что презирает предрассудки и не верит ни в какие чудеса. Более того, он едко вышучивал тех, кто рассказывал небылицы, и если кто-нибудь говорил, что ни одна живая душа не осмелится приблизиться к замку, толстяк начинал смеяться и бравировать:

— А вот возьму и пойду в старую крепость — в гости к тем, кто там прячется!

Но поскольку никто не сомневался в его словах, по крайней мере, открыто, доктор Патак быстро забывал о своем намерении, и Карпатский замок оставался по-прежнему окутанным непроницаемой тайной.

ГЛАВА IV

Новость, принесенная пастухом, мгновенно распространилась по деревне. Судья Кольц, не выпуская из рук драгоценную трубу, вошел в дом вместе с Ником и Мириотой. На террасе остались Фрик и десятка два мужчин, женщин и детей. Скоро подошла и стайка взбудораженных цыган. Фрика окружили во всех сторон и закидали вопросами. Пастух отвечал с важным видом, как и подобает очевидцу необычайных событий:

— Да, из трубы в замке шел дым, он и сейчас идет и будет идти до тех пор, пока все камни останутся на своих местах.

— Но кто мог зажечь в замке огонь? — боязливо спросила одна старая женщина.

— Черт,— ответил Фрик, называя сатану его здешним именем.— Он зажигает и гасит огни, где ему вздумается.

Услыхав эти слова, все стали вглядываться в даль, пытаясь различить на горе крепостные башни. В конце концов многие убедили себя, будто видят дым, хоть его и нельзя заметить на таком расстоянии.

Эффект, произведенный этим сообщением Фрика, донельзя всех взбудоражил. К страхам, которые внушал обитателям деревушки пустующий Карпатский замок, теперь, когда там, возможно, кто-то поселился, добавился самый настоящий ужас. Великий Боже!

В Версте была корчма, куда частенько заходили и любители выпить, и те, кто не пил, но любил почесать язык после трудового дня,— последние, разумеется, составляли меньшинство. Содержал сие веселое заведение еврей по имени Йонас, мужчина лет шестидесяти, с довольно симпатичной, хотя и явно семитской, внешностью: черноглазый, с горбатым носом и выпяченными губами, с пейсами и традиционной бородкой. Услужливый и общительный, он охотно давал односельчанам в долг небольшие суммы, не требуя никакого залога или процентов, ибо не сомневался, что ему заплатят в срок. Дай Бог, чтобы все евреи, прижившиеся на трансильванской земле, были такими же миролюбивыми и сговорчивыми, как этот трактирщик из Верста! Но, к сожалению, добряк Йонас являл собой редкое исключение. Обычно же его единоверцы — такие же трактирщики, торгующие вином и дарами нив, не гнушаются и ростовщичеством, занимаясь им с таким рвением, что невольно возникает беспокойство за судьбу румынских крестьян. Того и

гляди, все поля и пастбища перейдут от уроженцев этих мест к чужакам. Благодаря закладным евреи становятся собственниками и крестьянских наделов, и урожая. Может, Земля Обетованная теперь вовсе не в Иудее, а в Трансильвании?

Трактир «Король Матиаш» — так значилось на вывеске — расположился на краю террасы, в которую упиралась главная улица Верста, прямо напротив дома судьи. Постройка под сплошной завесой зелени была старая, наполовину деревянная, наполовину каменная, пережившая не один ремонт и все же не лишенная привлекательности. Стеклопакетные двери этого одноэтажного дома выходили на террасу. Большую его часть занимал вместительный зал со столами и скамейками, с дубовым траченным шашелем буфетом и стойкой из потемневшего дерева, за которой стоял всегда готовый к услугам посетителя Ионас.

Свет с улицы проникал через два окна, два других были прорезаны в противоположной стене, под навесом: одно, заплетенное вьющимися растениями, почти не давало света, а из второго открывался великолепный вид на долину, лежащую меж отрогов хребта Вулкан. В ущелье сверкала горная река Ньяд, мчавшаяся по каменистым скалам с плато Оргалл, на котором возвышался старый замок. Образуя водопад, полноводный и шумный даже в жару, горный поток устремлялся к валашскому руслу Силя и нес свои воды дальше.

Справа к большому залу примыкало несколько маленьких комнат, куда хозяин отводил не частых постояльцев, отдыхавших здесь перед переходом через границу. Эти люди знали, что за умеренную плату всегда найдут пристанище в трактире «Король Матиаш», где хозяин приветлив и услужлив и где всегда есть доброе вино и отличный табак, купленный у лучших местных торговцев. Что же касается самого Ионаса, он спал в тесной мансарде со смешным маленьким оконцем, прорубленным в душистой соломенной крыше.

Вечером 29 мая, дня, с которого начинается наше повествование, в трактире собрались лучшие умы Верста: судья Кольц, магистр Эрмод, лесничий Ник Дек и еще дюжина почтенных людей. Был здесь, разумеется, и пастух Фрик, личность не менее примечательная, чем все упомянутые. Не было лишь доктора Патака: его вызвали к больному, который без врача никак не мог отправиться в мир иной. Доктор обещал прийти, как только освободится.

В ожидании экс-санитара собравшиеся обсуждали главное событие дня, не забывая при этом выпивать и закусывать. Ионас подал им что-то вроде кукурузного пирога, называемого здесь мамалыгой, — вполне сносное блюдо, особенно если приготовлено на свежем молоке. К мамалыге полагалась наливка местного производства, которую пьют маленькими стаканчиками, но в невероятных количествах... Высокое собрание

отдавало дань уважения и шнапсу по полсу за стакан, и, с особенным удовольствием, ракии, крепкой водке-сливянке, родившейся в Карпатах и прославившей их.

Тут следует заметить, что трактирщик Йонас — так уж было здесь заведено — обслуживал только посетителей, сидящих за столами, справедливо полагая, что гость сидящий съест и выпьет гораздо больше стоящего. В этот вечер дела у Йонаса шли неплохо: все места были заняты, их даже не хватало. Хозяин переходил от стола к столу с большим кувшином и все подливал и подливал в стаканчики, которые молниеносно опустошались.

Пробило половину девятого. Присутствующие продолжали обсуждать новость и все никак не могли решить, что же делать. Все сходились в одном: кто бы ни поселился в Карпатском замке, для деревни это то же самое, что пороховая бочка в городских воротах.

— Положение очень серьезно! — изрек судья Кольц.

— Очень серьезно! — согласился магистр, как всегда пуская дым из трубки.

— Очень серьезно! — хором подхватили остальные.

— Одно могу сказать: скверная репутация замка принесла дурную славу и нашим местам.

— Иностранцы и так приезжают редко... — сокрушенно сказал судья Кольц.

— А теперь они и вовсе перестанут сюда заглядывать, — вздохнул Йонас.

— Многие местные уже собрались уезжать, — заметил один из посетителей.

— Я первый, — вступил в разговор пожилой крестьянин, — вот только продам виноградники и сразу же тронусь в путь.

— Да разве теперь найдешь покупателей? — усомнился трактирщик.

Вот такие разговоры вели достойные жители деревни. Карпатский замок внушал им страх, и каждый думал о том, что новые обстоятельства могут нанести ущерб его интересам. Не станет посетителей — упадут доходы Йонаса. Не приедут иностранцы — судья Кольц лишится сборов. Не станет желающих приобрести земли в отрогах хребта Вулкан — и деловая жизнь совсем замрет.

У многих в Версте кошельки были пусты даже тогда, когда духи замка вели себя относительно спокойно. Что же будет теперь, когда присутствие нечистой силы обрело столь реальную форму?

— Может быть, стоит... — неуверенно начал пастух Фрик.

— Что? — вскинулся судья Кольц.

— Может, пойти поглядеть, хозяин?..

Все переглянулись и опустили глаза. Вопрос повис в воздухе.

Наконец Йонас повернулся к Кольцу.

— Ваш пастух,— твердо сказал он,— указал единственно верный путь.

— Идти в замок?..

— Конечно,— кивнул трактирщик.— Если из трубы идет дым, значит, в замке разожгли огонь, а раз его разожгли, кто-то ведь должен был сделать это... чья-то рука...

— Какая там рука! Это лапа, и к тому же когтистая! — пробормотал один из крестьян, покачивая головой.

— Не все ли равно! — возразил трактирщик.— Нужно выяснить. Ведь дым появился над замком впервые с той поры, как его покинул барон Рудольф фон Гортц...

— А может быть, дым и раньше шел, просто никто его не замечал,— предположил судья Кольц.

— Никогда не соглашусь с этим,— возразил магистр Эрмод.

— А что? Вполне нормальное предположение. У нас ведь не было подозрительной трубы,— проговорил судья.

Дельное замечание. Даже пастух Фрик с его острым зрением мог не заметить прежде дыма. Как бы там ни было, бесспорно одно: в Карпатском замке появились человеческие существа. Весьма беспокойное соседство для жителей соседних деревень Верст и Вулкан.

Однако магистр решил развить свою мысль:

— Вы считаете, что там поселились люди?.. Позвольте с вами не согласиться. Кому могло прийти в голову укрыться в замке? Для чего?

— Тогда кто же там? — подумал вслух судья.

— Во всяком случае, существа сверхъестественные,— уверенно заявил магистр Эрмод.— Это могут быть духи, феи, карлики, а может быть, и коварные ламии, которые принимают облик прекрасных женщин...

Пока он говорил, присутствующие беспокойно оглядывались на двери, окна, очаг в просторном зале трактира и каждый ждал, не появится ли сейчас какой-нибудь из тех фантомов, которых упомянул школьный учитель.

— И все же, друзья,— нарушил молчание Йонас,— если это духи, зачем им разводить огонь? Ведь они же ничего не варят...

— А колдовское зелье? — возразил пастух.— Как еще его варить?

Тут не о чем было спорить: какие-то неземные создания, а вовсе не люди, облюбовали Карпатский замок.

Ник Дек до этой минуты не принимал участия в разговоре и лишь внимательно слушал. Старая крепость с ее таинственными стенами, древней историей и архитектурой давно возбуждала у него почтительный интерес. Этот смелый молодой

человек, веривший во все чудеса, в которые верили обитатели Верста, не раз собирался до нее добраться.

Однако Мириота всеми силами противилась этому. Ник не был свободен и не имел права подвергать себя опасности. И все же его красавица-невеста опасалась, что лесничий в конце концов осуществит свой замысел. Успокаивало ее лишь то, что Ник не выказывал твердого намерения отправиться в замок, в противном случае никто не смог бы его удержать. Мириота хорошо знала Ника; человек он был упорный и решительный, от своего слова никогда не отказывался. Сказано — сделано. Если бы девушка знала, о чем сейчас думает ее жених, она пришла бы в ужас.

Но Ник хранил молчание; никто ведь не поддержал предложение пастуха. Отправиться в замок теперь, когда там кто-то поселился? Кому охота рисковать жизнью... Каждый находил свой резон, чтобы отказаться... Судья уже немолод подниматься по крутым тропам... Учителю нужно учить детей. Ионас не может оставить свое заведение, Фрик приставлен смотреть за стадом судьи, а прочим крестьянам надо пасти свой скот и обрабатывать поля.

Никто не собирался жертвовать собой, повторяя про себя: «Тот, кто отправится в замок, может не вернуться!»

Дверь трактира вдруг распахнулась, и все испуганно замерли. Но это оказался всего-навсего доктор Патак, которого трудно было принять за ламию, способную очаровать любого, как уверял магистр Эрмод.

Больной, как и предсказывал доктор Патак, умер, что делало честь медицинским познаниям лекаря. Доктор Патак немедленно отправился в трактир.

— Наконец-то! — воскликнул судья Кольц.

Доктор Патак наскоро пожал руку всем сидящим в зале, будто торопился раздать лекарства, и с усмешкой сказал:

— А вы, друзья, все толкуете об этом «чертовом» замке. Ну что вам за дело до него? Дымится и пусть себе дымится!.. Разве наш ученый друг Эрмод не курит трубку целыми днями? Посмотрите на себя — вы все прямо побелели от страха! Во время своих визитов к больным я только и слышал что разговоры о крепости. Говорят, привидения развели там огонь? А может, они простыли? Замерзли, видать, в каменной-то башне... Только бы не вздумали печь хлеб для выходцев с того света!

Доктор разразился целой серией шуточек на эту тему, и, хотя его слушатели даже не улыбнулись, красноречию лекаря не было конца.

Наконец судья спросил:

— Надо ли понимать это так, доктор, что вы не придаете никакого значения происшествию в замке?

— Ни малейшего.

— Помнится, вы говорили, что готовы подняться в замок, если кто-нибудь усомнится в вашей решимости?

— Я? — Старый медик был явно не в восторге, что ему напомнили о его давней похвальбе. — Ну, говорил и готов повторить еще раз.

— Да нет, повторять не надо, нужно действовать.

— Действовать?

— Мы не то чтобы сомневаемся, мы вас просим, доктор.

— Ну, знаете ли, такая просьба...

— Если вы колеблетесь, — вмешался трактирщик, — не станем вас упрашивать, мы просто не верим, что вы готовы riskнуть!

— Не верите?

— Нет!

— Ну, Йонас, вы хватили через край! Мы все знаем, что доктор Патак человек слова: если уж он что обещал, то выполняет.

— Да вы что?.. И вправду хотите, чтобы я поднялся в Карпатский замок?

Багровое лицо доктора побелело.

— Теперь вам не отвертеться, — настаивал судья.

— Прошу вас, друзья, одумайтесь!

— Мы уж все обдумали, — возразил Йонас.

— Какой мне смысл карабкаться туда, и что я там найду? Каких-нибудь сорвиголов, которые укрылись в развалинах и никому не мешают...

— Коли это обыкновенные парни, вам нечего бояться. Может быть, вы даже сумеете им чем-то помочь, — сказал магистр Эрмод.

— Разумеется, если они нуждаются в моей помощи. Но я никуда не хожу без приглашения и бесплатных визитов не делаю...

— Вам заплатят за труды, — пообещал судья Кольц, — и немедленно.

— Мы все... сколько надо... — наперебой заговорили присутствующие.

Несмотря на свои фанфаронские заявления, доктор был не меньшим трусом, чем остальные жители деревни. Но репутация человека здравомыслящего и мудрого, не верящего в предрассудки, которую он сам себе создал, вынуждала его теперь выполнить просьбу односельчан. Однако «идти на приступ» замка, даже за деньги, доктору не хотелось. Он начал доказывать бессмысленность «визита к призракам», но публика не приняла никаких доводов.

— Доктор, вы ведь ничем не рискуете, — настаивал магистр Эрмод, — вы же не верите в привидения...

— Не верю...

— Значит, в замке поселились не духи, а обыкновенные люди, и вы с ними просто познакомитесь.

Рассуждения магистра были не лишены логики.

— Ну, хорошо, Эрмод, а если они задержат меня в замке...

— Надеюсь, вам окажут хороший прием,— сказал Йонас.

— Но если я уйду надолго, а здесь кто-нибудь заболит...

— Мы все совершенно здоровы,— успокоил его судья,— в деревне не осталось ни одного больного, после того как ваш последний пациент отошел в лучший мир.

— Говорите прямо: идете или нет? — напирал на доктора трактирщик.

— Нет! И дело совсем не в том, что я испугался, вы же знаете, что я не суеверен. Просто все это абсурдно и смешно... Подумаешь, дым из трубы. Дым — это всего лишь дым... Нет, я туда не пойду...

— Тогда пойду я! — воскликнул Ник Дек.

— Ты? — удивился Кольц.

— Да, только пусть доктор Патак пойдет со мной.

— Ты думаешь, что говоришь? — возмутился доктор. — К замку ведь нет дороги!.. Приятная же будет прогулка!

— Я сказал, что иду в замок, значит, иду!

— Но я-то этого не говорил! — завопил доктор, размахивая руками, точно кто-то ухватил его за ворот.

— Нет, вы говорили! Вы обещали... — настаивал Йонас.

— Мы все слышали,— подтвердили остальные.

Бывший санитар не знал, как быть. Дернул же его черт хвастаться! Теперь вот поймали на слове и, если он откажется, над ним будет смеяться вся деревня, на улице станут указывать на него пальцем. Доктор решил бросить вызов судьбе.

— Ну, раз вы настаиваете, я пойду с Ником, хоть это и бессмысленно.

— Молодец, молодец, доктор Патак! — закричали все.

— Когда же мы отправимся? — с нарочитой небрежностью спросил доктор, желая скрыть свой страх и неуверенность.

— Завтра утром,— ответил Ник Дек.

В зале воцарилась мертвая тишина. Волнение передалось всем. Вино было выпито, но посетители продолжали сидеть, несмотря на поздний час. Йонас уже подумывал снова наполнить кувшины шнапсом и ракией.

И вдруг в тишине прозвучал отчетливый голос:

— Николас Дек, не ходи завтра в замок!.. Не ходи, не то случится несчастье!

Кто это сказал? Откуда шел этот никому не ведомый голос? Так говорить мог только дух...

Ужас сковал присутствующих. Они не смели посмотреть друг на друга, боялись проронить хоть слово...

Наконец самый храбрый — разумеется, это был лесни-

чий — решил узнать, в чем дело. Он был уверен, что слова прозвучали здесь, в зале, и открыл сундук... Никого... Ник обошел все комнаты, выходящие в зал... Никого... Выйдя из трактира, лесничий приблизился к краю террасы... Никого...

Вслед за этим судья Кольц, магистр Эрмод, доктор Патак, Ник Дек, пастух Фрик и все остальные покинули трактир, а Йонас крепко запер за ними дверь.

На ночь, точно ожидая нападения злых сил, обитатели Верста забаррикадировались в домах...

ГЛАВА V

К девяти часам утра Ник Дек и доктор Патак собрались в путь. Лесничий предложил подняться на гребень Вулкана и добраться до замка по самой короткой тропе.

После того как задымила труба на крепостной башне, после того как прозвучал в трактире «Король Матиаш» таинственный голос, стоит ли удивляться, что население деревни прямо обезумело. Цыгане собирали свои шатры. В домах только о замке и говорили, вернее, тихонько перешептывались. Не иначе как в этом деле замешан черт — кто же еще мог угрожать молодому лесничему? Таинственный голос слышали собственными ушами пятнадцать уважаемых людей — можно ли им не верить? Не могла же всех разом поразить слуховая галлюцинация. Нет, сомнения тут неуместны: это было предупреждение Нику Деку. Если он не откажется от своего плана, не миновать беды.

А Ник и не думал отказываться, хотя никто теперь уже и не настаивал на «прогулке» к крепости. Конечно, судья Кольц был заинтересован в раскрытии тайны замка, да и жителям деревни не терпелось узнать, что все-таки там происходит. И все же многие пытались отговорить Дека. Слыхано ли дело: чуть ли не накануне свадьбы молодой человек отправляется в рискованное путешествие, и сама невеста, стоя на коленях, не может его удержать...

Ни уговоры друзей, ни слезы Мириоты не поколебали решимости Дека. Впрочем, это никого и не удивило: всем был известен его твердый характер, его упорство в достижении цели, а вернее сказать — упрямство.

Ник объявил, что идет в Карпатский замок, несмотря на угрозы, прозвучавшие в трактире.

И вот в назначенный час лесничий в последний раз пришел к сердцу Мириоту, а она согласно православному румынскому обычаю перекрестила его тремя сложенными пальцами — в честь Святой Троицы.

А что же доктор Патак? Все, что можно было сказать о «бессмысленности этой затеи», он уже сказал, все отговорки,

какие можно было придумать, придумал... Наконец в ход был пущен последний козырь: таинственный голос запретил идти в замок, мол, зачем же нарушать запрет?

— Запрет относился только ко мне,— спокойно возразил Ник Дек.

— Но если с тобой что-то случится, как я выберусь отсюда один?

— Все равно, вы обещали пойти со мной и пойдете.

Понимая, что Ника уже не остановить, деревенские отступились. Пусть парень по крайней мере будет не один на этом опасном пути. В конце концов доктор понял, что ему придется — хочешь не хочешь — сдержать слово, иначе стыда не оберешься. «Впредь будешь знать как бахвалиться!» — мысленно сказал он себе и решил при встрече на пути хотя бы малейшего препятствия уговорить лесничего повернуть назад.

Итак, лесничий с лекарем отправились в путь, а судья, магистр, Фрик и Йонас проводили их по главной дороге до развилки.

Отсюда Кольц еще раз посмотрел в подозрную трубу, с которой теперь не расставался, и дыма над замком не заметил. Небо в это прекрасное весеннее утро было ясное, видимость отличная. Может, таинственные гости покинули замок, убедившись, что лесничий не испугался их угроз? Но если даже это и так, все равно следует довести задуманное до конца.

Провожавшие пожали двум своим друзьям руки, Ник подтолкнул доктора вперед, и оба скрылись за поворотом.

Лесничий был одет и снаряжен по-дорожному: форменная фуражка с широким козырьком, перепоясанная куртка, охотничий нож в ножнах, широкие штаны, высокие сапоги, через плечо патронташ и за спиной длинноствольное ружье. Ник слыл отличным стрелком. На пути, кроме привидений, могли встретиться и обыкновенные грабители и контрабандисты, а то и медведь в дурном расположении духа.

Патак вооружился старинным кремневым пистолетом, который «мазал» три раза из пяти, и выпрошенным у Дека топориком,— ведь придется продираться сквозь густой ельник, покрывавший отроги Плезы. В широкополой шляпе, в плотном дорожном плаще, застегнутом на все пуговицы, в сапогах с железными подковками лекарь чувствовал себя подготовленным к любым неожиданностям. В заплечные мешки путники положили побольше припасов — на случай, если путешествие затянется.

Свернув с главной дороги, они зашагали вдоль реки Ньяд, все время поднимаясь вверх по правому берегу, потом повернули на запад, петляя по горной тропинке, извилистой, точно серпантин. Было бы проще продолжать двигаться по берегу реки (так удалось бы сократить расстояние на целую треть), раньше этим путем все и ходили, но потом русло реки пересека-

ли трещины и овраги, проход стал невозможен. Деку и Патаку пришлось свернуть здесь влево, в сторону от замка, пока не остались позади поросшие лесом нижние отроги Плезы.

Наконец они подошли к горному склону, по которому только и можно было добраться до замка. Когда там жил Рудольф фон Гортц, связь между деревней Верст, хребтом Вулкан и долиной валашского Сия осуществлялась по узкой просеке. Но за последние двадцать лет она заросла кустарником, так что от тропинки не осталось и следа.

Путники выбрались из глубокого ложа полноводной и шумной реки Ньяд, и Ник остановился, чтобы уточнить направление. Замок отсюда не просматривался. Снова увидеть его можно было, лишь преодолев полосу лесов, террасами расположенных на горных отрогах, столь характерных для Карпатских гор. На своем пути Ник с доктором не встречали никаких знаков, никаких зарубок, и место, где они находятся, определили лишь по солнцу, которое уже осветило далекие цепи гор на востоке.

— Вот видишь, лесничий, видишь, тут нет даже тропы! — волновался доктор. — Никакого следа...

— Будет вам тропа, — невозмутимо отвечал Ник Дек.

— Легко сказать...

— И легко сделать, Патак.

— Так ты не передумал?

Лесничий молча углубился в чашу.

Доктору хотелось с гордым видом повернуть назад, но, перехватив непреклонный взгляд Ника, он на это не осмелился.

Оставалась последняя надежда: вдруг Дек заблудится в лесной чаще, ведь раньше он здесь никогда не бывал! Однако у того было отличное, прямо звериное чутье. По малейшим приметам: по расположению ветвей на деревьях, по их направлению, по едва заметным неровностям почвы, по цвету коры и видам мхов Ник легко ориентировался и не мог заплутать даже в незнакомых местах. Это был достойный соперник Кожаного Чулка или Чингачгука из романов Купера.

Переход через лес оказался нелегким. Вязы, буки, могучие дубы и клены, называемые здесь «фальшивыми платанами», росли на горных отрогах, а выше, на самом гребне хребта, появились купы берез, сосен и елей. Эти великолепные деревья с мощными стволами, с крепкими ветвями, по которым струились свежие соки, с густыми, шумящими под ветром кронами, сливались в огромное зеленое море, в глубину которого не проникали солнечные лучи.

Путники поднимались, цепляясь за нижние ветви, спотыкаясь о корни, продираясь сквозь жалеющую крапиву и царапавшие кожу колючки. Ник не обращал на это внимания: во время своих бесконечных скитаний по лесам он привык и к волдырям и к царапинам. И все же продвижение шло слиш-

ком медленно, а ведь добраться до замка следовало примерно к полудню, чтобы осмотреть все при дневном свете и засветло вернуться в Верст.

Лесничий прорубал топориком проходы в густом кустарнике и зарослях колючих растений; земля под ногами была завалена камнями и сушняком; ноги тонули во влажных палых листьях, устилавших землю. Время от времени с треском лопался какой-нибудь стручок, от чего доктор вздрагивал и испуганно озибался по сторонам; а если лоза дикого винограда хватала его за одежду, ему казалось, это чьи-то когтистые лапы. Бедняга никак не мог успокоиться. Но теперь он не отважился бы пойти назад один и потому старался не отставать.

Изредка путникам попадались солнечные полянки. Однажды Дек и Патак спугнули пару черных аистов, и те вприпрыжку убежали от них, хлопая крыльями. Преодолевать поляны, заваленные сломанными бурей или упавшими от старости деревьями (казалось, смерть-дровосек поработала тут своим топором) было очень трудно.

Лежащие на земле стволы, гнилые и замшелые, источенные жуками, уже ни на что не годились, даже на дрова. Похоже, их единственным предназначением было делать лес непроходимым, и если молодой лесничий, ловкий и сильный, еще как-то справлялся, то доктор Патак, который уже обзавелся брюшком, задыхаясь и семеня ножками, все время куда-то проваливался, и тогда Дек приходил ему на помощь.

— Вот увидишь, Ник, я непременно вывихну себе руку или ногу, — твердил доктор.

— Вправим!

— Но ведь нельзя же самих себя калечить!

Однако Ник Дек не останавливался, и доктору ничего другого не оставалось, как догонять его.

Туда ли они идут? Удастся ли им выйти к замку? Неизвестно. Дорога, если ее можно было так назвать, вела вверх, и около трех часов пополудни они вышли на лесную опушку.

До самого плато Оргалл тянулся лес, но деревья росли здесь не так густо — отсюда можно было беспрепятственно подняться по склону.

Среди скал вновь заблестела река Ньяд — то ли она повернула на северо-запад, то ли обостренное чутье вывело лесничего на верную дорогу.

Ник не мог отказать доктору в передышке, тем более что желудок, так же, как и ноги, требовал своего. Развязав битком набитые рюкзаки, путники отхлебнули по глотку ракии и запили ее чистой водой из бегущего по камням ручейка — надо было восстановить силы.

На ходу доктор не имел возможности поговорить с Ником — тот все время обрывал его. Теперь, когда они расположились на берегу, ему захотелось вознаградить себя за вы-

нужденное молчание. Насколько один был молчалив, настолько другой любил поболтать, поэтому вопросы были пространственными, а ответы — лаконичными.

— Нам надо поговорить, Ник, и очень серьезно.

— Слушаю.

— Я полагаю, мы остановились тут, чтобы передохнуть?

— Точно.

— А теперь самое время возвращаться в Верст.

— Нет, пойдем в замок.

— Но ведь мы уже шесть часов в пути, а прошли только половину.

— Значит, нам нельзя терять времени.

— Когда мы доберемся до замка, наступит ночь. Я надеюсь, в темноте ты не станешь рисковать, и нам придется ждать рассвета...

— Подождем.

— Значит, ты не желаешь отказываться от этого безумного плана?

— Нет.

— Но ведь мы так устали! Нам бы только добраться до стола в трактире и нормальной кровати, а ты, кажется, решил ночевать под открытым небом?

— Да, если что-нибудь помешает нам проникнуть за ограду замка.

— А если ничто не помешает?

— Мы поднимемся в крепостную башню и будем спать там.

— В башню! Ты думаешь, я соглашусь провести ночь в этом треклятом замке?

— Не останетесь же вы снаружи один!

— Я сейчас же возвращаюсь в деревню!

— Нет, доктор Патак, вы пойдете со мной.

— Днем — да, но не ночью!

— Что же, идите, но смотрите не заблудитесь в лесу.

Доктор и сам боялся заблудиться. Он ведь не знает дороги, не знает, куда идти... Нет, один он в Верст не пойдет. Да и ночь уже на носу, надвигаются сумерки. Начнешь спускаться по этим террасам и, чего доброго, сорвешься в пропасть! Нет, это не для него! Лучше уж идти с лесничим к замку. И все-таки доктор не унимался:

— Ты прекрасно знаешь, дорогой Ник, что я никогда не соглашусь расстаться с тобой... Раз ты решил идти в замок, я тебя не покину...

— Хорошо сказано, доктор Патак! Надеюсь, на этот раз вы сдержите слово.

— Погоди, Ник, дай сказать! Если мы придем к замку ночью, то не будем пытаться в него проникнуть, так?

— Обещаю вам, доктор Патак, что сделаю все возможное,

чтобы пробраться туда, и не отступлю ни на шаг, пока не узнаю, что там творится.

— Да что там творится, лесничий! — доктор Патак пожал плечами. — Ну что там такое может происходить?

— Не знаю, но хочу узнать. И своего добьюсь!

— Судя по тому, как трудно было пробираться по лесам Плезы, день кончится раньше, чем мы подойдем к крепости, будь она неладна!

— Вряд ли хвойные леса на гребне такие густые, как тот лиственный лес, что мы прошли.

— Но подниматься в горы все равно трудно!

— Ну так что же?

— В горах бродят медведи...

— У меня есть ружье, а у вас — пистолет.

— А вдруг мы заблудимся в темноте?

— Теперь у нас есть надежный проводник, он нас доведет.

— Какой еще проводник?

Доктор вскочил, озираясь по сторонам.

— Наш проводник — Ньяд. Нужно подняться по его правому берегу до истоков. Если отправимся немедленно, часа через два будем у ворот замка.

— Но ведь туда подниматься не меньше шести часов!

— Вы готовы? Идемте!

— Но мы еще не отдохнули! Прошло всего несколько минут...

— Прошло добрых полчаса! В последний раз спрашиваю: вы готовы?

— Легко сказать! Ноги точно свинцом налились, я ведь не лесничий... Это жестоко — гнать меня все время вперед и вперед!

— Вы мне надоели, Патак! Можете возвращаться, если хотите.

Ник встал.

— Лесничий, послушай!

— Что толку вас слушать!

— Уже поздно, давай останемся здесь, переночуем под деревьями, а завтра на заре поднимемся к замку!..

— Повторяю, доктор: я хочу провести эту ночь в башне.

— Нет и нет! Я этого не допущу!

— Вы?

— Вцеплюсь в тебя и не пущу. Изобью, наконец, коли на то пошло...

Бедный Патак уже не соображал, что говорит. Молча взяв ружье и мешок, Ник направился к реке.

— Постой! — жалобно закричал доктор. — погоди! Какой дьявол в тебя вселился! Я же на ногах не держусь...

Он побежал догонять Дека, который шел впереди не оглядываясь.

Было четыре часа пополудни. Солнечные лучи, скользнув вдоль гребня Плезы, осветили верхушки елей. В лесу темнеет быстро, нужно спешить.

Удивительно и необычно выглядели эти леса на горных склонах. Тут почти не встречались накренившиеся или кривые стволы — высокие деревья стояли прямо будто свечи. Ровные, без единого нароста ветви протянулись над землей на высоте пятидесяти или шестидесяти футов. Не было ни подлеска, ни травы, только, подобно змеям, расплзались по земле корни, а на желтоватом мху хрустели под ногами ветки и шишки.

Но вот путники вошли в молодой ельник. Около четверти мили продирались они сквозь колючую чашу. Вот где Нику пригодились крепкое телосложение и сильные, тренированные ноги, чего так не доставало доктору Патаку. Если бы лесничий был один, он прошел бы этот путь за час, но с таким спутником пришлось потратить целых три часа. Доктор с помощью Дека карабкался по скалам и замирал от страха при одной мысли, что может отстать и заблудиться в этих пустынных и жутких местах.

Подъемы становились все круче, а лес поредел. Теперь встречались лишь отдельные группы деревьев, которые стали тоньше и ниже. В просветы виднелась горная цепь на горизонте. На вершины уже лег вечерний туман.

Река Ньяд, которую лесничий не терял из виду, превратилась в узкий ручеек. В нескольких сотнях шагов над ними виселось плато Оргалл с замком, построенным на голой скале.

Наконец они у цели. Бедный доктор, не в силах сделать оставшиеся два десятка шагов, повалился наземь, словно бычья туша под ударом мясника.

Нику Деку это восхождение не стоило особых усилий. Он стоял, пожирая глазами замок, к которому еще ни разу не приближался на столь близкое расстояние.

Перед ними тянулась зубчатая стена, окруженная глубоким рвом, единственный мост был поднят против входа, защищенного валом из камней. Кругом — тишина и безлюдье.

Свет заходящего дня позволил охватить взглядом весь фасад, а боковые строения уже тонули в сгущающихся сумерках. Ни одной живой души не промелькнуло ни над парашетом куртины, ни на верхней площадке башни, ни на галерее второго этажа. Никакого дыма не выходило из изъеденной ржавчиной старой трубы.

— Ну что, лесничий? Теперь ты понимаешь, что нельзя перескочить ров, опустить мост и открыть дверь? — спросил доктор.

Ник и сам видел, что в замок им сегодня не войти: невозможно в темноте спуститься в ров, а затем подняться по отко-

су. А главное, как попасть внутрь? Придется сделать привал и дожидаться рассвета.

Так и было решено — к большой радости доктора и не меньшей досаде лесничего.

ГЛАВА VI

Тонкий месяц, похожий на серебряный серп, исчез сразу же после захода солнца. Тучи, приползшие с запада, мало-помалу погасили последние отсветы дня. Тени, поднимавшиеся из лощины, покрыли все вокруг. На горные цепи навалилась тьма, и очертания замка исчезли во мраке.

Ночь обещала быть очень темной, однако ничто не предвещало грозу, бурю, ливень или метеоритный дождь — к счастью, для Ника Дека и его спутника, которым предстояло ночевать под открытым небом.

На бесплодном плато не росло ни травы, ни деревьев, только редкие чахлые кустики на голой земле, которые не могли защитить путников от ночной прохлады.

Единственным растением, прижившимся на этой каменистой земле, был густой чертополох, который здесь прозвали «русским терновником»; как утверждает Элизе Реклю, семена его в качестве «подарка веселых завоевателей Трансильвании» — русских солдат — занесли сюда московские лошади.

Следовало искать укрытие, чтобы дожидаться зари и не замерзнуть, ибо на такой высоте ночи очень холодные.

— Что уж тут выбирать, — ворчал доктор Патак, — и так и эдак плохо...

— Ну что вы все ноете? — не выдержал Ник.

— Да, ною! Отличное местечко, чтобы схватить простуду или ревматизм, а от него попробуй вылечись!

Бывшему карантинному санитару так хотелось оказаться в своем уютном домике в Версте, в теплой спальне с мягкой постелью!

Среди множества скал, разбросанных по плато, нужно было найти такую, которая бы надежно защищала бы от холодного юго-западного ветра. В конце концов Ник отыскал укрытие, и они с доктором спрятались за гладким, точно отполированным камнем.

Это был обломок плиты, — такие часто встречаются на перекрестках валашских дорог. Чтобы путник мог отдохнуть, посидеть и утолить жажду из выбитой над плитой чаши, окрестные жители каждый день наполняют ее водой. Когда в замке жил барон Рудольф фон Гортц, каменную чашу наполняли слуги из замка. Однако теперь она заросла зеленоватым мхом, растрескалась и, казалось, может рассыпаться в прах от малейшего прикосновения.

Рядом возвышался гранитный столб — все, что осталось от старинного креста, перекладина которого давно обвалилась. Как человек здравомыслящий, доктор Патак вовсе не надеялся, что этот крест защитит его от нечистой силы — как и большинство неверующих, в нечистую силу он верил. Доктор считал, что во всей этой истории дело не обошлось без черта, и вовсе не запертые ворота, поднятый мост, высокая стена и глубокий ров помешали им проникнуть в замок, а именно он. Только бы черту не вздумалось свернуть пришельцам шею!

При мысли о том, что придется провести ночь в таком гиблом месте, доктор задрожал от страха. Нет, требовать подобной отваги от обыкновенного человека — это уж чересчур! Даже более крепкий и смелый не выдержал бы.

И тут он вспомнил одну вещь, жаль только, что слишком поздно. Чтобы подумать об этом, уходя из Верста! Ведь сегодня вторник, когда нечистой силе раздолье. И кто высунет нос на улицу, тот может повстречаться со злым духом. А он, доктор Патак, оказался не только вдали от дома, но еще и по соседству с проклятым замком. Здесь ему суждено дожидаться рассвета... если этот рассвет вообще когда-нибудь наступит. И зачем они сюда забрались? Искушать дьявола?

Погруженный в свои мрачные мысли, доктор увидел, как лесничий преспокойно достал из рюкзака кусок мяса и отхлебнул из фляжки. Самое лучшее сейчас — последовать его примеру, подумал доктор, и тоже приступил к трапезе, решив подкрепиться гусиной ножкой, ломтем хлеба и ракией. Но, даже утолив голод, доктор не освободился от страха.

— Пора спать. — Ник Дек завязал рюкзак и положил его к подножию утеса.

— Спать?!

— Да. Доброй ночи, доктор.

— Тебе легко говорить, а я так думаю, что эта ночь добром не кончится.

У Ника Дека не было ни малейшего желания продолжать разговор с лекарем. Не отвечая, он устроился поудобнее на каменном ложе, с видом человека, которому не впервой ночевать в лесу, и тут же заснул. Патаку, когда до него донеслось мерное дыхание лесничего, ничего другого не оставалось, как выругаться сквозь зубы.

Сам он не мог заснуть ни на минуту и все вглядывался в темноту, прислушиваясь к ночным шорохам. Станные видения рождались в его утомленной голове. Что ожидал он увидеть в ночном мраке? Казалось, смутные тени, бегущие по небу облака, темная громада замка, далекие утесы над плато движутся в каком-то адском танце. А вдруг они сейчас покажутся вниз, ломая кустарник, и обрушатся на двух безумцев, заночевавших, вопреки предупреждению черта, у стен замка?

Измученному бессонницей доктору слышался неясный

шум, несущийся с высоких горных уступов, какой-то тревожный шепот, похожий на стоны, свист и вздохи. Слыша удары крыльев ночных птиц об утесы, он подумал о нетопырях. Две или три пары неясителей пролетели с тихим жалобным криком. Сжавшись в комок, доктор дрожал и обливался холодным потом.

Так протекли томительные часы до полуночи. Если бы Патак мог поговорить с кем-нибудь, обменяться двумя-тремя словами, ему стало бы легче. А Ник Дек как ни в чем не бывало спал крепким сном.

Полночь — страшный, самый жуткий час, время призраков и преступлений...

Доктор проснулся, ничего не понимая, все еще во власти кошмара.

Ему показалось, что он видит странные фигуры, освещенные призрачным светом. Они метались по всему горизонту, соскальзывали с облаков... Это были чудовища, драконы со змеиными хвостами, гигантские грифы с длинными крыльями, огромные вампиры, готовые вонзить в вас когти и зубы. Доктор видел все это наяву.

Ему показалось, что на плато Оргалл все пришло в движение — и скалы, и деревья. И тут он отчетливо услышал колокольный звон; мерные удары раздавались один за другим с короткими интервалами.

— Колокол в замке... — пробормотал доктор.

Без сомнения, колокол звонит в старой часовне, а вовсе не в церкви Вулкана, — тогда ветер отнес бы звуки в другую сторону.

Удары стали чаще... Нет, это не погребальный звон, это набат, его слышно, наверное, даже на трансильванской границе.

Доктора охватила безумный страх и отчаянная тоска. По телу побежали мурашки.

Колокольный звон разбудил и лесничего. Пока тот поднимался, лекарь мало-помалу приходил в себя.

Ник Дек прислушался и повернулся к утопавшему в ночной темноте замку.

— Этот звон... звон... — бормотал Патак, окончательно потеряв голову. — Это звонит черт.

Лесничий не отвечал.

И тут раздался вой, напоминающий завывание штормовой сирены у входа в порт.казалось, эти звуки никогда не смолкнут. Затем вспыхнул широкий яркий луч. Он поднялся к центральной башне, ослепительными бликами ложась на все, что встречалось на пути. Что за источник был у этого мощного луча, прорезавшего тьму над плато? Откуда шел этот свет, затопивший скалы и призрачным сиянием заливший все вокруг.

— Ник! — вскричал доктор. — Взгляни на меня! Может быть, мы уже умерли?

В самом деле, лица у лесничего и доктора были мертвенно-бледные, словно у покойников, глаза погасшими, провалившимися, щеки зеленовато-серыми, а волосы цвета мха — в народе говорят, что такие растут на голове у висельников...

Ник Дек был изумлен не менее доктора, а тот просто оцепенел от ужаса, не в силах пошевелиться. По коже у него пошел мороз, глаза расширились от страха. Как сказал бы автор «Размышлений», он «излучал ужас»!

Не больше минуты длился этот кошмар, после чего странный свет стал медленно затухать, пока не погас; вой тоже затих, и плато Оргалл снова погрузилось во мрак и тишину.

Ни лесничий, ни доктор больше не пытались уснуть. Пораженный Ник замер у каменной плиты, простояв там остаток ночи.

О чем думал молодой человек, увидев и услышав такое? Было от чего потерять голову! Неужели придется отступить? А как же обещание проникнуть в башню и узнать, что там происходит. Но разве недостаточно того, что они вплотную приблизились к ограде замка и тем самым навлекли на себя гнев неведомых сил? Кто упрекнет его за возвращение в деревню, не доводя безумие до предела, не пытаясь вступить в единоборство с потусторонними силами?

Доктор бросился к Нику, схватил его за руку и потащил прочь, повторяя:

— Уйдем! Уйдем отсюда!..

— Нет! — упрямо повторял тот.

Патак едва не упал, нечеловеческим усилием пытаясь оттащить Дека от этого проклятого места...

Но вот ночь кончилась. Доктор и лесничий были в таком смятении, что с трудом сознавали, сколько минуло времени. Близился восход солнца. От того, что произошло ночью, не осталось и следа.

Розовая полоса появилась на востоке, над хребтом Паринг и над долиной обоих Силей. Легкие перистые облака поплыли по небу, расчертив его полосами, точно шкуру зебры.

Ник посмотрел на замок, который с каждой минутой вырисовывался все четче; выступили из густого тумана, спустившегося со склонов Вулкана, башни, затем часовня, галереи, куртина, окутанная влажной дымкой; потом на угловом бастионе стал виден бук с шелестящей под ветром листвой.

Ничего не изменилось в окружающем пейзаже. Колокол был неподвижен, как и старый жестяной флюгер. Никакого дыма. Окна в башне затворены.

Ник Дек повернулся к воротам. Подъемный мост напротив ворот закрывал вход между двумя каменными пилястрами, украшенными гербом баронов фон Гортцев.

Неужели лесничий решил довести свою безумную затею до конца? Ни таинственный голос в зале трактира «Король

Матиаш», ни странные звуки и свет этой ночи не смогли остановить Ника, решившего во что бы то ни стало преодолеть стену. Ему хватит одного часа, чтобы добраться до галерей, залезть в башню и, выполнив обещание, вернуться в Верст еще до полудня.

Что касается доктора Патака, то он безропотно следовал за лесничим, не имея сил ни противиться, ни чего-либо желать. Толстяк просто шел туда, куда его вели: если упадет по дороге, то уж не встанет. Волнения ночи притупили его чувства, и он не стал возражать, когда Дек указал на замок:

— Идем!

Уже наступило утро, и лекарь мог бы возвратиться в деревню, не боясь заблудиться в лесу, и если он не покидал своего спутника, то только потому, что не ведал, что творит. Когда лесничий потащил его к кустарнику, окружавшему крепостной вал, доктор уже не сопротивлялся.

В куртине не оказалось ни единой щели, ни единого пролома, через который можно было бы проникнуть в замок. Даже странно, что эти старые укрепления так хорошо сохранились. Как же подняться на стену, увенчанную зубцами? Она возвышается над ровом на сорок футов. Ник Дек оказался перед непреодолимым препятствием.

К счастью, а может, и к несчастью, над входом виднелось что-то вроде бойницы или амбразуры, из которой некогда торчало дуло пищали. Ухватившись за цепь подъемного моста, которая свисала до самой земли, такой молодец, как Ник, мог бы добраться до амбразуры, достаточно широкой, чтобы в нее пролезть, если, конечно, там нет железной решетки.

Лесничий сразу понял, что это единственный способ попасть в замок. Вскоре Ник, а следом за ним и ничего не понимающий доктор спустились по крутому склону в ров.

Они достигли покрытого камнями и заросшего бурьяном дна, по которому страшно было ступить ногой, — под влажным покровом могли прятаться ядовитые змеи.

Посередине рва, параллельно крепостной стене, тянулась полоса влажного ила: раньше тут была вода, но сейчас ров высох, и пройти по илу ничего не стоило.

Ник Дек, не растерявший ни сил, ни присутствия духа, действовал хладнокровно, а доктор покорно тащился за ним по пятам, точно осел, которого волокут на веревке.

Перебравшись через ров, лесничий поднялся на куртину шагов на двадцать и остановился как раз в том месте, где свешивался конец цепи — цепляясь за нее руками и ногами, без труда можно было достичь каменного выступа над амбразурой.

Конечно, лесничий не собирался заставлять доктора подниматься вместе с ним на такую высоту. Да толстяк и не сумел бы сделать это. Дек велел ему дожидаться во рву, а сам начал подниматься наверх, цепляясь за цепь, что было дет-

ской забавой для сильного, мускулистого горца. Только тут Патак осознал, что остался один. Увидев своего спутника высоко над землей, он завопил душераздирающим голосом:

— Стой, Ник! Остановись!

Но лесничий не слушал его.

— Вернись, не то я уйду! — стenal доктор.

— Иди! — отвечал Ник Дек, продолжая подъем.

Вне себя от страха лекарь попытался выбраться из рва, чтобы выбежать на плато Оргалл, а оттуда пуститься со всех ног в Верст...

Перед новым кошмаром бледнели все ужасы минувшей ночи: доктор почувствовал, что не в силах сделать ни шагу! Его ноги застыли, будто стиснутые челюстями капкана. Подошвы будто приросли к земле... Ловушка?.. Доктор решительно ничего не понимал — ему казалось, что его башмаки прибиты к земле гвоздями.

Бедняга так и остался стоять, пригвожденный... Не в силах кричать, он лишь в отчаянии тянул руки, будто хотел вырваться из объятий чудовища, скрывающегося под землей...

А Ник Дек тем временем добрался до амбразуры и уже протянул руку к скобе крюка, удерживавшего подъемный мост, когда мощный толчок отбросил его назад. Не в силах сдержать крик боли, он соскользнул вниз по цепи, за которую инстинктивно ухватился, и снова оказался на дне рва.

— А ведь мне было предсказано! — прошептал он, теряя сознание.

ГЛАВА VII

Как описать тревогу, которая охватила жителей деревни после ухода молодого лесничего и доктора Патака? С каждым часом, а часы эти казались бесконечными, их беспокойство росло.

Судья Кольцц, трактирщик Йонас, учитель Эрмод и еще несколько односельчан не покидали террасы. Они не сводили глаз с далекого замка, напряженно ожидая, не появится ли над его башней дым. Но дым не появлялся, и наведенная на замок труба подтверждала это. Два флорина, истраченные на ее покупку, были потрачены не зря: никогда еще бережливый судья не считал, что его деньги нашли столь удачное применение.

В половине первого, когда пастух Фрик возвратился с пастбища, все кинулись к нему с расспросами.

Фрик отвечал, что пас овец в долине валашского Силя и не заметил там ничего подозрительного.

После обеда все вернулись на свой наблюдательный пост, никто даже не подумал остаться дома или, скажем, отправиться к «Королю Матиашу», где накануне раздался потусторон-

ний голос. Что у стен есть уши, это давно известно, недаром же существует такая поговорка, но чтобы стены еще и заговорили!..

Почтенный трактирщик вполне резонно опасался, что отныне посетители станут обходить его заведение стороной, и это не на шутку его тревожило. Что тогда делать — закрыть трактир и самому поглощать припасы? Дабы успокоить односельчан, он самолично провел расследование: обшарил весь дом с чердака до подвала, просмотрел все сундуки и шкафы, — не прячется ли там кто-нибудь, кто устроил эту мистификацию... Ничего! Никаких следов не обнаружил он и перед домом, нависшим над рекою Ньяд. К окнам невозможно подобраться из-за высокой остроконечной ограды, которая спускается к самой воде. Но, как известно, у страха глаза велики: немало пройдет времени, прежде чем завсегдатаи трактира снова решатся переступить его порог, чтобы отведать ракии и шнапса.

Скоро мы убедимся, что опасения Йонаса не оправдались. Вследствие непредвиденных обстоятельств уже через несколько дней почтенные жители деревни возобновили свои обычные беседы и возлияния в «Короле Матиаше».

Однако вернемся к молодому лесничему и его спутнику.

Может быть, читатель помнит, что, покидая Верст, Ник обещал опечаленной Мириоте не задерживаться в замке. Если с ним ничего не случится, он вернется еще до наступления вечера. С каким нетерпением все ожидали его возвращения! Впрочем, ни девушка, ни ее отец, ни учитель даже не подозревали, что путь окажется таким трудным и что Деку не удастся достичь плато при свете дня.

Волнение, охватившее всех днем, с наступлением вечера перешло все границы, а когда часы на колокольне Вулкана пробили восемь, жители деревни не знали, что и думать. Почему Ника и доктора так долго нет? Что случилось? Никто не уходил домой, все ждали, не покажутся ли путники на повороте дороги.

Судья Кольтц с дочерью стояли в конце улицы, там же на часах находился и пастух. Много раз им казалось, что на опушке появились какие-то тени, но дорога оставалась пустынной, как всегда в этот час: те, кто переходят границу, стараются делать это засветло. К тому же сегодня вторник, день нечистой силы, когда жители Трансильвании не выходят из дома после захода солнца. Ник Дек, видать, сошел с ума, если выбрал для своей затеи столь неудачное время.

Невозможно себе представить, что переживала в эти часы бедняжка Мириота, какие страшные картины рисовались в ее воображении! Она мысленно следовала за своим суженым по пятам, шла через густые леса Плезы, поднималась на плато... Когда же наступила ночь, ей пригрезилось, будто за крепостной стеной Ник пытается ускользнуть от злых духов, поселившихся там, будто он стал игрушкой этих темных сил. Вероят-

но, чтобы отомстить, они заперли его в каком-то подземелье, а, может быть, Ника уже нет в живых...

Чего бы девушка не отдала, чтобы последовать за женихом! Но раз это невозможно, она будет ждать его тут всю ночь, до утра. Наконец судья велел дочери идти домой и сам отправился с нею, оставив на посту Фрика.

Оказавшись в своей комнате, Мириота разрыдалась. Ей не жить без храброго Ника, Ника, полюбившего ее не за приданое, ради которого заключается большинство браков в Трансильвании, а по велению сердца.

И действительно, в здешних местах такое случается нечасто. Обычно все происходит по-иному. Ежегодно в день Святого Петра открывается «ярмарка невест», куда собираются все девушки комитата. В сопровождении родителей, подруг, соседей они приезжают в красивых повозках, запряженных самыми лучшими лошадьми. В узорчатых расписных сундуках выставляют напоказ приданое, где все скроено, сшито и вышито собственными руками. Являются на ярмарку и парни, разодетые в великолепные кафтаны, подпоясанные шелковыми шарфами. Они лениво прохаживаются меж возов, выбирая себе суженую. В знак помолвки девушке дарят кольцо или платок, и свадьбу играют сразу же по возвращении.

Однако Ник Дек повстречал свою Мириоту не на ярмарке — они знали друг друга давно, с самого детства, и полюбили, как только пришло время любить. Лесничий не ходил на ярмарку искать невесту, и Мириота очень ценила это. Только почему он такой упрямый, зачем взялся за невыполнимое дело? Ник любил Мириоту, но даже она не смогла уговорить его не ходить в проклятый замок!

Ночь Мириота провела в слезах. Девушка даже и не подумала ложиться. Она сидела, облокотившись на подоконник и глядя на улицу, как вдруг услышала:

— Николас Дек не пожелал слушать предостережений!.. Нет больше жениха у Мириоты!

Что это, галлюцинация? Ночь была тихая, и необъяснимый голос, ранее уже прозвучавший в трактире, больше не повторился.

С рассветом все население Верста высыпало на улицу. Люди сидели на террасе, бродили по улице, — одни старались узнать новости, другие хотели поделиться ими. Кто-то сказал, что Фрик прошагал не меньше мили, но в лес не входил, а шел вдоль опушки, и это было неспроста.

Деревенским жителям ничего другого не оставалось, как только ждать пастуха, чтобы допытаться, как было дело. Судья Кольтц, Мириота и Йонас даже вышли ему навстречу.

Вскоре в двух-трех сотнях шагов от деревни они увидели Фрика. Так как пастух явно не спешил, все усмотрели в этом дурной знак.

— Ну что, Фрик? Узнал ты что-нибудь? — бросился к нему судья Кольц.

— Я ничего не видел и ничего не знаю,— отвечал тот.

— Ничего!..— прошептала девушка и зарыдала.

— На заре я встретил двоих на дороге и сначала подумал, что это Ник Дек и доктор, но ошибся.

— А что это были за люди? — спросил Йонас.

— Путешественники, они только что пересекли валашскую границу.

— Ты говорил с ними?

— Да.

— Они идут в деревню?

— Нет, они решили подняться на вершину Ретьезад.

— Туристы?

— Похоже на то, господин судья.

— А ночью, когда эти люди проходили через перевал, они ничего не заметили на плато возле замка?

— Нет, ночью они были еще по ту сторону границы.

— Значит, ты ничего не узнал о Нике?

— Нет.

— О, Господи!..— вздохнула Мириота.

— Через несколько дней вы сами сможете расспросить этих путешественников,— продолжал Фрик,— они собираются остановиться в Версте на пути в Колошвар.

«Только бы им ничего не наболтали про мой трактир! — подумал несчастный Йонас.— А то ведь не захотят остановиться!»

Вторые сутки наш замечательный трактирщик изнывал от страха, что теперь никто не пожелает ни есть, ни спать под крышей «Короля Матиаша».

Итак, короткий разговор между пастухом и его хозяином ничуть не прояснил ситуацию. А так как лесник с доктором не появились к восьми утра, никто не мог поручиться, что они вообще когда-нибудь появятся. Нельзя безнаказанно приближаться к Карпатскому замку!

После тревожной бессонной ночи Мириота едва держалась на ногах, и отец поспешил отвести ее домой. Там она снова принялась громко плакать и звать Ника... Она готова была сама идти искать его. Жалко было смотреть на бедную девушку.

Однако надо что-то делать, надо спешить на выручку лесничему и доктору. Может, им грозит опасность, может, на них напали неведомые существа, поселившиеся в замке, и не имеет значения, из этого они мира или из преисподней. Главное сейчас выяснить, что случилось с Ником и доктором. И сделать это могут только они, друзья и односельчане, это долг всех и каждого.

Самые смелые готовы были немедленно отправиться в путь через леса Плезы и добраться до замка. После долгих

пререканий и споров, без которых не обходится ни одно важное дело, выбор пал на трех храбрецов: судью Кольтца, пастуха Фрика и трактирщика Йонаса. Что до учителя Эрмода, у него вдруг разболелась нога, и он улегся на двух стульях — прямо в классе.

К девяти часам судья Кольтц и его спутники, вооружившись, отправились к хребту Вулкан и вошли в лес почти там же, где углубился в него Ник Дек.

Такой маршрут был выбран неспроста, ведь на обратном пути лесничий с доктором скорее всего воспользуются той же тропой, идущей прямоком через лесной массив Плезы. К тому же на этой тропе легче отыскать следы пропавших.

Как только судья с товарищами скрылись из виду, все, кто прежде ратовал за поиски Дека и Патака, теперь, когда спасатели ушли, решили, что эта экспедиция — чистое самоубийство. Нужно ли к исчезнувшим двоим добавлять еще троих? Теперь уж никто не сомневался, что лесничий и доктор пали жертвами собственного безрассудства. Что, если бедной девушке скоро придется оплакивать отца, как она оплакивает жениха, а друзьям пастуха и трактирщика винить себя в их гибели?

Было от чего прийти в отчаяние. Даже если допустить, что судья Кольтц со спутниками вернутся, вряд ли это будет до наступления темноты.

Каково же было удивление жителей деревни, когда около двух часов пополудни они увидели на дороге группу людей. Мириота, едва услышав эту новость, со всех ног бросилась им навстречу!

Их было не трое, а четверо. Четвертым оказался доктор.

— А Ник? Где Ник?! Вы не нашли его?

Ник лежал на носилках, которые с трудом тащили Йонас и пастух.

Мириота бросилась к жениху, наклонилась к нему и обхватила руками.

— Он умер? — вскричала она.

— Нет, — ответил доктор Патак, — хотя должен был умереть... да и я тоже.

Лесничий не приходил в сознание. Неподвижное тело, белое лицо, еле слышное дыхание... Доктор казался не столь бледным. Из-за одышки его лицо сделалось буро-кирпичным.

Даже надрывающий душу нежный голос Мириоты не смог вывести юношу из забытья. Лишь позже, когда Дека принесли в деревню и уложили на кровать в доме судьи, он открыл глаза и увидел склонившуюся над ним невесту. Слабая улыбка появилась на его губах. Правда, подняться он не смог: половина тела была парализована. Чтобы успокоить Мириоту, Ник произнес прерывающимся шепотом:

— Ничего... пустяки...

— Ник, что с тобой? Ник!

— Я немного устал, но это скоро пройдет, если ты будешь рядом.

Больному предписывался покой, и судья Кольцз тихонько вышел из комнаты, оставив у постели Мириоту — лучшей сиделки нельзя было пожелать. Вскоре Дек уснул.

А тем временем трактирщик Йонас рассказывал во всеулышание о том, что случилось после того, как спасатели покинули деревню.

Они отыскиали в лесу тропу, по которой ранее ушли в горы лесничий и доктор, и часа два поднимались к замку по отрогам Плезы, пока в полумиле от леса не увидели пропавших. Доктор еле держался на ногах, а Ник потерял столько сил, что свалился под деревом, словно подкошенный.

Доктор не мог вымолвить ни слова. Тогда спасатели наложили веток, соорудили носилки и положили на них Ника. Патак тоже не мог идти без посторонней помощи. С горем пополам они двинулись в обратный путь. Судья и пастух несли носилки, а Йонас попеременно сменял то одного, то другого.

Что стряслось с Ником и удалось ли ему проникнуть в замок, трактирщику было неизвестно, как и судье с пастухом, а доктор еще не настолько пришел в себя, чтобы отвечать на вопросы.

Хотя рассказать о случившемся лекарю очень хотелось. Сейчас он уже в полной безопасности, в окружении друзей, каждый из которых в свое время являлся его пациентом. Плевать ему на тех, наверху, кто бы они ни были! Если бы даже с него взяли клятву молчать о виденном в замке. Бог с нею, с клятвой!

— Придите в себя, доктор,— тормошил его судья,— и расскажите, как все произошло. Я приказываю вам это от имени жителей Верста.

Добрый стаканчик ракии, поднесенный Йонасом, вернул Патаку дар речи, и он начал рассказывать:

— Ну вот, значит, отправились мы в путь с Ником... двое безумцев — чистые безумцы... Весь день продирались сквозь проклятуший лес и только вечером подошли к замку. Я и сейчас весь дрожу — это на всю жизнь... Ник решил проникнуть за ограду, чтобы провести ночь в башне, то бишь в спальне Вельзевула!..

Лекарь говорил медленно, замогильным голосом, и слушатели тряслись от страха.

— Я не согласился, я просто не мог... Что случилось бы со мной, если бы я пошел на это? Как подумаю, прямо волосы встают дыбом.

Волосы доктора и впрямь шевелились от ужаса — он запустил в них руку.

— Ник решил заночевать на плато Оргалл... О, что это бы-

ла за ночь! Попробуйте заснуть, когда духи не оставляют вас в покое ни на одну минуту... И вдруг среди туч показались страшные чудовища, огненные драконы!.. Они устремились к плато, чтобы пожрать нас...

Присутствующие невольно обратили глаза к небесам.

— ...А через несколько минут начал бить колокол в часовне.

Все прислушались. Кое-кому показалось, что колокол звучит и сейчас — так захватил всех рассказ доктора.

— Жуткий вой наполнил все вокруг... Это было похоже на рев диких зверей. Потом окна башни сверкнули ярким пламенем, адский огонь залил плато до самого ельника... Николас и я глядели во все глаза... Жуткое зрелище! Мы словно окаменели, наши лица в этом невероятном свете стали страшными.

Вид доктора, его подергивающееся лицо и безумные глаза подтверждали, что он явился как бы из другого мира, куда безвозвратно кануло столько несчастных.

Голос рассказчика прерывался. Чтобы продолжить, лекарю потребовалось выпить еще стакан ракии, поднесенный ему Ионасом.

— Но что же случилось с беднягой Ником? — спросил судья.

Ему не терпелось услышать ответ: ведь именно к лесничему был обращен замогильный голос в зале трактира.

— Сейчас, дайте припомнить...— Доктор наморщил лоб.— Наступило утро. Я стал умолять Ника отказаться от мысли проникнуть в замок. Но вы же этого парня знаете. Мне не удалось переупрямить его... Он спустился в ров и потащил меня за собой. Впрочем, я не вполне соображал, что делаю... Ник подошел к стене, где высоко над нашими головами виднелось отверстие, похожее на дверь... Он ухватился за цепь подъемного моста и стал взбираться к этой двери — нужно было подняться на высоту крепостного вала... И тут я понял, что безумца следует остановить, пока не поздно... Подниматься в замок глупо, рискованно... В последний раз я приказал ему вернуться... «Нет!» — крикнул он. Я хотел бежать, что сделали бы и вы на моем месте, но ноги будто приросли к земле — ни двинуться, ни шевельнуться.

Тут доктор Патак показал, какие отчаянные движения, будто лиса, попавшая в капкан, он делал, чтобы освободиться, и затем продолжил:

— ...Через минуту послышался ужасный вопль... Это кричал Ник! Его пальцы, вцепившиеся в цепь, разжались, и он упал в ров, будто сброшенный невидимой рукой.

Без сомнения, доктор ничего не утаивал и не прибавлял, чудеса на плато Оргалл произошли именно так, как он их описал.

Дальнейшие события были таковы: лесничий потерял сознание, а Патак не мог прийти ему на помощь — башмаки ле-

каря приклеились к земле, а ноги сделались точно пудовые. Но вот сила, удерживавшая толстяка, ослабла, и тот — величайший акт самоотверженности! — бросился к своему спутнику. Смочив платок в воде со дна рва, он вытер Нику лицо. Лесничий пришел в себя, но левая рука и вся левая половина тела были парализованы в результате удара, полученного при падении. С помощью доктора юноша кое-как поднялся, оба с трудом, потихоньку двинулись в деревню. Через час боль в руке у Ника стала нестерпимой, и они вынуждены были остановиться. Доктор уже собирался отправиться в Верст за подмогой, но тут подоспели спасатели.

Хотя Патак обычно держался очень уверенно, когда речь шла о болезнях, но на этот раз он никак не мог поставить диагноз.

— Если происхождение болезни Дека естественное, — сказал он назидательным тоном, — тогда это серьезно. Если же болезнь произошла от неведомых причин, значит, ее наслал черт, и только он может ее изгнать.

Эти прогнозы не сулили ничего хорошего. К счастью, они не оправдались. Впрочем, со времен Гиппократы и Галена врачам не раз случалось ошибаться. Да они и теперь ошибаются едва ли не каждый день, даже врачи настоящие, не чета Патаку. Ник был парень крепкий, оставалось надеяться, что он выздоровеет и без помощи темных сил, конечно, если ему достанет ума не следовать предписаниям бывшего карантинного санитаря.

ГЛАВА VIII

Такой поворот событий не мог, естественно, успокоить перепуганных обитателей деревни Верст. Теперь никто уже не сомневался, что таинственный голос недаром предупреждал лесничего. «Голос из мира теней», как сказал бы поэт, отчетливо слышали все гости в «Короле Матиаше». Николас Дек был наказан за дерзость и непослушание. Не является ли это предупреждением всем, кто захочет последовать его примеру? В Карпатский замок ходить нельзя — вот какой вывод напрашивался из всего происшедшего. Тот, кто ослушается запрета, поставит на карту свою жизнь. Если бы лесничему удалось взобраться на куртину, домой он уже никогда бы не вернулся.

Казалось, что страх окутал деревню Верст, гору Вулкан и долину двух Силей. Многие старожилы надумали покинуть эти места. Несколько цыганских семей уже собрались в дорогу. Человек беспомощен перед лицом злых сил. Нужно бежать подальше от этих мест, пока венгерское правительство не уничтожит неприступное логово сатаны. Хотя разве в человеческих силах разрушить Карпатский замок?

Целую неделю никто не отваживался выйти из деревни. Прекратились даже работы в поле. Любой удар мотыги мог вызвать духов, скрывающихся под землей... Плугом же легко потревожить колдунов, вампиров и прочую нечисть... А станешь сеять зерно, вырастет чертово зелье.

— Все может быть,— неустанно твердил пастух Фрик. Он тоже больше не пас овец в долине Силя.

Деревня оцепенела от ужаса. Все сидели по домам, плотно закрыв двери и окна. Судья не знал, что ему делать,— он был не в силах развеять ни страхи односельчан, ни свои собственные. Нужно идти в Колошвар просить совета и помощи, решил Кольц.

Теперь из трубы на башне замка частенько шел дым, хорошо видный на фоне тумана в подзорную трубу. По ночам, особенно в облачную погоду, тучи над плато Оргалл светились красноватым заревом. А временами над замком вздымались высокие огненные столбы...

Вой и стенания в крепости, так напугавшие доктора Патака, порой долетали до самого Верста, к безмерному ужасу его обитателей. Несмотря на дальнейшее расстояние, юго-западные ветры доносили сюда отзвуки ужасающего грохота, подхваченного горным эхом.

В довершение всего обезумевшие от страха крестьяне уверяли, что и почва под их ногами колеблется, будто в Карпатах пробуждается старый вулкан. Может, это был обман чувств, плод воображения не в меру пылких фантазеров, но жить в этих местах становилось невозможно.

В результате описанных необъяснимых событий трактир «Король Матиаш» пустовал. Жителям деревни недоставало смелости переступить его порог. Трактирщик Йонас уж было решил сворачивать дело, но тут...

Девятого июня, часов в восемь вечера, кто-то дернул за скобу, но дверь не открылась — она была заперта изнутри. Йонас поспешил спуститься вниз, надеясь увидеть на пороге клиента и в то же время боясь, что им окажется привидение, перед которым он не успеет захлопнуть дверь.

Прежде чем отодвинуть засов, трактирщик настороженно спросил:

- Кто там?
- Путешественники.
- Живые?
- Вполне.
- Точно?

— Настолько живые, насколько это возможно, хозяин! Однако мы умрем с голоду, если вы немедленно не впустите нас.

Только тогда Йонас отважился отпереть дверь и впустить гостей. Они сразу же заказали две комнаты, намереваясь провести в Версте целые сутки.

При свете лампы хозяин внимательно оглядел двух прибывших и, убедившись, что перед ним и в самом деле обыкновенные люди, приободрился: появление новых постояльцев должно было восстановить репутацию его заведения.

Младший из путешественников лет тридцати двух на вид, высокий, черноглазый красавец, с правильными чертами лица, темно-каштановыми волосами и коротко подстриженной бородкой, с чуть грустным, но гордым выражением лица, происходил, видать, из благородных. У Йонаса, человека бывалого, глаз на это наметан.

И в самом деле, когда Йонас спросил, как записать гостя, тот ответил:

— Граф Франц де Телек, со мной слуга Рожко.

— Откуда вы?

— Из Крайовы.

Крайова, один из крупных городов Румынии, находится к югу от Карпатского хребта, на границе с Трансильванией. Значит, этот Франц де Телек — румын. Впрочем, трактирщик и сам определил это с первого взгляда.

Рожко, отставной солдат лет сорока, высокий, крепкий, с густыми усами и жесткой шевелюрой, еще сохранил военную выправку. За спиной у него был солдатский ранец, в руке — небольшой саквояж, вмещавший весь багаж графа. По одежде слуги — дорожный плащ, шапка, блуза, перетянутая поясом, гетры и тяжелые башмаки на толстой подошве — можно было заключить, что путешествовал он чаще всего пешком. На поясе солдата висел валашский нож в медных ножнах.

Оказалось, что это те самые путники, которых десять дней назад встретил Фрик. Поднявшись в горы, они решили отдохнуть в деревне, а потом идти в долину двух Силей.

— Есть у вас свободные комнаты? — спросил граф.

— Две... три... четыре... сколько будет угодно вашей светлости. — Владелец «Короля Матиаша» не помнил себя от счастья.

— Довольно двух, — сказал Рожко. — Только рядом.

— Эти подойдут? — Йонас распахнул две двери в глубине зала.

— Конечно, — ответил граф.

Гости совсем не походили на духов, принявших человеческое обличье. Молодой граф принадлежал к тем почетным постояльцам, принять которых — большая честь для любого трактирщика.

— Далеко ли отсюда до Колошвара? — спросил граф.

— Миль пятьдесят по дороге к Петрошани и Карлсбургу, — ответил Йонас.

— Дорога трудная?

— Очень трудная для пеших путников. И если мне будет

позволено дать совет господину графу, вам следовало бы передохнуть здесь несколько дней.

— Мы можем тут поужинать? — сухо прервал трактирщика граф.

— Через полчаса я смогу предложить господину графу еду, достойную его светлости.

— На ужин нам вполне довольно хлеба, вина, яиц и немного холодного мяса. И поскорее.

— Один момент!

Йонас бросился было в сторону кухни, но граф остановил его.

— По-видимому, у вас не очень много посетителей? — спросил он.

— Сейчас, кроме вас двоих, больше никого, господин граф.

— А разве вечерами к вам не заглядывают односельчане — просто выпить и покурить?

— Нет, час уже поздний, господин граф, в Версте ложатся с курами.

Трактирщику, понятно, не хотелось объяснять, почему зал трактира пустует.

— Кажется, в вашей деревне живет человек пятьсот?

— Около того, господин граф.

— Но мы не встретили на улице ни одной живой души.

— Сегодня суббота... перед воскресным днем... — замылся Йонас.

На его счастье, Франц де Телек больше ни о чем не спрашивал. Ни за что на свете не открыл бы ему трактирщик всей правды. Если бы путешественники узнали, в чем дело, они могли вообще покинуть подозрительную деревню!

«Только бы тот голос снова не зазвучал», — молил Йонас, накрывая посреди зала.

Через несколько минут скромный ужин, который заказал граф, уже стоял на столе с чистой скатертью. Франц де Телек сел по одну его сторону, Рожко — напротив, как повелось у них во время путешествий. Они с аппетитом поели и разошлись по своим комнатам.

Гости едва обменялись за ужином десятком слов, и Йонас не посмел вступить с ними в беседу. Это ему, понятно, не доставило радости. Судя по всему, Франц де Телек был неразговорчив, из Рожко тоже, видать, лишнего словечка не вытянешь. А Йонасу так хотелось побольше узнать, что его постояльцы за люди!

Трактирщик удовольствовался тем, что пожелал гостям доброй ночи, но прежде чем подняться к себе, оглядел зал и прислушался, не доносятся ли снаружи какие-нибудь звуки, не послышится ли какой-нибудь шорох в доме.

«Хоть бы тот жуткий голос смолк навсегда!» — подумал он.

Ночь прошла спокойно. Утром весть о том, что у Йонаса остановились двое путешественников, облетела деревню, и все заспешили к трактиру.

Уставшие с дороги путники еще спали, и вряд ли можно было ожидать, что они проснутся раньше восьми часов. Любопытные жители деревни сгорали от нетерпения, но никто не решался войти в питейное заведение, пока гости не выйдут из своих комнат.

Наконец ближе к восьми они появились.

За ночь ничего необычного не случилось. Казалось бы, можно и успокоиться...

Йонас, широко улыбаясь, пригласил своих ночных гостей и всех остальных посетителей в зал. Путешественник, почтивший своим присутствием гостиницу «Король Матиаш», явно дворянского звания, скорее всего принадлежал к одной из древних румынских фамилий, так что завсегдатаям трактира в столь достойном обществе бояться было нечего. Судья Кольцц счел своим долгом первым переступить порог, чтобы подать пример остальным.

Следом за ним пришли магистр Эрмод, еще трое или четверо односельчан и пастух Фрик. Доктор Патак прийти не отважился.

— Ноги моей не будет больше в трактире Йонаса, даже если он станет платить по десять флоринов за вход.

Здесь необходимо сделать одно важное замечание: судья Кольцц решился прийти в трактир вовсе не из одного только любопытства и не для того, чтобы свести знакомство с графом. Его интересовала куда более важная вещь: путешествующий, очевидно, в состоянии заплатить за себя и за своего спутника. Судья Кольцц взял это на заметку; ведь плата за проход через деревню шла прямоком в его карман. Франц де Телек хоть и удивился, но спорить не стал. Он даже предложил судье Кольццу и магистру сесть за его стол. Оба сразу согласились — кто же отказывается от столь лестного приглашения!

Йонас подал вина — лучшие из тех, что нашлись в его погребе. Жители Верста, пришедшие в трактир, тоже заказали выпивку. Можно было надеяться, что отныне те, кто еще совсем недавно обходил трактир стороной, вспомнят туда дорогу.

Заплатив судье пошлину, граф де Телек спросил, какой доход имеет от этого налога деревня.

— Меньше, чем нам хотелось бы, граф,— ответил судья Кольцц.

— А что, разве путешественники редко заглядывают в эту часть Трансильвании?

— Очень редко, хотя здешние виды чрезвычайно живописны.

— Я тоже так считаю. Места, которые я видел, достойны восхищения. С Ретьеада открывается такая чудесная панора-

ма на долину реки Силь в полукружье гор на фоне Карпатского хребта!

— Да, граф,— согласился магистр,— но, чтобы увидеть здесь все, вам необходимо подняться на Паринг.

— У меня не осталось на это времени,— пожалел Франц де Телек.

— Но ведь нужен всего один день!

— Завтра утром я должен возвращаться в Карлсбург.

— Как? Господин граф покидает нас! — воскликнул разочарованный Йонас.

— Мне пора,— отвечал граф.— Да и что делать в вашей деревне?

— Наша деревня заслуживает внимания туристов,— возразил судья.

— Однако я вижу, что они ее не очень-то жалуют. Может быть, это оттого, что в ваших местах нет ничего примечательного?

— В самом деле, ничего примечательного...— автоматически повторил судья, подумав о замке.

— ...ничего интересного...— подхватил магистр.

— Ну что вы такое говорите! — не удержался пастух Фрик.

Видели бы вы, каким взглядом одарили его судья Кольц и все остальные! А уж трактирщик тем более!.. К чему посвящать чужака в деревенские тайны? Рассказать о том, что произошло на плато Оргалл, и привлечь внимание графа к Карпатскому замку значило напугать гостя и заставить покинуть деревню раньше времени. Кто же после этого отважится подняться на Вулкан, чтобы попасть в Трансильванию? Пастух, видать, умом недалеко ушел от своих овец.

— Молчи, дурак! — зашептал судья Кольц.

Но любопытство графа было уже возбуждено. Обратясь к Фрику, он спросил, что означает его восклицание.

Пастух не привык отступать, да к тому же подумал: Франц де Телек и сам владелец замка, глядишь, и посоветует что-нибудь.

— Да уж кое-что означает, если честно,— ответил упрямец.

— Может, в окрестностях Верста есть какие-нибудь достопримечательности? — спросил граф.

— Нет, ничего такого нет! — наперебой заговорили посетители трактира, испугавшись, что новая попытка проникнуть в замок принесет новые несчастья.

Франц де Телек с удивлением оглядел присутствующих, на лицах которых был написан ужас.

— Что это с вами? — спросил он.

— А вот что, хозяин,— ответил за всех Рожко.— Тут неподалеку есть Карпатский замок.

— Карпатский замок?

— Да, пастух успел шепнуть мне о нем.

Фрик стоял, опустив голову, не смея взглянуть на судью. Теперь, когда в стене деревенских суеверий пробита брешь, эта история выйдет наружу.

Кольцц решил вмешаться и сам рассказал графу о замке.

Слушая его, Франц де Телек не смог скрыть ни своего удивления, ни своих сомнений. Как большинство молодых людей, живущих в замках, затерявшихся в глубине валашской провинции, он слабо разбирался в науках, зато отличался здравым умом, не верил ни в какие потусторонние силы и откровенно смеялся над всякими небылицами. Замок, где поселились духи? Какая ерунда! В истории, рассказанной судьей Кольццем, нет ничего необычного. Дым из трубы? Звон колокола? Эка невидаль! Что же касается световых эффектов и непонятных звуков, это всего-навсего галлюцинации, и не более того.

Обитатели Верста были явно задеты.

— Но, господин граф, есть еще одна, необъяснимая, вещь.

— Что именно?

— В замок невозможно проникнуть.

— Вот как!

— Несколько дней тому назад наш лесничий с доктором сделали такую попытку, и это им дорого обошлось.

— И что же случилось? — недоверчиво усмехнулся Франц де Телек.

Судья Кольцц подробно рассказал о злоключениях Дека и Патака.

— Значит, когда доктор захотел убежать, его ноги будто приросли к земле и он не смог сделать ни шагу?

— Вот именно, — подтвердил магистр Эрмод.

— Его просто парализовал страх! — заявил граф.

— Пусть так, господин граф, — согласился судья. — Но как объяснить, что Ник Дек почувствовал страшный удар, когда коснулся крюка подъемного моста?

— По-видимому, это несчастный случай...

— Настолько несчастный, что парень до сих пор прикован к постели.

— Надеюсь, жизнь его вне опасности? — поспешил осведомиться граф.

— К счастью...

«Интересно, что он скажет теперь», — подумал судья.

— Во всей этой истории нет ничего, подчеркиваю, ничего сверхъестественного. Все объясняется просто. В Карпатском замке явно кто-то поселился. Кто? Это нам неизвестно. Во всяком случае, там скрываются не духи, а люди. Какие-то злоумышленники.

— Злоумышленники? — воскликнул судья Кольцц.

— Очевидно. Они не желают быть обнаруженными, вот и стараются сойти за духов.

— Вы так полагаете, господин граф? — спросил магистр Эрмод.

— На вашей земле очень живучи суеверия, и те, кто сейчас находится в замке, зная это, решили таким своеобразным образом оградить себя от непрошенных гостей.

Возможно, так оно и было, но жители Верста остались при своем мнении.

Граф понял, что не убедил слушателей, да те, похоже, и не хотели, чтобы их убеждали.

— Поскольку вы не желаете внять моим доводам, господа, — заключил он, — можете продолжать верить во все, что вам угодно.

— Мы верим лишь в то, что видели своими глазами, господин граф, — отвечал судья Кольц.

— Вот именно! — подхватил магистр.

— Пусть так. Мне жаль, что у нас с Рожко нет еще суток в запасе, не то мы бы отправились в ваш знаменитый замок и разобрались во всем.

— Как?! — воскликнул судья Кольц.

— Я бы пошел туда без малейших колебаний, и сам дьявол не мог бы помешать мне.

Услышав эти кошунственные слова, присутствующие задрожали от страха. Как можно столь бесцеремонно обращаться с духами! В отместку они снова нашлют беду на деревню — ведь духи слышат все, что говорится в этом зале. А вдруг таинственный голос прозвучит снова?

И судья Кольц рассказал графу о том, как получил предупреждение лесничий: его называли по имени и пригрозили страшным наказанием, если он осмелится проникнуть в тайну замка.

Франц де Телек в ответ лишь пожал плечами, потом встал и заявил, что никто не мог слышать о том, что говорится в этом зале. Просто у перебравших шнапса разыгралось воображение.

Тут многие направились к выходу, не желая оставаться под одной крышей с человеком, который осмеливается говорить подобные вещи. Но Франц де Телек остановил их:

— Итак, господа, я вижу, что в вашей деревне воцарился страх.

— У нас есть для этого основания, граф, — возразил судья Кольц.

— Раз так, существует верное средство навсегда покончить с чудесами, которые, как вы говорите, происходят в Карпатском замке. Послезавтра я буду в Карлсбурге и, если хотите, доложу обо всем городским властям. Они пришлют жандармов или полицейских, которые войдут в замок и прогонят

шутников, решивших подурaczyć вас, или же арестуют злоумышленников, возможно, задумавших какое-то преступление.

Это была отличная мысль, однако она пришлось не по вкусу почтенным гражданам Верста. Они считали, что ни жандармы, ни полиция, ни даже солдаты не справятся с нечистой силой, которая использует для защиты свои особые средства.

— Кстати, господа,— вспомнил вдруг граф,— вы ведь еще не сказали мне, кому принадлежит замок?

— Древнему роду, происходящему из здешних мест, семейству баронов фон Гортцев,— ответил судья.

— Семейству фон Гортцев? — изумился Франц де Телек.

— Да.

— Барон Рудольф происходит из этой семьи?

— Да, граф.

— И вы не знаете, что с ним случилось?

— Нет. Вот уже много лет барон фон Гортц не появлялся в замке.

— Рудольф фон Гортц! — взволнованно повторил Франц де Телек, побледневший как полотно.

ГЛАВА IX

Род графов де Телеков, один из древнейших в Румынии, значился среди самых именитых родов страны еще до того, как в начале XVI века Румыния обрела независимость. Его представители были среди главных участников важнейших политических событий, вошедших в отечественную историю.

Теперь же семья находилась еще в худшем положении, чем упомянутый бук в Карпатском замке, на котором сохранилось всего три ветви: в роде Телеков осталась лишь одна ветвь — Телеки из Крайовы, от которых вел свое происхождение граф Франц де Телек.

В детские годы Франц не покидал отцовского замка, где жил с родителями. Телеки пользовались всеобщим уважением и были известны как владельцы большого состояния. Они жили широко и беспечно, как и все крупные землевладельцы этого края, и покидали свое имение не чаще одного раза в год, когда приходилось ездить по делам в город-крепость того же названия, находившийся в нескольких милях от усадьбы.

Все это, безусловно, повлияло на воспитание и образование Франца, единственного сына графа. Наставником и учителем мальчика был старый итальянский аббат, который мог научить его только тому, что знал сам, а знал он не слишком много. Когда Франц вырос и превратился в юношу, его познания в науках, искусстве и литературе были не слишком обширны. Но зато он пристрастился к охоте и мог день-деньской скакать по лесам и полям, преследуя оленя или кабана, серну или гор-

ного козла. Вот так и проводил время в суровых мужских забавах молодой граф.

Графиня де Телек умерла, когда сыну не исполнилось и пятнадцати лет. А когда ему сравнялся двадцать один год, на охоте погиб отец.

Скорбь юноши была беспредельна. Он горько оплакивал отца и мать, которых любил больше всего на свете. В эти годы он не знал иных чувств. Но родители умерли, друзей у молодого человека не оказалось, воспитатель тоже покинул этот мир, и Франц остался один как перст.

Еще года три молодой граф жил в замке Крайова, ни с кем не поддерживая отношений. Раза два он ненадолго ездил по делам в Бухарест и всегда торопился поскорее вернуться домой.

Однако так не могло продолжаться вечно. В конце концов захотелось последнему из Телеков увидеть мир.

Молодому графу было около двадцати трех лет, когда он решил отправиться в путешествие. Состояние позволяло ему сделать это. Настал день, когда юноша покинул замок Крайова и валашскую землю, взяв с собой лишь одного из слуг, отставного румынского солдата, который более десяти лет служил семейству Телеков и неизменно сопровождал графа на охоте. Храбрый Рожко был беспредельно предан своему господину.

Молодой граф намеревался совершить вояж по Европе, время от времени останавливаясь в столицах и больших городах. Он справедливо считал, что путешествия пополнят его довольно скудный запас знаний, и начал тщательно готовиться к поездке.

Первым делом ему захотелось увидеть Италию. Юноша прекрасно владел итальянским — уж тут-то его воспитатель-аббат преуспел. Пленительная южная страна с ее богатой историей оказалась столь притягательной, что граф провел там четыре года. Из Венеции он перебрался во Флоренцию, оттуда — в Рим, потом в Неаполь. Он жил во всех этих замечательных центрах искусства попеременно, полагая, что Францию, Германию, Испанию, Россию можно посетить и позднее, в более зрелом возрасте, когда пылкое юношеское воображение успеет насладиться очарованием знаменитых итальянских городов.

В последний раз Франц де Телек посетил Неаполь, когда ему было двадцать семь лет. Он собирался побыть там недолгое время, после чего плыть на Сицилию. Завершив путешествие осмотром античной Тринакрии, предполагалось вернуться в Крайову и пожить спокойно год-другой.

Неожиданные обстоятельства изменили его планы, и жизнь Франца де Телека потекла по другому руслу.

За годы, проведенные в Италии, научные познания моло-

дого человека несколько не пополнились. Он не обнаружил склонности к регулярным занятиям, зато в душе его проснулось чувство прекрасного, точно он доселе был слеп и внезапно прозрел. Его душа раскрылась навстречу красоте, он восхищался шедеврами живописи, посещая музеи Неаполя, Венеции, Рима и Флоренции. Увлёкся и театром, потрясенный драматическим искусством великих мастеров сцены.

В последнее посещение Неаполя при несколько необычных обстоятельствах, к которым мы еще вернемся, де Телек испытал незнакомое ему дотоле чувство, которое захватило его целиком.

В те годы в театре Сан-Карло выступала певица, чей изумительный голос и драматический талант приводили в восхищение истинных ценителей бельканто. Стиллы пела только на итальянской сцене и исполняла лишь итальянскую музыку. Театры «Кариньян» в Турине, «Ла Скала» в Милане, «Фениче» в Венеции, «Альфиери» во Флоренции, «Аполло» в Риме и «Сан-Карло» в Неаполе наперебой приглашали ее. Триумфы примадонны не оставляли места для сожалений, что она не появляется на сценах других стран Европы.

Стилле исполнилось двадцать пять лет, красота ее была совершенна: золотистые волосы, глубокие черные глаза, в которых таинственными огоньками отражались огни рампы; правильные черты лица и нежный румянец, фигура, точно изваянная Праксителем... И сверх всего — высший артистизм. Это была вторая Малибран, о которой Мюссе написал:

«Твои песни всю скорбь унесли в небеса...»

Горячо любимый нашим поколением поэт посвятил ей бессмертные строчки:

«...Этот голос, что идет от сердца к сердцу...»

Голос Стиллы и вправду покорял своей силой и выразительностью.

Эта великая артистка, столь мастерски воспевавшая любовь, — прекрасное дитя души, сама никого не любила. Никто из тысяч поклонников не мог тронуть ее сердца, ничей обожающий взгляд не находил ответа в ее глазах. Казалось, она жила только искусством и только ради него.

Едва увидев Стиллу, Франц полюбил ее всеми силами души. Не раздумывая ни минуты, он отказался от своих планов, решив остаться в Неаполе до конца сезона. Точно невидимая нить, которую он и не помышлял разорвать, привязала его к девушке. Граф не пропускал ни одного из спектаклей, неизменно приводивших публику в восторг. Много раз, не в силах совладать со своим чувством, он пытался встретиться с ней, но двери Стиллы были неизменно и безжалостно закрыты для него, так же как и для других обожателей.

Молодой граф чувствовал себя самым несчастным человеком на свете. Все его мысли были только о Стилле, он жил

только для того, чтобы видеть и слышать ее. Он совсем перестал появляться в свете, как того требовали его имя и положение. Здоровье молодого человека, страдающего от сердечных мук, пошатнулось. А скоро у Франца де Телека появился соперник, хотя графу это было, по-видимому, безразлично. Его ничуть не волновал весьма странный субъект, которого мы обязаны здесь представить, ибо характер и приключения последнего имеют прямое касательство к нашей истории.

Это был человек лет пятидесяти — пятидесяти пяти. Незнакомец ни с кем не общался, презрев условности, которым придают такое большое значение в обществе. Никто ничего не знал ни о его занятиях, ни о его прошлом. Сегодня чужестранца видели в Риме, завтра он гулял по Флоренции, всюду следуя за Стиллой. Считалось, что им владеет одна-единственная страсть: слушать примадонну, достигшую такой славы, что ее ставили на первое место среди мастеров мирового вокала.

И если Франц де Телек жил только мыслями о Стилле с той поры, как впервые увидел ее в неаполитанском театре, другой, эксцентричный, любитель пения вот уже шесть лет жил только ее искусством. Казалось, голос певицы был ему необходим, как воздух. Ни разу не пытался он увидеть артистку вне стен театра, никогда не делал попыток познакомиться с ней или написать ей. Но в каком бы городе ни выступала Стилла, в театре неизменно появлялся высокий мужчина в длинном темном пальто и широкополой шляпе, низко надвинутой на лоб. Таинственный незнакомец скрывался в забранной решеткой ложе, которую специально заказывал для себя. Он сидел там, неподвижный и молчаливый, в течение всего спектакля, но как только заканчивалась финальная ария Стиллы, исчезал. Пение других певцов его не интересовало.

Кто же был сей странный господин? Стилла пыталась узнать, но безрезультатно. А через некоторое время ее начало смущать обязательное присутствие в опере человека в темном. При одном его появлении актрису охватывал безотчетный страх. Разумеется, Стилла не могла видеть своего загадочного поклонника, сидящего в глубине ложи с опущенной решеткой, но она чувствовала его присутствие, постоянно ощущала на себе его надменный и суровый взгляд. Порой, в конце спектакля, она даже не слышала оваций ликующей публики.

Мы уже говорили, что таинственный зритель не был представлен Стилле и, похоже, не стремился познакомиться с ней лично. Но зато все, что касалось ее, было предметом его внимания. Он приобрел прекрасный портрет певицы, написанный великим художником Микелем Грегорио. Стилла, прекрасная, трепетная и величественная, была изображена в лучшей из своих ролей. Портрет этот, безусловно, очень дорогой, стоил своих денег.

Если наш меломан появлялся на спектаклях всегда один и

выходил из дому только для того, чтобы идти в театр, не следует думать, будто он жил в полном одиночестве. Компаньон, не менее странный, чем он сам.

Этого субъекта звали Орфаником. Сколько ему лет, откуда он родом и где жил прежде — никто не мог бы сказать. Орфаник уверял, а говорил он много и охотно, что является никому не известным ученым, талант которого остался незамеченным, о чем еще пожалеет весь мир. Многие полагали, и не без оснований, что Орфаник из тех изобретателей, которые широко пользуются поддержкой и кошельком богатых дилетантов.

Это был мужчина среднего роста, худосочный, с бледной и изможденной физиономией, о каких говорят «личико с кулачок». Имелся у него и отличительный знак: черная повязка на правом глазу. Глаз Орфаник потерял во время какого-то не то физического, не то химического опыта; носил он также и толстые очки с единственным стеклом, скрывавшим левый глаз зеленоватого цвета. Во время своих одиноких прогулок этот чуждак постоянно размахивал руками, будто разговаривал с невидимым собеседником, который молча его слушал.

Эти два типа — странный меломан и не менее странный изобретатель — были хорошо известны публике, по крайней мере их узнавали в тех итальянских городах, где открывался театральный сезон. Оба возбуждали всеобщее любопытство, и воздыхатель Стиллы в конце концов оказался в центре внимания репортеров. Они досаждали ему нескромными вопросами и наконец вывели его имя и национальность. Он оказался румыном, и, когда Франц де Телек справился о его имени, ему ответили:

— Барон Рудольф фон Гортц.

Таково было положение дел, когда молодой граф появился в Неаполе. В течение трех месяцев спектакли в театре «Сан-Карло» шли с аншлагом. Успех Стиллы рос с каждым днем. Никогда еще не была она столь восхитительна на сцене, никогда еще почитатели ее таланта не устраивали ей столь бурных оваций.

На каждом представлении Франц сидел в партере, а барон фон Гортц, спрятавшись в глубине ложи, наслаждался изумительным пением, упиваясь звуками голоса, без которого не мог дышать.

Но вот по Неаполю поползли слухи, которым публика долго не желала верить. В конце концов они все же растревожили почитателей Стиллы. Стали говорить, что это ее последний сезон и что по окончании его певица покинет сцену. В расцвете таланта, красоты, в зените славы покинуть театр? Почему?

Какой бы невероятной ни казалась эта новость, люди говорили правду, и, несомненно, барон фон Гортц был косвенной причиной такого решения артистки.

Этот таинственный и мрачный зритель, который неизменно появлялся на всех ее представлениях, скрытый решеткой логи, вызывал у Стиллы постоянное нервное напряжение, с которым она не могла совладать. Выходя на сцену, она каждый раз ощущала сильное волнение, в результате чего у нее расшаталось здоровье. Покинуть Неаполь, бежать в Рим, Венецию, в любой другой город Италии? Это ничего не изменит, Стилла понимала, что так она не избавится от барона фон Гортца. Она не убежит от него, даже если покинет Италию, переедет в Германию, Россию или Францию — он последует за ней всюду и отыщет ее даже на краю света. Единственное средство избавиться от него — навсегда покинуть театр.

Когда до Франца дошли слухи об уходе Стиллы со сцены, он решил добиться свидания с ней, понимая, в каком она отчаянном положении. Человек независимый, свободный и очень богатый, Франц решил предложить певице стать графиней де Телек.

Стилла давно знала о чувствах графа и понимала, что это человек благородный, с которым любая женщина, даже самого высокого происхождения, найдет счастье. И когда Франц де Телек предложил ей руку и сердце, Стилла приняла его предложение с благодарностью, которую не пыталась скрыть. Она с радостью согласилась стать женой графа де Телека, насколько не сожалея о театральной карьере.

Итак, слухи подтвердились: после окончания сезона в театре «Сан-Карло» Стилла уйдет и никогда больше не появится на сцене. Было официально объявлено о ее предстоящем замужестве, хотя некоторые и сомневались, что оно реально.

Известие это произвело фурор не только в артистической среде, но и в высшем итальянском обществе. Сначала никто не хотел верить в эту новость, но потом целые потоки ревности и ненависти обрушились на молодого графа. Ему завидовали, о нем злословили — как это ему удалось добиться успеха у кумира зрителей, у величайшей актрисы? Дело доходило до прямых угроз, но Франца де Телека это ничуть не встревожило.

Были и такие, кто сочувствовал Рудольфу фон Гортцу. Что должен испытывать этот человек при мысли, что Стилла, одна только и привязывавшая его к жизни, будет принадлежать другому? Говорили, будто он пытался покончить с собой. Во всяком случае никто больше не видел Орфаника на улицах Неаполя: ученый ни на минуту не оставлял барона Рудольфа и вместе с ним сидел теперь в зарешеченной ложе на каждом представлении, хотя прежде никогда не заглядывал в театр — как и большинство людей науки, он не интересовался музыкой.

Дни текли, волнение театральной публики не унималось и достигло апогея в тот вечер, когда Стилла в последний раз пела в театре. Она выступала в роли Анжелики в опере «Орлан-

до», одним из лучших произведений маэстро Арконати,— так певица пожелала проститься со своими поклонниками.

В тот вечер в театре «Сан-Карло» на каждое место претендовало по десятку зрителей. Люди толпились у дверей, но большая часть желающих все равно осталась на площади. Ожидались выступления, направленные против графа де Телека, однако это не могло произойти, пока Стилла оставалась на сцене, пока не опустился занавес последнего акта.

Барон фон Гортц занял место в своей ложе, Орфаник уселся рядом.

Появилась Стилла. Никто никогда не видел ее столь взволнованной. Но мало-помалу актриса овладела с собой и отдалась пению. Как изумительно она пела! Публика пришла в неописуемый восторг, она была прямо-таки в экстазе.

Во время спектакля граф стоял, спрятавшись в глубине кулис, с трудом сдерживая волнение, проклиная длинные сцены и паузы, вызванные овациями. Ему не терпелось поскорее увести из театра будущую графиню де Телек, умчать ее подальше отсюда, чтобы она принадлежала только ему, ему одному.

И вот наконец последняя, трагическая, сцена гибели героини. Никогда еще восхитительная музыка Арконати не трогала так слушателей, никогда еще не пела так Стилла. Казалось, вся ее душа изливается в этих звуках... Порой чудилось, будто голос певицы вот-вот не выдержит и сорвется — ведь отныне никто больше не услышит его!

И в этот момент опустилась решетка ложи барона фон Гортца и взорам публики явилась страшная голова с длинными седыми космами и горящими глазами. Лицо барона поражало своей бледностью. Из глубины кулис Франц наблюдал незабываемую сцену.

Стилла приближалась к финальной фразе... Угасающим голосом она пропела:

*«Innamorata, mio cuore tremante,
Voglio morire!..»*

Певица смолкла, увидев кошмарный лик барона фон Гортца... Неизъяснимый ужас сковал ее... Она поднесла руку к губам, и по руке полилась кровь... Стилла пошатнулась и упала...

Зрители, охваченные ужасом, вскочили с мест... В ложе барона раздался громкий крик...

Франц бросился на сцену, поднял Стиллу на руки, стал звать ее по имени...

— Мертва!.. — вскричал он. — Она мертва!..

Да, Стилла умерла... Что-то не выдержало и сломалось в ней... Разорвалось сердце, и голос отлетел с последним вздохом...

.

Молодого человека привезли в гостиницу в ужасном состоянии — врачи боялись за его рассудок. Он не мог даже присутствовать на похоронах Стиллы, которые прошли при огромном стечении народа — весь Неаполь пришел проститься со своей любимицей.

На кладбище Санто-Кампо-Нуово, где похоронили певицу, на белом мраморе стояло только ее имя:

СТИЛЛА

Вечером после похорон какой-то господин появился на кладбище. Склонив голову и плотно сжав губы, на которых словно лежала печать смерти, он долго смотрел на могилу. Казалось, будто он прислушивается и ждет, когда голос великой певицы донесется из другого мира...

Это был барон Рудольф фон Гортц.

Той же ночью барон вместе с Орфаником покинул Неаполь. С тех пор никто ничего о нем не слышал.

Однако на следующее утро молодой граф получил угрожающе лаконичное письмо:

«Это вы убили ее!.. Горе вам, граф де Телек!

Рудольф фон Гортц».

Такова была эта печальная история.

Целый месяц Франц де Телек находился при смерти и никого не узнавал, даже Рожко. В горячке и беспамятстве он все время повторял имя Стиллы, и всем, кто его видел, казалось, что жизнь вот-вот покинет несчастного.

Однако граф выжил. Искусство врачей, неусыпные заботы Рожко и молодость спасли его. Рассудок Франца не пострадал. Но при одном воспоминании о трагическом финале спектакля он начинал горестно стенать: «Стилла, моя Стилла!»

Как только граф поднялся на ноги, Рожко уговорил его уехать из проклятого города и вернуться в замок. Перед отъездом граф захотел помолиться на могиле любимой и проститься с нею навсегда.

Рожко пошел с ним. Франц бросился на землю и начал царапать ее ногтями, будто хотел разрыть могилу, чтобы быть похороненным рядом с возлюбленной... Рожко с трудом оттащил молодого человека от могилы, поглотившей его счастье.

Через несколько дней Франц де Телек вернулся в Крайову, в глухие валашские края, и поселился в своем родовом замке. Там он провел в одиночестве пять лет. Однако ни время, ни расставание не приносили ему облегчения, он ничего не забыл — воспоминания о Стилле, живые и яркие, продолжали жить в его сердце. Это была незаживающая рана, которую способна залечить только смерть.

Однако в то время, к которому относится наш рассказ, граф покинул родовое гнездо. На какие только ухищрения не

пускался Рожко, чтобы уговорить своего господина покончить с убивавшим его затворничеством! Если уж Франц не может утешиться, так пусть хоть развеется.

Они составили план путешествия, решив пройти по трансильванским провинциям, и Рожко втайне мечтал уговорить графа продолжить странствия по Европе, прерванные несчастьем, случившимся в Неаполе.

Франц де Телек дал согласие лишь на короткое пешее путешествие. Они прошли по валашским равнинам до главного Карпатского хребта, перевалили через гору Вулкан и поднялись к Ретьезаду; затем пересекли долину Марош и спустились в Верст, где решили передохнуть в здешней гостинице.

Вам уже известно, в каком состоянии Франц де Телек застал обитателей Верста, которые посвятили его в необычайные события, происшедшие в замке.

Волнение графа, когда он услышал имя барона, не ускользнуло от присутствующих. Рожко готов был послать к дьяволу судью Кольтца, который произнес презренное имя барона и вдобавок наговорил кучу всяких глупостей. И надо же им было прийти именно в эту деревушку!

Граф по-прежнему хранил молчание, но его беспокойный взгляд выдавал чрезвычайное волнение.

Судья Кольц и его друзья догадались, что графа де Телека и барона фон Гортца соединяет некая тайна. Однако жители Верста, как ни были они любопытны, воздержались от расспросов. И совершенно напрасно!

Спустя короткое время посетители покинули зал «Короля Матиаша», заинтригованные ходом событий, не суливших деревне ничего хорошего.

Исполнит ли граф свое первоначальное намерение теперь, когда ему стало известно имя владельца замка? Что если, прибыв в Карлсбург, он поспешит доложить обо всем властям и потребует их вмешательства? Вот над чем ломали голову судья, магистр, доктор Патак и все остальные. Если этого не сделает граф, судья Кольц собирался сам вмешаться в это дело. Он даст знать полиции, в замок пришлют жандармов, а уж они-то докопаются до истины и узнают, кто там поселился: духи или разбойники. Не может же деревня постоянно жить в таком напряжении! Однако большинство сельчан осуждало подобные действия. Бороться с духами!.. Да жандармские шашки вмиг сломаются, точно стеклянные, а ружья дадут осечку!

Оставшись один в трактире, Франц де Телек погрузился в свои печальные мысли, растревоженный упоминанием имени барона фон Гортца. Битый час просидел он в кресле, потом встал, вышел из трактира и, подойдя к краю террасы, стал всматриваться в даль.

Над Плезой, посреди плато Оргалл, возвышался Карпатский замок. Так вот где жил этот странный человек, завсегда-

тай театра «Сан-Карло», внушавший непреодолимый ужас несчастной Стилле! Замок выглядел необитаемым — барон фон Гортц, как говорят, ни разу не появлялся там с тех пор, как исчез из Неаполя. Никто ничего не знал о его судьбе — возможно, после смерти замечательной певицы он свел счеты с жизнью.

Франц перебирал все эти варианты, не зная, на чем остановиться. Случай с лесничим встревожил его, нестерпимо захотелось раскрыть тайну замка, хотя бы для того, чтобы успокоить жителей Верста.

Де Телек не сомневался, что за стенами крепости укрываются разбойники, и тем не менее решил сдержать обещание, которое дал сельчанам: направить в замок полицейских из Карлсбурга и разоблачить лжепривидения.

Но прежде чем предпринять какие-либо действия, граф пожелал переговорить с лесничим, чтобы узнать у него все подробности их рейда в замок. Вот почему в три часа пополудни он направился к дому судьи.

Судья Кольтц всячески старался показать, что весьма польщен этим визитом. Еще бы, такой благородный господин переступил порог его дома! Ведь граф де Телек — потомок старинного румынского рода. Жители Верста, заявил он, возлагают на графа большие надежды, только он один поможет им вернуть спокойствие и благоденствие. Туристы вновь станут посещать эти места (и платить пошлину, разумеется), не опасаясь больше злых духов, поселившихся в Карпатском замке... и так далее, и тому подобное.

Франц де Телек поблагодарил судью Кольтца за лестный отзыв и спросил, нельзя ли ему повидаться с Ником.

— Не вижу препятствий, граф, — ответил достойный судья. — Парню уже лучше, и я надеюсь, что он не откажется в меру сил посодействовать вам. — Он повернулся к Мириоте, которая как раз вошла в комнату: — Не правда ли, Мириота?

— Этого хочет сам Господь, отец! — взволнованно произнесла девушка.

Франц был очарован грациозным поклоном, который отдала ему юная красавица. И, понимая, что она все еще опасается за здоровье жениха, спросил:

— Насколько я слышал, Ник Дек ранен несерьезно?

— Благодарение Богу, господин граф.

— Здесь есть хороший врач?

Судья неопределенно хмыкнул, ибо не слишком доверял познаниям бывшего карантинного санитаря.

— У нас есть доктор Патак, — ответила за него Мириота.

— Тот, что ходил вместе с Ником в замок?

— Да, господин граф.

— Мадемуазель Мириота, — с изысканной вежливостью обратился к ней Франц, — я хотел бы повидать вашего жени-

ха — в его собственных интересах. Надо, чтобы он подробно рассказал мне о своих злоключениях.

— Ник охотно расскажет вам все, сударь, но я боюсь, как бы он не утомился...

— Я не задержу его надолго, мадемуазель, и постараюсь не утомлять и не волновать больного.

— Я уверена в этом, господин граф.

— Когда же ваша свадьба?

— Через полмесяца, — вступил в разговор судья.

— Я хотел бы присутствовать на бракосочетании, если, конечно, господин Кольц пригласит меня...

— Почту за счастье, граф!..

— Значит, через пятнадцать дней? Решено! Я уверен, что Ник Дек сразу поправится, как только сможет прогуляться по улице с такой прелестной невестой.

— Да поможет нам Бог! — отвечала, заливаясь краской, девушка.

Граф обратил внимание на то, что она чем-то сильно встревожена.

— Да пребудет с ним милость Господня, — сказала в ответ на его вопрос Мириота. — пытаюсь проникнуть в замок против воли злых духов, Ник оскорбил их, и они, сдается мне, теперь мстят...

— Не бойтесь ничего, мадемуазель Мириота, мы наведем порядок в замке, обещаю вам это.

— И с Ником ничего не случится?

— Ничего. Приедут жандармы, и через несколько дней можно будет преспокойно разгуливать по двору замка словно по деревенской площади.

Графу не хотелось продолжать этот разговор с людьми, одержимыми всяческими предрассудками, и он попросил Мириоту проводить его в комнату лесничего.

Девушка поспешила выполнить его желание. Она привела его к Нику и оставила их наедине.

Больному уже рассказали о постояльцах Йонаса. Лесничий сидел в глубоком кресле, но при появлении гостя встал, как бы демонстрируя, что совсем почти оправился от непонятного паралича.

— Господин Дек, — заговорил Франц после дружеского рукопожатия, — прежде всего, хочу спросить, верите ли вы в то, что в Карпатском замке поселились духи?

— Я вынужден был в это поверить, господин граф, — ответил тот.

— Вы считаете, это они не дают проникнуть внутрь крепости?

— Не сомневаюсь.

— Почему?

— Я больше ничем не могу объяснить то, что со мной случилось.

— Вы не могли бы рассказать обо всем подробно и без утайки?

— Конечно, господин граф.

И лесничий принялся рассказывать. Он подтвердил все факты, которые граф уже объяснил для себя.

События той страшной ночи объяснялись совсем просто: в руках людей,— разбойников или кого-то там еще,— находившихся в замке, были механизмы, способные производить звуковые и световые эффекты. Что же касается доктора Патака, якобы пригвожденного к земле, скорее всего это почудилось ему со страху. На самом деле милейшему просто отказали ноги.

— Ну что вы, господин граф, чтоб ноги отказали этому трусу как раз в тот момент, когда он хотел спастись бегством? Да такого просто не могло быть, вы сами это поймете, как только взглянете на него...

— А если он всего-навсего попал ногой в какую-то западню, скрытую в траве?

— Все эти ловушки и капканы обычно защелкиваются, и от этого на коже остаются раны, а на ногах доктора никаких ран нет.

— Вы правы. Но он мог запутаться в какой-то петле на дне рва...

— А как же он тогда выбрался из нее?

Франц не нашел, что ответить.

— Не знаю, господин граф,— продолжал лесничий,— я ведь не понял толком, что произошло со мной самим. Так что не будем говорить о том, что случилось с доктором Патаком.

— Правильно, поговорим лучше о ваших злоключениях.

— Я отчетливо помню, что меня сильно потрянуло, а отчето — непонятно.

— И не осталось никаких следов?

— Никаких, господин граф, хотя удар был необычайной силы...

— Вы почувствовали удар, когда прикоснулись к скобе?

— Да, господин граф, как только я прикоснулся к ней, тут меня и трахнуло. К счастью, второй рукой я продолжал держаться за цепь, по которой соскользнул на дно рва, и в тот же миг потерял сознание.

Франц недоверчиво покачал головой.

— Поверьте, господин граф,— продолжал лесничий,— все, что я вам рассказал,— чистая правда. Мне это не во сне приснилось, да и те восемь дней, что я провалялся в постели, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой, о чем-то да говорят.

— Мне и в голову не приходило усомниться в этом, я верю, что вы пережили серьезное потрясение...

— Дьявольское!

— Вот тут мы с вами расходимся, Ник Дек,— возразил граф.— Вы считаете, что на вас напали злые духи, я же уверен, что о вмешательстве духов, злых или добрых, не может быть и речи.

— Что же тогда случилось со мной, господин граф? Как вы объясните это с точки зрения здравого смысла?

— Пока не могу ничего сказать, но будьте уверены, что в конце концов все объяснится просто.

— Дай-то Бог!

— Скажите, замок всегда принадлежал семье фон Гортцев?

— Да, господин граф. Он принадлежит им и поныне, хотя последний представитель этого рода, барон Рудольф, давно уже не бывал в этих местах, и никто понятия не имеет, где он и что с ним.

— И как давно он исчез?

— Лет двадцать назад.

— Вы говорите, двадцать?

— Да, господин граф. Через несколько месяцев после того, как барон Рудольф покинул замок, умер последний слуга, и с тех пор там никто не живет.

— За это время кто-нибудь поднимался в замок?

— Никто.

— А что говорят здешние жители?

— Все считают, что барон Рудольф умер на чужбине, почти сразу же, как уехал отсюда.

— Это не так, Николас. Пять лет назад барон был жив.

— В самом деле, господин граф?

— Да, он жил в Италии... в Неаполе.

— Вы сами видели его?..

— Видел.

— А потом?

— Больше я о нем ничего не слышал.

Лесничий задумался. Неожиданная мысль родилась в его голове, но он не решался ее высказать. Наконец Ник спросил, нахмутив брови:

— А не может ли быть так, господин граф, что барон Рудольф фон Гортц вернулся в замок и заперся там в одиночестве?

— Трудно сказать... Вряд ли.

— Может, у него есть причины прятаться от людей и никого не пускать в замок?..

— Кто знает...— задумчиво произнес Франц де Телек.

И тем не менее мысль Дека запала ему в голову. Такое вполне могло быть; этот человек, жизнь которого всегда казалась столь загадочной, вернулся к себе домой и, зная, сколь живучи в этих краях суеверия, решил укрыться в замке, не опасаясь, что кто-нибудь посмеет сунуться к нему.

Однако Франц не стал делиться своими соображениями с

жителями Верста, в противном случае ему пришлось бы рассказать им свою историю, а это не входило в его планы. Впрочем, местных он все равно не переубедил бы — граф лишний раз убедился в этом, когда Ник Дек произнес:

— Если в замке находится барон Рудольф, значит, он и есть черт! Только сам черт мог сотворить со мной такое!

Не желая больше возвращаться к этой опасной теме, Франц поспешил переменить разговор. Как мог, он успокоил лесничего, убедив парня в том, что безрассудная попытка проникнуть в замок не повлияет на его последующую жизнь. Вот только ходить туда больше не надо: это дело не лесничего, а властей и полиции, вот пусть они и занимаются тайнами Карпатского замка.

На прощание граф пожелал Нику здоровья и посоветовал не откладывать свадьбу, на которую он, Франц де Телек, непременно прибудет.

Франц вернулся в заведение Йонаса задумчивый и до вечера не выходил из своей комнаты.

В шесть часов трактирщик подал ему обед в большом зале. Никто из жителей деревни, даже сам судья Кольтц, не появился в трактире, не желая тревожить графа.

В восемь часов Рожко спросил:

— Я вам больше не нужен сегодня, хозяин?

— Нет.

— Тогда пойду выкурю трубку на террасе.

— Иди, Рожко.

Откинувшись в кресле, Франц отдался воспоминаниям. Он снова мысленно перенесся в Неаполь, в театр «Сан-Карло», на тот последний спектакль... Перед его глазами возник барон фон Гортц, внезапно вставший в ложе и устремивший свой пламенный, завораживающий взор на певицу.

Припомнил Франц и письмо, подписанное бароном, где тот обвинял его в том, что это он, Франц де Телек, якобы убил Стиллу...

Эти думы утомили и усыпили его. Но, даже погружаясь в сон, он не утратил ощущения реальности, слышал каждый шорох, каждый скрип половицы. И тут произошло нечто из ряда вон выходящее.

Франц был в зале один, абсолютно один, когда он услышал нежный, берущий за сердце голос.

Даже не подумав о том, сон это или явь, Франц выпрямился и прислушался...

Ему показалось, будто чьи-то уста приблизились к его уху и тихонько пропели музыкальную фразу:

«Nel giardino de mille fieri,
Andiamo, mio cuore...»¹

¹ В сад, где тысячи цветов,
Пойдем, мой нежный друг... (итал.)

Франц узнал исполненный нежности романс, который Стилла пела на концерте накануне последнего спектакля... В полузабытьи, уже не отдавая себе отчета в том, что происходит, молодой человек отдался очарованию мелодии и голоса... Только бы услышать его еще раз...

Пение кончилось. Голос будто угас и растворился в тишине...

Франц пришел в себя. Затаив дыхание, он старался уловить хотя бы далекое эхо голоса, проникающего прямо в душу.

Ни звука...

«Это ее голос, — сказал он себе. — Сомнений нет — это голос женщины, которую я так любил! — Но тут же граф стал разубеждать себя: — Нет, я просто спал, это всего лишь сон!»

ГЛАВА X

На следующий день граф, еще не оправившийся от ночных видений, пробудился с зарей. Он решил пройти из Верста в Колошвар — ему захотелось побывать в промышленных центрах Петрошани и Ливадзель. Затем он задержится на несколько дней в Карлсбурге, после чего проедет по железной дороге через Центральную Венгрию. На этом и закончится его путешествие.

Выйдя из гостиницы, Франц направился к краю террасы и стал рассматривать в бинокль отчетливо вырисовывающийся на утреннем небе силуэт замка.

Как быть с обещанием, которое он дал жителям Верста? Надо ли заявлять в полицию о том, что случилось в Карпатском замке?

Когда граф говорил, что раз и навсегда покончит со страхами селян, он был убежден, что в замке скрывается шайка разбойников или иных подозрительных людей, которые обосновались там и стараются сделать все, чтобы им никто не помешал.

Однако в зрелом размышлении он засомневался.

В самом деле, вот уже пять лет, как никто ничего не слышал о фон Гортце. Через некоторое время после исчезновения барона из Неаполя разнеслись слухи о его смерти. Соответствовали ли они истине? Вряд ли. Скорее всего барон фон Гортц жив, а если это так, то почему он не мог вернуться в замок предков? Возможно, Орфаник, единственный близкий барону человек, сопровождает его, и не исключено, что этот чудаковатый физик является автором спектакля, который посеял ужас во всей округе.

В этом предположении не было ничего невероятного: ведь если Рудольф фон Гортц и Орфаник захотели укрыться от людей в замке, они, безусловно, постарались сделать его непри-

ступным, что позволило бы им вести абсолютно уединенную жизнь, соответствовавшую их натуре и привычкам. Но как должен поступить в таком случае он, Франц де Телек? Вправе ли он вмешиваться в частную жизнь барона фон Гортца? Граф размышлял об этом, пока на террасе не появился Рожко. Франц поделился с ним своими мыслями.

— Очень даже может быть,— рассудил тот,— что в замке действительно поселился барон фон Гортц, который опять начал свои дьявольские козни. А коли это так, вам, хозяин, лучше ни во что не ввязываться. Пусть обитатели Верста и дальше празднуют труса, это их дело.

— Ты прав, Рожко,— согласился граф.— Давай позавтракаем и тронемся в путь.

— Все уже готово, хозяин.

— Но прежде чем спуститься в долину Силя, ты попробуй подняться на Плезу.

— Это еще зачем?

— Мне хочется подойти поближе к замку.

— С какой стати?

— Да просто так. Подъем займет всего полдня.

Рожко был не в восторге от этой затеи. К чему тратить зря время? Да и не хотелось ему, чтобы граф вновь возвращался к тяжелым воспоминаниям. Зная, однако, что хозяина так просто не переубедить, Рожко подчинился.

А Франца словно какая-то неведомая сила влекла к проклятому месту. Видно, тут сыграли роль переживания прошлой ночи, когда он услышал голос Стиллы, исполнявшей печальную арию Стефано.

Было ли это во сне?.. Де Телек вспомнил, что в этом самом зале уже звучал однажды таинственный голос — так по крайней мере утверждали завсегдатаи трактира,— а Ник Дек не посчитался с предупреждением. Граф не на шутку разволновался и принял решение подняться к замку, не пытаясь, однако, проникнуть внутрь.

Он не хотел посвящать в свои планы местных жителей, которые наверняка стали бы его отговаривать, и строго-настрого приказал Рожко хранить молчание. Пусть деревенские думают, что они направляются в Карлсбург. Глядя вниз с террасы, граф и Рожко заметили еще одну дорогу, ведущую к подножию Ретъезада, а затем — к перевалу на горе Вулкан. Значит, по ней можно подняться на склоны Плезы, не проходя через деревню и не попадаясь на глаза судье Кольтцу и остальной компании.

В полдень, оплатив явно завышенные счета, предъявленные расторопным Йонасом, Франц в сопровождении слуги двинулся в путь.

Судья Кольтц, красавица Мириота, магистр Эрмод, док-

тор Патак, пастух Фрик и другие пришли попрощаться с графом.

С трудом выбрался из своей комнаты и лесничий — видно, дело пошло на поправку, и экс-санитар не преминул приписать эту заслугу себе.

— Желаю вам счастья, Ник Дек, вам и вашей невесте.

— Благодарим от всего сердца, — застенчиво улыбнулась девушка.

— Счастливого вам путешествия! — напутствовал уходящих лесничий.

— С Богом!

— Господин граф, не забудьте о том, что вы обещали сделать в Карлсбурге, — напомнил Кольц.

— Не забуду, судья, — ответил Франц. — Но если, часом, я задержусь в дороге, вы и сами знаете, как освободиться от беспокойного соседства и сделать замок безопасным.

— Легко сказать... — пробормотал магистр.

— Нет ничего проще! Не пройдет и двух суток, как жандармы разберутся с теми, кто там укрывается.

— Если только это не злые духи, — опасливо поежился Фрик.

— Даже если это они! — возразил Франц.

— Если бы вы были тогда с нами в замке, граф, — вставил доктор Патак, — вы бы так не говорили.

— Даже если бы я был, подобно вам, парализован у стен замка столь непонятным образом...

— Да, я был парализован, вернее, ноги мои приросли к земле, точнее, подошвы... Надеюсь, вы не думаете, что я был в беспмятстве или заснул на ходу?

— Ничего такого я не думаю, доктор, и пока не собираюсь объяснять то, что кажется необъяснимым. Но, уверяю вас, когда в замок явятся жандармы, их сапоги не пустят корни во рву.

Дав таким образом отпор доктору, граф простился с трактирщиком, который был страшно горд тем, что принял под своим кровом благородного Франца де Телека. Затем он попрощался с судьей Кольцем, Ником Деком, его невестой и остальными жителями деревни, собравшимися на площади, подал знак Рожко, и оба быстрым шагом направились к назначенной дороге.

Через час Франц и его спутник оказались на правом берегу реки, откуда начали подъем на Ретьезад.

Рожко не противился решению хозяина, это все равно ни к чему бы не привело. Солдат привык подчиняться приказу и был уверен, что в случае необходимости сумеет прийти графу на помощь.

Они прошагали два часа и остановились передохнуть.

Валашский Силь в этом месте поворачивал вправо и под-

ходил вплотную к дороге. Слева, примерно в полумиле или чуть дальше, над лесами Плезы высилось плато Оргалл. Путникам нужно было уклониться от Силя, так как Франц хотел подойти к замку по гребню хребта.

Тропа петляла, что заметно удлиняло путь, и все же Франц и Рожко еще засветло добрались до плато, надеясь до наступления темноты осмотреть замок с внешней стороны, и к вечеру незаметно спуститься на дорогу, ведущую к Версту. Ночь Франц намеревался провести в Ливадзеле, маленьком особняке у слияния двух рек, а поутру отправиться в Карлсбург.

Погруженный в свои мысли, Франц за все время не проронил ни звука. Быть может, за этими стенами скрывается сейчас барон фон Гортц?

Рожко с трудом сдерживался, чтобы не сказать: «Бесполезно идти дальше, хозяин, давайте поскорее уйдем из этого проклятого места!»

Наконец они начали спускаться с гребня хребта, продираясь сквозь чашу, где не было видно ни одной тропы. Ноги то и дело попадали в рытвины: в дождливые месяцы Силь нередко выходил из берегов и вода, разлившись, превращала долину в топь. Дорога стала неровной, пришлось идти медленнее. Примерно через час путники приблизились к перевалу через гору Вулкан и одолели его без большого труда.

Правый склон Плезы оказался не столь непроходимым, как противоположный, поросший густым лесом, сквозь который Ник Дек смог продраться лишь с помощью топора. Впрочем, здесь встретились трудности иного рода — обвалы морен, по которым приходилось ступать с величайшей осторожностью: ноги то и дело проваливались в ямы, задевали за камни, осыпавшиеся вниз, или за обломки скал, торчавшие точно альпийские ледяные наросты. Груды огромных камней, сваленных бурей с вершины горы, зримо воплощали первозданный хаос.

Пробраться через густой кустарник тоже оказалось нелегко. Это отняло много времени. Подходы к замку были такими трудными, что другой защиты фактически не требовалось. Рожко втайне надеялся, что дорога в конце концов станет вовсе непроходимой и это не позволит им идти дальше.

Но вот камни и рытвины остались позади, и путники приблизились к высокому краю плато Оргалл. Отсюда замок был виден как на ладони: он высился посреди мрачной безлюдной пустыни, пустыни ужасов...

Надо заметить, что Франц и Рожко вышли к замку со стороны северного крепостного вала, тогда как Ник Дек и доктор Патак подошли к нему, видимо, со стороны восточной куртины. Если повернуть налево от Плезы, река Ньяд и дорога к вершине оказались бы по правую руку. Эти два направления составляли тупой угол, вершиной которого являлась центральная башня.

С северной стороны не было ни ворот, ни подъемного моста, а крепостной вал круто устремлялся вверх. Проникнуть отсюда в замок было нельзя, впрочем, граф и не собирался это делать.

В половине восьмого Франц де Телек и Рожко остановились на границе плато Оргалл. Перед ними дыбилося чудовищное нагромождение камней, тонувшее в тени, которую отбрасывали утесы Плезы. Над зубчатым парапетом фортификационной площадки покачивался на ветру бук, ветви которого изуродовали шквальные юго-западные ветры.

По всей видимости, пастух Фрик не ошибался: согласно легенде, старому замку баронов фон Гортцев оставалось стоять едва ли более трех лет.

Франц молча глядел на ансамбль строений, над которыми возвышалась центральная башня. Там, внутри, наверное, сводчатые залы, лабиринт длинных гулких коридоров и подземные ходы, без которых не обходится ни одна старинная крепость. Замок этот как нельзя более подходил бы последнему потомку семейства фон Гортцев, пожелай он бежать от мира и похоронить тут себя и свои тайны. Чем больше думал об этом граф, тем больше утверждался в мысли, что Рудольф фон Гортц должен скрываться именно здесь.

Однако ничто не говорило о том, что замок обитаем. Дым из трубы не шел, окна были плотно закрыты. Даже птиц не слышно было окрест — старинная крепость тонула в непроглядном мраке.

Франц пытливым взором окинул стены замка. Когда-то тут собирались рыцари, шумели пиры, а иногда и скрещивались мечи. Граф стоял молча, не произнося ни слова, ум его был поглощен тяжкими воспоминаниями, а сердце разрывалось от боли.

Предоставив графу размышлять, Рожко все время был настороже. И тоже безмолвствовал. Когда же последние солнечные лучи покинули лесной массив Плезы и в долине двух Силей начали сгущаться тени, старый солдат решил:

— Хозяин,— окликнул он графа,— близится ночь. Скоро восемь...

Франц, казалось, не слышал его.

— Пора спускаться,— напомнил Рожко,— если, конечно, мы собираемся ночевать в Ливадзеле. Не то все гостиницы закроются.

— Сейчас... сейчас пойдем,— отозвался наконец граф.

— Нам еще не меньше часа спускаться к дороге. Скоро совсем стемнеет.

— Еще только одну минуту...— говорил граф, а сам все медлил.

— Простите мне мою настойчивость, но в темноте трудно

пробирайтесь среди скал. Мы и днем-то по этим камням едва прошли...

— Да, Рожко, идем. Иди вперед, а я пойду следом...

Казалось, что замок притягивает к себе Франца, что его терзают какие-то смутные предчувствия, разрывающие сердце... А может, ноги его приросли к земле, как ноги доктора Патака? Нет, ничто не мешало де Телеку пройти по плато, вдоль укреплений, но ему не хотелось этого.

Не хотелось...

— Вы идете, хозяин? — не выдержал Рожко.

— Да... — отвечал Франц, по-прежнему не двигаясь с места.

Плато Оргалл уже погрузилось во тьму. Широкая тень гор, поднимаясь к югу, наползала на замок, смазывая и искажая его силуэт, который становился все более расплывчатым. Скоро и совсем ничего не будет видно, если, конечно, в узких окнах башни не появится свет.

— Идемте, хозяин! — звал Рожко.

Наконец Франц сделал несколько шагов, и тут на площадке, где рос легендарный бук, появилась какая-то неясная тень...

Франц повернул голову, разглядывая силуэт человека, который становился все отчетливее.

Это была женщина с распущенными волосами, в длинных белых одеждах; она стояла, вытянув руки вперед.

Не в этом ли белом платье выходила Стилла в финальной сцене «Орlando», когда Франц де Телек видел ее в последний раз?

Да, это была Стилла. Она застыла в неподвижности, протянув руки навстречу графу, обратив к нему пристальный взгляд.

— Она!.. Она!.. — закричал Франц.

Он стремительно бросился к подножию стены, но Рожко удержал его.

Видение исчезло. Граф видел Стиллу не более минуты, но ему хватило бы и секунды, чтобы узнать любимую.

— Она жива!.. Жива!.. — потрясенно шептал он.

ГЛАВА XI

Возможно ли это? Стилла, которую Франц де Телек уже не мечтал увидеть вновь, явилась ему на площадке бастиона!.. О галлюцинации не могло быть и речи: Рожко видел женскую фигуру так же отчетливо, как и он сам... Это была Стилла в костюме Анжелики, точно такая же, какой актриса предстала перед публикой на прощальном спектакле в театре «Сан-Карло»!

Ужасное открытие потрясло графа. Значит, его любимая,

которая должна была стать графиней де Телек, прожила эти пять лет в заточении, здесь, в самом сердце трансильванских гор! Но ведь он собственными глазами видел, как она замертво упала на сцене... Значит, она осталась жива... Пока он оплакивал Стиллу, барон Рудольф сумел проникнуть в дом певицы, похитил ее и увез в Карпатский замок, а могила на кладбище в Санто-Кампо-Нуово в Неаполе осталась пустой!

Все это казалось невероятным, чудовищным и противоречило здравому смыслу. Воскрешение Стиллы — это чудо, какого еще никогда не бывало! Франц не знал, что и думать... Но ведь он видел ее, это факт. Значит, Стилла действительно похищена бароном фон Гортцем, и теперь она здесь, в замке!.. Она жива, он только что видел ее наверху, на площадке... Он абсолютно уверен в этом.

Граф попытался собраться с мыслями. Все они концентрировались на одном — нужно вырвать Стиллу из рук этого чудовища, освободить из пятилетнего плена.

— Рожко,— дрожащим голосом произнес Франц,— послушай и постарайся понять... мне кажется, я сошел с ума!..

— Хозяин! Дорогой хозяин!

— Я должен проникнуть к ней любой ценой, нынче же вечером!

— Лучше завтра...

— Нет, сейчас!.. Она там! Она видела меня так же, как и я ее!.. Она ждет...

— Тогда и я пойду с вами!..

— Нет, я пойду один.

— А как вы проникнете в замок? Ник Дек не смог...

— А я смогу!

— Но ведь ворота закрыты.

— Для меня откроются... Я буду искать, я отыщу трещину в стене и проберусь внутрь.

— И вы не хотите, чтобы я пошел с вами, хозяин? Правда, не хотите?

— Нет, мы сейчас расстанемся, и тем самым ты поможешь мне.

— Мне дожидаться вас здесь?

— Нет, Рожко. Ты пойдешь в Верст... или нет, в Верст не стоит. Нельзя, чтобы там узнали. Спустись лучше в деревню Вулкан и переночуй там... Если утром я не догоню тебя, сразу же отправляйся в путь... Впрочем, нет, пережди несколько часов, а потом отправляйся в Карлсбург — и прямым ходом в полицию. Расскажешь все начальнику... Возвращаясь сюда с жандармами, и, если понадобится, пусть возьмут замок приступом и освободят ее!.. О, Боже!.. Стилла жива... Она в руках Рудольфа фон Гортца!..

По тому, как граф бросал эти отрывистые фразы, Рожко мог судить, насколько встревожен его хозяин.

— Иди, Рожко! — выкрикнул тот.

— Это приказ?..

— Да!

Слуге ничего другого не оставалось, как повиноваться. Граф исчез, и Рожко тщетно пытался разглядеть его во мраке ночи.

Несколько минут солдат стоял в сомнении, не решаясь покинуть хозяина в такую минуту. В темноте он наверняка не сумеет преодолеть стену замка и вынужден будет спуститься в деревню... Он появится либо утром, либо сегодня ночью, и они вместе направятся в Карлсбург. То, что не под силу ни Францу, ни лесничему, сделают жандармы. Уж они-то справятся с бароном и сумеют вырвать из его когтей несчастную Стиллу... Они обшарят весь Карпатский замок и, если будет нужно, не оставят от него камня на камне, даже если все силы преисподней кинутся его защищать!

Рожко начал спускаться с плато Оргалл по направлению к деревне Вулкан.

Тем временем, пробираясь вдоль стены, Франц обогнул угловой бастион, возвышавшийся с левой стороны. Тысячи мыслей теснились у него в голове. Он уже не сомневался, что барон фон Гортц находится в замке, раз Стилла здесь... Кто же удерживает ее в замке, если не барон! Она жива! Но как добраться до нее? Как освободить ее, вывести из замка?.. Еще не зная, как, он был уверен, что сделает это... Препятствия, которые не удалось преодолеть Нику Деку, преодолел Франц де Телек! Ведь его привело в эти руины не простое любопытство, его вела любовь к женщине, которую он горько оплакивал столько лет и вдруг обнаружил, что любимая его жива...

Франц решил, что единственное место, где можно проникнуть в замок, — южная куртина: там была дверь, и к ней вел подъемный мост. О том, чтобы перелезть через высокую стену, нечего было и думать. Он прошел по краю плато и обогнул угол бастиона.

Днем добраться до двери было бы нетрудно. Однако ночью, пока не взошла луна, это безумие. Одно неверное движение — и он свалится в ров, разобьется о скалы и вызовет камнепад.

Франц медленно шел в сторону башни, ведя по стене рукой, чтобы не сбиться с пути. В него словно влились новые силы, казалось, смельчака ведет безошибочный инстинкт.

Сразу же за бастионом он увидел южную куртину, к которой вел подъемный мост. На его несчастье, мост поднят!..

Препятствия множились. Из-за огромных валунов, усеявших плато, пробираться вдоль стены было невозможно, пришлось отклониться в сторону. Трудно даже себе представить, каково приходится человеку, пытающемуся отыскать дорогу через Карнак, где повсюду громоздятся каменные столбы, на-

поминающие дольмены и менгиры¹. И никаких указующих знаков, идти приходится наугад в кромешном мраке, когда верхушку центральной башни уже невозможно разглядеть.

И все-таки Франц медленно продвигался вперед, перелезая через обломки скал, преграждавшие ему путь. Он цеплялся за камни, обдирая руки о чертополох и кустарник, а над его головой низко летали орланы, издававшие хриплые крики.

Отчего же не звонит колокол старой часовни, как зазвонил он при появлении лесничего и доктора? Почему не загорается яркий луч за зубцами башни? Он пошел бы на этот звук и на этот свет, как моряк направляет судно на звук штормовой sireны или на огонь маяка!

Но вокруг — ничего, кроме глубокой, густой темноты, где в нескольких шагах уже не видно ни зги.

Прошло не меньше часа. По тому, как тропинка уходила куда-то влево, Франц понял, что сбился с пути. Может быть, он спустился ниже потайной двери или прошел выше моста?

Он остановился... Куда идти? Неужто придется дожидаться рассвета? Но его, наверное, уже увидели из замка, и теперь Рудольф фон Гортц следит за каждым его шагом.

В замок надо проникнуть сейчас, ночью, а он совершенно не ориентируется в темноте...

— Стилла!.. Моя Стилла!.. — в отчаянии вскрикнул граф.

Неужели он вообразил, будто пленница услышит его и отзовется? Снова и снова выкрикивал он ее имя, повторяемое горным эхом.

И вдруг яркий сноп света ударил ему в глаза. Свет шел откуда-то сверху, скорее всего — из центральной башни.

От волнения у Франца голова пошла кругом. Он не сомневался, что это Стилла зажгла для него свет. Она, несомненно, увидела его с площадки бастиона и теперь подает ему сигнал, указывая путь.

Он двинулся на свет, который становился все ярче по мере приближения к нему. Так как перед этим Франц взял слишком круто влево, ему пришлось пройти несколько шагов вправо, к подножию стены, которое он определил на ощупь.

Свет бил ему в лицо — очевидно, он исходил из какого-нибудь окна на башне.

Теперь оставалось последнее препятствие, скорее всего непреодолимое. Если дверь окажется запертой, а мост поднятым, придется спуститься к подножию куртины. Но как он взберется оттуда на стену высотой в пятьдесят футов?

¹ Дольмены и менгиры — доисторические памятники. Дольмен представляет собой надгробие из больших плит, поставленных вертикально и накрытых такими же плитами. Такие надгробия часто встречаются в Бретани. Менгиры — памятники в виде установленных вертикально каменных блоков.

Франц подошел к опоре моста. Мост был опущен... Только бы дверь оказалась открытой!

Не раздумывая ни секунды, Франц пробежал по мосту и толкнул дверь.

Она подалась.

Франц стремглав бросился под темные своды. Не успел он сделать и нескольких шагов, как мост поднялся со страшным скрежетом и дверь захлопнулась.

Граф Франц де Телек оказался пленником Карпатского замка.

ГЛАВА XII

И жители Трансильвании, и туристы, которые совершали восхождения и спуски по горным тропам хребта Вулкан, знали Карпатский замок лишь по его внешнему виду. На значительном расстоянии, где страх останавливал самых отчаянных смельчаков, полуразрушенный замок представал огромной, бесформенной грудой камней.

Однако внутри крепости не видно было почти никаких разрушений. Укрывшиеся за толстыми стенами строения хорошо сохранились, и в них мог свободно разместиться большой гарнизон.

Просторные сводчатые залы, глубокие подземелья, множество переходов, длинные коридоры, где сквозь трещины в полу пробивалась трава, огромные подвалы, куда не достигал дневной свет, вырубленные в каменных стенах лестницы, освещенные тусклым светом, проникающим сквозь узкие бойницы... Центральная трехэтажная башня с довольно удобными жилыми помещениями была окружена галереей с зубчатым парапетом, а всевозможные фортификационные сооружения соединялись бесконечным лабиринтом переходов, поднимающихся до площадки бастиона и спускающихся в глубину подземного этажа. Здесь же было несколько цистерн для сбора дождевой воды, избыток которой стекал по трубам в Ньяд. Хорошо сохранились и длинные подземные ходы, ведущие к дороге через перевал. Геометрический план замка отражал столь же сложную систему, как сеть лабиринтов Порсенны, Лемноса и Крита¹.

Точно Тесея², снедаемого страстью к дочери Миноса³, необоримое чувство вело графа по бесконечным извилинам крепостных переходов. Однако в руках у него не было нити Ариадны, которая вела греческого героя.

¹ Порсенна, Лемнос и Крит — острова в Эгейском море.

² Тесей — мифический герой, сын афинского царя Эгея (или Посейдона) и Эфры.

³ Минос — в греческой мифологии сын Зевса и Европы, могущественный и справедливый царь Крита и прилегающих островов; жил до Троянской войны.

Одна-единственная мысль владела юношей: во что бы то ни стало проникнуть в замок! И он сделал это. А ведь ему прежде следовало подумать: почему мост, поднятый днем, опустился, будто специально для того, чтобы его пропустить. Ему бы подумать, почему дверь сама собой захлопнулась за его спиной! Но он ни о чем не думал. Главное, удалось попасть в замок, где Рудольф фон Гортц прячет Стилла. Франц готов был пожертвовать собственной жизнью, чтобы отыскать возлюбленную.

Галерея, куда попал де Телек, широкая, с высокими сводчатыми перекрытиями, уходила во тьму. Идти по растрескавшимся плитам пола было трудно.

Граф приблизился вплотную к левой стене и медленно пошел, ведя по ней рукой, ощупывая все ее неровности, образованные наростами солей. В тишине отчетливо звучали его шаги, им вторило гулкое эхо. Теплая струя воздуха, отдающего гнилью, подталкивала его в спину, и он шагал все дальше по длинной галерее.

Вот он поравнялся с каменной колонной, отмечавшей поворот налево, и оказался в узком коридоре. Подняв руку над головой, Франц коснулся потолка и снова пошел вперед, слегка нагнувшись, стараясь не потерять направление.

Шагов через двести коридор сделал еще один поворот, шагов через пятьдесят повернул снова и потянулся в обратном направлении. Куда ведет этот коридор? К куртине или к подножию башни?

Франц ускорил шаги, то и дело спотыкаясь о камни, попадая в расщелины или натыкаясь на крутой поворот. Время от времени встречались проемы в стене, которые вели куда-то в сторону, но кругом было так темно, что ориентироваться в этом лабиринте мог только крот.

Не один раз де Телеку пришлось возвращаться, бредя по лабиринту вслепую, боясь, что какая-нибудь плита вот-вот провалится под ногой и он угодит в колодец-ловушку, откуда никогда не выберется. Ступая с предельной осторожностью, держась за стены, граф медленно продвигался вперед. Сейчас ему было не до размышлений.

Поскольку Францу не пришлось больше ни подниматься, ни спускаться, он пришел к заключению, что находится в основном здании замка. Оставалось надеяться, что коридор приведет его в конце концов к центральной башне, туда, где начинается лестница.

Должен же как-то сообщаться вход в замок с остальными строениями! Когда тут жила семья баронов фон Гортцев, им, вероятно, не приходилось всякий раз преодолевать эти бесконечные коридоры. Вторая дверь, расположенная напротив входа, рядом с первой галереей, открывалась в оружейный

зал, в центре которого и поднималась лестница в башню, но Франц этого не знал.

Не меньше часа блуждал он по лабиринту, то и дело прислушиваясь и не решаясь крикнуть, позвать Стилла — это могло донестись до башни. И все же Франц не отчаивался; у него еще есть силы, и он одолеет все препятствия.

Но вот молодой человек стал уставать, еще не отдавая себе в этом отчета. Он ничего не ел с тех пор, как они с Рожко покинули Верст. Очень хотелось пить. Теперь он ступал менее уверенно, чувствуя, как подкашиваются у него ноги. От сырого и теплого воздуха стала влажной одежда; сердце забилось учащенно, он задыхался.

И вдруг, сделав очередной шаг, Франц не ощутил под ногой пола. Он нагнулся, нащупал ступеньку, потом другую... Лестница уходила вниз, в подземелье.

Спускаясь по ней, де Телек насчитал семьдесят семь ступеней и наконец оказался в извилистом темном коридоре, в котором скоро заблудился.

Он бродил по нему с полчаса, пока не выбился из сил. И тут впереди, в двухстах или трехстах шагах, показалась светящаяся точка.

Откуда идет этот свет? Какого он происхождения? Может быть, это блуждающие огни — где-то в глубине земли воспламенился водород? Или кто-нибудь из обитателей замка прошел с фонарем?

А вдруг это она?!

Франц вспомнил, что один раз огонь уже указал ему дорогу ко входу, когда он заблудился среди скал. Если тогда Стилла зажгла для него свет в окне башни, может, это снова она указывает ему путь в извилистых переходах?

Едва владея собой, Франц стал всматриваться во тьму. Ему показалось, что неяркий свет исходит из подземного склепа в конце коридора.

Шатаясь, Франц добрался до узкой двери и, споткнувшись, упал на пороге.

Склеп хорошо сохранился — он был правильной круглой формы, высотой примерно в двенадцать футов. Стрельчатый свод опирался на капители восьми мощных колонн, деревянные переплеты лучами вздымались к своду арки, где был подвешен стеклянный шар, источающий желтоватый свет.

Прямо против входа, между двух колонн, виднелась другая дверь. Франц с трудом доплелся до нее, но открыть не смог.

В этом тесном помещении имелась кое-какая мебель: кровать или, скорее, топчан из выдолбленного ствола дуба, на котором лежала сбившаяся комом постель; скамейка на витых ножках, прикрепленный к стене железным кронштейном стол, на котором стоял кувшин с водой, блюдо с куском холодной ди-

чи и большим ломтем хлеба. В углу плескалась вода, переливаясь через край бассейна и утекая в отверстие у основания чаши.

Не означало ли убранство этого помещения, что тут ждали гостя и приготовили все для его встречи? Иначе говоря, тюрьма ожидала узника, и этим узником был Франц, которого заманили сюда хитростью.

Однако мысли молодого человека были так сумбурны, что он все еще не распознал ловушки. Измученный, голодный, он жадно проглотил еду, которую нашел на столе, и, запив ее водой из кувшина, повалился на постель в надежде, что короткий отдых восстановит его силы.

Франц попытался собраться с мыслями, но они утекали, точно вода из горсти.

Что делать? Дождаться рассвета и возобновить поиски? Неужели воля его сломлена и он больше ни на что не способен?

«Нет,— сказал он себе,— я не стану ждать! Надо искать путь в башню, я должен попасть туда нынче ночью...»

Внезапно тусклый свет, что лился из шара, укрепленного в центре свода, погас, и все погрузилось во тьму.

Граф попытался встать, но не смог: его мозг затуманился, течение мысли разом остановилось, точно стрелки часов, у которых кончился завод. Это был странный сон: какая-то тяжесть навалилась на него, и душа словно перестала существовать.

Франц не понял, сколько длился сон. Когда он проснулся, часы стояли, и он не смог определить время. Помещение было залито тусклым искусственным светом.

Франц вскочил и бросился к первой двери — она оказалась открытой. Вторая дверь была заперта, как и прежде.

Он попытался сообразить, где он и что с ним, но это удавалось ему с трудом. Сказывалось утомление, а голова... она была пуста и тяжела.

«Сколько времени я спал? Ночь сейчас или день?..»

В склепе ничего не изменилось, если не считать зажженного светильника, свежей еды и кувшина, полного воды. Кто-то входил сюда, пока он спал... Значит, тут знали, что граф попался в ловушку? Неужели он приговорен к вечному заточению и никогда больше не увидит людей?

Не бывать этому! Он убежит, найдет коридор, который ведет к выходу, и выберется отсюда...

Выберется?.. Франц вспомнил, с каким скрежетом закрылась за ним тяжелая входная дверь...

Все равно, он постарается добраться до стены и через амбразуру вылезет наружу... Нужно бежать из замка, чего бы это ни стоило!

А Стилла?.. Как же она без него?.. Как уйти, оставив ее в лапах Рудольфа фон Гортца?..

Если ему самому не удастся ничего сделать, он призовет на помощь жандармов, которых Рожко должен привести из Карлсбурга в Верст. Они приступом возьмут старую крепость и обыщут замок сверху донизу...

Теперь, когда решение было принято, Франц не хотел терять времени. Он встал и направился к коридору, по которому пришел сюда, и в этот момент за второй дверью слышались звуки приближающихся шагов. Франц прижался ухом к двери и затаил дыхание...

Шаги приближались. Казалось, кто-то осторожно переступает со ступеньки на ступеньку. Значит, там есть еще одна лестница, которая, очевидно, ведет из склепа во внутренние коридоры.

Приготовившись к любой неожиданности, Франц снял с пояса кинжал. Если войдет кто-то из слуг барона, он бросится на него, вырвет ключи и попытается выбраться на верхнюю площадку башни. Если же появится сам барон фон Гортц — а граф сразу узнает этого человека, которого хорошо запомнил в тот день, когда Стилла упала на сцене театра «Сан-Карло», — ему не будет пощады!

Шаги затихли. Франц не дыша ждал, когда отворится дверь. Но она оставалась закрытой, и из-за нее донесся бесконечно нежный голос.

Это был голос Силлы, только очень слабый: граф узнал все его модуляции, его невыразимое очарование... Совершенный инструмент высокого искусства, который, как он думал, умер вместе с его обладательницей.

Стилла запела арию, которую Франц слышал в большом зале трактира в Версте:

«Nel giardino de'mille fiori,
Andiamo, mio cuore...»

Голос проникал в самую душу... Франц вдыхал его, упивался им, как божественным вином, а Стилла, будто приглашая его следовать за собой, все повторяла:

«Andiamo, mio cuore...
Andiamo...»

Однако дверь все не открывалась!.. Он не мог приблизиться к Силле, не мог дотронуться до нее, поднять на руки и унести из замка...

— Стилла... Стилла моя!.. — вскричал Франц.

Он бросился к двери и стал колотить в нее кулаками. Она не поддавалась.

Пение начало затихать, голос замирал вдали, шаги удалялись...

Опустившись на колени, Франц пытался выломать дверь. Раздирая руки о гвозди, он звал Стилла, голос которой уже почти не был слышен.

Ужасная мысль молнией пронзила его:

«Она сошла с ума, потому и не узнала меня, не ответила на мой зов... Пять лет она томилась здесь, во власти этого человека... Бедная Стилла, у нее помутился рассудок...»

Франц встал, глаза его блуждали, голова была в огне...

«Я тоже схожу с ума... у меня путаются мысли. Я схожу с ума, как и она...»

Он метался по склепу, точно дикий зверь в клетке.

— Нет,— твердил он себе,— нельзя терять голову! Я должен вырваться из замка... И я вырвусь!

Он бросился к первой двери, но теперь и она была заперта. Кто-то бесшумно запер ее, а он не заметил этого...

Теперь граф де Телек стал не только пленником замка, он стал пленником этого склепа.

ГЛАВА XIII

Франц чувствовал себя уничтоженным. Как он и опасался, способность к размышлению, трезвый рассудок, который помог бы ему разобраться во всем, покинули его. Единственное, что владело им,— это воспоминание о Стилле, о ее пении, которое эхо темного склепа больше не доносило сюда.

Может, он стал жертвой собственной фантазии? Нет, тысячу раз нет! Он слышал голос Стилла и видел ее на башне замка.

А потом, когда его пронзила мысль о том, что Стилла помещалась, он понял, что теряет ее во второй раз.

— Безумна!..— повторял он.— Она не узнала моего голоса, не ответила на мой зов... Стилла безумна!

Это было более чем вероятно.

О, если бы он мог вырвать ее из заточения, увезти к себе, в Крайову, посвятить ей всю жизнь, окружить ее заботой, она наверняка выздоровела бы!

Франц повторял это снова и снова, будто в бреду, и много часов протекло, прежде чем он пришел в себя.

Теперь он попытался рассуждать хладнокровно и разобраться в хаосе мыслей.

«Надо бежать отсюда... Но как? Дождаться, когда откроется дверь. Они приносят еду, когда я засыпаю. Я подстерегу их, сделаю вид, что сплю...»

И тут у него закралось подозрение: очевидно, они что-то подсыпают ему в воду, какое-то дурманящее зелье... Этот тяжелый сон, похожий на беспмятство, на небытие,— наверня-

ка от этого питья. Больше он не станет пить эту воду... И есть тоже не станет. Кто-нибудь из слуг скоро явится, и тогда...

Что тогда? Что он предпримет? Интересно, какое теперь время суток? Рассвет? Закат? День? Ночь?

Франц настороженно прислушивался, не раздадутся ли шаги, не подойдет ли кто-нибудь к двери, но все было тихо. Он бродил впотьмах от стены к стене, чувствуя, как горит у него голова и шумит в ушах. Ему стало нечем дышать — воздух проникал сюда только через дверные щели...

Внезапно из-за перегородки в углу повеяло свежим воздухом. Наверное, за этой перегородкой есть еще один проход, о котором он не подозревал.

Между двух перегородок он обнаружил узкий коридор, откуда струился слабый свет, падающий откуда-то сверху. По этому коридору Франц попал в небольшой внутренний дворик, не более шести-семи шагов в длину, окруженный высокими стенами и походивший скорее на колодец, примыкающий к этой подземной камере. Через этот колодец в склеп проникал скудный свет.

Франц понял, что сейчас день. Подняв глаза, он увидел, что солнечные лучи косо падают на край колодца. Солнце уже прошло, по-видимому, половину своего пути, так как конус света сужался.

Было что-нибудь около пяти. Выходит, он спал не меньше сорока часов. Разве мог он проспать столько в обычном состоянии? Наверняка ему дали снотворное.

Воздух во дворике был сырой, но Франц вдыхал его полной грудью, чувствуя новый прилив сил. Однако надежда вырваться отсюда через узкую каменную трубу оказалась несбыточной: подняться по гладким, без единого выступа стенам было невозможно.

Франц вернулся в склеп. Поскольку убежать можно было лишь через одну из дверей, он решил еще раз проверить, заперты ли они.

Первая дверь, через которую он вошел, была очень тяжелая и массивная, должно быть, запиралась снаружи на железный засов. Нечего было и пытаться открыть ее. Вторая дверь, за которой он слышал голос Стиллы, казалась не такой прочной. Некоторые доски на ней прогнили. Может, удастся их выломать?

Франц решил пробиваться на волю через эту дверь. Однако времени у него было мало: кто-нибудь мог внезапно появиться здесь, считая, что он крепко спит под действием снадобья.

Граф принялся за работу. Дело спорилось, да так, как он даже не смел и мечтать. От сырости дерево стало трухлявым, особенно там, где был врезан замок. Молодой человек работал почти бесшумно. Он орудовал ножом, надеясь вырезать замок,

и при этом время от времени останавливался и прислушивался, не идет ли кто-нибудь.

Часа через три он закончил работу, и дверь со скрипом отворилась. Франц снова вышел во двор, чтобы отдышаться.

Света в колодце почти уже не было, значит, солнце зашло за Ретъезад. Двор погрузился в темноту. Несколько звезд появилось на клочке неба, который был виден из колодца, словно в телескоп. Медленно проплывали облака, гонимые тихим ночным ветерком. Из-за гор на востоке, похоже, выкатилась луна — Франц уловил ее отсветы.

Время близилось к девяти. Франц вернулся в свою «камеру», поел, напился воды из бассейна и вылил воду из кувшина. Затем он спрятал нож в ножны и вышел.

Вдруг он встретит сейчас бедняжку Стиллу, блуждающую по подземным галереям? От одной этой мысли сердце у него едва не выскочило из груди.

Сделав еще несколько шагов, он наткнулся на ступеньку — отсюда начиналась лестница. Он стал подниматься, считая ступени, и насчитал шестьдесят вместо семидесяти семи, которые вели к skleпу. Значит, до поверхности земли оставалось футов восемь.

Не придумав ничего лучшего, он начал шаг за шагом продвигаться по темному коридору, ошупывая стены. Прошло полчаса, а Франц все шел и шел, не встречая на своем пути ни дверей, ни решеток. Однако многочисленные повороты запутали его, и он теперь затруднялся определить свое местонахождение относительно куртины, обращенной к плато Оргалл.

Он остановился и перевел дыхание, потом пошел дальше. Коридору, казалось, не будет конца. И вдруг возникло препятствие.

Кирпичная стена!

Он провел по ней рукой и не обнаружил ни единой щели. У Франца вырвался невольный стон: все его надежды разбились об эту стену. Колени у него подогнулись, и он упал.

Коснувшись нижней части стены, он обнаружил, что она прилегает к полу неплотно, что свежая кладка не успела застыть и кирпичи шевелятся под его рукой.

— Выход был здесь! — воскликнул граф.

Он принялся вынимать кирпичи один за другим, но тут из-за стены послышался шум. Узник замер, луч света проник в проделанную в стене дыру. Франц осторожно заглянул в нее.

Перед ним была старая семейная капелла в самом плачевном состоянии — время и запустение сделали свое дело. Свод обвалился, несколько арок готического стиля с грехом пополам держалось на пузатых колоннах, другие арки грозили обрушиться в любую минуту; тусклый свет падал из окон с разломанными ажурными рамами эпохи высокой готики. И всюду — покрытые пылью мраморные надгробья, под которыми

покоились предки баронов фон Гортцев. От алтаря с облупленными скульптурами мало что осталось. Куски крыши сохранились лишь над апсидой, разрушенной бурями. Над порталом Франц увидел ветхую колокольню, с которой свешивалась веревка от колокола: именно он, этот колокол, временами раскачивался от ветра и звонил, приводя в неописуемый ужас окрестных крестьян, если ночная темень застигала их на горных дорогах.

В заброшенной часовне было пусто. Но вот в ней появился человек с фонарем, свет от которого падал на его лицо.

Франц сразу узнал его. Это был Орфаник, единственный приближенный барона, постоянно сопровождавший его, когда тот останавливался в больших итальянских городах, странный субъект, который бродил по улицам, размахивая руками и разговаривая сам с собой, непризнанный ученый, честолобивый изобретатель, всю жизнь гоняющийся за химерами. Наконец-то его таланты нашли достойное применение на службе у Рудольфа фон Гортца.

Если до этой минуты Франц не был вполне уверен в том, что барон здесь, в замке, то теперь в этом можно было не сомневаться.

Что делал этот человек в разрушенной капелле в столь поздний час?

Францу захотелось узнать это. Он увидел, как Орфаник наклонился и поднял с пола какие-то железные цилиндры, затем прикрепил к ним провод, намотанный на катушку, которую подобрал в углу. Он был так поглощен своим делом, что не заметил бы графа, даже если б тот приблизился к нему вплотную.

Жаль, что пролом, который успел проделать Франц, был не настолько широк, чтобы пролезть в него. В противном случае молодой граф проник бы в капеллу и бросился на Орфаника, заставив показать путь в башню.

К счастью, он не мог этого сделать. Если бы ему не удалось справиться с Орфаником, барон фон Гортц заставил бы Франца жизнью заплатить за то, что тот проник в его тайну.

Спустя несколько минут в капеллу вошел еще один человек. Это был барон Рудольф фон Гортц.

Незабываемое лицо его почти не изменилось. Он даже как будто не постарел, так, по крайней мере, казалось при свете фонаря, стоявшего на полу. Седеющие волосы были по-прежнему откинуты назад, и все так же горели глаза в глубоких глазницах.

Рудольф фон Гортц подошел и стал следить за работой Орфаника. Между ними произошел такой разговор:

- Вы закончили с часовней, Орфаник?
- Да, только что.
- А в казематах все готово?

- Все.
- Бастионы и часовня напрямую связаны с башней?
- Да.
- Когда механизм будет приведен в действие, мы успеем скрыться?
- Да.
- Вы проверили туннель, который ведет в горы? Путь свободен?
- Да.

На какое-то время повисла тишина, потом Орфаник взял фонарь и, подняв его, осветил часовню.

— О, мой старый замок! — воскликнул барон. — Дорого же ты обойдешься тем, кто захочет взять тебя приступом!

Зловещий тон Рудольфа фон Гортца заставил графа вздрогнуть.

— Что говорят в Версте? — спросил барон.

— Пятьдесят минут назад я по прямому проводу слышал разговор в трактире «Король Матиаш».

— Приступ назначен на ночь?

— Нет, на утро.

— А когда этот... как его... Рожко вернулся в Верст?

— В два часа. Он привел жандармов из Карлсбурга.

— Ладно. Раз уж замок защитить невозможно, — проговорил барон фон Гортц, — пусть он погребет под своими обломками Франца де Телека и всех, кто придет к нему на помощь.

Он помолчал.

— Как быть с проводом, Орфаник? Они не должны узнать о существовании связи между замком и Верстом...

— Никто ничего не узнает, я уничтожу провод.

Теперь настало время дать объяснение некоторым феноменам, которые описывались в ходе нашего повествования. Пришло время открыть тайну.

В те годы — напоминаем, что все эти события происходили в самом конце XIX века, — было открыто электричество, по праву названное «душой Вселенной». Знаменитый Эдисон с учениками довели его применение до совершенства.

Наряду с другими аппаратами был изобретен телефон, и звуки, усиленные мембраной, могли передаваться слушателю без помощи слухового рожка. Не только пение, но даже слова, произнесенные шепотом, можно было услышать на любом расстоянии, и два человека, отделенные друг от друга расстоянием в тысячу миль, могли беседовать так, словно сидели друг против друга.

Вот уже много лет Орфаник, неизменный спутник барона Рудольфа фон Гортца, занимался практическим применением электричества. Он был первостатейным изобретателем. Но, как уже говорилось, замечательные его открытия не были оценены по заслугам, ученый мир упорно отказывался призна-

вать Орфаника. В глазах коллег он был всего лишь сумасбродом, и они не желали воздать ему должное. Вот почему не оцененный и подвергнутый остракизму изобретатель питал к людям непримиримую ненависть.

Таково было положение дел, когда Орфаник встретил на своем пути Рудольфа фон Гортца. Помимо всего прочего, ученый испытывал крайнюю нужду. Барон уговорил физика продолжать опыты. Он привязался к Орфанику и создал тому все условия для работы, оговорив только одно: результаты его труда будут принадлежать ему, Рудольфу фон Гортцу.

Оба большие оригиналы и маньяки, каждый в своем роде, они очень подходили друг другу. С момента знакомства они ни разу не расставались, даже когда барон следовал за Стиллой по городам Италии.

В то время как меломан сходил с ума от пения несравненной артистки, Орфаник занимался тем, что дорабатывал новейшие изобретения современных ему физиков и механиков и, надо сказать, достиг в этом замечательных успехов.

После трагического инцидента, которым закончилась сценическая карьера Силлы, барон фон Гортц исчез так внезапно, что никто не успел узнать, что с ним произошло. А он, покинув Неаполь, укрылся в Карпатском замке вместе с Орфаником, который воспринял это затворничество как великое счастье.

Решив уединиться в стенах старинного замка, барон фон Гортц пожелал, чтобы ни одна живая душа не узнала о его возвращении. Вот почему никому и в голову не пришло явиться в замок с визитом. У них с Орфаником, разумеется, было подготовлено все необходимое для уединенной жизни. Потайной ход шел из замка к дороге, ведущей в деревню Вулкан, и по этой дороге надежный человек, старый слуга барона, о котором никто не знал, в определенные дни доставлял провизию для барона Рудольфа и его напарника.

Центральная башня крепости пострадала от времени не так сильно, как думали,— там было все, потребное для жизни. Орфаник имел все необходимое для экспериментальной работы в области физики и химии. Вот он и решил использовать свои достижения, чтобы отпугнуть нежелательных визитеров.

Барон фон Гортц принял его предложение, и Орфаник установил оборудование, которое помогало ему наводить ужас на всю округу. Не кто иной, как он, производил световые эффекты, которые все принимали заделки дьявола.

В первую очередь изобретатель предоставил барону фон Гортцу возможность быть в курсе всего, что происходило в ближайшей деревне. Каким же образом он мог слышать разговоры в трактире? Для этого ему потребовалось лишь установить телефонную связь между замком и большим залом «Короля Матиаша», где по вечерам собирались уважаемые граждане Верста.

Наш умелец осуществил это простейшим способом: заизолированный медный провод, один конец которого был закреплен на первом этаже башни, он протянул вдоль ложа реки Ньяд — до самого Верста. Когда эта часть работы была закончена, Орфаник под видом туриста остановился на ночь в «Короле Матиаше» и подвел провод к большому залу. Ему не составляло труда поднять провод, проложенный по дну реки Ньяд, к последнему окну на фасаде трактира, которое никогда не открывалось. Спрятав телефонный аппарат в густой листве, он соединил провода. В результате барон фон Гортц мог слышать все, о чем говорилось в «Короле Матиаше», имея при этом обратную связь, благодаря которой он мог довести до слушателей все, что считал нужным.

Первые два года ничто не нарушало покой замка — дурная репутация надежно охраняла его от непрошенных гостей. Местные жители не отваживались приближаться к нему. Впрочем, все считали, что замок пуст с того момента, как умер последний слуга семейства баронов фон Гортцев. Но однажды, в день, которым начался наш рассказ, подозрительная труба позволила пастуху Фрику различить дым, струившийся из трубы на башне замка. Тут-то и припомнились людям легенды о старой крепости, и мы уже знаем, к чему это привело.

Вот когда пригодилась телефонная связь — барону и Орфанику необходимо было узнать, что говорят в деревне. Они услышали, как Ник Дек поклялся добраться до замка, и тогда в зале трактира прозвучал глас «свыше», который должен был вынудить смельчака отказаться от его плана. А так как лесничий упорствовал, барон решил преподать ему хороший урок, чтобы отбить не только у Ника, но и у других всякое желание соваться в замок. В ту роковую ночь были приведены в действие все механизмы Орфаника, которые тот постоянно держал наготове. Они произвели целую серию чисто физических эффектов, посеявших ужас в округе: на колокольне зазвонил колокол, над замком появились всполохи, производимые прожектором: в рефлектор добавили морскую соль, пары которой придали всем предметам призрачные очертания; жутко завывала сирена, будто гигантское чудовище; в воздухе возникли силуэты драконов, спроецированные с фотографий при помощи мощных прожекторов, а спрятанные во рву пластины, соединенные с источниками электрического тока, пригвоздили к земле подбитые железом башмаки доктора; тот же ток сбросил со стены лесничего, как только он прикоснулся к металлической скобе подъемного моста.

Как и предполагал барон фон Гортц, после всех этих непонятных чудес, после попытки Ника Дека проникнуть в замок, которая кончилась для него столь плачевно, в округе воцарился ужас, и никто ни за какие блага не согласился бы теперь

приблизиться к нему. Все решили, что в замке поселилась нечистая сила.

Рудольф фон Гортц уже надеялся, что избавился от досужего любопытства, но тут в Версте появился Франц де Телек. Барон сразу же узнал об этом, так как подслушивал все разговоры в трактире. Ненависть, которую Рудольф фон Гортц испытывал к графу, вспыхнула с новой силой, в памяти вновь ожило все, что произошло в Неаполе. Мало того, что Франц де Телек объявился в нескольких милях от замка, он еще вздумал уговаривать жителей избавиться от старых предассудков, надежно защищавших Карпатский замок. И в довершение всего он вознамерился обратиться к властям Карлсбурга с просьбой прислать жандармов и положить конец слухам!

Барон решил заманить Франца де Телека в замок, и, как мы знаем, ему это удалось. Голос Стиллы, прозвучавший в зале «Короля Матиаша» благодаря телефонному аппарату, побудил графа прервать свое путешествие и отправиться в замок. Когда же он увидел фигуру певицы на площадке бастиона, граф решил во что бы то ни стало проникнуть внутрь крепости; свет, появившийся в окнах башни, привел его к открытой двери. Очутившись в склепе, освещенном электрической лампой, граф снова услышал голос певицы. Барон фон Гортц был уверен, что графу ни за что не убежать из глубокого подземелья, из крепко запертой темницы, дверь которой открывалась лишь во время его летаргического сна, когда узники приносили еду.

Таков был итог совместных усилий Рудольфа фон Гортца и его сообщника. Но, к великому своему разочарованию и досаде, барон узнал, что Рожко перехитрил его: он не пошел за хозяином в замок и сумел вовремя предупредить власти Карлсбурга. В деревню Верст прибыл отряд жандармов, и теперь опасность угрожала самому барону. Как им с Орфаником выстоять против отряда вооруженных людей? Здесь не помогут те средства, которые они употребили против лесничего и доктора Патака: полицейские ведь не верят в нечистую силу. Вот тогда-то двое фанатиков и задумали взорвать замок и теперь выбирали для этого удобный момент. Они решили с помощью электрического разряда взорвать запасы динамита, хранящиеся в подземелье под башней, бастионами и старой часовней, причем взрывной механизм должен был сработать не раньше, чем барон фон Гортц и Орфаник доберутся по подземному ходу до хребта Вулкан. После взрыва, когда погибнут и граф, и те, кто придет ему на помощь, двое сообщников будут уже далеко, и их никто не найдет.

Услышав разговор барона со своим помощником, Франц понял суть всех таинственных явлений. Он узнал, что между Карпатским замком и деревней Верст существует телефонная связь, что замок будет уничтожен взрывом, который погубит и

его, Франца, и приведенных Рожко жандармов. А барон фон Гортц и Орфаник успеют скрыться и уведут с собой беззащитную Стиллу...

О, почему он не может ворваться в капеллу и помешать злоумышленникам? Он бросился бы на них и принудил разрушить адскую машину, предотвратив этот ужасный взрыв!

Однако то, что Франц не может сделать сейчас, он сможет сделать после ухода барона... Как только эти двое покинут капеллу, он пойдет вслед за ними и доберется до башни, а там с Божьей помощью восстановит справедливость.

Барон фон Гортц и Орфаник поднялись на хоры часовни. Как они выйдут оттуда? Возможно, есть дверь, ведущая на галерею или в какой-нибудь внутренний коридор, который соединяет часовню с башней: похоже, что все строения замка общаются между собой. Впрочем, это не имеет значения, только бы на пути не встретилось других преград!

Тем временем злоумышленники перебросились еще несколькими фразами:

— Кажется, нам здесь нечего больше делать?

— Да.

— Тогда расстанемся.

— Вы настаиваете на том, чтобы я оставил вас в замке одного?

— Да, Орфаник, спускайтесь в подземный ход и выбирайтесь на дорогу, что ведет к Вулкану.

— А вы?..

— Я покину замок в последнюю минуту.

— Мне ждать вас в Быстрице, как условились?

— Да, в Быстрице.

— Хорошо, барон, раз вы этого хотите...

— Да... Я хочу услышать ее в последний раз... в эту последнюю ночь в моем замке...

Барон фон Гортц и Орфаник ушли.

Имя Стиллы не было произнесено, но де Телек догадался, что Рудольф фон Гортц говорит о ней.

Итак, назревает катастрофа, и он, Франц, не сумеет ее предотвратить, если не заставит барона отказаться от своего ужасного замысла.

Было одиннадцать часов вечера. Франц, уже не опасаясь, что его услышат, возобновил работу. Кирпичи вынимались из стены без труда, но их было так много, что только спустя полчаса он смог пролезть в пролом.

И вот он снова в капелле. Через проломы и амбразуры окон видны гонимые ветром легкие облака. В небе мерцают редкие звезды, в свете которых слабее казалось тусклое сияние луны, встающей из-за горизонта.

Как отыскать дверь, через которую ушли барон и Орфаник? Франц прошел через всю капеллу и приблизился к хорам.

Тут было очень темно, ибо сюда не доходил лунный свет, Франц споткнулся обо что-то твердое и упал на обломки саркофага.

В углу у запрестольного алтарного образа он обнаружил изъеденную червоточиной дверь, которая подалась сравнительно легко. Дверь вела во внутреннюю галерею, идущую, по всей видимости, вдоль крепостной стены. Именно через эту галерею барон фон Гортц и Орфаник проникли в капеллу и так же вышли.

Ступив в галерею, Франц очутился в кромешной тьме. Он миновал несколько поворотов без подъемов и спусков и решил, что галерея идет на уровне внутренних переходов.

Через полчаса стало чуть-чуть светлее: из проемов в стене проникал слабый свет.

Франц прибавил шагу и вскоре оказался в просторном каземате, расположенном скорее всего под земляной площадкой бастиона, находившегося в левом конце куртины.

Сквозь узкие бойницы светила луна, в свете которой пленник увидел напротив себя открытую дверь.

Ему захотелось подойти к бойнице, чтобы хоть немного подышать свежим ночным воздухом. Франц выглянул наружу и заметил две или три тени на плато Оргалл, залитом лунным светом до самых верхушек темных елей. Он присмотрелся: неподалеку от опушки елового леса двигались неясные силуэты. Скорее всего это были полицейские, которых привел Рожко.

Неужели они решились пойти на приступ ночью, надеясь захватить хозяев замка врасплох? Или они думают дожидаться здесь первых рассветных лучей?

Францу стоило больших усилий удержаться от того, чтобы подать голос Рожко. Но его могли услышать и в башне, и, пока полицейские будут перелезать через стену, Рудольф фон Гортц успеет включить адскую машину и уйти по подземному ходу.

Франц отошел от амбразуры и постарался успокоиться. Потом снова двинулся вдоль галереи.

Пройдя шагов пятьсот, он наткнулся на лестницу, которая поднималась по спирали в толще стены. Кажется, он добрался наконец до башни, возвышающейся посреди парадного плаца!

Однако лестница оказалась не главной, не той, что соединяла все этажи. Она привела Франца в какую-то узкую, темную клетушку.

Он тихонько прислушался, но ничего не услышал и начал осторожно подниматься дальше. Преодолев еще двадцать ступеней, он очутился на площадке, откуда вела дверь в открытую галерею, опоясывающую первый этаж башни.

Франц проскользнул на галерею, пригнулся, стараясь держаться ближе к парапету, и посмотрел в сторону плато Оргалл.

Из лесу высыпало множество людей, но они, судя по всему, не собирались идти на штурм.

Решившись перехватить барона, пока тот не убежал через подземный ход, Франц обогнул башню по кругу и подошел к другой двери, от которой шла лестница наверх. Он стал подниматься по ней, держась за стену.

Тишина. Первый этаж явно необитаем.

Франц поспешил подняться на следующую площадку. На третьем этаже лестница кончилась, дойдя до верхней части башни, заканчивавшейся площадкой с зубчатой оградой, — здесь некогда развевался штандарт баронов фон Гортцев. Прямо перед собой Франц увидел закрытую дверь. Из замочной скважины, в которой торчал ключ, пробивался лучик света, но из-за двери не доносилось ни звука.

Прильнув к скважине, граф увидел только ту часть комнаты, где было светло, остальное тонуло во мраке. Франц осторожно повернул ключ и толкнул дверь, и его взору предстала следующая картина: весь верхний этаж башни занимает просторный зал. Круглые стены поддерживают тяжелый свод, где переплеты образуют сложный орнамент. Стены увешаны толстыми старинными гобеленами, изображающими сцены из рыцарской жизни. Старинная мебель — лари, шкафы, кресла и скамейки — расставлена в художественном беспорядке. На окнах — плотные занавеси, сквозь которые свет не проникает наружу. Пушистый ковер на полу заглушает шаги.

Убранство зала было по меньшей мере странным. Франца поразил контраст между двумя частями комнаты. Одна ее часть тонула во мраке. Слева виднелось возвышение, задрапированное черной тканью, освещенное невидимым источником и со всех сторон открытое зрителю, остающемуся в тени. В нескольких шагах от возвышения, отгороженное высоким экраном, закрывающим его от света, было установлено старинное кресло с высокой спинкой. Возле кресла стоял покрытый ковром столик. На нем — небольшой ларец.

Верхняя крышка ларца, украшенная драгоценными камнями, была откинута, внутри поблескивал металлический цилиндр. Длина ларца была не больше двенадцати — пятнадцати пядей, ширина — пять-шесть.

Франц заметил, что в кресле сидит человек; голова его откинута на спинку, ресницы сомкнуты, правая рука — на ларце.

Это был Рудольф фон Гортц.

Неужели барон остался в замке только для того, чтобы провести здесь последнюю ночь?

А Стилла? Барон говорил, что хочет в последний раз услышать ее голос в Карпатском замке, перед тем, как его разнесет взрыв? Для чего он пришел в этот зал, где она должна, очевидно, появиться, как и каждый вечер, чтобы петь ему?

Где же Стилла?

Ее нет...

Впрочем, барон сейчас в его руках, и Франц знает, что ему делать. Франц де Телек ненавидит барона всеми силами своей души, ведь тот отнял у него Стилла. Стилла жива и безумна — безумна по вине барона... Он должен поплатиться за это жизнью!

Франц остановился позади кресла. Еще один шаг, и он кинется на барона. Кровь бросилась ему в голову, все закружилось перед ним, он поднял руку...

И тут появилась Стилла. Нож Франца упал на ковер...

Стилла, освещенная ярким светом, стояла на возвышении с распущенными волосами, невыразимо прекрасная в белых одеждах Анжелики из «Орlando». Именно такой он видел ее на бастионе замка. Глаза ее, устремленные на графа, казалось, проникали в самую душу...

Она не могла не видеть Франца, однако она не звала его, не произносила ни слова... Франц готов был броситься к ней, схватить ее на руки, унести отсюда...

Стилла начала петь. Барон фон Гортц, не покидая своего кресла, наклонился вперед. Охваченный волнением, обожатель певицы упивался ее голосом, словно то был божественный нектар. Так слушал он ее когда-то в театрах Италии, так слушал он и сейчас, в этом зале, в полном одиночестве, запершись в башне, возвышающейся над трансильванской землей.

Стилла пела... Она пела для него и только для него... Звук, будто легкое дыхание, слетали с губ... Даже если рассудок покинул Стилла, в ней осталась жить бессмертная душа артистки.

Франц тоже поддался чарам изумительного голоса, который он не слышал долгие пять лет... Он не отрывал глаз от лица женщины, которую не надеялся больше увидеть и которая стояла перед ним, живая, чудом воскресшая у него на глазах!

Звук ее голоса пробудил воспоминания и заставил бешено колотиться сердце. Франц узнал финал трагической сцены «Орlando», его заключительную фразу:

*«Innamorata, mio cuore tremante,
Voglio morire...»*

Франц говорил себе, что вот сейчас пение оборвется, как тогда, в театре «Сан-Карло»!.. Но нет, эта фраза не умрет на губах Стиллы, как умерла на последнем спектакле!..

Франц слушал не дыша... Казалось, вся его жизнь зависит от этой арии... Еще несколько тактов, и пение закончится...

Но вот голос Стиллы стал слабеть... Казалось, она колеблется, снова и снова повторяя исполненные муки слова:

«Voglio morire...»

Неужели сейчас она упадет, как некогда упала на сцене театра?

Но она продолжает стоять, хотя пение замирает на том же такте, на той же ноте... Стелла кричит... Этот крик Франц слышал в тот трагический вечер...

Но певица застыла неподвижно, устремив на графа влюбленный, полный нежности взгляд...

Франц бросается к ней... Он унесет ее из этого зала, из этого замка...

И тут он встречается взглядом с бароном, который, вскочив с кресла, издает громкий вопль.

— Франц де Телек! — кричит он. — Франц де Телек убежал из темницы!..

Но граф, не отвечая, бросается к эстраде.

— Стилла... дорогая Стилла, ты жива!..

— Жива... Она жива! — бормочет барон фон Гортц.

Он произносит эти слова с издевкой и вдруг начинает хохотать — торжествующе, злобно.

— Жива!.. — повторяет Рудольф фон Гортц. — Попробуйте отнять ее у меня, Франц де Телек!

Франц протягивает руку к Стилле, которая смотрит прямо на него...

Рудольф фон Гортц поднял нож, который выронил Франц, и направился к неподвижно стоящей Стилле... Франц бросился к барону, чтобы отвести удар, угрожающий несчастной...

Поздно... Нож вонзился ей в самое сердце...

Раздался звук бьющегося стекла, и тысячи осколков рассыпались по комнате — Стилла исчезла...

Франц застыл на месте, ничего не понимая... Неужели он тоже сошел с ума?

— Стилла снова ушла от Франца де Телека!.. — ликовал Рудольф фон Гортц. — Мне... мне одному останется ее голос... Никто его больше не услышит! Никогда!..

Франц готов был наброситься на барона, но силы оставили его, и он без чувств упал к подножию эстрады.

Не обращая на него внимания, Рудольф фон Гортц схватил со стола ларец и бросился вон из комнаты. Спустившись на первый этаж башни, он выбежал на галерею. Сейчас за ним захлопнется дверь...

И тут раздался выстрел.

Это Рожко, стоявший на валу, выстрелил в барона.

Пуля не задела барона, но угодила в ларец, который Рудольф фон Гортц прижимал к груди. Барон застонал.

— Голос!.. Ее голос! — бессвязно твердил он. — Душа Стиллы... Разбита... разбита!

Словно безумный, он побежал по террасе, громко крича:

— Голос!.. Они разбили ее голос! Будь они прокляты!

Он исчез в дверях как раз в тот момент, когда Рожко и Ник

Дек начали штурмовать стену замка, не дожидаясь жандармов.

Ужасный взрыв потряс всю Плезу. Языки пламени взметнулись до самых туч, камни лавиной посыпались на дорогу, ведущую к Вулкану.

Бастионы, куртины, башня... От Карпатского замка, от часовни, от крепостной стены осталась лишь груда дымящихся развалин.

ГЛАВА XIV

Наверное, читатель помнит о разговоре барона с Орфаником: взрыв должен был прогреметь только после того, как Рудольф фон Гортц покинет замок. Но взрыв не оставил барону времени спуститься в подземный ход. Вне себя от горя и отчаяния, едва ли сознавая, что делает, Рудольф фон Гортц взорвал замок и сам стал первой жертвой катастрофы. Видимо, барон принял это решение в тот момент, когда пуля Рожко разбила ларец.

К счастью, жандармы в эту минуту были еще далеко и остались невредимы. Разве что кое-кого поцарапали долетевшие до них обломки. Рожко и лесничий находились возле куртины, и камнепад лишь чудом не засыпал их.

Взрыв открыл дорогу Рожко, Нику Деку и жандармам. Они без особого труда прошли сквозь проломы в стене и переправились через засыпанный обломками ров.

В пятидесяти шагах от куртины они нашли среди развалин тело мужчины. Это был Рудольф фон Гортц. Несколько старожилов, в числе которых был и судья Кольц, опознали его.

А тем временем Рожко и Ник Дек искали молодого графа. Раз Франц не показывается, значит, он не успел выйти из замка.

Рожко был уверен, что граф стал жертвой взрыва. Верный слуга горько плакал, и Николас Дек не знал, как его утешить.

Однако, спустя некоторое время, они нашли его в первом этаже башни — часть свода накрыла Фрица и тем самым спасла ему жизнь.

— Хозяин, бедный мой хозяин!..

— Господин граф!..

Эти слова одновременно произнесли Рожко и Ник Дек, склонившиеся над Францем. Они сочли, что граф мертв, но оказалось, что он был в обмороке.

Когда Франц открыл глаза, он не узнавал Рожко и не понимал, что ему говорили.

Ник Дек поднял графа с земли и попытался заговорить с ним, но не получил ответа.

«Innamorata... Voglio morire...» — еле слышно прошептал молодой человек.

Граф де Телек сошел с ума.

ГЛАВА XV

Никто не понимал, что же произошло в Карпатском замке, какой там разыгрался спектакль.

Четыре дня Орфаник, как и было условлено, ждал барона фон Гортца в Быстрице... Когда тот не явился в назначенный срок, ученый подумал: уж не погиб ли его благодетель при взрыве? Снедаемый любопытством и тревогой, физик покинул город, направился в Верст и начал бродить в окрестностях замка.

Ему не повезло: полицейские сразу же схватили его по указанию Рожко, который знал Орфаника в лицо.

Его доставили в главный город комитата и допросили в присутствии представителей власти. Орфаник заперяться не стал.

Надо заметить, что печальный конец барона Рудольфа фон Гортца не слишком огорчил эгоистичного маньяка, который думал только о своих изобретениях.

Прежде всего Рожко попытался у Орфаника, что произошло со Стиллой. Она в самом деле умерла и была похоронена пять лет назад на кладбище Санто-Кампо-Нуово в Неаполе.

Но если это так, каким же образом граф де Телек слышал ее голос в большом зале трактира, а потом видел ее на площадке бастиона, да и позднее видел и слышал ее в башне...

Мы постараемся дать объяснение этим странным и непонятным фактов.

Самое время вспомнить, какое отчаяние охватило Рудольфа фон Гортца, когда распространился слух, будто Стилла решила покинуть театр, чтобы стать графиней де Телек. Чудный голос, ставший единственной радостью в жизни барона, навсегда отнимают у него!

Вот тогда-то Орфаник и предложил безутешному меломану собрать записанные при помощи фонографов лучшие арии из репертуара Стиллы, которые она пела на прощальных концертах. К тому времени фонографы, о которых идет речь, были усовершенствованы, а уж у Орфаника они были в столь прекрасном состоянии, что человеческий голос, записанный на пластинку, звучал как живой.

Барон фон Гортц принял это предложение. Фонографы были тайно установлены в ложе театра, в самой ее глубине, а саму ложу забрали решетками. Таким образом на пластинки и валики были записаны каватины, оперные арии и романсы, в

том числе мелодия Стефано и финальная ария из «Орlando», которая стояла певице жизни.

Забрав с собой все записи, барон фон Гортц заперся в Карпатском замке и каждый вечер слушал там пение Стиллы... Однако он не только слушал Стиллу, как слушал ее в театре из своей ложи, но — что уж совсем непонятно — он видел ее: точно живая, стояла певица перед его глазами.

Это стало возможным благодаря оптическим приборам. Напомним, что Рудольф фон Гортц еще в Неаполе заказал великолепный портрет певицы. Она была изображена в полный рост в белом платье Анжелики из «Орlando», с роскошными распущенными волосами. При помощи зеркал, наклоненных под точно рассчитанным углом, и мощного источника света, освещавшего портрет, возникало «живое» изображение Стиллы во всем блеске ее красоты. Именно благодаря этому устройству, установленному ночью на площадке бастиона, Рудольф фон Гортц «вызвал к жизни» образ певицы, желая заманить Франца де Телека в ловушку. Благодаря этому аппарату граф снова увидел Стиллу в башне, когда фанатичный поклонник певицы наслаждался ее голосом.

Все это рассказал Орфаник на допросе в полиции Карлсбурга. С нескрываемой гордостью он заявил, что является автором всех этих изобретений, которые он довел до совершенства.

При том, что Орфаник детально разъяснил все «фантастические явления», а точнее трюки, он не мог понять одного — почему барон фон Гортц не ушел еще до взрыва через подземный ход. Когда же Орфанику сообщили, что в ларец, который нес Рудольф фон Гортц, попала пуля, ему сразу все стало ясно. Это был фонографический валик с записью последней арии Стиллы. Маньяк пожелал еще раз услышать ее, прежде чем взорвать замок. Когда же валик был разбит, разбилась и жизнь барона. Обезумев от отчаяния, он решил окончить свои дни под руинами.

Рудольф фон Гортц был похоронен на кладбище Верста со всеми почестями, полагающимися потомку древнего рода. А граф де Телек вместе с Рожко вернулся в замок Крайова, где отставной солдат принял самоотверженно за ним ухаживать. Орфаник добровольно отдал Рожко валики фонографа, на которых были записаны остальные арии Стиллы, и когда Франц услышал голос великой артистки, он оживился и стал слушать со все возрастающим интересом. Воспоминания о мигнувшем исцелили его душу, и она вновь обрела мир и покой.

Спустя несколько месяцев к нему вернулся разум, и граф смог рассказать во всех деталях о своих злоключениях в ту ночь, когда был взорван Карпатский замок.

Свадьбу красавицы Мириоты и Ника Дека отпраздновали вскоре после падения замка. После того, как священник из де-

ревни Вулкан благословил молодых, они вернулись в Верст, и судья Кольц отдал им лучшую часть своего дома.

Но, хотя таинственные явления получили вполне реальное объяснение, молодая женщина продолжала верить в нечистую силу, которая будто бы орудовала в замке. И как ни старались Ник Дек и Йонас, заботившийся о репутации своего заведения, им не удалось переубедить Мириоту, как, впрочем, и ее отца, пастуха Фрика, магистра Эрмода и прочих жителей деревни Верст. Много еще должно пройти времени, прежде чем эти славные люди откажутся от своих предрассудков.

А доктор Патак хвастался, как и прежде, не уставая повторять каждому, кто был готов его слушать:

— Я же говорил! Какие такие привидения? Не было в замке никаких привидений, и вообще никого не было!..

Но односельчане не желали с ним соглашаться, тем более что доктор переходил в похвальбе всякие границы.

Магистр Эрмод продолжал на своих уроках пересказывать трансильванские легенды. Долго еще молодое поколение деревни Верст будет верить, что по ночам на руинах Карпатского замка появляются духи, пришельцы из потустороннего мира.

Конец

АГЕНТСТВО
ТОМПСОН И К°

Роман

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

Требуется гид-переводчик

Робер Морган, широко расставив ноги, уже несколько минут неподвижно стоял, впери́в ничего не видящий взгляд в черную заклеенную афишами стену, перегородившую одну из самых неприглядных улиц Лондона. Потоки воды у кромки тротуара угрожали промочить ноги странному джентльмену. Задумавшись, он опустил зонтик, и вода без помех заструилась по его шляпе, по одежде, промочив ее насквозь.

Но ничего этого Морган не замечал. Не замечал, как негодует ручей, разбиваясь о его ноги, словно о две скалы, не чувствовал ледяного душа, хлеставшего по плечам. Все внимание Робера было поглощено таинственной работой его левой руки. Она взвешивала, брала и отпускала последние тридцать три франка, оставшиеся в кармане штанов.

Заброшенный судьбой в Лондон, этот человек, француз по происхождению, лишился последнего средства к существованию — потерял место воспитателя.

Проблемы, с которыми он теперь столкнулся, казались неразрешимыми. Однако, судя по внешности, Робер Морган был не из тех, кто легко отчаивается. Напротив, решительный взгляд темно-голубых глаз свидетельствовал о том, что их обладателю неизвестны окольные пути к цели, а светлая кожа, ясный лоб, обрамленный коротко постриженными волосами, длинные галльские¹ усы, нос с энергичной горбинкой вызывали симпатию и уверенность: этот малый добр и прямодушен. Такое впечатление подкрепляла и фигура: широкие плечи, сильные руки с узкими благородными кистями — все говорило об атлете-аристократе, хорошо знакомом со спортом. Увидев нашего героя, каждый ловил себя на мысли: «Ну и крепкий же парень».

Таких, как Робер, нелегко вышибить из седла. Но судьба бывает порой жестока, и у любого нога может выскочить из стремени. Так что же из того? Разве упавшему заказано вновь оказаться на коне?

¹ Галльские — от названия древней империи Галлии, существовавшей в 258—273 годах и включавшей в себя территорию нынешней Франции.

Возвращаясь в сотый раз к вопросу: «Что же делать?», Робер поднял лицо к небу, как бы надеясь найти там ответ, и вдруг понял, что идет дождь, а сам он стоит посреди лужи напротив длинной черной стены с разноцветными афишами и объявлениями. Машинально — ведь из царства грез быстро не возвращаются — глаза пробежали какое-то объявление, сначала один раз, потом второй, третий, и тут строчка, припечатанная внизу маленькими буквами, заставила Моргана окончательно очнуться. Живо заинтересованный, он перечитал объявление в четвертый раз:

«АГЕНТСТВО БЕЙКЕР И КОМПАНИЯ»

Ньюгейт-стрит, 69, Лондон

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТРЕМ АРХИПЕЛАГАМ

Острова: Азорские, Мадейра, Канарские
на комфортабельном пароходе «Тревелер» водоизмещением¹
2500 тонн, с паровой машиной в 3000 лошадиных сил.

Бравый капитан Метью.

Отправление из Лондона — 10 мая в 7 часов вечера.

Возвращение в Лондон — 14 июня в полдень.

Все расходы во время тура входят в стоимость билета.

Экскурсии обеспечиваются транспортом и носильщиками.

На суше гарантируется пребывание в гостиницах первого класса.

Общая стоимость путешествия — 78 фунтов².

За всеми справками обращаться в бюро агентства Ньюгейт-стрит, 69, Лондон.

Требуется гид-переводчик

Робер подошел ближе, убедился, что понял все правильно — действительно требовался переводчик, — и сразу же решил, что будет им... если, конечно, подойдет «Агентству Бейкер и К^о».

А если не подойдет? Или место уже занято?

Что касается первого предположения, то его следовало проверить как можно быстрее. Что же до второго — успокаивала догадка, что объявление, по-видимому, наклеено утром или, по крайней мере, вчера вечером.

Все же нельзя терять времени. Ведь месяц спокойной жизни для обретения утраченного равновесия, какая-то сумма денег, заработанная к возвращению — тратить на питание не придется, — и, наконец, интересное путешествие — все это для такого «богача», как Робер, было бы большой удачей.

¹ Водоизмещение — вес или объем воды, вытесняемой плавающим судном, равные весу судна.

² Фунт стерлингов — денежная единица Великобритании, до 1971 года состояла из 20 шиллингов, или 240 пенсов.

Итак, он поспешил на Ньюгейт-стрит и ровно в одиннадцать часов открыл дверь дома номер 69.

Холл и коридор, по которым Морган шел в сопровождении служащего, производили благоприятное впечатление: добротные обои, по-видимому давно наклеенные, старые ковры — контора выглядела солидно.

Когда Робер оказался в просторном кабинете, из-за широкого стола поднялся джентльмен.

— Господин Бейкер? — спросил Робер.

— Его сейчас нет, но дела полностью передоверены мне, — ответил джентльмен, жестом приглашая Робера сесть.

— Я видел объявление, — немного смущенно начал посетитель, — в котором ваше агентство сообщает, что ему требуется переводчик. Хочу предложить свои услуги.

Помощник Бейкера посмотрел на Робера более внимательно и, немного помолчав, спросил:

— Какими языками владеете?

— Французским, английским, испанским и португальским.

— В самом деле?

— Я француз. О моем английском вы можете судить сами. Так же свободно говорю на испанском и португальском.

— Превосходно! Но этого недостаточно. Нужно еще хорошо знать места, означенные в маршруте. Переводчик должен быть одновременно и гидом¹.

Робер секунду помедлил.

— Именно так я и понимаю свою роль.

Помощник директора продолжал:

— Теперь об оплате. Вы заработаете триста франков². Мы оплачиваем жилье, питание и мелкие расходы. Согласны на эти условия?

— Полностью, — сказал Робер.

— В таком случае не могли бы вы рассказать немного о себе?

— Конечно, но я в Лондоне совсем недавно. Впрочем, вот письмо от лорда Марфи, из него вы кое-что обо мне узнаете. В частности то, почему я остался без работы, — ответил Робер, подавая собеседнику достаточно лестное для себя послание, полученное утром.

Помощник директора был человек пунктуальный и серьезный. Читая, он как бы взвешивал каждое слово, извлекая из написанного самую суть.

— Где вы живете? — услышал Морган.

— Кеннон-стрит, двадцать пять.

¹ Гид — переводчик, исполняющий также обязанности проводника, экскурсовода.

² Франк — денежная единица Франции и некоторых других стран, равная 100 сантимам.

— Я поговорю с Бейкером,— заключил представитель агентства, записав адрес,— кое-что перепроверю, и, если ваши сведения подтвердятся, можете считать себя работником нашей компании.

— Значит, решено? — переспросил Робер, все еще не веря услышанному.

— Решено,— подтвердил англичанин, вновь поднявшись из-за стола.

Робер поспешил закончить разговор словами благодарности и скоро,— ведь время — деньги,— очутился на улице, оглушенный неожиданностью происшедшего события.

ГЛАВА II

Поединок двух компаний

На следующий день утром двадцать шестого апреля Роберу захотелось снова увидеть объявление, которое накануне показалось ему знаком судьбы.

Он легко нашел улицу, длинную черную стену и то место, где его застал ливень. Но найти объявление оказалось не просто. Краски, вчера еще довольно сдержанные, стали броскими и яркими. Серый фон стал ярко-голубым, а черные буквы превратились в огненно-красные. Очевидно, «Агентство Бейкер» обновило афиши.

Взгляд Робера пробежал объявление до конца, и молодой человек вздрогнул.

Последняя строка читалась сегодня совсем по-другому. Агентство сообщало, что экскурсию сопровождает гид-переводчик, говорящий на всех языках.

«На всех языках? — удивился Робер.— Но ведь мы так не договаривались».

Однако его недоумение сменилось тут же открытием: вверху объявления, где располагалось название фирмы, не значилось имени Бейкера.

«Агентство Томпсон и компания»,— прочитал Робер и понял — сообщение о гиде-переводчике, говорящем на всех языках, не о нем.

Разгадка оказалась простой. Кричащие краски на афише Томпсона бросались в глаза и отвлекали от других объявлений. Вчерашнее объявление Бейкера висело рядом.

«Ну и ну,— сказал про себя Робер, снова переводя взгляд на яркую афишу.— Как же я не заметил ее вчера? Но если объявлений два, то и путешествий тоже должно быть два?»

Он захотел еще раз убедиться в этом. За исключением названий фирмы, корабля и имени капитана, объявления были совершенно идентичны: вместо комфортабельного парохода «Тревелер» — комфортабельный пароход «Симью», вместо

бравого капитана Метью — бравый капитан Пип,— вот и вся разница. Все же остальное повторялось слово в слово.

Стало быть, действительно речь шла о двух разных экскурсиях, организованных разными компаниями.

«Как странно»,— подумал Робер, забеспокоившись, сам не зная почему.

Его беспокойство возросло, когда он обнаружил четвертое отличие.

«Агентство Бейкер и компания» запрашивало за экскурсию 78 фунтов. «Агентство же Томпсон и компания» — 76. Понижение цены на два фунта может оказаться достаточным, чтобы переманить пассажиров. Робер, как мы видим, уже начал волноваться за своих хозяев. И так разволновался, что после обеда вернулся к объявлениям. Увиденное успокоило: Бейкер принял вызов.

Объявление, прежде довольно скромное, было заменено новым, даже более ярким, чем у конкурентов. И цена оказалась ниже, чем у Томпсона. Бейкер объявлял, что экскурсия по трем архипелагам стоит 75 фунтов.

Робер спал спокойно, хотя предвидел, что на этом деле не кончится. Вдруг Томпсон и компания примут вызов и снова понизят цену?

На следующий день его опасения оправдались. В восемь утра на афише Томпсона появилась белая полоса, где значилось: цена путешествия, включая все расходы,— 74 фунта.

На сей раз Робер был более спокоен. Раз уж Бейкер вступил в борьбу, он будет ее продолжать. И действительно, молодой человек, весь день внимательно следивший за происходящим, стал свидетелем того, как в течение дня яркие объявления несколько раз сменяли друг друга.

В половине одиннадцатого «Агентство Бейкер» снизило цену до 73 фунтов. Томпсон опустил ее до 72. В час сорок Бейкер утверждал, что для путешествия достаточно 71 фунта, а ровно в три часа Томпсон заявил о цене в 70 фунтов.

Прохожие заинтересовались схваткой, их забавлял этот аукцион наоборот. Они останавливались, чтобы посмотреть, послушать. Посмеивались и уходили.

Сражение, однако, продолжалось, и один ход стоил другого. День закончился победой «Агентства Бейкер», опустившего цену до 67 фунтов.

На следующий день газеты обратили внимание на происходящее. Однако истолковали события по-разному. «Таймс» осудил поведение «Агентства Томпсон и К^о». Но «Пол Мэт газет», а вслед за ней и «Дейли кроникл» вполне его одобрили. В конце концов, от конкуренции, от понижения тарифов выигрывают простые люди.

Как бы там ни было, реклама в прессе помогает тем, кто стремится одержать победу. Это стало ясно к утру двадцать

восьмого. Около объявлений в этот день толпилось еще больше любопытных, все обменивались шутками.

Выпады с обеих сторон продолжались, соперники вели себя более решительно, размеры наклеенных полос становились просто угрожающими.

В полдень впереди было агентство Бейкера. Цена за экскурсию упала до 61 фунта.

— Ну, раз так,— воскликнул кто-то из толпы, насмешливо надув щеки,— возьму билет, когда цена дойдет до гиней¹. Сообщите мне по адресу: сто семьдесят пять, Уайт-Чепел, Тоби Лофер, эсквайр.

Толпа развеселилась. Не только этому лондонскому гаврошу², но и более опытным людям казался возможным подобный исход дела. Ведь уже были прецеденты. Например, ожесточенная конкуренция американских железных дорог, в особенности сражение, развернувшееся между компаниями Транк-Лайн, в результате чего цена билета от Нью-Йорка до Сент-Луиса упала до одного доллара.

Агентство Бейкера наслаждалось своей победой до вечера, а ближе к ночи победителем стал Томпсон. Но какой ценой! Желаящий отправиться в путешествие должен был заплатить всего 56 фунтов!

Эта цифра стала известна публике, едва пробило пять утра. У Бейкера было, таким образом, достаточно времени, чтобы ответить. Но он этого не сделал. Устав от утомительной борьбы, он, очевидно, берег силы.

Таково было, по крайней мере, предположение Робера, который ощущал себя болельщиком в этом соревновании.

Так и случилось. Утром двадцать девятого он оказался свидетелем того, как расклейщики «Агентства Бейкер» приступили к решающему этапу борьбы. Удар на этот раз превзошел все ожидания. Цена, стремительно опустившись на 6 фунтов, упала до 50 фунтов. Томпсон и компания теперь вряд ли ответят Бейкеру: разумно ли снижать цену хоть на шиллинг?

Прошел целый день, а побежденные никак не реагировали. Робер считал уже дело законченным.

Но утром тридцатого его ожидал неприятный сюрприз. Ночью старые афиши «Агентства Томпсон» были сорваны, вместо них сверкали новые полосы. Своей вызывающей броскостью они, казалось, затмевали солнце.

На огромном объявлении гигантскими буквами значилось: «Цена путешествия, включая все расходы,— 40 фунтов!»

¹ Гинейя — английская золотая монета, чеканилась в 1663—1817 годах, заменена золотым sovereignом.

² Гаврош — персонаж романа французского писателя Виктора Гюго (1802—1885) «Отверженные» — веселый, озорной парнишка, олицетворение духа своего народа; имя его стало нарицательным.

Если Бейкер старался во что бы то ни стало победить Томпсона, то Томпсон, кажется, вознамерился просто раздавить соперника. И это удалось!

Сорок фунтов за такую продолжительную экскурсию! Это была цифра, ниже которой опускать цену разорительно для компании — так, очевидно, решили в «Агентстве Бейкер». Ведь прошел целый день, а агентство все не подавало признаков жизни.

Робер, однако, еще надеялся, что может последовать одна из тех самоубийственных выходов, когда люди действуют как бы в предчувствии конца света. Но вечером пришло письмо, разрушившее иллюзии молодого человека.

Не вдаваясь в объяснения, ему назначали свидание на следующий день, первого мая. Это приглашение, по-видимому, не сулило ничего хорошего в свете происходящих событий.

Робер явился утром точно в назначенное время.

— Я получил письмо...— начал было он, обращаясь к джентльмену, с которым разговаривал в прошлый раз.

Но тот перебил его, он не любил лишних слов.

— Да, хочу сообщить, что мы отказываемся от путешествия по трем архипелагам¹.

— Ну что поделаешь...— только и нашелся ответить Робер, удивленный тем, как спокойно сообщили ему эту новость.

— Если вы следили за объявлениями...

— Я их читал,— подтвердил молодой человек.

— В таком случае вы поняли, что дальше упорствовать невозможно. При цене в сорок фунтов наше предприятие становится нелепым. Чтобы соглашаться на такие условия, нужно быть круглым дураком.

— А как же «Агентство Томпсон»...— попробовал было возразить Робер.

— «Агентством Томпсон»,— решительно отрубил собеседник,— управляет или шутник, делающий глупости, или дурак, отпускающий шуточки. Либо то, либо другое.

Робер рассмеялся.

— А ваши пассажиры?..— спросил он.

— Мы уже вернули им почтой задаток плюс компенсацию за моральный ущерб. И вас я вызвал сейчас как раз для того, чтобы рассчитаться.

Но Робер отказался от платы. Получить за работу — это другое дело. Но воспользоваться трудным положением, в какое попало агентство,— на это он был не способен.

— Хорошо,— не настаивая, одобрил Робера его собеседник.— Взамен компенсации могу дать вам хороший совет.

— Какой же?

¹ Архипелаг — совокупность большого числа островов или их групп, близко лежащих друг от друга.

— Зайдите в «Агентство Томпсон и К^о» и предложите свои услуги.

— Уже поздно,— ответил Робер,— место занято.

— Откуда вы знаете?

— Из объявления. К тому же «Агентство Томпсон» предъявляет к переводчику требования, которым я не соответствую.

— Вы это знаете только из объявления?

— Только из объявления.

— В таком случае,— вставая, закончил разговор джентльмен,— я очень советую попытаться, поверьте, шанс есть.

Робер вновь оказался на улице, разочарованный и подавленный. Едва получив место, он сразу его потерял. Опять он на мели, как и раньше. И есть ли смысл следовать только что полученному совету? А с другой стороны, уж лучше испытать судьбу до конца.

Морган решил положиться на обстоятельства. И Провидение оказалось к нему решительно благорасположенным: сам не зная, каким образом, он очутился перед конторой «Агентства Томпсон и К^о», когда где-то неподалеку пробило десять часов утра.

Без особой уверенности Робер открыл дверь и сразу же оказался в просторном, роскошном зале. В середине выстроился полукругом ряд кассовых окон. Их было, по крайней мере, пятнадцать. В единственном открытом окне он заметил служащего, поглощенного работой.

По залу широкими шагами расхаживал человек, читая какой-то проспект и делая в нем пометки. Рука, сжимавшая карандаш, была украшена тремя перстнями — один на мизинце, два на указательном пальце. На руке, держащей бумагу, сияло целых четыре перстня. Среднего роста, полноватый, подвижный человек поигрывал золотой цепочкой, позвякивающей на его круглом животе. Взгляд его то опускался к бумаге, то обращался к потолку, как бы для того, чтобы почерпнуть там вдохновение. Он казался чрезвычайно возбужденным.

Самое удивительное, что это был англичанин. Хотя своей упитанностью, смуглым цветом лица, черными усами — всем своим видом вечно спешащего человека — он скорее походил на итальянца, который легко и быстро знакомится и сходится с людьми. Остальные детали подтверждали это впечатление. Смеющиеся глаза, вздернутый нос, темные курчавые волосы — все говорило о человеке хитром, но не глубоком.

Заметив Робера, джентльмен прекратил хождение, перестал читать, устремился навстречу, сложив губы сердечком, излучая благожелательность.

— Не можем ли мы быть чем-нибудь вам полезны? — Не дожидаясь ответа, он продолжал: — Речь, конечно, идет о путешествии к трем архипелагам?

— Да,— ответил Робер,— но...

— Отличное путешествие! Замечательное путешествие! — перебил его собеседник. — А цены такие низкие, что дальше некуда! Вот, пожалуйста, посмотрите на эту карту. Видите, какое нам предстоит путешествие? И за сколько? За двести фунтов? За сто пятьдесят? За сто? Нет, за смехотворную сумму в сорок фунтов всего-навсего, включая все расходы. Питание превосходное, каюты комфортабельные, во время экскурсий по суше к вашим услугам транспорт, носильщики, перво-классные гостиницы!

Он читал свой проспект.

Робер тщетно пытался остановить этот поток слов. С таким же успехом можно было остановить экспресс на полном ходу!

— Да, да... Вы знаете все это по объявлениям? И знаете, какую мы выдержали борьбу? Славный поединок, не правда ли?

Это словоизвержение могло продолжаться долго. Робер потерял терпение.

— Вы мистер Томпсон, не так ли? — спросил он.

— Я к вашим услугам, — ответил словоохотливый собеседник.

— Скажите, у вас действительно есть переводчик, как объявлено в афише?

— Что?! — воскликнул Томпсон. — Вы сомневаетесь? Можно ли отправляться в подобное путешествие без переводчика? Конечно, есть переводчик! Великолепный, говорящий на всех языках.

— Ну тогда, — сказал Робер, — мне остается только извиниться и откланяться.

— Как так?.. — встрепнулся озадаченный Томпсон.

— Я хотел предложить услуги в качестве переводчика, но, поскольку место занято...

С этими словами Робер поклонился и направился к двери. Но Томпсон бросился за ним.

— Вон в чем дело! Нам необходимо объясниться. Прошу вас, идите со мной.

— Но зачем?

Томпсон продолжал настаивать:

— Так нужно, идите же!

Роберу пришлось подняться на второй этаж, в контору, скромная меблировка которой странным образом контрастировала с роскошью помещения на первом этаже. Неполированный стол из красного дерева, шесть соломенных стульев — вот и все.

Томпсон сел и пригласил Робера сделать то же самое.

— Сейчас, когда мы одни, я могу признаться, что переводчика у нас нет.

— Однако, — удивился Робер, — еще пять минут назад...

— Да, да, — подтвердил Томпсон, — пять минут назад я принимал вас за пассажира, за клиента!

И он засмеялся так добродушно, что Роберу не оставалось ничего другого, как разделить его веселье.

Томпсон продолжал:

— Место, стало быть, свободно. А рекомендации у вас есть?

— Я думаю, они вам покажутся излишними, когда вы узнаете, что еще час назад я был служащим «Агентства Бейкер».

— Так вы пришли от Бейкера? — воскликнул Томпсон.

Робер был вынужден рассказать от начала до конца все, что с ним произошло.

Томпсон ликовал. Лишить своего соперника всего, даже переводчика, — это было превосходно! Он смеялся, хлопал себя по ляжкам, вставал, садился, перескакивал с места на место, повторяя:

— Замечательно! Отлично! Чертовски забавно!

Наконец, немного успокоившись, он заключил:

— Ну, если так, то решено. А что вы делали до того, как связались с этим несчастным Бейкером?

— Я был преподавателем, — ответил Робер, — преподавал свой родной язык.

— Какой? — осведомился Томпсон.

— Французский.

— Отлично! — одобрил Томпсон. — А знаете ли вы другие языки?

— Черт возьми, — ответил смеясь Робер, — в отличие от вашего великолепного переводчика, я знаю далеко не все. Кроме французского, владею, как видите, английским, а еще португальским и испанским.

— Прекрасно! — воскликнул Томпсон, не знавший ни одного языка, кроме английского, да и то не слишком хорошо.

— Если так, то все устраивается наилучшим образом, — сказал Робер.

Но Томпсон как-то внезапно поскукнел.

— Поговорим теперь об оплате. Боюсь быть нескромным, но сколько вы зарабатывали у Бейкера?

— Нисколько, — ответил Робер. — Мне было лишь обещано триста франков, без расходов на питание и каюту.

Томпсон задумался.

— Да, — пробормотал он, — триста франков — это не так много...

Он встал.

— Да, в самом деле, немного, — энергично повторил он, снова сел, задумался, погрузившись в созерцание одного из своих перстней. — Но для нас, после того как мы снизили цену для туристов до предела, — это, пожалуй, многовато.

— Значит, вы намерены платить мне меньше? — спросил Робер.

— Да,— вздохнул Томпсон,— намного меньше.

— А на сколько? — настаивал задетый за живое Робер.

Томпсон встал и прошелся по комнате:

— Дорогой мой, поставьте себя на мое место. Вы помните, какую схватку мы выдержали с этим проклятым Бейкером...

— Прошу вас короче,— прервал его Робер.

— Мы снизили цену на пятьдесят процентов, не так ли? Это верно, как дважды два четыре. И чтобы возместить потери, мы нуждаемся в понимании наших сотрудников. Надеемся, что, следуя нашему примеру, они умерят свои запросы...

— ...И согласятся на половинную оплату,— подсказал Робер.

Собеседник подтвердил его слова кивком головы.

Робер старался ничем не выдать своего разочарования. Томпсон же, стоя напротив, опять выпустил на волю джинна своего красноречия.

— Надо уметь приносить жертвы во имя общих интересов. Ведь именно об этом идет речь! Свести к минимуму расходы на дорогое путешествие и сделать доступным для многих то, чем раньше могли пользоваться только богатые. Не это ли высшее человеколюбие, черт возьми! Благородное сердце не должно быть равнодушно...

Робер оставался спокойным во время этого нескончаемого словесного потока. Он немного подумал и решил согласиться на 150 франков. Томпсон скрепил договоренность горячим рукопожатием.

Робер вернулся к себе все же довольный. Путешествие обещало быть интересным, и, в конце концов, представлялось настоящей удачей для человека, находящегося в бедственном положении. Оставалась только опасность появления еще одного агентства, затем третьего, четвертого и так далее. Не было оснований для уверенности, что это агентство последнее.

И тогда до какой смехотворной суммы может опуститься жалованье гида-переводчика?

ГЛАВА III

В тумане

Никаких новых событий, к счастью, не произошло. Наступило десятое мая. Когда Робер в этот день поднимался на борт, корабль, развернувшись носом в открытое море, заканчивал швартовку¹ к причалу, откуда он должен отправиться в рейс. Молодой человек пришел пораньше, но, поднявшись на

¹ Швартовка — привязывание судна канатами (швартовыми) к пристани, берегу, другому судну.

корабль, понял, что торопился напрасно: еще не было ни одного пассажира.

Робер знал номер своей каюты. Он перенес туда легкий багаж и, освободившись от него, огляделся.

Человек в каскетке¹ с тройным галуном², очевидно, это и был капитан Пип, прогуливался по мостику от левого борта к правому. Он жевал одновременно и сигару, и концы своих серых усов. Небольшого роста, с широко расставленными, как у таксы, ногами, грубоватый и симпатичный — типичный «морской волк».

Матросы приводили в порядок палубу. Они свертывали такелаж и снасти, готовясь к отплытию.

Когда работы закончились, капитан спустился с мостика в свою каюту. Помощник последовал за ним, экипаж скрылся в люке на носу. Один лишь лейтенант, встретивший Робера по его прибытии, оставался возле наружного трапа. На опустевшем корабле воцарилась тишина.

Робер от нечего делать решил осмотреть судно.

Спереди размещались экипаж и камбуз³, трюм для якорей, цепей и различных снастей. В центре — машинное отделение. Корма принадлежала пассажирам.

На нижней палубе между машинами и тендером⁴ располагались 60—65 кают. Среди них и каюта Робера, такая же, как у других.

Под каютами, в камбузе, — владения метрдотеля. Над каютами, между палубой и спардеком⁵, — просторный, богато убранный салон, его почти целиком занимал длинный стол.

Свет сюда проникал через иллюминаторы, выходящие в коридор, рядом помещались комната для курения, читальня. Каюта капитана по одному борту и смежные каюты помощника капитана и лейтенанта по другому борту, таким образом, что им было видно все это пространство и полубак.

Осмотрев корабль, Робер поднялся на верхнюю палубу как раз в тот момент, когда пробило пять часов.

Все вокруг досадным образом изменилось к худшему. Из-за тумана, пока еще небольшого, очертания домов на набережной стали нечеткими, силуэты носильщиков были едва

¹ Каскетка — головной убор, похожий на военный (каскас) во Франции.

² Галуны — цветная лента, применяется в качестве знаков различия или отличия на военной форме (фуражке, погонах, на рукавах); украшает также форму швейцаров и официантов.

³ Камбуз — кухня на судне.

⁴ Тендер — здесь: емкость или помещение для хранения запасов угля на судне.

⁵ Спардек — палуба средней надстройки на гражданских судах, а также сама средняя надстройка.

различимы, а верхушки обеих мачт корабля терялись где-то в вышине.

На пароходе царил тишина. Только черный дым из трубы говорил о происходящей внизу работе.

Робер сел на скамью в передней части верхней палубы, затем, опираясь на поручни, стал смотреть по сторонам и слушать.

На борт поднялся Томпсон. Он дружески поприветствовал Робера и начал расхаживать по палубе, беспокойно поглядывая на небо.

Туман все сгущался. Домов на набережной теперь вообще не стало видно, о них можно было только догадываться по причудливым теням. Мачты ближайших кораблей казались в тумане нечеткими линиями, а воды Темзы скрылись в желтой мгле. Все было пропитано влагой.

Робер внезапно почувствовал озноб и заметил, что промок. Спустившись в каюту, надел плащ и вернулся на свой наблюдательный пост.

Около шести часов он заметил четыре еле различимые фигуры, столпившиеся перед одной из кают. Это была прислуга, они уселись на скамье и стали дожидаться прибытия своих будущих хозяев.

Первый пассажир появился только в половине седьмого. Робер его не увидел, он просто догадался об этом, проследив, как рванулся к трапу и тут же исчез, поглощенный туманом, Томпсон. Сейчас же забегали слуги, слышались голоса, неясные силуэты заскользили по верхней палубе.

Пассажиры стали прибывать один за другим, и Томпсон непрерывно сновал между салоном и трапом вместе с туристами. Трудно было разобрать, кто это: мужчины, женщины, дети? Они возникали и исчезали, словно призраки.

Наверное, он должен быть сейчас рядом с Томпсоном, помогать ему и выполнять свои обязанности переводчика? Сердце его вдруг защемила тоска. Он не мог, да и не хотел, понять причину этой боли.

Наверное, виной всему был туман. Эта непроницаемая завеса душила его, давила, как стены тюрьмы.

Робер стоял неподвижно, потерянный и одинокий, а на палубе, на набережной, в городе — везде продолжалась жизнь, звуки ее доносились до молодого человека как сквозь сон.

Корабль, однако, понемногу оживал. На палубе становилось все шумнее. Кто-то невидимый спрашивал, где его каюта. Появлялись и исчезали размытые туманом фигуры матросов.

В семь часов в кафе-салоне кто-то закричал, требуя грога. Через некоторое время сухой и высокомерный голос недовольно произнес:

— Мне кажется, я просил вас быть осторожнее.

Робер наклонился, чтобы разглядеть, что происходит.

В этот момент завеса тумана разорвалась на секунду, и Робер отчетливо различил трех женщин и мужчину. Они быстро шли по палубе в сопровождении Томпсона и матросов, несущих багаж.

Робер наклонился еще больше, чтобы разглядеть пассажиров получше. Но опять надвинулась пелена непроницаемого тумана. Незнакомцы исчезли.

Продолжая всматриваться в туман, молодой человек задумался. Кем он будет для этих людей? Для тех, кто живет в роскошных каютах, но ничем не доволен. Кто все время ругает метрдотеля и требует вкусной еды. Сейчас Робер почти жалел о том, что судьба забросила его на этот корабль.

Наступала ночь, усиливая тоску, навеянную туманом. Огней корабля не было видно так же, как и огней Лондона. В этом влажном уплотнившемся воздухе утопал гул огромного города, отходящего ко сну.

Во тьме около мостика раздался голос:

— Абель!..

Другой голос ему ответил. И снова послышалось:

— Абель, Абель, Абель!..

Донеслось неясное бормотанье. Затем четыре голоса соединились, выражая восклицаниями беспокойство и тревогу.

Пробежал какой-то толстяк, едва не задев Робера. Он непрерывно повторял: «Абель!.. Абель!..»

Отчаянный вид его был в то же время настолько смешным, что Робер не мог не улыбнуться. Этот толстяк был также одним из его хозяев.

Раздались крик мальчика, всхлипывания и голос толстяка:

— Вот он. Со мной.

Все как будто входило в норму. Приглушенный гул не прекращался. Поток прибывающих пассажиров становился меньше. Вот он совсем прекратился. У освещенного трапа на мгновение возник Томпсон и исчез за дверью салона. Робер продолжал стоять неподвижно. Никто его не окликнул. Никому он не был нужен.

В семь тридцать моряки поднялись на первые выбленки¹ грот-мачты² и на бакштагах³ флеш-мачты⁴ укрепили сигнальные огни: зеленый — по правому борту, красный — по левому. Впереди, на штаге, должен быть белый пароходный огонь, но его не видно. Судно давно бы отправилось в путь, если бы не туман.

Но долго так продолжаться не могло. Без десяти восемь

¹ Выбленки — ступеньки из троса или металлических прутьев для лазания на верхние части мачт.

² Грот-мачта — самая высокая, вторая от носа, мачта на судне.

³ Бакштаг — здесь: снасти на судне, поддерживающие с боков мачты, грузовые стрелы и другие вертикальные части корабля.

⁴ Флеш-мачта — поставленная под определенным углом, наклонно.

палетел короткий порыв ветра. Тучи сгустились. Мелкий холодный дождь смыл туман. Воздух прояснился. Появились огни, пока едва различимые.

На верхней палубе блеснули золотые нашивки. Заскрипели сходни. Капитан поднялся на мостик и крикнул в темноту:

— Все на палубу. Приготовиться к отплытию!

Матросы бросились по местам. Двое, как раз над Робером, готовились по первому сигналу отдать швартовы.

Послышалась команда капитана:

— Машина готова?

Корабль стало покачивать, над трубой взметнулся дым, винт сделал первые обороты, и хриплый невозмутимый голос ответил:

— Готова!

— Отдать швартовы по правому борту!

— Отдать носовые швартовы по правому борту! — повторил голос невидимого помощника капитана.

Веревка громко хлестнула по воде. Капитан скомандовал:

— Подать назад!

— Подать назад! — отозвалось в глубине.

Наступила полная тишина.

— Отдать кормовые швартовы по правому борту. Самый малый вперед!

Корабль закачало. Заработал двигатель.

Но вскоре после того, как были отданы швартовы, судно остановилось, чтобы взять на борт шлюпку. Затем снова все пришло в движение.

— Поднять шлюпку! — раздался голос помощника капитана.

Заскрипели лебедки. И матросы в ритм своим усилиям затянули мрачноватую песню.

— Прибавить ходу! — приказал капитан.

— Прибавить ходу! — отозвался механик.

Вот уже остались позади стоящие на рейде корабли. Путь свободен.

— Полный вперед! — скомандовал капитан.

— Полный вперед! — повторил как эхо помощник из глубины машины. Винт завращался быстрее. Вода забурилла. Корабль убыстрил ход.

Дождь не прекращался. Не обращая на него внимания, Робер по-прежнему стоял, погруженный в грустные мысли.

Прошное вновь ожило в его сердце. Мать, которую он почти не помнил, коллеж, где он, кажется, был счастлив, отец. Увы, все рухнуло, той жизни больше нет. Кто бы мог предположить, что однажды он один, без друзей, без средств, окажется переводчиком на борту судна, отправляющегося в путешествие, и его невеселое начало, кажется, не предвещает ничего хорошего?..

Сколько времени предавался он размышлениям? К действительности его вернул какой-то шум: крики, ругань, грохот сапог по палубе. Затем — ужасающий скрежет металла, огромная масса, выросшая по левому борту и тотчас исчезнувшая в ночи.

В иллюминаторах показались испуганные лица. Пассажиры выскочили из своих кают. Но голос капитана их успокоил. Все разошлись.

«На этот раз обошлось», — сказал про себя Робер, поднимаясь на опустевшую верхнюю палубу.

Он отметил, что вокруг произошли изменения. Туман рассеялся, как будто сметенный взмахом крыла, в небе заблестели звезды, проступили довольно четкие очертания низкого берега.

Робер посмотрел на часы: пятнадцать минут десятого.

Огни Гринвича¹ остались далеко позади. С левого борта еще виднелись огни Вулвича, а на горизонте уже показался маяк Стоунмесс. Вот и он позади, а впереди зажегся Броуднесс. В десять часов корабль прошел маяки Тилбарнесс, а еще через двадцать минут обогнул косу Гоулхауз.

Робер увидел, что он прогуливается по палубе не один. В десяти шагах от него в темноте мерцала сигарета. Молодой человек, спокойно продолжая прогулку, бессознательно приблизился к освещенному иллюминатору салона.

Внутри было тихо. Пассажиры разошлись по своим каютам. Салон опустел.

Лишь одна пассажирка, почти напротив Робера, читала полулежа на диване. Он мог без помех рассмотреть тонкие черты лица, белокурые волосы, черные глаза, стройную фигуру, маленькую ножку, выступающую из-под элегантной юбки. Его привлекли в восхищение грациозная поза и изящная рука, переворачивающая страницы книги. Он нашел пассажирку очаровательной и в течение нескольких мгновений, совершенно забывшись, не мог оторвать от нее глаз.

Но человек с сигаретой кашлянул у него за спиной, и Робер, устыдившись своей нескромности, отошел от окна.

Огни за бортом продолжали мигать. В 11 часов 10 минут прошли мимо сигнальной станции. Теперь вдали были видны огни маяков Нор и Грейт-Нор, они казались часовыми, одиноко стоящими на посту в океане.

Робер решил немного поспать. Он спустился с верхней палубы и вышел к своему отсеку. Он был по-прежнему погружен в мысли.

О чем он думал? Продолжал ли недавний монолог? Или

¹ Гринвич — пригород Лондона с обсерваторией, через которую проведен «нулевой» меридиан, одна из условных линий, соединяющих по окружности земного шара оба полюса.

теперь его мысли занимала восхитившая его незнакомка? В двадцать восемь лет печальные мысли проходят так быстро!

Он очнулся в тот момент, когда его рука опустилась на дверную ручку каюты. Он обнаружил, что не один.

В то же мгновение открылись еще две двери. В соседнюю каюту вошла женщина, а в следующую — мужчина. Они обменялись приветствиями. Затем соседка Робера обернулась, бросив на него любопытный взгляд, и, прежде чем она успела скрыться в своей каюте, Робер узнал прекрасную незнакомку.

Он вошел к себе.

Закрывая дверь, Робер услышал, как корабль закрипел, взметнувшись вверх, а затем в шуме пены упал вниз. Набежал первый вал, и снасти загудели под морским ветром.

ГЛАВА IV

Первые знакомства

Утром земля исчезла из виду. Небо было чисто от облаков, и солнце ярко освещало необъятное пространство моря. Стояла превосходная погода, и, как бы разделяя всеобщую радость, пароход легко покачивался на волнах, мягко разрезая морскую зыбь, поднимаемую легким бризом с норд-веста.

В четверть шестого капитан Пип спустился с рулевого мостика, где простоял всю ночь, и передал вахту помощнику.

— Курс на запад, Флишип,— сказал он.

— Хорошо, капитан,— ответил помощник и, поднявшись на мостик, отдал команду: — Вахте левого борта мыть палубу!

Капитан не сразу удалился в свою каюту. Он обошел пароход, оглядел все внимательным взглядом.

На полубаке, склонившись над форштевнем¹, посмотрел, как корабль взлетает на волне. Подошел к окну машинного отделения, беспокойно прислушался к гудению шатунов и поршней, ходящих взад-вперед.

Он уже собрался уходить, когда над люком показалась фуражка с галуном. Главный механик Бишоп вышел на палубу подышать свежим утренним воздухом.

Они пожали друг другу руки и молча обменялись взглядами. Капитан вопросительно посмотрел туда, где гремело и ревели железо.

Бишоп понял этот немой вопрос.

— Да, капитан... так и есть,— сказал он со вздохом.

Больше он ничего не стал объяснять, но капитан все понял, потому что не стал переспрашивать, а только с явным неудо-

¹ Форштевень — массивная часть судна, образующая переднюю оконечность корабля.

вольствием покачал головой. И они продолжили начатый капитаном обход вдвоем.

На верхнюю палубу поднялся Томпсон. С другой стороны навстречу ему приближался Робер.

— Господин Морган! — закричал администратор. — Хорошо ли спали, господин профессор? Довольны ли каютой? Отличная погода, не правда ли, господин профессор?

Робер инстинктивно оглянулся, ожидая увидеть кого-нибудь из пассажиров. Он не сразу понял, что эти слова имеют отношение к его скромной персоне.

Внезапно Томпсон стремительно скатился по трапу вниз.

Робер посмотрел вокруг, но не понял причины столь поспешного бегства. На верхней палубе не было никого, кроме двух пассажиров. Они только что появились. Неужели Томпсон убежал из-за них? Но внешний вид этих джентльменов вряд ли мог кого напугать, хотя и выглядели они весьма оригинально.

Француза можно легко принять за человека другой национальности, с англичанином же дело обстоит иначе. У детей Альбиона¹ слишком характерный облик, их узнают сразу.

Один из двух пассажиров, вышедших на палубу, всей своей персоной подтверждал справедливость этого наблюдения. Казалось, нельзя быть более англичанином, чем он. Его даже можно было бы назвать дважды англичанином, если бы не рост. Но и при среднем росте, будучи худощавым, он выглядел высоким.

Его длинные ноги шагали по земле гордо, как бы утверждая над нею свою власть. Ведь англичанин, куда бы ни забросила его судьба, всегда высоко держит знамя своей страны.

Пассажир напоминал обликом старое дерево. Остро выступающие локти и колени скрипели, как детали плохо смазанного механизма, и были похожи на сучья. Его суставам, видно, не хватало смазочной жидкости. Недостаток смазочного материала сказывался, судя по всему, также и на его характере.

К такому выводу пришел бы наблюдатель, смотря на него снизу. Сначала обращал на себя внимание длинный, тонкий и острый нос. По сторонам этого устрашающего клюва, на том месте, где обычно находятся глаза, блестели два уголька. А ниже — узкая щель, которую при хорошем знании анатомии следовало назвать ртом и которая свидетельствовала о недобром характере. Наконец, рыжая растительность вокруг лица, тщательно приглаженные волосы, прямой пробор до самой макушки дополняли впечатление об этом образе. Пробор и бакенбарды говорили о твердости характера и о чопорности.

Его лицо состояло как бы из холмов и равнин. Если верить, что Бог лепит людей своими руками, то этого человека

¹ Альбион — древнее название Британских островов, дети Альбиона — шутовское название англичан.

он, видно, поторопился вылепить одним махом. Эти наблюдения могли привести к самым ужасным выводам, если бы в то же время его облик не наводил на мысль об уравновешенном характере.

Странный джентльмен отличался невероятной невозмутимостью. Он никогда не выходил из себя, не горячился, не повышал голоса и своим ровным спокойным поведением мог умиротворить любой вышедший из равновесия спор.

Джентльмен находился на верхней палубе не один. За ним следом двигалось нечто, напоминающее передвижную крепость,— еще один пассажир, такого же роста, как и первый, но гораздо шире и плотнее. Добродушный гигант огромных размеров.

Оба пассажира подошли к Роберу Моргану.

— Имеем честь говорить с профессором Робером Морганом? — спросил один из них так, будто перекачивал во рту камни.

— Да,— машинально ответил Робер.

— Переводчиком-гидом на корабле?

— Именно так.

— Очень рад, господин профессор,— холодно сказал джентльмен, закручивая кончики своих роскошных рыжих бакенбард.— Мое имя Саундерс.

Робер поклонился.

— А теперь, когда мы знакомы, позвольте представить вам господина Вана Пипербума из Роттердама. Мне кажется, он почему-то напугал нашего хозяина Томпсона!

Услышав свое имя, Ван Пипербум сделал реверанс.

Робер внимательно посмотрел на собеседника. Молодой человек видел, как Томпсон действительно обратился в бегство. Но чем вид пассажира так напугал администратора? И почему Саундерс счел нужным обратить внимание переводчика на столь странное обстоятельство?

— Ван Пипербум,— продолжал Саундерс,— говорит только на голландском, поэтому ищет переводчика.

Саундерс продемонстрировал визитную карточку голландца:

ВАН ПИПЕРБУМ
ищет переводчика.

Роттердам

Пипербум счел своим долгом подтвердить написанное в карточке. Его голос, напоминающий звучание флейты, удивительно контрастировал с его внешностью.

— Inderdaad, mynheer, ik ken geen woord engelsch...¹

¹ В самом деле, сударь, я ни слова не знаю по-английски... (гол.)

— Господин Пипербум,— прервал его Робер,— я знаю голландский не больше, чем вы английский.

Но великан продолжал говорить, стараясь подкрепить свои слова доброжелательной улыбкой:

— ...ach zal ik dikwyls uw gaad inwinnen op die reis¹.

— Как! Вы не знаете голландского! Но разве это сказано не о вас? — воскликнул Саундерс, вытаскивая из своего кармана бумагу и протягивая ее Роберу.

Это была программа путешествия, на ее первой странице значилось:

«Профессор Сорбонны, владеющий всеми языками, соблаговолил предложить пассажирам свои услуги в качестве гида-переводчика».

Прочитав это, Робер поднял глаза на Саундерса, перевел их на бумагу, затем посмотрел вокруг себя, как бы надеясь найти на палубе объяснение факту, не доступному его пониманию. В этот момент он увидел Томпсона. Склонившись, тот казался погруженным в созерцание шатунов и поршней.

Оставив Саундерса и Пипербума, Робер ринулся к администратору, протягивая злополучную программу.

Но Томпсон был к этому готов. Томпсон всегда был готов ко всему.

Его рука дружески подхватила протянутую руку Робера, и, не теряя спокойствия, он повлек разгневанного переводчика за собой. Со стороны можно было подумать, что два друга мирно разговаривают о погоде.

Робер не дал так легко себя провести

— Объясните, пожалуйста, что вы написали в вашей программе? — резко спросил он.— Разве я утверждал, что говорю на всех языках?

Томпсон доброжелательно улыбался.

— Ну-ну,— примирительно сказал он.— Ей-богу, это пустяки, мы ведь с вами деловые люди.

— Но нельзя же обманывать,— возмутился Робер.

Томпсон развел руками. Ради рекламы он был способен и не на такое!

— Видите ли, мой дорогой,— продолжил он,— вы напрасно сердитесь. Ведь здесь все сказано правильно. Вы француз, верно? Вы профессор? Вы ведь учились в Сорбонне и получили диплом о его окончании?

Томпсон наслаждался логикой своих доводов. Слушая себя и оценивая их как бы со стороны, он убеждал прежде всего самого себя.

Робер не был расположен к бесполезным препирательствам.

¹ ...вероятно, в течение этой поездки мне придется довольно часто обращаться к вам за помощью (гол.).

— Да, да, вы правы,— иронизируя, согласился он,— я, конечно, владею всеми языками. Это несомненно.

— Ну, разумеется, всеми «полезными» языками, разумеется. Мы просто забыли написать там слово «полезные». Так стоит ли придавать этому значение?!

Робер жестом показал на Пипербума, издали наблюдающего за ними. Аргумент был весьма красноречивый.

Но Томпсон, очевидно, придерживался иного мнения. Он ограничился тем, что с беззаботным видом прищелкнул пальцами и, сложив губы, сделал «пфу». Затем, с нарочитым спокойствием повернувшись на каблуках, он покинул своего собеседника.

Робер, может быть, и последовал бы за ним для продолжения разговора, но произошло еще одно событие, которое изменило его намерение. На палубе появился новый пассажир, направлявшийся к нему.

В этом пассажире, белокуром, стройном, было столько «не английского», что Робер сразу обратил на него внимание. И поэтому, услышав родную речь, обрадовался.

— Господин профессор,— обратился к нему новый знакомый очень приветливо, как все общительные люди,— мне рекомендовали вас как переводчика.

— Это именно так.

— Мне понадобятся ваши услуги, когда мы попадем в испанские владения. Прошу взять меня под особую опеку как своего соотечественника. Разрешите представиться: Роже де Сорг, лейтенант пехотной части, в отпуске для восстановления здоровья.

— Робер Морган. Целиком к вашим услугам, господин лейтенант.

Французы раскланялись. Офицер отправился в носовое отделение, а Робер вернулся к Саундерсу и его спутнику. Но тех уже не было на палубе.

Саундерс, отделавшись от надоедливой голландца, прогуливался теперь вокруг капитана Пипа, заинтригованный его поведением.

У капитана Пипа несомненно наблюдались странности и весьма оригинальные привычки.

Когда он испытывал чувство горя или, наоборот, радости — а в таких случаях человеку обычно хочется пооткровенничать,— капитан, напротив, как бы застегивался внутренне на все пуговицы, становился задумчив и молчалив. И только позже, когда завершалась в нем некая таинственная внутренняя работа, у капитана возникала потребность в «родственной душе», которой он мог бы полностью открыться. И рядом с ним всегда была эта «родственная душа», на четырех ногах, сантиметров на двадцать выше каблуков своего хозяина.

Верный друг из породы грифонов¹, несомненно не чистокровной, живо отзывался на кличку Артимон. Капитан звал Артимона и доверял псу соображения, возникавшие у него в связи с разными событиями.

В тот вечер капитан, как видно, еле удерживался от того, чтобы пооткровенничать. Едва расставшись с механиком Бишопом, он остановился у основания фок-мачты² и коротко позвал: «Артимон!»

Довольно неприглядный на вид пес грязновато-желтого цвета тотчас возник рядом с капитаном и, сев на задние лапы, поднял на хозяина умные глаза, всем своим видом показывая признаки живого внимания.

Капитан Пип раскололся не сразу. Он еще не был готов для душевной беседы. Некоторое время оставался неподвижен и нем, хмурил брови, оставляя Артимона в полной неизвестности.

Хозяин собирался поделиться с ним не радостью, а беспокойством. У «родственной души» на этот счет не было никаких сомнений: ее не могли обмануть гневно торчащие усы друга, его странно блестящие глаза, косящие от ярости.

Капитан, теребя концы усов, переводил мрачный взгляд от шлюпбалки³ на угольный тендер и с угольного тендера снова на шлюпбалку. После чего яростно сплунул в море, топнул ногой и, уставившись на Артимона, негодуя заявил:

— Подумать только, какая недобросовестность, а, сэр!

Артимон огорченно опустил голову.

— А если вдруг погода устроит какую-нибудь каверзу, а?

Капитан помолчал и закончил, потирая свой злополучный нос:

— Вот будет история, а, мистер...

Так как эти сеансы откровений длились обычно недолго, Артимон считал, что на этот раз все сказано, и пошевелился. Но голос хозяина пригвоздил его к месту. Капитан насмешливо цитировал выдержки из рекламного проспекта:

— «Комфортабельный пароход». Ха, ха, ха! «Две тысячи пятьсот тонн водоизмещения». Ну и ну!

В двух шагах от него раздался глухой голос:

— Мерзкая посудина, хозяин!

Капитан проигнорировал эту прервавшую его размышления реплику.

— А три тысячи лошадиных сил? — продолжал он. — Проклятый хвостун!

— Маленьких лошадок, хозяин, три тысячи пони-сил, — продолжал тот же голос.

¹ Грифон — здесь: название редкой породы собак.

² Фок-мачта — передняя мачта на судне.

³ Шлюпбалка — изогнутая железная балка, служащая для подъема на корабль и спуска на воду шлюпок.

На этот раз капитан соблаговолил услышать собеседника. Метнув на него сердитый взгляд, он удалился. А четвероногий конфиден¹, снова превратившись в обычного пса, потрусил за ним.

Саундерс — именно ему принадлежали эти нескромные комментарии, — глядя на удаляющегося капитана, невероятно развеселился. Это веселье проявлялось необычно, сопровождаясь скрипом и судорогами во всех его суставах.

После завтрака пассажиры высыпали на верхнюю палубу: некоторые наслаждались прогулкой, другие сидели, объединившись в компании.

Одна из таких компаний привлекла внимание Робера. Довольно далеко от него на палубе сидели три пассажира: мужчина и две дамы. В женщине, читающей последний номер «Таймс», он узнал вчерашнюю прекрасную незнакомку, свою соседку по каюте.

Она была, очевидно, замужем или вдова двадцати двух — двадцати трех лет. Он не ошибся накануне, сочтя ее очаровательной. Утреннее солнце так же выгодно подчеркивало ее красоту, как и вчерашний вечерний свет.

Ее спутницей была молодая девушка лет девятнадцати — двадцати, судя по очевидному сходству, сестра.

Джентльмен рядом с женщинами с первого взгляда не внушал симпатии. Худой, с висящими усами, горбатым носом, все время отводящий глаза в сторону, он решительно не понравился Роберу.

«Впрочем, какое мне дело», — подумал про себя гид.

И все же молодой человек почему-то не мог успокоиться. В его голове при взгляде на эту малосимпатичную личность невольно возникало воспоминание о вчерашнем курильщике на палубе, из-за которого ему пришлось уйти.

«Просто ревнивый муж», — подумал Робер, поживаясь.

В этот момент неожиданный резкий порыв ветра, холодного с утра, вырвал газету из рук молодой женщины. Робер кинулся за газетой, и ему удалось схватить ее в последний момент, когда она чуть не улетела навсегда в море. Робер преподнес пропажу своей очаровательной соседке и был награжден благодарной улыбкой.

Оказав эту скромную услугу, он собрался удалиться, но тут вмешался Томпсон. Хотя «вмешался» не то слово: он ринулся к Роберу.

— Bravo, господин профессор! — воскликнул он. — Мистер Линдсей, мисс Кларк, миссис Линдсей, разрешите мне представить вам господина Робера Моргана, профессора Сорбонны. Профессор соблаговолил принять на себя неблагодар-

¹ Конфидент — доверенное лицо.

ную миссию переводчика, это лишний раз доказывает — если, конечно, здесь требуются доказательства, — что наше агентство для своих пассажиров готово на все.

Томпсон, изрекая эту тираду, был великолепен. Робер же чувствовал себя неловко. Промолчав, он становился соучастником обмана. Но, с другой стороны, зачем спорить и доказывать правду? То, что говорил Томпсон, было в интересах Робера. К профессору, конечно, все будут относиться с большим почтением, чем просто к гиду.

Решив не занимать себя сейчас этими проблемами, Робер удалился, откланявшись.

— Это настоящий джентльмен, — сказала Томпсону миссис Линдсей, провожая Робера взглядом.

Томпсон одобрил ее слова выразительной мимикой: закивал головой, надул щеки, выпятил губы, всеми способами подчеркивая, какая значительная личность переводчик на пароходе «Симью».

— Я благодарна еще и потому, что в спасенной газете есть заметка об одном из наших пассажиров. Вот послушайте, — добавила она и громко прочитала: — «Сегодня, десятого мая, отправится в плавание пароход «Симью», зафрахтованный «Агентством Томпсон и К^о». Нам известно, что среди пассажиров находится некто Э. Т., член клуба самоубийц. Несомненно, мы можем стать свидетелями чрезвычайного происшествия».

— Гм, — хмыкнул Томпсон. — Позвольте, пожалуйста, миссис Линдсей, вашу газету?

Взяв газету из рук миссис Линдсей, он внимательно перечитал заметку.

— Вот так дела! — воскликнул Томпсон. — Что же собирается сделать этот оригинал? Но, прежде всего, кто это?

Томпсон быстро пробежал глазами список пассажиров.

— Единственный, у кого инициалы Э. Т., — это мистер Эдвард Тигг. Впрочем, вот он стоит, опершись на ванты фокмачты и устремив взгляд в открытое море. Несомненно это он. Какой мрачный вид!

Слова Томпсона относились к джентльмену лет приблизительно сорока, брюнету с вьющимися волосами, остроконечной бородкой, довольно крепкому на вид.

— Но что это за клуб самоубийц? — спросила мисс Кларк.

— Очаровательная мисс Кларк, вы американка, поэтому не можете знать, что клуб самоубийц — истинно английское заведение, — ответил почему-то с гордостью Томпсон. — Этот клуб объединяет людей, уставших от жизни и готовых свести с ней счеты то ли вследствие скуки, то ли из-за перенесенных страданий. Разговоры у них постоянно обращаются к этой теме в поисках самых оригинальных способов ухода из жизни.

Без сомнения, мистер Тигг выбрал путешествие, чтобы реализовать какой-то особенный способ самоубийства.

— Бедняга,— одновременно отозвались обе сестры, с сочувствием устремив взгляды на несчастного.

— Ну, ну,— ответил Томпсон, он не казался растроганным,— все будет в порядке. Это известие всех развлечет. Позвольте вас покинуть, миссис Линдсей. Я сообщу всем новость, пусть не сводят глаз с этого оригинала.

— Какой славный человек этот Томпсон,— сказала Долли, когда словоохотливый администратор удалился.— Он не может к вам обратиться без лестных слов. «Очаровательная мисс Долли, восхитительная миссис Линдсей...» Он неистощим.

— Глупое дитя,— снисходительно пожурила сестру Элис.

— Матушка-ворчунья,— отозвалась Долли с милой улыбкой.

Пассажиры один за другим заполняли палубу.

Стремясь получше узнать тех, с кем свели его обстоятельства, Робер завладел креслом-качалкой и, заглядывая в список пассажиров, с удовольствием принялся наблюдать за гуляющими по палубе.

Список дополняли имена служащих из администрации и экипажа корабля. Робер увидел, что ему отведено достойное место.

Открывал список Томпсон, наградивший себя званием Главного Администратора. За ним следовал капитан Пип, затем Бишоп, главный механик. За Бишопом сообщалось о профессоре Робере Моргане. Главный Администратор ценил своего гида-переводчика.

За руководством экипажа следовало среднее звено, затем матросы и прислуга. При желании Робер мог бы остановить внимание на помощнике капитана Флишипе, на лейтенанте Брауне, на боцмане¹ господине Скае, на четырнадцати юнгах² и матросах, на шести слугах и четырех горничных, на двух метрдотелях и двух неграх. Один из них отличался чрезвычайной худобой, а другой — чрезвычайной упитанностью. Какой-то шутник уже прозвал их мистер Сандвич и мистер Ростбиф.

Но Робера интересовали прежде всего пассажиры, их было шестьдесят три, он быстро пробежал глазами список. Ему доставляло удовольствие соединять имена с людьми, гуляющими по палубе.

Занятие это оказалось непростым, и Робер, возможно, в не-

¹ Боцман — лицо младшего командного состава, в чьи обязанности входит поддержание порядка на судне, руководство общекорабельными работами, обучение команды морскому делу.

² Юнга — подросток на судне, готовящийся стать матросом и обучающийся морскому делу; иногда исполняет также обязанности слуги, вестового.

которых случаях пришел бы к ошибочным выводам, если бы Томпсон не пришел ему на помощь.

— Я вижу, чем вы заняты,— сказал он, усаживаясь рядом.— Хотите, помогу? Вам будет полезно иметь некоторое представление о самых интересных пассажирах. О семье Линдсей говорить не будем. Я вам ее представил утром. Вы знакомы с миссис Элис Линдсей, богатой американкой, мисс Долли Кларк, ее сестрой, и мистером Джеком Линдсей, ее деверем¹.

— Вы сказали деверем? — переспросил Робер.— Миссис Линдсей, стало быть, не замужем?

— Она вдова,— ответил Томпсон.

Ответ обрадовал Робера, хотя он и затруднился бы объяснить причину своей радости.

— Итак, идем дальше,— продолжил Томпсон,— начнем со старой дамы в десяти шагах от нас. Это леди Гайлбат, оригинальное существо, она всегда путешествует в сопровождении дюжины кошек и собак. Позади нее — слуга в галунах, держит на руках четвероногого фаворита². Немного позади — молодая пара, с ней я еще плохо знаком. Но не нужно быть проницательным, чтобы догадаться — это молодожены в свадебном путешествии. Того толстяка, который невоспитанно всех расталкивает, зовут Джонсон. Известный выпивоха. Теперь вернемся назад. Видите длинную фигуру в просторном сюртуке? Это преподобный отец Кули, наш уважаемый священник.

— А этот чопорный джентльмен со своей женой и дочерью?

— О! — с уважением ответил Томпсон.— Это благородный сэр Гамильтон, благородная леди Эвангелина Гамильтон и благородная мисс Маргарет Гамильтон. Сколько в них достоинства! Как они сдержанны, недоступны! Никто, кроме разве леди Гайлбат, не может рассчитывать быть принятым в их общество.

Робер посмотрел на своего собеседника с любопытством. Этот человек забавно соединял в себе очень разные качества человеческой личности. При случае Томпсон — обычно неистощимый льстец — мог нанести своему противнику чувствительный удар.

Порыв его прошел, Томпсон встал с места. Он не любил заниматься одним и тем же долго.

— Не вижу больше никого интересного для вас, дорогой профессор,— сказал он.— С остальными вы познакомитесь постепенно. Позвольте мне вернуться к своим обязанностям.

— А тот толстяк,— удержал его Робер,— вон тот, с ним три дамы и мальчик, и он, похоже, что-то потерял?

¹ Деверь — брат мужа.

² Фаворит — любимец; тот, которому покровительствует богатое, влиятельное лицо.

— А, этот...— начал было Томпсон,— впрочем, я представляю вам удовольствие самому с ним познакомиться, ведь, если не ошибаюсь, он направляется именно к вам.

Человек, о котором шла речь, действительно, будто внезапно приняв решение, шел прямо к Роберу. Он приблизился к переводчику, Томпсон же постарался в этот момент скрыться.

— Черт возьми! Сэр,— воскликнул он, вытирая лоб,— я едва вас нашел. Господин Морган? — спрашиваю всех. «Господин Морган? Такого не знаю». Вот что мне все отвечали. Вы сможете в этом убедиться, если захотите.

Робер был неприятно удивлен таким бестактным началом знакомства. Но оснований обижаться как будто не было — оскорбить его явно не собирались. Пока глава семьи говорил, три женщины все время делали реверансы, а юный наследник восхищенно тарашил глаза.

— Могу я знать, с кем имею честь говорить? — сдержанно спросил Робер.

Сдержанность эта была вполне естественной. Ему совсем не хотелось близко знакомиться с этим невоспитанным толстяком, олицетворявшим собой глупость и самодовольство. И с его семьей, особенно с немолодой женой и двумя сухопарыми чопорными девицами. Им, видно, было уже под тридцать.

— Конечно, конечно, сэр,— ответил толстяк.

Но, прежде чем представиться, он принялся искать, куда бы усадить себя и свое семейство. Найдя складные стулья, все расположились с комфортом.

— Садитесь же,— обратилась эта бесцеремонная личность к Роберу.

Робер, решив подчиниться обстоятельствам, принял приглашение.

— Лучше всего беседовать сидя, не так ли,— закричал толстяк, разразившись громким смехом.— А-а, вы же хотите узнать, кто я? Мистер Блокхед, известный во всем квартале и уважаемый, сэр, очень уважаемый! Всякий подтвердит это. Бакалейный магазин Блокхеда, на Трафальгар-стрит! Это чистая правда, сэр, чистая, как золото.

Робер жестом показал, что верит.

— Вы спросите теперь, каким образом я, Блокхед, уважаемый бакалейщик, оказался на этом корабле? Я вам отвечу, что еще вчера не знал, что такое море. Кажется невероятно, да? Но вы же понимаете, друг мой, коммерция требует напряженного труда, если вы не хотите угодить в долговую яму. Вы мне возрадите: а воскресенье? Воскресенье... В течение тридцати лет мы в воскресенье ни разу не выбрались за город. Но теперь, скопив состояние, ушли от дел.

— И захотели наверстать упущенное? — спросил Робер, делая вид, будто проявляет интерес.

— Не совсем так. Сначала мы просто отдыхали. Но потом

это стало надоедать. Мы скучали по нашей привычной работе. Я часто говорил миссис Блокхед: «Не отправиться ли всем в небольшое путешествие?» Но она и слышать не хотела, знаете ли, такие траты. И вот десять дней назад я прочитал объявление «Агентства Томпсон». Как раз в этот день исполнился тридцать один год, как мы с Джорджиной поженились. И я, никому не сказав, взял билеты. Кто был доволен, так это мои дочери, представляю их вам: Бесс и Мери. Жена, конечно, немного поворчала. Но когда узнала, что за место Абеля я заплатил полцены... Абель — это мой сын. Поздоровайся с сэром, Абель! Джентльмена прежде всего отличает вежливость. Да, сэр, полцены, так как Абелью будет десять лет только второго июня. Повезло, не правда ли?

— И вы не разочарованы? — спросил Робер просто для того, чтобы не молчать.

— Не разочарованы? Не то слово. Мы восхищены. Корабль! Море! Каюты! Прислуга! Необыкновенно! Я говорю, что думаю, сэр, чистая правда, сэр.

Робер снова жестом одобрил его слова.

— Но это еще не все,— продолжал энергичный собеседник.— Когда я узнал, что буду путешествовать в обществе профессора из Франции... я никогда не видел ни одного профессора из Франции!

Роберу едва удалось скрыть замешательство.

— Потом мне пришла в голову мысль убить сразу двух зайцев. Для вас ведь не составит труда дать моему сыну несколько уроков французского языка? Абель уже кое-что знает.

— Ваш сын уже...

— Да, да. Он знает всего несколько слов, но произносит их прекрасно. Ну-ка, Абель, скажи свою фразу сэру.

Абель встал и, как школьник, отвечающий урок, произнес слова, без всякого сомнения, не понимая их смысла.

— Невозможно себе представить, до чего забавны и смешны эти почтенные бакалейщики,— проговорил он с хорошим французским произношением.

Робер не мог сдерживать улыбки, к великому неудовольствию Блокхеда и его семьи.

— Не вижу ничего смешного,— обиделся бакалейщик.— Абель говорит превосходно. Этой фразе научил его один французский художник.

Желая поскорее расстаться с Блокхедами, Робер извинился за то, что не может давать уроки: его работа не оставляет свободного времени. Он решил во что бы то ни стало отвязаться от надоедливого господина, и случай ему помог.

Ван Пипербум из Роттердама ходил по палубе взад-вперед в поисках переводчика. Он обращался к пассажирам, но никто не мог его понять. С каждой неудачной попыткой его лицо удлинялось и все более и более мрачнело.

Поведение этого несчастного заставило Блокхеда насторожиться.

— Кто этот джентльмен и на каком языке говорит? — спросил он Робера.

— Это голландец, — ответил Робер, — и положение его не из приятных.

При слове «голландец» Блокхед поднялся.

— Абель, за мной, — скомандовал он.

Когда Пипербум заметил приближающихся, он тоже устремился к ним. Может быть, наконец он найдет переводчика?

— Mynheer, kunt u my den tolk van het schip wyzen?¹ — спросил он, вежливо обращаясь к Блокхеду.

— Сэр, — торжественно ответил Блокхед, — я никогда не видел голландца. Я счастлив и горд, что мой мальчик видит представителя народа, прославившегося своими сырами.

Пипербум широко открыл глаза, теперь в свою очередь ничего не понимал он, и продолжал настаивать:

— Ik versta u niet, mynheer. Ik vraag u of gu my den tolk van het schip wilt...

— ...wyzen², — закончил за него Блокхед по-голландски фразу, которую только что услышал и запомнил.

При этом слове лицо Пипербума засияло. Наконец-то! Но Блокхед продолжал уже на родном языке:

— Я чрезвычайно доволен, что мне довелось услышать голландскую речь. Вот они, преимущества длительных путешествий, — добавил он, повернувшись к своей семье, не сводившей с него глаз.

Пипербум снова помрачнел. Нет, этот понимает его не больше, чем другие.

Внезапно он прямо зарычал. Внизу, на палубе, голландец заметил Томпсона. Этого-то уж он знал. Он видел его в агентстве, когда имел глупость приобрести билет. Теперь он добьется своего...

Томпсон мог бы уклониться от встречи с голландцем. Утром он так и сделал, но на этот раз остался поджидать врага. Рано или поздно, объяснение все равно должно состояться. Какая разница, сейчас или позднее.

Пипербум подошел к Томпсону и вежливо произнес все ту же фразу: «Mynheer, kunt u my den tolk van het schip wyzen?» Томпсон сделал знак, что не понимает. Пипербум настойчиво повторил свой вопрос громче. Томпсон твердо стоял на своем.

Пипербум сделал третью попытку объясниться, на этот раз так громко, что пассажиры обратили на него внимание.

¹ Сэр, не могли бы вы рекомендовать мне переводчика из членов этого экипажа? (гол.)

² Я не понимаю, сэр. Я повторяю, не могли бы вы рекомендовать мне переводчика из числа членов экипажа... (гол.)

Даже мистер Флишип на капитанском мостике, казалось, заинтересовался происходящим. Один только Томпсон оставался невозмутимым. Он спокойно повторял рукой жест непонимания.

Тогда, выведенный из себя бесполезностью своих усилий, Пипербум потерял всякое чувство меры. Голос его сорвался на крик. Он задыхался от возмущения. Наконец, он бросил под ноги Томпсону переведенную ему кем-то смятую программу как свой последний аргумент. Он купил билет, поверив программе.

В этих обстоятельствах Томпсон сделал то, что он и должен был сделать. Он с достоинством подобрал программу, тщательно разгладил ее руками, сложил и спокойно спрятал в карман. Только после этого соизволил поднять глаза на Пипербума, лицо которого выражало неописуемый гнев.

Томпсона это не испугало.

— Сэр,— сказал он сухо.— Хотя ваш жаргон¹ чудовищен, я понимаю, о чем вы говорите. Вы недовольны программой. Но все равно это не дает вам права обращаться с ней подобным образом. Так, сэр, не поступают джентльмены.

Пипербум не мог ничего возразить. Он весь превратился в уши, изнемогая от нечеловеческих усилий хоть что-нибудь понять. Его тоскливый взгляд свидетельствовал, что он потерял всякую надежду быть услышанным.

Поражение противника воодушевило Томпсона. Он смело сделал два шага вперед; его противник отступил шаг назад.

— Чем не устраивает вас эта программа? — спросил он решительным тоном.— Вы недовольны каютой? Вы жалуетесь на питание? Чего вам не хватает? Ну ответьте же!.. Нет, не в этом дело? Тогда почему вы сердитесь? Только потому, что не нашли переводчика?

Томпсон произнес последние слова с нескрываемым негодованием. Он был восхитителен. Яростные интонации, энергичные жесты окончательно сокрушили и без того поверженно-го противника. Несчастный был оглушен, потерял, руки его дрожали.

Пассажиры окружили спорящих, не скрывая своего интереса.

— Разве это моя вина! — воскликнул Томпсон, беря в свидетели само небо.— Да, в программе говорится о переводчике, владеющем всеми языками. Но ведь никто из пассажиров не жалуется, кроме вас!

Он обвел всех взглядом человека, уверенного в своей правоте, и продолжал с торжествующим видом:

— Только вы один. Конечно, сэр, наш переводчик владеет

¹ Ж а р г о н — специфическая речь какой-либо социальной группы, насыщенная особыми словами и выражениями (ученых, специалистов различных отраслей, журналистов, торговцев, уголовников и т. п.).

всеми языками, но не голландским же. Это не язык. Это диалект, местное наречие, сэр. Если голландец хочет, чтобы его понимали, пусть остается дома.

Дружный смех сотряс палубу и трюм. В течение двух минут на корабле царило непобедимое веселье, в котором было мало милосердия.

Оставив поверженного противника, Томпсон снова поднялся на верхнюю палубу и теперь прогуливался среди пассажиров совершенно спокойно.

Смех еще не успел стихнуть, когда склянки позвали всех к обеду.

Томпсон сразу вспомнил о Тигге. На время администратор забыл о нем из-за инцидента с Пипербумом. Отвлечь Тигга от мыслей о самоубийстве можно, потворствуя его желаниям. В данном случае следовало предложить ему удобное место за столом.

Увиденное успокоило Томпсона. Осведомленность пассажиров о тайне Тигга уже приносила свои плоды, милосердные души позаботились о несчастном. Тигг шел к столу в сопровождении двух дочерей Блокхеда, между ними и занял место. И сразу же началась борьба за то, кто подвинет скамеечку ему под ноги, кто отрежет хлеба, кто подаст лучшие кусочки мяса. Сестры проявляли поистине христианское усердие, они делали все, чтобы вернуть ему вкус к жизни.

Томпсон сел в центре стола, капитан Пип — напротив. Заняли отведенные им места леди Гайлбат и леди Гамильтон. Остальные пассажиры разместились по своему усмотрению, в зависимости от симпатий. Робер, занявший место с краю, оказался между Роже де Соргом и Саундерсом, недалеко от семьи Линдсей.

Обед начался в тишине. Но как только утолили голод, начались разговоры, сначала на частные темы, затем на общие.

Во время десерта Томпсон счел уместным произнести прочувственную речь.

— Я обращаюсь ко всем, кто меня слушает, — воскликнул он в опьянении триумфа, — не правда ли, мы замечательно путешествуем? Кто не предпочел бы наш плавучий ресторан ресторану на суше?

Эта преамбула была встречена всеобщим одобрением. Томпсон продолжал:

— Пусть каждый сравнит себя с тем, кто путешествует в одиночку. Жизнь такого плачевна, он предоставлен только самому себе, своим возможностям. Мы же находимся в прекрасном салоне, в избранном и доброжелательном обществе. И все это благодаря новой форме бизнеса путешествий. Скоро это удовольствие для немногих станет доступным для всех.

Утомленный длинной речью, Томпсон перевел дыхание. Он хотел продолжать, но тут случилось неожиданное.

Слушая администратора, юный Абель Блокхед все больше

и больше бледнел. Если на свежем воздухе он не почувствовал первых признаков морской болезни, обычного следствия усиливающейся качки, то как только покинул палубу, приступ сразу же дал о себе знать. Из розового он стал бледным, потом зеленым. И стоило только налететь большой волне, как мальчик уткнулся в свою тарелку.

— Прямо как от сильной дозы ипекакуаны¹, — флегматично обронил Саундерс в полной тишине.

Многие пассажиры деликатно отвернулись, семья же Блокхедов обратилась в бегство. В течение одной минуты на лицах девиц сменились все семь цветов радуги. Они встали и поспешно удалились, оставив Тигга на произвол судьбы. Мать, унося на руках несчастного ребенка, устремилась следом. За ней, держась за взбунтовавшийся живот, следовал мистер Абсирфус Блокхед.

После того как прислуга навела порядок, Томпсон попытался продолжить свое прерванное выступление. Но общество уже не было настроено слушать его. Почти через каждую минуту кто-нибудь из гостей вскакивал и исчезал с искаженным лицом. Все надеялись, что свежий воздух исцелит внезапный недуг, то и дело увеличивающий количество своих жертв. Вскоре стол опустел на две трети, на местах остались лишь самые крепкие.

Таковой была семья Гамильтонов. Морская болезнь не могла справиться с этими могучими людьми. Они продолжали трапезу, не обращая никакого внимания на то, что происходит вокруг.

Леди Гайлбат чувствовала себя хорошо, но тоже ушла в сопровождении слуги и четвероногого любимца, вид и поведение последнего явно говорили о недомогании.

Не поддался болезни также и Элиас Джонсон. Подобно Гамильтонам, он как бы не замечал вокруг себя никого. Но в этом не было высокомерия. Он с аппетитом ел, особенно много пил. Бокалы сменялись перед ним как по волшебству, к великому негодованию соседа, преподобного Кули.

Насколько Джонсон много пил, настолько Пипербум из Роттердама много ел. На каждый бокал, выпитый Джонсоном, Пипербум отвечал тем, что проглатывал огромный кусок. Он уже остыл от ярости, лицо его было безмятежно. По всей видимости, голландец примирился со своей участью и, отбросив мучившие его заботы, предавался спокойному кревоугодию.

За огромным столом осталось только двенадцать пассажиров, среди них Робер, семья Линдсей, Роже, Саундерс и вышеперечисленные персоны во главе с Томпсоном и капитаном Пипом.

¹ И п е к а к у а н а — южноамериканское растение, корень которого применяется в медицине как рвотное и отхаркивающее.

Круг избранных был узок, но внушал почтение. Так считал Томпсон, горевший желанием вернуться к столь неудачно прерванной речи.

Однако обстоятельства, похоже, были против него. В тот момент, когда Томпсон собирался открыть рот, в тишине высился скрипучий голос.

— Стюард, — позвал Саундерс, отодвинув тарелку, — ну же! нельзя принести просто два яйца. Неудивительно, что все болеют. Даже желудок морского волка не вынесет такой пищи!

Это заявление казалось слишком придиричивым. Еда, далеко не безупречная, была, в общем, довольно сносной. Но какое это имело значение для постоянно недовольного Саундерса, внешность которого соответствовала его характеру. Если судить по облику, он представлял собой тип неисправимого брюзги. А возможно, у него имелась какая-то тайная причина не любить Томпсона, сознательно искать поводы к агрессивным выпадам и сеять раздор между Главным Администратором и его подчиненными.

Оставшиеся в салоне путешественники не смогли сдерживать смеха. Не смеялся один Томпсон. И если он в свою очередь позеленел, то причиной была отнюдь не морская болезнь.

ГЛАВА V

В открытом море

Мало-помалу жизнь на борту парохода пошла привычным ходом. В восемь утра приглашали к чаю, затем собирались за столом в полдень и семь часов вечера.

Томпсон отдавал предпочтение французским вкусам и привычкам. Он упразднил многочисленные приемы пищи на английский манер под предлогом, что из-за большого числа экскурсий это неосуществимо. Не пощадил даже столь дорогой английскому желудку «five o'clock»¹. Усиленно расхваливая полезность своих гастрономических нововведений, Томпсон постепенно приучал туристов к образу жизни, который, как он утверждал, будет наиболее целесообразным, когда они достигнут архипелага. Такая забота о пассажирах, конечно, больше всего преследовала другую цель — сэкономить на питании.

Жизнь на борту казалась однообразной, но не скучной. Море было зрелищем, предлагавшим все новые впечатления. Навстречу шли корабли, проплывали мимо неизвестные земли, оживляя однообразную линию горизонта.

Впрочем, такое случалось пока не часто. Только в первый день обозначился в тумане французский берег порта Шербур

¹ Файф-о-клок — традиционное чаепитие в пять часов вечера (англ.).

на южном горизонте. С тех пор над бесконечным водным простором с кораблем в центре не подымалась никакая твердь.

Пассажиры привыкали к такой жизни. Они проводили время в разговорах и прогулках, не покидая верхней палубы.

Разумеется, речь идет только о здоровых пассажирах. К несчастью, число их не увеличилось с того самого дня, когда аудитория Томпсона столь ощутимо поредела.

Экипажу корабля пока не приходилось преодолевать особых трудностей. Моряк вполне бы удостоил эту погоду эпитетом «прекрасная». Но пассажиры, не привыкшие к морской качке, постоянно привередничали.

Надо признать, однако, что эту переменчивость погоды пассажиры не принимали всерьез. Они вели себя спокойно, независимо от того, какая набегала волна. И капитан Пип, повидимому, убедился в этом и выразил четвероному confidentу свое удовлетворение точно так же, как ранее он выражал неудовольствие и гнев.

Как видим, мореходные достоинства «Симью» не избавляли путешественников от неудобств, причиняемых морем, и возможность оценить организаторский талант Главного Администратора имели лишь немногие.

Саундерс был всегда среди самых стойких. Он переходил от одного пассажира к другому, его принимали благожелательно — всех забавляло его свирепое жизнелюбие. Каждый раз, когда он сталкивался с Томпсоном, происходил такой обмен взглядами, который можно сравнить только с дуэлью. Главный Администратор не забыл неуважительного поведения пассажира в самый первый день. Саундерс же не предпринимал ничего, чтобы смягчить это впечатление. Напротив, он пользовался всяким поводом, чтобы выразить свое нерасположение к порядкам на корабле. Стоило, к примеру, не вовремя позвать к столу, как он появлялся с программой в руках и клеймил Томпсона в самых гневных выражениях. Несчастный Главный Администратор стал избегать этого слишком требовательного пассажира.

Более всего Саундерс сблизился с семьей Гамильтонов. Чтобы преодолеть высокомерную необщительность этой семьи, нужно было иметь с ними что-то общее. Гамильтон, как и Саундерс, был из тех людей, кто рождается и умирает брюзжа и доволен только тогда, когда находится повод ворчать и придирааться. Во всех претензиях Саундерса Гамильтон следовал за ним. Эти два постоянных раздражителя стали настоящим кошмаром Томпсона: они выражали недовольство буквально всем.

Трио Гамильтонов превратилось после сближения с Саундерсом в квартет, а затем стало квинтетом¹. Барон допустил в

¹ Квартет — ансамбль из четырех исполнителей произведения, специально написанного для такого состава. Квинтет — то же, из пятих исполнителей.

свое общество и Тигга. В отношении к нему отец, мать и дочь не проявляли своей обычной чопорности. Можно предположить, что они вели себя так не без основания. А поведение мисс Маргарет давало повод строить разные догадки.

Тигг, таким образом, был под присмотром, и опасность ему не грозила. Поэтому отсутствие Бесс и Мери Блокхед никого не беспокоило. Если бы они были здесь! Но сестры еще не пришли в себя, так же, как и их отец, мать и брат. Все члены этой замечательной семьи продолжали страдать от морской болезни.

Еще два пассажира, на которых морская качка не оказывала никакого действия, в отличие от Саундерса и Гамильтона, ничего не требовали и выглядели вполне довольными. Один из этих счастливых был Ван Пипербум из Роттердама. Отчаявшись добиться неосуществимого, он успокоился и стал жить в свое удовольствие. Лишь время от времени, как бы для очистки совести, произносил все ту же фразу. Пассажиры в конце концов выучили ее наизусть. В остальное время голландец ел,пил, курил, спал. Его жизнь на корабле заключалась только в этом. Большое тело Пипербума, пышущее вызывающим здоровьем, тяжело колыхалось. То там, то здесь возникала его огромная трубка с густым облаком дыма.

Джонсон вел себя похожим образом, как бы дополняя этого философа. Два-три раза в день он появлялся на верхней палубе, ходил по ней шумно, сопя, пыхтя и отплевываясь, похожий на бочку. Затем направлялся в салон-кафе, и все слышали его голос, громко требующий коктейля или грога. Приятным его назвать было нельзя, но, по крайней мере, он никому не мешал.

Жизнь Робера казалась пока спокойной. Порой он обменивался несколькими фразами с Саундерсом, чаще с Роже де Соргом. Тот проявлял явное расположение к своему соотечественнику. Робер, если и не спешил опровергнуть легенду о себе, автором которой был Томпсон, все же и не утверждался в качестве знающего все языки. Он проявлял сдержанность.

Познакомиться с семьей Линдсей поближе пока не представлялось случая. Утром и вечером они приветствовали друг друга, и не более того. Робера, однако, все сильнее интересовала эта семья, и он почувствовал нечто вроде ревности, заметив, что Роже де Сорг сблизился с американцами, чему способствовали и соседство кают, и расположение к ним Томпсона.

Ничем пока не занятый, Робер с утра до вечера бродил по палубе среди пассажиров. Некоторые из них вызывали особый интерес, но чаще всего его взгляд невольно устремлялся за кем-либо из семьи Линдсей. Чувствуя нескромность своего внимания, он старался отводить глаза, но невольно снова и снова обращал взгляд туда, куда его влекло как в гипнозе. Робер незаметно для себя стал другом сестер, жил их интересами, догадывался о потаенных мыслях, понимал их без слов. Он

все время издали наблюдал за смешливой Долли и особенно за ее сестрой Элис. Любуясь спокойным обаянием старшей сестры, он угадывал в ней глубокую и чарующую душу.

Влекомый мысленно к спутницам Джека Линдсея, молодой человек постоянно размышлял и о нем самом. Первое неблагоприятное впечатление не только не прошло, а, наоборот, изо дня в день все больше усиливалось. Робер утверждался в самом отрицательном к нему отношении и крайне удивлялся, почему Элис и Долли предприняли путешествие в обществе такого человека. Как они не замечают того, что видно ему?

Робер был бы еще больше удивлен, если бы узнал об обстоятельствах, предшествующих этому путешествию.

Братьям-одногодкам Джеку и Уильяму Линдсеям было по двадцать лет, когда умер отец, оставив им значительное наследство. Но близнецы были совершенно непохожи друг на друга по характеру. Уильям, продолжая дело отца, приумножил свое состояние. Джек, напротив, свое промотал. Меньше чем через четыре года он остался ни с чем.

Загнанный жизнью в тупик, он вынужден был всячески изворачиваться и прибегать к сомнительным способам добывания денег. Поговаривали намеками о его нечистой картежной игре, о каких-то махинациях в спортивных обществах, о подозрительных биржевых операциях. Он был скомпрометирован, его перестали принимать в порядочных домах.

Таково было положение дел, когда в двадцать шесть лет Уильям встретил и полюбил Элис Кларк, очень богатую сироту восемнадцати лет, и женился на ней.

К сожалению, Уильям родился под несчастливой звездой. Почти шесть месяцев спустя после женитьбы его принесли домой мертвым. Несчастный случай на охоте сделал молодую женщину вдовой.

При жизни, как выяснилось, Уильям привел в порядок все свои дела. Он не питал иллюзий относительно своего брата и завещал состояние жене, поручив ей назначить Джеку приличную пенсию.

Для Джека это был тяжелый удар. Он пришел в ярость и проклял брата. Из человека недоброго он превратился в человека ожесточившегося.

Поразмыслив, он успокоился и решил вместо того, чтобы биться головой о стену, изменить обстоятельства выгодным для себя образом. Воспользовавшись неопытностью своей невестки, Джек вознамерился путем методической осады жениться на ней и таким образом овладеть богатством, которое, как он считал, должно принадлежать ему.

В соответствии с этим планом, он изменил образ жизни, перестал давать поводы для скандальных слухов.

Однако прошло уже пять лет, а Джек так и не осмелился объясниться с Элис. Ему трудно было переступить барьер,

воздвигнутый перед ним холодностью женщины. Но вот, кажется, представился благоприятный случай. Будучи с сестрой в Европе, Элис познакомилась с объявлением «Агентства Томпсон» и, поддавшись внезапному порыву, решила отправиться в путешествие. Джек, набравшись смелости, предложил свои услуги в качестве спутника сестер. В первый момент это покорило Элис, но, подумав, она смирившая свою неприязнь. Ведь Джек уже долгое время вел вполне пристойную жизнь. Может быть, пришло время открыть двери дома брату покойного мужа.

Конечно, Элис решительно бы ему отказала, если бы только могла знать планы своего деверя, если бы умела читать его мысли. Она убедилась бы, что Джек остался все тем же, может быть, даже стал еще хуже, что его ничто не может остановить. Он готов идти на любую низость, даже преступление, чтобы заполучить состояние брата.

До сих пор Джек не позволял себе никаких намеков относительно планов женитьбы. На борту «Симью» он тоже вел себя сдержанно, молчал, находился рядом, выжидал, не выдавая своих намерений. Настроение его испортилось, когда сестрам был представлен Роже де Сорг, сразу расположивший к себе сестер живым и добрым нравом. Джек успокоился только тогда, когда убедился, что Роже гораздо больше интересуется Долли, чем ее сестрой.

Других пассажиров «Симью» Джек не принимал в расчет. Присутствие Робера едва замечал.

Элис не была столь высокомерна. Ее женская проницательность сразу помогла ей отметить очевидное несоответствие между служебным положением Робера и его обликом, оценить вежливую сдержанность, с какой он принимал лестные слова некоторых пассажиров, в частности Роже де Сорга.

— Что вы думаете о нашем соотечественнике? — спросила она однажды француза, когда тот завел речь о Робере. — Мне кажется, он необщителен.

— Он горд и знает себе цену, — ответил де Сорг, не пытаясь скрыть очевидной симпатии к переводчику.

— В его положении вести себя так может только очень достойный человек, — сделала заключение Элис.

Однако Робер скоро вынужден был покончить со своей отчужденностью и приступить к выполнению прямых обязанностей гида-переводчика еще до того, как «Симью» причалит к первому острову.

После того как корабль вышел из пролива Ла-Манш, он постоянно следовал курсом вест-зюйд-вест, немного южнее того курса, которым надлежало идти, чтобы достичь Азорских островов. Капитан Пип вел корабль на самые западные острова, чтобы показать их пассажирам. Судя по тому, как шли дела, осуществить эту возможность предстояло довольно скоро.

— Могли бы вы, господин профессор,— спросил Роже на четвертый день путешествия,— сказать, какие острова будут на нашем пути первыми?

Робер растерялся. Таких подробностей он не знал.

— Ну ладно,— примирился с этим Роже,— мы спросим у капитана. Ведь Азорские острова принадлежат Португалии, не так ли? — возобновил он вопросы после непродолжительного молчания.

— Кажется, да,— пробормотал Робер.

— Признаюсь, дорогой профессор, что совершенно ничего не знаю об архипелаге,— продолжал Роже.— Вы думаете, будет что-нибудь интересное?

— Конечно.

— А что именно? — допытывался Роже.— Природные достопримечательности, не так ли?

— Несомненно,— поспешил подтвердить Робер.

— А поселения?

— Само собой разумеется.

Роже озадаченно посмотрел на собеседника. Лукавая улыбка скользнула по его лицу. Он снова приступил к вопросам:

— Побеспокою вас еще немного, господин профессор. Программа предусматривает высадку только на трех островах: Фаял, Терсейра и Сан-Мигель. Есть ли другие острова на архипелаге? Миссис Линдсей хочет знать, сколько же их всего, а я не могу ей ответить.

Роберу показалось, что его пытаются. Слишком поздно осознал он свою неосведомленность там, где должен все знать и отвечать на любые вопросы.

— Пять,— уверенно ответил он.

— Большое спасибо, господин профессор,— насмешливо поблагодарил Роже, прощаясь.

Робер бросился в свою каюту. Перед отплытием из Лондона он предусмотрительно обзавелся книгами, содержащими сведения о местах, где пролегал маршрут корабля. Почему он не изучил эти книги раньше?

Робер взял справочники по Азорским островам. Увы! Он ошибся, утверждая, что островов всего пять. Их оказалось девять. Робер почувствовал себя посрамленным. Он даже покраснел, хотя никто его не видел. Он поспешил наверстать упущенное и целые дни проводил, не отрываясь от книг. Лампа в его каюте горела далеко за полночь. Роже все понял, и это обстоятельство его позабавило.

«Зубри, дорогой, зубри,— отметил он про себя.— Ты такой же профессор, как я папа римский».

Утром седьмого дня плавания, то есть 17 мая, в восемь часов Саундерс и Гамильтон подошли к Томпсону, и Саундерс очень официально заметил, что, согласно программе, «Симью»

должен был ночью бросить якорь в Орте, столице острова Фаял. Томпсон рассыпался в извинениях, списав нарушения в программе на погоду и состояние моря. Разве можно предусмотреть, что придется бороться с таким ветром и такими волнами? Саундерс и Гамильтон не удостоили его препирательством. Они констатировали отступление от расписания, и этого им было достаточно. Оба с достоинством удалились, и барон дал выход своей желчи в кругу семьи.

Можно предположить, что и корабль и стихия будто почувствовали недовольство столь значительного лица. Ветер с утра начал слабеть и внезапно стих совсем. Как следствие этого спала волна.

Судно устремилось вперед быстрее. Ветер вскоре превратился в легкий бриз, и путешественникам показалось, что они в водах мирной Темзы.

Как только установилась спокойная погода, на палубе показались наконец один за другим несчастные пассажиры, не выходившие на палубу целых шесть дней. Их побледневшие, осунувшиеся лица свидетельствовали о пережитых страданиях.

Безучастный среди всеобщего оживления, Робер, опираясь на поручни, вглядывался в горизонт, высматривая землю.

— Извините, господин профессор, — раздался позади голоса, — не находимся ли мы сейчас на месте исчезнувшего континента, называемого Атлантидой?¹

Робер обернулся и увидел перед собой Роже де Сорга, Элис и Долли.

Если Роже, задавая этот вопрос неожиданно, надеялся «поймать» соотечественника, то он просчитался. Его урок пошел Роберу на пользу, и гид хорошо подготовился.

— Именно так, — ответил он.

— Атлантида действительно существовала? — спросила Элис.

— Кто знает, — ответил Робер. — В рассказах об этом континенте перемешаны и истина и вымысел.

— Но ведь существуют свидетельства и доказательства ее существования? — снова спросила Элис.

— И не одно, — ответил Робер, вспоминая сведения, почерпнутые из путеводителя. — Есть рассказ бессмертного Платона². Благодаря ему знания об Атлантиде дошли до нас. Они передаются из одного столетия в другое, их источник — в глубине веков. Платон заимствовал сведения об Атлантиде у

¹ Атлантида — по преданию, некогда существовавший огромный остров в Атлантическом океане к западу от Гибралтара, плодородный, густонаселенный, с высоким уровнем культуры; из-за землетрясения якобы опустился на дно океана.

² Платон (428 или 427—348 или 347 до н. э.) — древнегреческий философ.

Крития¹, тот услышал о ней в возрасте семи лет от своего прадеда Дропидаса. А Дропидас только повторил рассказанное ему Солоном², одним из семи греческих мудрецов, законодателем Афин. Солон узнал от жрецов египетского города Саис, основанного восемь тысяч лет назад, об ожесточенных войнах между жителями одного греческого города, древнее Саиса³ на тысячу лет, и народами, жившими на огромном острове, по ту сторону Геркулесовых столбов. Если верить этим свидетельствам, то атланты жили за восемь — десять тысяч лет до Рождества Христова и населяли как раз эти места.

— Каким же образом,— опять спросила Элис,— мог исчезнуть огромный континент?

Робер развел руками.

— И от него ничего не осталось?

— Ну почему же,— возразил Робер.— Хребты, горы, вулканы сохранились. Собственно, острова Зеленого Мыса, равно как и Азорские, Мадейра, Канарские,— это, по-видимому, то, что осталось от континента. За исключением самых высоких вершин, все погрузилось в океан, исчезло в волнах — города, строения, люди. Вместо плуга его равнины теперь бороздят корабли.

Робер говорил уже не по справочнику. Он высказывал собственные мысли. Он фантазировал.

Слушатели были взволнованы. Хоть и случилось это десять тысяч лет назад, все равно потрясало воображение. Путешественники смотрели на волны и думали о тайнах, поглощенных бездной. Здесь когда-то зеленели поля, цвели цветы, солнце освещало землю, погруженную теперь в вечный мрак. Здесь пели птицы, жили, любили и страдали люди. А теперь тайны жизни, человеческие страсти окутывал непроницаемый морской саван.

— Извините, сэр,— раздался за спиной Робера голос,— я услышал только конец вашего разговора. В этих местах, если я правильно понял, произошли страшные события. Море поглощило землю. Но странно, сэр, в газетах об этом ничего не сообщалось!

Слушатели вздрогнули от неожиданности и, обернувшись, увидели почтенного Блокхеда в сопровождении семьи. Как побледнели и вытянулись их лица!

Роже счел своим долгом ответить:

— Это вы, сэр! Поздравляю с выздоровлением. Как, вы не

¹ Критий (около 460—403 до н. э.) — древнегреческий политический деятель, оратор, философ, писатель.

² Солон (между 640 и 635 — около 559 до н. э.) — реформатор в Афинах, считавшийся мудрецом.

³ Саис — древнеегипетский город, столица страны в 663—525 годах до новой эры.

читали в газетах об этом событии? Но, уверяю вас, о нем уже очень давно говорят.

Склянки к обеду помешали Блокхеду ответить.

— Вот что всегда приятно слышать,— воскликнул он и рванулся в салон в сопровождении Джорджины и Абеля.

Странное дело! Мисс Бесс и мисс Мери не бросились за ним, как можно было этого ожидать после столь долгого поста, а устремились совсем в другую сторону. Они взяли в эскорт вновь обретенного Тигга. Несколько отстав от них, следовали Гамильтоны.

Тигг оказался в роли современного Париса¹, его оспаривали три богини нового образца. Пословица говорит, что в царстве слепых и кривой — король, что на безрыбье и рак рыба. В этом трио мисс Маргарет была настоящей Венерой², надменная Мери вполне сошла бы за Юнону³, а роль Минервы⁴ более всего подходила мисс Бесс по причине ее воинственной угловатости. Вопреки греческому мифу Минерва и Юнона сейчас торжествовали. Венера же позеленела от злости.

Наконец-то все места за столом были заняты! При виде столь непривычно большого числа обедающих расчетливый Томпсон оказался во власти самых противоречивых чувств.

В конце обеда Блокхед обратился к нему через весь стол:

— Дорогой сэр, я сейчас узнал, что в этих местах произошло бедствие. Целая страна оказалась под водой. Предлагаю объявить сбор пожертвований в пользу потерпевших. Сам я вношу один фунт.

Томпсон очень удивился:

— О каком бедствии вы говорите, сэр? Черт меня побери, если когда-нибудь слышал что-либо подобное.

— Да нет, я не выдумываю,— настаивал Блокхед.— Я знаю о пострадавших от самого господина профессора. А другой французский джентльмен утверждает, что об этом писали в газетах.

— Ну да,— воскликнул Роже, поняв, что речь идет о нем,— конечно, это так. Но все это произошло не сегодня, а очень давно. Постойте, дайте-ка вспомнить! Два года?.. Нет, пожалуй, больше. Да, теперь вспомнил. Атлантида погрузилась в океан восемь тысяч четыреста лет назад до Рождества Христова.

Все за столом дружно засмеялись. Блокхед остался с рази-

¹ Парис — один из героев греческой мифологии; ряд его поступков привел в конечном счете к войне между Спартой и Троей.

² Венера — в римской мифологии — богиня любви и красоты.

³ Юнона — в римской мифологии — одна из высших богинь, супруга Юпитера, верховного бога.

⁴ Минерва — в римской мифологии — богиня ремесел и искусств.

нутым ртом. Может, он и рассердился бы, так как шутка могла показаться обидной, но внезапно кто-то крикнул:

— Земля по левому борту!

В мгновение ока всех как ветром сдуло из салона. Лишь капитан Пип остался на месте и спокойно закончил обед.

— Они что, никогда не видели землю? — спросил он у верного друга, лежавшего у его ног.

Пассажиры высыпали на верхнюю палубу.

Но их глаза, непривычные к морским далям, лишь спустя четверть часа сумели рассмотреть на горизонте точку, похожую на облако.

— У нас по курсу, — сказал Робер своим слушателям, — должен быть Корву — самый северный и самый западный остров архипелага.

Азорские острова образуют три группы. В одной, главной, пять островов: Фаял, Терсейра, Сан-Жоржи, Пику и Грасьоза. В другой, на северо-западе, два острова — Корву и Флориш. Третья группа, на юго-востоке, тоже состоит из двух островов: Сан-Мигель и Санта-Мария и целой цепи рифов, называемой Дезерта. Удаленные от ближайшего континента на 1550 километров, эти острова, все разной величины, имеют около восьмидесяти тысяч квадратных километров общей площади и насчитывают 170 000 жителей. Они находятся на большом расстоянии друг от друга.

Свой приоритет в открытии архипелага пытаются доказать разные страны. Но независимо от этих споров принято считать, что первыми на островах с 1427 по 1460-е годы обосновались португальские колонисты. Они-то и дали архипелагу название по имени распространенной здесь породы птиц. Первые поселенцы приняли их за разновидность ястребов или коршунов.

Все эти сведения Робер сообщил слушателям по просьбе Томпсона. Едва он открыл рот, как большинство путешественников окружили его: все жаждали услышать французского профессора. Робер имел успех, он оказался в центре всеобщего внимания. Гид и не собирался уклоняться от импровизированной лекции. Ведь это входило в его обязанности.

Блокхед, забыв об обиде, продвинул юного Абея в первый ряд. «Слушай профессора из Франции, — повторял он ему, — слушай профессора из Франции».

Другим внимательным слушателем неожиданно оказался Ван Пипербум из Роттердама. Что могло заинтересовать его в словах, совершенно непонятных для голландских ушей? Это оставалось тайной. Но он стоял в первом ряду и не уходил. Открыв рот и подставив ухо, он старался не упустить ни одного слова. Для него, видно, не имело значения, понимает он или нет: голландец не любил платить денег напрасно.

Через час остров Корву стал уже не облаком, очертания его были вполне реальными, хотя и недостаточно отчетливыми:

расстояние до острова насчитывало еще 24 мили. В то же время на горизонте показалась другая земля.

— Флориш,— объявил Робер.

Корабль шел быстро. Вскоре можно было различить отвесную скалу на высоте метров трехсот над водой.

«Симью» приблизился к ней на три мили, затем капитан последовал вдоль берега.

Скала все не исчезала из виду, высокая и безжизненная. У основания ее громоздились камни и валуны, о них бешено бились волны. Путешественники поеживались от страха, они едва верили Роберу, когда тот уверял, что столь негостеприимный на первый взгляд остров населяет около тысячи человек.

За исключением редких цветущих долин, всюду простиралась бесплодная, безжизненная земля, черные базальтовые скалы, нагроможденные по капризу какой-то высшей силы.

— Перед вами последствия землетрясений,— пояснил Робер.

При этих словах, расталкивая слушающих, вперед вышел разгневанный Джонсон.

— Что вы сказали, сэр? — вскричал он.— Вы говорите о землетрясениях? Они еще случаются на Азорах?

— Бывали,— ответил Робер.

— А в настоящее время?

— На Флорише и на Корву в настоящее время не наблюдались, но этого нельзя сказать об островах Сан-Жоржи и Сан-Мигель.

Услышав такой ответ, Джонсон покраснел от гнева.

— Но это же обман! — воскликнул он, поворачиваясь к Томпсону.— Надо предупреждать людей, вносить это в программу. Ну вот что, господа, вы можете сойти с корабля, а я этой глупости не сделаю. Запомните: я ни на шаг не сдвину с корабля!

После столь энергичного заявления Джонсон шумно удалился, и вскоре его голос грохотал уже в салоне.

Спустя полчаса «Симью» подплывал к южной оконечности пустынного острова. В этом месте скалистый берег был низким и оканчивался косой под названием Пейсквейро. Капитан повернул на восток и приближался к острову Флориш, корабль отделяло от острова Корву не более десяти миль.

Флориш становился все виднее, и зрители могли получить о нем общее представление. Прежде всего бросалась в глаза вершина Морру Гранди высотой 942 метра, затем взгляд спустился к долинам, к морю. Флориш был больше Корву, он достигал пятнадцати миль в длину и девяти в ширину, имея площадь около ста сорока квадратных километров и население не меньше девяти тысяч человек. На вид он также казался более приветливым: спускающиеся к океану холмы, покрытые зеленым ковром, редкие деревья с пышными кронами, пастбища

на солнечных склонах. Ниже простирались поля, окаймленные застывшей лавой. Эта безмятежная картина производила умиротворяющее впечатление.

Приблизившись к косе Альбернаш, на северо-восточной оконечности острова, капитан Пип повернул прямо на восток. «Симью» пересек канал, разделяющий острова-близнецы, расположенные вблизи веселого Флориша, в то время как Корву постепенно таял на горизонте. Капитан пошел сначала на юго-восток, затем — на юг. К четырем часам после полудня «Симью» оказался вблизи столицы Санта-Круш; путешественники уже видели дома, освещенные солнцем. Повернув еще раз, «Симью» оставил позади оба первых острова и на всех парах устремился к Фаялу.

От Санта-Круша до Орты, столицы Фаяла, около ста тридцати миль. Пароход проплывет их приблизительно за одиннадцать часов.

На следующий день программа ожидалась насыщенная, и палуба опустела рано. Робер тоже направлялся в каюту, когда к нему подошел Роже де Сорг и дружески пожелал ему спокойной ночи.

— Кстати,— сказал он, когда они прощались,— позволю себе нескромность полюбопытствовать, мой дорогой соотечественник, в каком университете Франции вы преподавали?

Робер рассмеялся, нимало не смутившись.

— Только в воображении господина Томпсона,— ответил он весело.— Этим званием я обязан лишь ему; и, поверьте, сам я к этому нисколько не причастен.

Робер удалился. Роже задумался, глядя ему вслед.

— Он никакой не профессор. Это очевидно. Гидом стал случайно. Очень меня интересует этот господин.

Сделав жест, как бы отгоняющий от себя надоедливые мысли, Роже спустился в каюту. Но, уже засыпая, продолжал бормотать:

— Никак не могу отделаться от мысли, что где-то уже видел этого человека. Но где?..

ГЛАВА VI

Первые безоблачные впечатления

Когда на следующий день Робер поднялся в семь часов на палубу, корабль неподвижно стоял на якоре в порту Орты, столице острова Фаял. Со всех сторон на горизонте виднелась земля.

Укрепленный с флангов фортами¹, город выстроился амфитеатром, вознося друг над другом колокольни церквей. На

¹ Форт — военно-инженерное долговременное сооружение, приспособленное для круговой обороны.

самом верху возвышалось громадное сооружение — некогда иезуитский¹ монастырь.

На севере взгляд упирался в гору Понта-Эспаламака, загородившую рейд с одной стороны. На юге он встречал две скалы, обрамляющие гору Монти-Кейдому. Там была плотина, разделявшая порт и Понта-да-Гуйя, кратер остывшего вулкана. Кратер в ненастную погоду служил убежищем для рыбаков.

Далее взгляд свободно простирался до западной оконечности острова Сан-Жоржи, примерно на расстояние двадцати миль.

На востоке виднелся огромный массив Пику, гора и остров. Берег острова появлялся из воды внезапно, постепенно переходя в отвесную вершину две тысячи триста метров над водой. Саму вершину Робер видеть не мог. Туман не позволял взгляду проникнуть дальше ста двадцати метров. От этого вихря испарений воздух находился в непрерывном движении, в то время как внизу дули юго-восточные пассаты. Наверху ключья туч постоянно отделялись от облаков, без конца меняющих форму, и исчезали, уносимые пассатами.

Под этой непроницаемой пеленой, на склоне, спускающемся к морю, располагались в окружении полей, лугов и деревьев многочисленные кинта², где зажиточные обитатели Фаяла находили убежище от москитов и летнего зноя.

Робер восхищался этой панорамой, когда голос Томпсона вывел его из задумчивости:

— Добрый день, господин профессор, замечательный вид, не так ли! Если вы не возражаете, в это утро я хотел бы воспользоваться вашими услугами. В соответствии с программой пассажиры должны, как вы знаете, сойти на берег в восемь часов. Нам с вами нужно кое-что подготовить.

Подчиняясь заданию в столь деликатной форме, Робер в сопровождении Томпсона оставил корабль. Следуя морским берегом, они добрались до первых домов Орты. Вскоре Томпсон остановился, указывая на довольно большое здание с вывеской на португальском языке. Робер перевел:

— Отель де ла Виерж.

— Пусть будет отель де ла Виерж. Войдем и поговорим с хозяином.

Но у хозяина, по всей видимости, не было столько энергии, сколько у путешественников. Он еще не встал. Пришлось ждать около четверти часа, пока он выйдет.

Между хозяином и Томпсоном завязался разговор. Робер переводил вопросы и ответы.

¹ Иезуиты — могущественная католическая реакционная организация («орден»), основана в XVI веке, существует поныне.

² Кинта — ферма (*порт.*).

— Можете вы нам приготовить завтрак?
— Сейчас?
— Нет, к одиннадцати часам.
— Ну конечно. И стоило меня беспокоить так рано.
— Дело в том, что нас очень много.
— Я вижу только двоих.
— Да, мы двое и, кроме нас, еще шестьдесят три человека.
— Черт возьми! — воскликнул хозяин, почесывая затылок.
— Так как же? — упорствовал Томпсон.
— Ладно, — сказал хозяин решительно, — к одиннадцати часам приготовим шестьдесят пять завтраков.
— Сколько это будет стоить?

Хозяин на мгновение задумался.

— Вам подадут яйца, свинину, рыбу, курицу и десерт на двадцать три тысячи рейсов¹, включая вино и кофе.

Двадцать три тысячи рейсов — это примерно два франка на человека — было баснословно дешево. Но Томпсон придерживался другого мнения. Он начал ожесточенно торговаться. В конце концов сошлись на семнадцати тысячах рейсов.

Потом стали торговаться относительно транспорта. После десятиминутного спора хозяин обязался за тридцать тысяч рейсов предоставить на следующий день в распоряжение туристов шестьдесят пять лошадей и мулов², в основном мулов. Повозок на острове не было.

Оказавшись свидетелем этих споров, Робер с удивлением обнаружил, что Томпсон, полагаясь на счастливый случай, совершенно не подготовился к экскурсии.

«Все это не сулит ничего веселого», — отметил про себя молодой человек.

Договорившись с хозяином, Томпсон и Робер поспешили к пассажирам.

Путешественники толпились на набережной и с нетерпением ждали администратора. Один только Элиас Джонсон остался на борту, демонстрируя таким образом протест против обмана. А вечно недовольный Саундерс молча показал Томпсону на своих часах, что большая стрелка уже перешла за половину восьмого.

Томпсон же был приветлив, оживлен, озабоченно потирал лоб, изображая активность. Он выстроил пассажиров наподобие некоего подразделения.

Англичане привыкли путешествовать таким образом и легко подчиняются требованиям почти военной дисциплины. Для них это естественно, и они послушно образовали шестнадцать

¹ Рейс — здесь: прежняя португальская и бразильская монета и счетная единица.

² Мул — помесь осла и кобылы; больше похож на лошадь, силен и вынослив. Помесь жеребца и ослицы называется лошак.

рядов по четыре человека в каждом. Один лишь Роже де Сорг удивлялся и едва сдерживал распирающий его смех.

В первом ряду шествовала леди Гайлбат, а рядом с ней сэр Гамильтон. Это место принадлежало им по праву. Таково было мнение самого барона, и он, казалось, готов был лопнуть от удовлетворения. Остальные руководствовались личными симпатиями. Роже стал четвертым в ряду семейства Линдсей.

Себя Томпсон, естественно, в колонну не поставил. Он появлялся то там, то здесь, возвращая на место выступающих из строя, обуздывая поползновения к свободе, подобно полководцу или, если употребить более точное выражение, подобно наставнику, надзирающему за процессией дисциплинированных зубрил.

По сигналу колонна двинулась и, не нарушая порядок, прошла вдоль моря, перед отелем де ла Вьерж. Хозяин отеля проводил туристов с порога удовлетворенным взглядом. Шагов через сто путешественники вслед за Робером повернули налево и вошли в город Орта. Насколько же непривлекательным оказался он вблизи! Город состоял из одной улицы, расходящейся в стороны в самом ее конце. Прогулка по этой узкой, кособокой, плохо вымощенной улице не сулила ничего приятного. Солнце уже беспощадно припекало затылки и спины. То и дело слышались жалобы, но Томпсону, хотя и с трудом, удавалось пока подавлять проявления недовольства.

Стены некрасивых домов, грубо сработанные из материала лавы, были чересчур толстыми для того, чтобы противостоять землетрясениям. Предельно простые строения отличались разве что неопрятностью и грязью. Как правило, первый этаж занимали магазины, конюшни и помещения для скота. На верхних, жилых, этажах из-за жары и соседства с животными стоял отвратительный запах, роились омерзительные насекомые. Ради такого зрелища вряд ли стоило отправляться в путешествие.

Широкий балкон, веранда, окруженная решетчатой оградой, как бы удлиняли каждый дом. Скрывшись в нем как в крепости, местные бюргеры подолгу наблюдали за улицей, подглядывая за соседями, обсуждая тех, кого посылал к ним случай. Но в это утреннее время балконы еще пустовали, их владельцы имели привычку оттягивать час пробуждения.

Редкие прохожие с удивлением оглядывались на путешественников. На порогах лавочек показывались хозяева. Что за десант? Не захвачен ли остров, как во времена узурпатора дон Мигэла?¹

Все шло как надо. Томпсон имел полное право гордиться собой. И он гордился. Но вот кого просто невозможно было

¹ Мигэл дон Мария Эварист (1802—1866) — сын португальского короля, неоднократно безуспешно пытался захватить престол, после ряда поражений уехал в Германию, где и умер.

превзойти, так это сэра Гамильтона. Каждая клетка его очень прямого тела, взгляд, не замечающий ничего ближе пятнадцати шагов,— все свидетельствовало о неслыханном самоутверждении. Такое отношение к окружающему чуть не сыграло с ним злую шутку. Он не мог снизойти до того, чтобы смотреть себе под ноги, споткнулся на неровной мостовой и растянулся во весь рост. Если члены сэра Гамильтона не пострадали, то, по несчастью, он лишился абсолютно необходимого для него предмета: разбил монокль¹. Это была сущая беда. Близорукый, ничего не видящий, какое удовольствие от путешествия мог он теперь получить?

Бдительный распорядитель Томпсон все видел. Он посоветовал барону обратиться в магазин оптических товаров, скромная витрина которого была им замечена ранее. С помощью Робера с хозяином магазина заключили соглашение. Торговец взялся починить разбитый монокль к утру следующего дня.

По пути пассажиры осматривали церкви и монастыри без всякого интереса. Переходя от одной обители к другой, они добрались до возвышенности над городом и, усталые, но не нарушающие порядка, остановились у ворот старинного монастыря иезуитов, обращенного к морю. Здесь колонна распалась, и по знаку Томпсона вокруг Робера образовался круг. Блокхед вытолкнул Абея в первый ряд, недалеко от него утвердил свое тяжелое неудобное тело Ван Пипербум из Роттердама.

— Перед вами старинный монастырь иезуитов,— объявил Робер, стараясь быть похожим на профессионального гида.— Наиболее примечательное здание на Азорах. Посещение его входит в нашу программу. Должен, однако, сказать, что если это здание и привлекает внимание своими пропорциями, то художественного интереса не представляет.

Уставшие туристы не стали настаивать на осмотре монастыря. Один только сэр Гамильтон потребовал продолжения экскурсии согласно программе и вошел внутрь.

Блокхед глубокомысленно заметил, что следует изучить пропорции, раз они считаются достойными внимания, но никто не стал слушать уважаемого бакалейщика.

— Перейдем, стало быть, к следующему пункту нашей программы,— сказал Робер и прочитал: — «Великолепная панорама. Обзор. Время — пять минут». Перед вами,— пояснил он,— остров Пику. На севере — остров Сан-Жоржи. На острове Пику среди нагромождения «кинта» расположен квартал «Магдалина», где жители Фаяла проводят лето.

После того как Робер, подробно рассказав об этой местности, выполнил свои обязанности гида, туристы разбрелись кто

¹ Монокль — оптическое стекло для одного глаза, вставляется в глазную впадину вместо очков.

куда. Внизу у самого моря расположился город Орта. Напротив возвышался Пику, его вершина исчезала в тумане. Пролив между островами сверкал на солнце. Вода переливалась отблесками вплоть до багряных берегов Сан-Жоржи.

Гамильтон, осмотрев монастырь, вернулся, и колонна быстро построилась привычным порядком. Она уже пришла в движение, когда этот несносный пассажир снова потряс программой. В ней отмечалось: «Великолепная панорама. Пять минут». Невозможно было лишить барона этих пяти минут.

Подчиняясь его фантазиям, колонна, повернувшись на восток, позволила себе роскошь полюбоваться видами еще пять минут. Беспомощный же в своей слепоте Гамильтон вместо востока смотрел на запад. В таком направлении он мог видеть только фасад старого монастыря иезуитов. А это при всем желании не могло сойти за «великолепную панораму». Но барон добросовестно лицезрел стену в течение отведенных в программе пяти минут.

Колонна наконец тронулась в путь. Бдительный глаз Томпсона сразу обнаружил, что двух пассажиров не хватает. Внимательно осмотрев колонну, администратор установил, что исчезли молодожены. Томпсон нахмурил брови. Он не любил отступлений от правил. Но тут же сообразил, что благодаря этому обстоятельству он может потребовать у хозяина гостиницы скидку.

В гостинице за столом сэр Гамильтон сел напротив Томпсона, никто у него это место не оспаривал. Мери и Бесс Блокхед благодаря маневрам оказались вдали от своей семьи и могли целиком отдаться заботе об опекаемом ими Тигге.

Когда первый голод был утолен, Томпсон взял слово и попытался вызвать туристов на разговор, узнать их мнение об экскурсии.

— Великолепно! — воскликнул Блокхед. — Просто великолепно!

Но, кажется, он остался одиноким в своей оценке.

— Ужасный город! — сказал один.

— И какая грязь, — подтвердил другой.

— А какая некрасивая улица!

— Какие скучные дома!

— Как припекает солнце!

— Какие скверные мостовые!

Это последнее восклицание принадлежало барону.

— И какая гостиница! — сказал в свою очередь Саундерс голосом скрежещущей пилы. — По всему видно, что нам предлагают гостиницы высшего класса.

Следовало признать, что Саундерс был во многом прав. Действительно, подали яйца, ветчину, курицу. Но все остальное оставляло желать лучшего. На несвежей скатерти были

дыры, вилки оказались железными, сомнительной чистоты тарелки в течение трапезы не менялись.

Томпсон пошел в наступление:

— Имеет ли смысл убеждать господина Саундерса в том, что понятие «гостиница первого класса» относительно? Скромная харчевня в окрестностях Лондона на Камчатке считалась бы комфортабельной гостиницей.

— Как если бы,— перебил его Гамильтон,— будучи в любой латинской стране, населенной представителями другой расы, мы оказались бы в английской колонии...

Барон не смог закончить свою мысль, потому что все стали шумно подниматься из-за стола. Томпсон с удовлетворением отметил, что колонна снова построилась. Каждый встал на место, которое занял утром. Никаких протестов! Понятие о своем месте, видно, присуще людям изначально.

И опять, но при гораздо большем стечении народа, колонна последовала по улице, где злополучный барон разбил монокль. Проходя мимо места, где случилось несчастье, барон бросил беглый взгляд на магазинчик, хозяин которого обещал ему помочь. Торговец находился на пороге. Он тоже узнал своего клиента. И, как показалось Гамильтону, посмотрел на него осуждающим взглядом.

Колонна повернула налево, миновала последние дома. Дальше дорога пошла вдоль причудливо извивающейся реки. Но растянувшиеся в длинную цепь туристы уделяли мало внимания ее живописным, постоянно меняющимся берегам. Все красоты, не означенные в программе, для них будто не существовали. Более того, они как бы и вообще не существовали.

Через полмили столкнулись с преградой — чудовищным нагромождением скал, отсюда река низвергалась водопадом. Колонна свернула и продолжала подыматься по склону.

Жара была в самом разгаре, но переносили ее довольно легко. В овраге, где проходил путь, было много деревьев. Кедры, орешники, каштаны, буки отбрасывали освежающую тень.

Восхождение продолжалось полчаса, и вдруг горизонт раздвинулся. Дорога, продолжая тянуться все увеличивающимся в своих размерах оврагом, вскоре вышла на большую равнину.

Томпсон дал знак, и туристы, подобно маневрирующим солдатам, быстро сомкнулись вокруг Робера. Гиду это чисто английское поведение показалось смешным, но он постарался не выдать своего к этому отношения и спокойно пояснил:

— Перед вами, дамы и господа, места первых поселений фламандцев¹, которые колонизовали остров до португальцев. Как вы, наверное, заметили, жители этой долины во многом сохранили язык, внешний облик, одежду своих предков.

¹ Фламандцы — народ, родственный голландцам, живет в основном в Бельгии (прежде в Нидерландах).

Робер умолк. В конце концов, стоит ли продолжать рассказ, если туристы не в состоянии ничего замечать сверх программы. Впрочем, все казались довольными, поскольку то, что значилось в программе, хотя бы издали, мимоходом, они увидели. Не послышалось ни вопроса, ни замечания.

По сигналу Томпсона колонна построилась, как дисциплинированное подразделение. Все равнодушно отвернулись от пленительного пейзажа.

И совершенно напрасно. Сжимаемая покатыми холмами, испещренная ручейками, эта поистине фламандская долина дышала вергилиевским¹ очарованием. Плодородные пастбища, где паслись стада быков, сменялись полями пшеницы, маиса, ячменя. В лучах солнца блестели прихотливо разбросанные светлые дома.

— Настоящая нормандская Швейцария, — проговорил Роже.

— Уголок нашей страны, — меланхолично откликнулся Робер.

Обогнув город Орта с севера, колонна свернула направо, и фламандская долина исчезла. Вместо полей путешественников теперь окружали огороды. Лук, картофель, горох чередовались с арбузами, тыквами, дынями.

Но пришла пора распрощаться с этим благодатным краем. Туристы стали спускаться к городу.

Дорога шла мимо бесконечных вилл, великолепных садов. Экзотические² местные виды растений сменялись европейскими, иногда чрезвычайно больших размеров. Пальма росла рядом с дубом, акацией, бананом и апельсином. Липа и тополь соседствовали с эвкалиптом, ливанский кедр — с бразильской араукарией. Фуксии достигали высоты больших деревьев.

Было четыре часа пополудни. Косые лучи заходящего солнца почти не проникали сквозь могучую крону огромных деревьев. После страны Ханаан³ путешественники попали в земной рай.

Туристы невольно замедлили шаг. В прозрачной тени деревьев, ласкаемые в тишине теплым бризом⁴, они наслаждались дивной прогулкой.

¹ Вергилий Марон Публий (70—19 до н. э.) — римский поэт, мастер описания возвышенных чувств, красоты природы.

² Экзотический — находящийся за пределами обычного; далекий, чужеземный.

³ Ханаан — древнее название территорий Палестины, Сирии и Финикии. История Ханаана известна приблизительно с VIII тысячелетия до новой эры.

⁴ Бриз — ветер, возникающий от одновременного нагревания суши и моря; днем он, влажный, дует с моря на сушу; ночью, сухой, — в противоположном направлении.

Дошли до западного форта, затем проследовали вдоль па-
рапета.

Пробило полпятого, когда прибыли в порт. Колонна разде-
лилась. Одни предпочли подняться на борт. Другие разошлись
по городу, кто куда.

Робер должен был отправиться в отель де ла Виерж, чтобы
убедиться, что все готово на завтра. После этого он собирался
вернуться на «Симью», но в этот момент наткнулся на сэра
Гамильтона.

Тот был разъярен.

— Сэр,— сказал он резко.— Случилось что-то непонятное.
Оптик, с которым я договорился утром, категорически отказы-
вается чинить мой монокль. Я совершенно ничего не понимаю
в его проклятой тарабарщине, поэтому соблаговолите пойти со
мной, чтобы объясниться.

— К вашим услугам,— ответил Робер.

Войдя в магазин несговорчивого торговца, Робер начал
громко и энергично с ним спорить. Что-то, видно, очень насме-
шило гида, он подавлял отчаянное желание расхохотаться.
Когда взаимный обмен репликами кончился, Робер обратился
к барону:

— Сеньор Луиш Монтейру отказывается работать, по-
тому...

— Почему же?..

— Потому только, что вы не поприветствовали его в этот
полдень.

— Что такое? — воскликнул ошеломленный Гамильтон.

— Именно так! Когда мы после обеда проходили мимо,
сеньор Луиш Монтейру стоял в дверях. Он вас видел, и вы его
тоже узнали, он в этом убежден. Однако вы не соблаговолили
послать ему приветствие. Такова ваша вина в его глазах.

— Пошел он к черту! — вскричал разгневанный Гамиль-
тон.

Роберу с трудом удалось ему объяснить, насколько строги в
своих правилах жители Азорских островов. Они во всем следу-
ют этим правилам неукоснительно. Если вы хотите нанести ви-
зит вашему другу, то предварительно должны испросить у него
разрешение. Если вас лечит врач, обувает сапожник, обслужи-
вает булочник, то только при условии, что вы их приветствуете
при встрече и одариваете подарками в определенные дни.

Все это трудно и медленно доходило до барона. Однако он
вынужден был смириться. Робер успокоил церемонного Луи-
ша Монтейру, извинившись перед ним от имени барона, и
торговец вновь пообещал отремонтировать монокль.

Гамильтон и Робер поднялись на борт «Симью», когда сиг-
нал созывал к столу. Обед прошел весело. Все восхищались
началом путешествия, радовались царившему между ними со-
гласию.

Если город Орта в какой-то мере и разочаровал туристов, то все сошлось на том, что природа была великолепна. Никто не забыл ни сравнения долины со Швейцарией, ни роскошных полей вблизи Понта Эскаламака, ни восхитительного возвращения вдоль моря под благословенной тенью больших деревьев.

Особенно горячо и пылко высказывался Блокхед. Он несколько раз повторил своим соседям, что никогда — вы понимаете, никогда! — не видел ничего подобного.

Что касается не согласного с таким мнением меньшинства, то им пришлось занять оборонительные позиции. Подавляющее большинство, оказавшееся на стороне Главного Администратора, вынудило Гамильтона и Саундерса хранить молчание.

Саундерс казался особенно мрачным. Почему? Неужели его характер был настолько отвратительным, что радость других вызывала у него протест? Или его самолюбие страдало от какой-то тайной причины, когда он видел, что все кругом довольны? Можно было вполне принять эту версию, слыша, как яростно, какими презрительными эпитетами он награждает своих спутников, довольных путешествием.

Не выдержав всеобщего веселья, он встал из-за стола и в скверном настроении поднялся на верхнюю палубу.

Свежий ветер постепенно успокоил его. На его тонких губах появилась ироническая улыбка.

— Да,— прошептал он,— это же пока медовый месяц. Все еще впереди...

ГЛАВА VII

Небо затягивается тучами

Едва забрезжила заря, сон пассажиров прервал непонятный шум. Машина гудела, палуба резонировала от ударов. Самые упорные «соны» вынуждены были отказаться от своего любимого удовольствия. Чертыхаясь и ворча, путешественники, даже не умывшись, высыпали на верхнюю палубу. По борту парохода стояли на якоре баржи с мешками угля; краны поднимали мешки и сбрасывали в трюм.

— Замечательно,— громко сказал Саундерс, когда Томпсон проходил мимо.— Неужели нельзя было заняться погрузкой на два часа позднее?

Это справедливое замечание вызвало одобрение.

— Действительно, неужели нельзя было подождать? — энергично одобрил Саундерса Гамильтон.

— Я тоже так считаю,— согласился с ними пастор¹ Кули, как правило очень покладистый.

Томпсон будто ничего не слышал. Улыбаясь пассажирам,

¹ Пастор — выбранный общиной служитель церкви в одной из ветвей христианской религии — протестантстве.

он подходил то к одному, то к другому. Трудно было не податься его непобедимому доброжелательству.

В программе на этот раз значилась экскурсия на гору «Кальдейра», к «котлу», как обычно назывались вулканы на Азорских островах. Отправление точно в восемь часов. На набережной путешественников ожидали ослы и погонщики ослов.

Несмотря на обещания хозяина гостиницы, лошадей достать не удалось, и ни одно из этих благородных животных не унизило своим присутствием коротконогих собратьев. Только ослы, шестьдесят пять ослов и шестьдесят пять погонщиков, по одному на каждого осла! При виде этого стада среди туристов послышались протесты. Ехать на ослах! Сначала многие решительно отказались. Одни, например пастор, сослались на ревматизм, другие, например леди Гайлбат, выдвигали чисто женские доводы, третьи, в частности сэр Гамильтон, считали, что это унижает их достоинство.

Саундерс особенно не распространялся на этот счет, но казался отнюдь не самым последним из протестующих. Томпсон вынужден был дать объяснения. Протесты женщин, перебранка погонщиков, крики несогласных — все слилось в небывалой дисгармонии¹.

В глубине души большая часть путешественников благосклонно принимала происходящее, несмотря на комизм ситуации. Запертые в каютах на семь суток, выстроенные в шеренги на восьмой день, сейчас они расслабились. Эти чиновники, офицеры, торговцы, рантье², люди солидные по возрасту и положению, будто вернулись во времена своей молодости. И как молодые, так и старые, как тучные, так и худые — все весело уселось на ослов. Физиономия Саундерса становилась все более надменной, по мере того как оживлялись его спутники. Не говоря ни слова, он вскочил на своего осла.

Тигг ехал впереди.

Пока все спорили, его ангелы-хранители, Бесс и Мери, не теряли времени даром. Они осмотрели каждого из шестидесяти пяти ослов и все седла и выбрали для Тигга самое лучшее животное. И тот волей-неволей уселся на этого осла. Девушки продолжали окружать его самыми нежными заботами. Хорошо ли ему? Чего не хватает? Их заботливые руки проверяли длину стремени. Они подали ему узду, если применительно к ослу ее можно так назвать.

На Азорах нет вожжей. Их заменяет погонщик, вооруженный длинной острой палкой. Погонщик все время идет рядом с ослом и управляет им с помощью этой палки. Если осел дви-

¹ Дисгармония — здесь: разлад, разногласие.

² Рантье — человек, живущий на проценты с отдаваемых в ссуду капиталов, от доходов с ценных бумаг (акций, облигаций).

жется слишком быстро или спуск оказывается крутым, погонщик просто-напросто придерживает животное за хвост.

— Это где как,— смеясь, сказал по этому поводу Роже.— У нас удила крепятся с другой стороны, вот и вся разница.

Когда можно было трогаться в путь, Томпсон заметил, что три осла остались без владельцев. Среди отсутствующих значился напуганный возможными землетрясениями Джонсон. Двумя другими были, конечно, исчезнувшие накануне молодыены.

В восемь тридцать наши всадники — вернее сказать, ословсадники — двинулись в путь. Впереди «гарцевал» Томпсон, сбоку — его помощник Робер, а позади, привычно выстроившись по двое, следовала вся колонна.

Шествие эскорта¹ из шестидесяти двух кавалеристов-ословсадников в сопровождении стольких же погонщиков стало настоящей сенсацией на главной улице города. Все, кто смог вырваться из сладких объятий сна, появились в дверях и окнах. Среди них был и весьма церемонный Луиш Монтейру. Одетый в просторное пальто, прислонившись к косяку двери, он невозмутимо смотрел, как движется длинная кавалькада² туристов, и ничем не выдавал своего отношения к увиденному. Но вдруг эта олицетворяющая хорошие манеры статуя ожилилась, взгляд заблестел: он увидел сэра Гамильтона.

Не будучи вооружен моноклем, барон все же узнал своего сурового учителя вежливости и, помертвев в душе, послал ему самое теплое приветствие. Гордый Луиш Монтейру ответил на него, согнувшись до земли, и сразу же вернулся в свою лавку. Получив наконец удовлетворение, он без сомнения начал теперь чинить моноклю.

Вскоре колонна подошла к тому месту, где главная улица разделялась на два направления. Всадники повернули направо, как вдруг раздались крики, восклицания. Все остановилось, Томпсон рванулся к месту происшествия.

На мостовой лежали два тела. Одно — тело осла, другое, массивное,— тело Пипербума из Роттердама.

У голландца не оказалось никаких следов ушиба. Томпсон увидел, как тот спокойно поднялся и печально посмотрел на поверженное животное. Хотя осел Азорских островов очень вынослив, пределы нагрузки существовали и для него. Вес Пипербума перешел эти пределы, и осел, надорвавшись, околел.

Констатация этого факта вызвала смятение. Минут через десять кончина осла была признана официально. Что теперь делать? Ведь всякое другое животное при таком седоке ожидает, без сомнения, та же участь.

— Ох, черт возьми,— закричал потерявший терпение

¹ Эс кор т — конвой, охрана, прикрыtie.

² К а в а л ь к а д а — группа всадников, едущих вместе.

Томпсон, — не можем же мы оставаться здесь до вечера! Если один осел не справляется, пусть дадут нам двух!

Услышав это заявление, переведенное Робером, погонщик стукнул себя по лбу и быстро куда-то умчался. Немного спустя он вернулся в сопровождении трех спутников и четырех ослов. Каждая пара ослов была связана между собой оригинальным приспособлением из двух крепких шестов. Между шестами пристроилось сплетенное из ремней кресло. Под аплодисменты путешественников Пипербума посадили в этот гамак, и караван продолжил путь.

Робер по просьбе Томпсона спросил о назначении другой, запряженной таким же образом пары ослов. Погонщик измученным взглядом массивное тело Пипербума.

— Для смены, — сказал он.

Хотя эта операция прошла довольно быстро, все же было уже девять часов, когда колонна снова тронулась в путь. Томпсон попросил головного погонщика двигаться как можно быстрее. Нужно наверстывать время, чтобы, как задумано, проделать до ночи туда и обратно путь в восемнадцать километров, отделяющий Кальдейру от Орты. Но погонщик отрицательно покачал головой, выражая тем самым сомнение в возможности ослов идти с большей скоростью. Робер успокоил нетерпеливого Томпсона, объяснив, что погонять азорских ослов — бесполезное дело. Это медлительные животные. Но надежность и твердость их шага еще предстоит оценить на трудных дорогах.

— Но, по крайней мере, сейчас дорога хорошая, — проворчал Томпсон.

Дорога и в самом деле была пока нетрудной, хотя и узкой. Миновав на окраине Орты апельсиновые плантации, колонна оказалась в широкой долине, где простирались поля, там и здесь пересекаемые буковыми рощами. Копыта ослов твердо ступали по ровному склону. Но по мере того, как туристы все больше удалялись от моря, местность менялась. Буки сменялись густо растущими соснами, затем постепенно кончилась всякая растительность, и дорога, превратившись в тропинку, стала петлять.

Здесь-то ослы и показали, на что они способны. Управляемые погонщиками, которые понукали их голосом и палками, умные животные в течение полутора часов поднимались по крутым тропам сыпучей и каменистой земли, не сделав ни одного неверного шага.

Пипербум на этом подъеме не раз попадал в критическое положение. При внезапных поворотах его гамак часто оказывался висющим за пределами тропы. Но он оставался внешне спокоен, и, если даже и испытывал какой-то страх внутри, трубка его продолжала попыхивать все так же невозмутимо.

Поднявшись на вершину, туристы оказались в долине. Это

было плато, окруженное холмами. Здесь Пипербуму сменили животных, чтобы дать уставшей паре заслуженный отдых.

Когда путешественники огляделись вокруг, им показалось, что они в другой стране. Богатство природы соседствовало здесь с человеческой нищетой. Плодороднейшая почва заросла сорняками. Лишь кое-где зеленели поля люпина, маниоки, ямса, выделяясь среди всеобщего запустения. Заросли сорняков сменялись зарослями кустарника: миртом, можжевельником, самшитом, низкорослым кедром. Вдали виднелось несколько домов, а точнее, лачуг. Часов в одиннадцать на пути оказалась деревня, кишущая свиньями и собаками. Дорогу среди них удавалось пробивать с трудом. Изредка появлялись жители, в основном женщины, строгие и молчаливые, одетые в широкие пальто с огромным капюшоном, скрывающим лица. Все говорило о нищете островов, где жизнь из-за отсутствия дорог концентрировалась на побережье.

Пробил час пополудни, когда туристы добрались до конечной точки Кальдейры, на высоте 1021 метра. Усталые и голодные, они стали роптать, на этот раз поддержав Гамильтона и Саундерса. Многие жаловались, что не соблюдается программа. У людей с покладистым характером, как правило, хороший аппетит, и неудивительно, что стали протестовать как раз самые выдержанные и миролюбивые.

Но очень скоро все опять круто изменилось. Путешественники добрались до вершины Кальдейры. И, будь они трижды англичанами со всей присущей им чопорностью, все равно не смогли бы остаться равнодушными к представшей перед их взорами великолепной картине.

В лазурной безбрежности посреди моря и ослепительного солнца у их ног простирался остров. Он был весь как на ладони: вершины, отроги, ложбины, ручьи, убеленные пеной рифы. Далеко на северо-востоке вздымалась вершина острова Грасьоза. Ближе и восточнее возвышался над волнами длинный остров Сан-Жоржи, и сквозь туман неясно проступал на далеком горизонте вулкан Теруер. Взгляд уходил в бесконечность и, следуя по кривой на север, запад, юг, внезапно упирался в гигантский массив Пику.

По счастливой случайности Пику был свободен от тумана. Он величественно возвышался в спокойствии прекрасного дня, превосходя по высоте окружающие горы на тысячу метров.

После молчаливого пятиминутного созерцания путь продолжился, и метров через двести глазам представало зрелище совсем другого характера. Перед туристами, стоящими на гребне, появился кратер старого вулкана. Земля здесь обрывалась, резко опускаясь с высоты, на которую туристы забрались с таким трудом. По краям этой шестисотметровой бездны между неровными холмами виднелись узкие долины с непроходимыми зарослями. На самом дне, под прямыми лучами

солнца, сверкало озеро. Один скучающий англичанин когда-то запустил туда золотоперых карпов. Вокруг озера паслись овцы, светлыми пятнами выделяясь на ярко-зеленом фоне травы и более темном фоне лесных зарослей.

Программа предполагала спуск в глубь потухшего кратера. Но, учитывая позднее время, Томпсон предложил нарушить правило. Некоторые туристы выразили протест. Но другие, а их было большинство, высказались за возвращение. Как ни странно, сэр Гамильтон оказался одним из самых яростных сторонников возвращения. Ведь его положение было плачевным. Тщетно следовал он взглядом туда, куда указывал Робер, добросовестно поворачивал голову к Пику, Сан-Жоржи, Грасьозе, Терсейре, к озеру в глубинах вулкана. Лишенный монокла, сэр Гамильтон не видел этих чудес и хотел компенсировать все потери, ублажив свой желудок.

Как обычно, большинство одержало верх, и колонна тронулась в обратном направлении. Вниз пошли быстрее. В два часа туристы прибыли в деревню, через которую проходили при подъеме. Здесь, как объявил Томпсон, предполагалось пообедать.

Даже самые доверчивые не поверили в возможность осуществления этого плана, когда вошли в убогое селение, едва насчитывающее дюжину лачуг. Непонятно, как Томпсон надеялся найти здесь пищу для ста двадцати семи человек, изнемогающих от голода. Впрочем, можно было предположить, что у него и на этот раз не было никакого плана и что он рассчитывал только на удачу.

Караван остановился на тропинке, посередине деревенской улицы. Ослов, погонщиков, туристов сейчас же окружили свиньи, собаки, дебильного¹ вида дети, число их делало честь легендарной плодовитости азорских женщин.

Беспокойно оглядевшись, Томпсон принял решение. Позвав на помощь Робера, он направился к самой большой лачуге. У ее входа человек, по виду напоминающий разбойника, наблюдал непривычное для него зрелище. Роберу удалось объясниться с этим крестьянином не без труда. В конце концов Томпсон объявил, что обед будет через час.

Все возмущенно зароптали. Это уж слишком. Но Томпсон, используя свое красноречие, умел убеждать. Он не скупился на самые лестные комплименты, на самые изысканные любезности. Подождать нужно всего лишь час. Он заверял, что обед будет готов в три с половиной часа.

Крестьянин, с которым договорился Томпсон, исчез и вскоре вернулся в сопровождении двух мужчин и пяти женщин. Они вели животных. Туристы обратили внимание на украшен-

¹ Деби л ь н ы й — слабоумный от рождения.

ную изящными рогами корову. Рост ее не превосходил восьми-десяти сантиметров, то есть размера большой собаки.

— Корова породы корво,— объяснил Робер.— Остров специализируется на разведении этой породы.

Стадо и люди исчезли в лачугах, и через час обед действительно подали.

Это был ни на что не похожий обед.

Лишь немногие могли поместиться в доме. Остальные расположились на свежем воздухе — кто за большим камнем, кто на пороге. Всем положили на колени тыквенные половинки, заменявшие тарелки. Рассчитывать на вилки и ножи, естественно, не приходилось.

Глядя на эти приготовления, Саундерс про себя радовался, у него поднималось настроение. Ну разве это мыслимо, чтобы такая уважаемая публика терпела подобное? Конечно, последуют недовольства, протесты...

И действительно, непродуманность действий, безответственные импровизации Главного Администратора начинали вызывать недовольство пассажиров.

Робер понимал, какому испытанию подвергает Томпсон терпение своих клиентов. Можно ли предлагать такую трапезу состоятельным бургерам¹, привыкшим к комфорту, и богатым изнеженным дамам? Но в отличие от Саундерса его эта ситуация не радовала. Он по мере своих возможностей старался как-то исправить просчеты шефа.

Обойдя лачуги, Робер отыскал более или менее приличный стол и несколько скамей. С помощью Роже он перенес все в тень кедра. Продолжив поиски, молодые люди достали вилки, посуду, ножи, три оловянных прибора. Невиданная роскошь! Через несколько минут сестры Линдсей сели за весьма оригинально сервированный стол.

Двух французов вознаградили за это полные благодарности взгляды. Избавляя своих спутниц от необходимости есть руками, они спасали американкам более чем жизнь и ничего за это не требовали. Собственная находчивость доставляла им необыкновенное удовольствие. Заразившись весельем Роже, Робер отбросил свою обычную сдержанность и непринужденно сел за стол.

И вот обед начался, если только можно употребить такое выражение. Повара превратились в живописных официантов, которые, обходя прихотливо рассеявшихся туристов с огромным глиняным горшком, наполняли тыквенные тарелки каким-то сомнительным варевом, обильно сдобренным пряностями. По мнению поваров, пряности отвлекали внимание гостей от слишком простого, резкого вина. Другие деревенские официанты по-

¹ Б у р г е р — горожанин, городской житель.

давали ломти хлеба, гигантские размеры которых приводили в ужас даже обладателей самых крепких желудков.

— Это край хлебного изобилия,— объяснил Робер в ответ на эмоциональную реакцию Элис.— Каждый крестьянин съедает его в день не меньше двух фунтов. Одна из местных поговорок гласит: «Ешь все с хлебом — и будешь здоровым».

Европейские желудки мало приспособлены для такой еды. Пережевывая грубое тесто из маисовой¹ муки, многие путешественники молча выражали протест, что было видно по их лицам. Сестры Линдсей и их спутники восприняли приключение с обедом весело. Стол сиял белизной тарелок и создавал атмосферу деревенского праздника. Молодые люди веселились от души, и Робер совсем забыл о своих обязанностях гида. Он стал таким, каким и был — живым и обаятельным. Но, к несчастью, в то время как он бессознательно забыл о возложенной на него служебной ответственности, она неумолимо напоминала о себе. Незначительное обстоятельство вернуло его к реальности.

За рагу последовал салат. Конечно, сейчас не время было привередничать, но это несъедобное, несмотря на укус, которым было приправлено, блюдо возмутило гостей. И Робер, по требованию Томпсона, стал выяснять у крестьянина, что это такое.

— Это салат,— ответил тот уверенно.

— Но он очень жесткий, ваш салат,— возразил Робер.

— Жесткий? — удивился крестьянин.

— Ну да, жесткий, неудобоваримый.

— Не знаю,— возразил туземец, пытаясь понять собеседника,— я не нахожу его жестким.

— Ах, не находите? Но он к тому же и несоленый.

— Нет, посолен морской солью. Салат лежал в ней долго.

— А для чего? — полюбопытствовал Робер.

— Чтобы отбить горечь.

— Должен вас огорчить, горечь осталась.

— Это потому, что он не отмок как следует.

Больше от этого пня ничего нельзя было добиться. Приходилось подчиниться обстоятельствам. Гости набросились на маисовый хлеб, и, вопреки всем сомнениям, многие британские едоки даже сочили, что его мало.

У вернувшегося к своим обязанностям Робера веселье как рукой сняло. Он закончил обед в одиночестве, замкнувшись в своей обычной отчужденности.

В четыре с четвертью часа караван продолжил путь. Ослам волей-неволей приходилось ускорять шаг. Спуск по извиляющейся тропинке был стремительным. Держа ослов за хвос-

¹ Маис — кукуруза.

ты, погонщики неслись по крутому скользкому склону. Дамы и даже мужчины не раз проявляли беспокойство. Один только Пипербум сохранял невозмутимость. Поглотив огромное количество пищи и не высказав никакого неудовольствия, он мирно покачивался на двух ослах. При таком комфорте он презирал все другие трудности дороги, и, как бы аккомпанируя его хорошему настроению, над ним непрерывно висело облако сигарного дыма.

На улице Орты Гамильтон в сопровождении Робера поспешил за своим моноклем. Он получил его с выражением крайней любезности, на которую не стал отвечать. Как только его желание было удовлетворено, он опять сделался надменным, как обычно.

В восемь часов погонщики, получив плату за свои услуги, удалились вместе с ослами. Пассажиры, голодные и измученные, собрались за столом «Симью», и никогда еще корабельная кухня не имела такого успеха.

Молодожены тоже были за общим столом. Где пропадали два дня — они и сами толком не знали. Поглощенные друг другом, супруги ничего не видели вокруг.

Саундерс тоже чувствовал себя превосходно, но совсем по другой причине. Томпсоновская авантюра с обедом не прошла ему даром, вызвав возмущение путешественников. Саундерс не мог скрыть удовлетворения. И не мог отказать себе в удовольствии испортить Томпсону настроение.

— Стюард, — позвал он громко, — принесите мне еще один ромштекс, пожалуйста.

И затем обратился к барону через весь стол:

— Питание в заведениях высшего класса, я говорю о сегодняшнем обеде, имеет, по крайней мере, ту положительную сторону, что делает терпимой еду на борту корабля, — закончил он иронически.

Томпсон подпрыгнул на стуле словно ужаленный, однако ничего не ответил. Да и что он мог ответить? Общественное мнение на этот раз было не на его стороне.

ГЛАВА VIII

Праздник Троицы

Этой ночью утомленные экскурсией пассажиры спали долго. Когда утром двадцатого мая некоторые туристы поднялись на верхнюю палубу, корабль был уже далеко от Фаяла.

Отправившись из Орты в семь с половиной часов, «Симью» следовал так, чтобы путешественники получили некоторое представление об островах, где планировалось высаживаться.

Когда Роже, сопровождая своих американских спутников,

появился на палубе, корабль, проходя вдоль южного побережья Пику, оказался напротив горы, спускающейся к морю лестницей предгорий. Была видна столица острова Лажинс, высоко наверху — францисканский монастырь¹. Столицу окружали разбросанные повсюду хижины. Конические крыши были сделаны из сплетенных злаковых стеблей, и поэтому город походил на деревню.

Побережье казалось суровым, но это впечатление мало-помалу смягчалось. Горы постепенно снижались, взору открывались прекрасные пастбища.

Туристы прошли пригород Кальеа, обогнули восточную оконечность Пику, и, когда склянки зазвонили к обеду, стал виден остров Сан-Жоржи.

Все утро Робер не выходил из каюты. Роже не преминул обратить внимание сестер Линдсей на его отсутствие.

— Морган изучает остров Терсейра, — ответил смеясь де Сорг. — До чего же интересный у нас гид.

Вопросительный взгляд Элис заставил его объясниться, при этом француз не позволил себе ничего оскорбительного в адрес Робера, отнюдь нет. Однако заметил, что внешность господина Моргана и его манеры странным образом контрастируют с его скромными обязанностями. По убеждению Роже, гид не осведомлен в том, что касается его ремесла. Эти его соображения только подтвердили собственные наблюдения Элис о переводчике «Симью».

— Я абсолютно уверен, — заключил Роже, — что где-то видел его. Но где? Обязательно вспомню, и тогда станет ясно, почему столь светский человек выдает себя за профессора.

После этого разговора Робер еще больше заинтересовал Элис. И когда после обеда он поднялся на палубу, она обратилась к нему с вопросом, шутливо рассчитывая привести в замешательство.

«Симью» в это время продвигался между Пику и Сан-Жоржи. Он шел вдоль острова, представляющего собой плато² длиной в тридцать миль и шириной в пять, как бы заброшенного сюда капризом природы.

— Что это за остров? — спросила Элис у Робера, когда в поле зрения появились дома в несколько этажей.

Но Робер уже изучил путеводитель от корки до корки.

— Урселина, — ответил он. — Именно здесь в тысяча восемьсот восьмом году произошло последнее самое страшное землетрясение в этих краях, вызвавшее ужас у жителей Пику и Фаяла. Пробудились пятнадцать кратеров, один из них был по-

¹ Францисканцы — один из католических монашеских нищенствующих орденов (организаций), основан в XIII веке.

² Плато — возвышенная равнина высотой более 200 м над уровнем моря.

истине гигантским. В течение двадцати пяти дней вулканы извергали пламя и лаву. Город неизбежно бы погиб, если бы не чудо: поток лавы изменил направление и устремился в море.

— А потом?

Этот вопрос задал Джонсон. История с вулканом заинтересовала его, он прервал свою прогулку и прислушался. Робер обратился к нему.

— С тех пор,— сказал он,— извержений не было, но почти каждый год остров встряхивает. Сан-Жоржи моложе других Азорских островов и, как и западная часть острова Сан-Мигель, больше других подвержен воздействию подземных процессов.

— Ол райт,— удовлетворенно отозвался Джонсон и сразу отошел.

Почему он остался доволен ответом Робера? Не потому ли, что ответ оправдывал его решение не сходить на землю? Такое поведение было вполне в его духе, и с самого начала путешествия он не менял своих привычек. Утром, в полдень и вечером он минут пять прогуливался по палубе, толкая пассажиров, дымя сигаретой и что-то бормоча. Затем его не было слышно. Чем он занимался остальное время, можно было легко догадаться. Цвет его лица, постепенно становясь все более красным, давал на этот счет самые точные и красноречивые разъяснения.

В два часа пополудни «Симью» обогнул мыс Розалиш и, прибавив скорость, направился на северо-запад, на Грасьозу. Пассажиры успели разглядеть северный берег Сан-Жоржи с выступающей над морем метров на шестьсот скалой. А вдаль уже вырисовывались более спокойные и плавные очертания Грасьозы. К четырем часам «Симью» находился в трех милях от этого острова, но по сигналу капитана Пипа неожиданно повернул к Терсейре. Его высокий берег виднелся милях в двадцати пяти.

На палубе показался Пипербум, сопровождая очень сердитого Томпсона. Робер, оставив своих собеседников, подошел к администратору.

— Возможно ли,— обратился тот к Роберу, показывая на невозмутимого голландца, как всегда окутанного облаком дыма,— втолковать что-нибудь этому дымящему бегемоту?

Робер сделал беспомощный жест.

— Очень досадно,— ответил Томпсон.— Представьте себе, он категорически отказывается компенсировать мне убытки.

— Какие убытки? — поинтересовался Робер.

— Ну как же? А раздавленный осел, а четыре других осла и погонщики дополнительно. Мне это обошлось в копеечку.

— Он отказывается?

— Категорически. Я уже изнемог, объясняясь с ним жестами. Как будто имеешь дело с камнем. Посмотрите только на него.

Пипербум, раскинувшись в кресле, почти совсем исчез в дыму. Глядя в небо и посасывая трубку, он полностью отрезшился от ничтожных забот этого мира. Робер с невольной улыбкой перевел взгляд с гневного лица Томпсона на безмятежное лицо пассажира.

— Все имеет свою оборотную сторону,— ответил он, разведя руками, и Томпсон был вынужден с этим согласиться.

В шесть тридцать «Симью» находился всего в нескольких милях от западного берега Терсейры. Уже давно маячила его вершина, возвышаясь на тысячу метров. На юге склон плавно спускался к морю и круто обрывался. Повсюду виднелись явные следы еще недавних подземных потрясений. Темными пятнами выделялись на зеленом фоне долин потоки лавы, возвышались то здесь, то там конусы пепла и пемзы, медленно разрушаемые дождем и ветром.

В семь часов стала видна гора Бразилия. Еще через полчаса, обогнув этот дикий мыс, вышли к городу Ангре. В восемь часов корабль стал на якорь, не потушив, однако, котлов.

Удобная позиция в центре ангрского рейда открыла пассажирам одну из самых великолепных панорам, какой только мать-земля могла порадовать взоры своих детей. Позади — безбрежное море с четырьмя островами справа и слева и черные отвесные скалы с другой стороны, образующие как бы огромное ложе, где безмятежно распростерся город Ангра. Защищенный с севера и юга фортами, в лучах заходящего солнца, город выстроил амфитеатром белые дома, колокольни, соборы. Дальше среди холмов виднелись небольшие поселения, апельсиновые деревья и виноградники, плавно поднимающиеся вверх.

Воздух был мягким, погода великолепной, веял свежий бриз. Очарованные пассажиры находили, что только меньшие масштабы отличают этот залив от Неаполитанского.

Но в наступившей ночи скоро все исчезло.

Капитан Пип, привыкший к такой красоте, направлялся в свою каюту, когда матрос подвел к нему только что поднявшегося на борт человека.

— Сэр,— обратился к капитану незнакомец,— я узнал, что ваш корабль прибывает на ангрский рейд, и решил присоединиться к экскурсии, если только...

— Это совершенно меня не касается,— прервал его капитан.— Бистоу,— обратился он к матросу,— проводите джентльмена к мистеру Томпсону.

Гость вошел в каюту как раз в тот момент, когда Томпсон обсуждал с Робером программу на следующий день.

— К вашим услугам, сэр,— сказал администратор в ответ на просьбу вновь прибывшего.— Хотя на корабле не так много места, но все же это возможно... Вам известны наши условия?

— Нет, сэр,— ответил гость.

Томпсон на мгновение задумался, видно, собирался вычесть из общей суммы стоимость уже проделанного пути. И все же сказал, хотя и не без колебания:

— Цена путешествия сорок фунтов...

— Отлично,— прервал его пассажир.— Так как нас трое...

— А вас трое?

— Да, мои два брата и я. С нас, следовательно, сто двадцать фунтов. Вот они.

Достав из бумажника банкноты, он положил их на стол.

— С этим можно было не спешить,— вежливо заметил Томпсон. Пересчитав деньги, он спрятал их и счел себя обязанным выдать квитанцию.— Выдано, извините, кому? — задержал он перо.

— Дону Игину Родригишу да Вега,— ответил пассажир, и Томпсон записал.

Робер в течение всего этого времени молча наблюдал за вновь прибывшим туристом. Относительно его национальности не могло быть никакого сомнения. Высокий, широкоплечий, черноволосый, с черной бородой — конечно, португалец. И это предположение подтверждалось его плохим английским произношением.

Дон Игину, взяв квитанцию, сложил ее, спрятал в кошелек, затем немного помолчал, как бы в нерешительности. Ему хотелось что-то сказать, довольно важное, судя по его поведению.

— Еще один вопрос,— промолвил наконец португалец.— Когда мы покидаем Терсейру?

— Завтра,— ответил Томпсон.

— А в котором часу?

Для дона Игину, очевидно, это было чрезвычайно важно, потому что он явно нервничал.

— Завтра вечером, часов около десяти,— ответил Томпсон.

Дон Игину удовлетворенно вздохнул. Он сразу стал раскованнее.

— В ваши планы, возможно, входит осмотр Ангры? — приветливо осведомился он.

— Да,— подтвердил Томпсон.— Именно так.

— Не могу ли я быть вам полезен в качестве гида? Я хорошо знаю город.

Томпсон поблагодарил.

— Охотно принимаю вашу помощь. Тем более что это даст возможность немного отдохнуть господину профессору Моргану, которого я имею честь вам представить.

Дон Игину и Робер обменялись приветствиями.

— Буду на набережной завтра утром в восемь часов,— сказал дон Игину, попрощавшись и направляясь в свою каюту.

Он был точен. В воскресенье, двадцать первого мая, высаживаясь на берег во главе своих пассажиров, Томпсон обнаружил его на набережной. Под присмотром Главного Администратора колонна в безупречном порядке тронулась в путь.

Дон Игину оказался прекрасным гидом. Он водил туристов по Ангре с уверенностью, какой не могло быть у Робера. Знакомил их с улицами, заходил в церкви.

Все это время барон следовал за ним по пятам.

Надо сказать, что с самого начала путешествия сэр Гамильтон чувствовал себя одиноко. Его несколько развлекал Саундерс, но тот не был человеком его круга. Среди пассажиров он не нашел подходящего для себя собеседника, если не считать леди Гайлбат. Но она всегда занята своими кошками и собаками. Ее сердце и время заполняли только они. Едва приобщившись к повадкам Цезаря, Иова, Александра, Блэка, Фанна, Панча и прочих, барон категорически не захотел продолжать свое образование в этой области и стал избегать старую пассажирку. Неуважительный француз, без сомнения, назвал бы ее занудой.

Итак, сэр Гамильтон оказался совершенно один. Поэтому, едва только он услышал аристократическое имя нового пассажира, как сразу понял, что небо послало ему настоящего джентльмена, и попросил Томпсона познакомить их. Благородный англичанин и благородный португалец обменялись рукопожатием. По тому, сколько искренности и открытости они вложили в этот жест, было видно, что они нашли друг друга!

С этой минуты барон буквально не отходил от португальца. У него наконец был друг! Во время обеда на борту корабля он завладел доном Игину, усадил рядом с собой. Дон Игину принимал все эти знаки внимания с подобающей почтительностью.

За столом собрались все, кроме молодых людей. Их постоянное отсутствие казалось всем естественным.

Томпсон взял слово.

— Я думаю,— сказал он,— что выражу общее мнение, если поблагодарю дону Игину да Вега за труд, который он взял на себя этим утром.

Дон Игину сделал протестующий жест.

— Ну конечно же,— настаивал Томпсон.— Без вас, сеньор, нам не удалось бы так быстро и обстоятельно осмотреть Ангру. Я хотел бы знать ваше мнение: чем можно заполнить вторую половину дня?

— Но разве вы не знаете, что сегодня Троица!¹ — вскричал дон Игину.

— Троица? — повторил Томпсон.

— Ну да. Один из самых главных католических праздни-

¹ Троица — религиозный христианский праздник, отмечается на пятидесятый день после Пасхи, то есть воскресения Христа.

ков, отмечаемых здесь особенно торжественно. Я занял место, откуда хорошо будет видна процессия с крестом.

— Чем он примечателен, этот крест? — осведомился барон.

— Своей ценностью, — ответил Игину. — Стоимость драгоценных камней, украшающих его, превосходит шесть миллионов франков.

Томпсон был в восторге от нового пассажира. Высокомерия и важности Гамильтона не было предела.

Дон Игину, покидая борт «Симью», считал нужным дать совет, ужаснувший многих пассажиров.

— Дорогие друзья, — сказал он, — мне хотелось бы вас предостеречь...

— Слушайте внимательно, — поддержал его Томпсон.

— По мере возможности избегайте толпы.

— Это будет нелегко, — заметил Томпсон, показывая на улицы, заполненные народом.

— Да, — согласился дон Игину. — Все же попытайтесь избегать контактов.

— Но почему? — полюбопытствовал Гамильтон.

— Мой дорогой барон, об этом не совсем удобно говорить. Дело в том, что жители этого острова не совсем чистоплотны, они страдают двумя болезнями. Название одной очень неприятно, речь идет о чесотке. Что касается другой...

Дон Диего остановился, как бы затрудняясь найти мало-мальски приличные слова. Томпсон, которого не пугали никакие трудности, пришел к нему на помощь. Обратясь к пантомиме, он снял шляпу и энергично покрутил у виска, вопросительно глядя на дону Игину.

— Совершенно точно, — подтвердил тот, посмеиваясь, тогда как дамы отвернулись, шокированные таким натурализмом.

По совету дона Игину туристы шли по самым безлюдным и пустынным улицам, тогда как толпа сосредоточилась на тех магистралях, где должна проходить процессия. Они все же встретили несколько человек, оборванных, растрепанных и грязных.

— Просто разбойники! — отозвалась Элис.

— Вот именно! — подтвердил Томпсон. — Вы знаете, кто эти люди? — спросил он у дона Игину.

— Не больше, чем вы.

— Не переодетые ли это агенты полиции? — предположил Томпсон.

— Тогда надо признать, что они переодеты очень искусно! — насмешливо воскликнула Долли.

Вскоре колонна вышла на площадь, где под палящим солнцем собрались толпы людей.

— Располагайтесь здесь, дамы и господа, — сказал Иги-

ну.— Я воспользовался своим знакомством с правителем Терцера, чтобы занять место у дворца.

Все принялись благодарить португальца.

— Теперь,— продолжал Игину,— позвольте ненадолго вас покинуть. Перед отъездом я должен еще кое-что сделать. Впрочем, я вам больше не нужен. Вы все отлично отсюда увидите и, думаю, примете участие в праздничном представлении.

С этими словами Игину поприветствовал всех и исчез в толпе. По всей видимости, он нисколько не боялся заразиться. Туристы тотчас же о нем забыли. Приближалась пышная праздничная процессия.

По широкой улице, которую полиция освобождала перед кортежем, в благоухании ладана двигались золотые и серебряные знамена, статуи, хоругви. Среди белых платьев девушек сверкали мундиры; голоса, сопровождаемые трубами и литаврами, возносили к небесам молитвы тысяч верующих, а в церквах раздавался перезвон колоколов, славящих Спасителя. Верующие пели:

«Иисусе, Иисусе!»

Зрелище было великолепным. Вот показался епископ в фиолетовом облачении, красиво контрастирующем с ослепительным золотом его балдахина¹. Он шел медленно и осторожно обеими руками держал драгоценный ковчег. Впереди несли крест. Его камни отражали солнечные лучи тысячами разноцветных брызг.

Внезапно какое-то грубое вмешательство расстроило процессию совсем близко от епископа. Не понимая, что происходит, подхваченная волной любопытства, толпа подалась вперед.

Но никто ничего не увидел. И англичане, хотя место, где они стояли, было очень удобным, не поняли, что же происходит. Балдахин качался словно корабль на волнах, затем вместе с крестом исчез в гигантской воронке толпы, как в морской пучине. Раздались крики, вопли. Взвод полиции во главе кортежа тщетно пытался остановить поток бегущих. Вот и все, что можно было увидеть.

В какой-то момент кордон полицейских был прорван, и туристы, невольно став частью обезумевшей толпы, оказались вовлеченными в общий людской поток.

Встав рядом, Роже, Джек и Робер охраняли Элис и Долли. Им помогло то, что они стояли в углу, в тупике.

Все кончилось внезапно. Площадь как-то сразу оказалась пустынной.

¹ Балдахин — пышный навес из тканей на шестах или столбах, неподвижный или переносной.

Там, где как в водовороте исчезли епископский балдахин и крест, сейчас были только полицейские, они нагибались, поднимались, приходили, уходили, вынося жертвы непонятной паники. Как всегда, они прибыли слишком поздно.

— Мне кажется, что мы вне опасности,— сказал Робер.— Но я думаю, нужно вернуться.

— Куда? — осведомился Джек.

— На борт «Симью». Все происходящее, в конце концов, нас не касается, и, я полагаю, надежнее всего мы будем чувствовать себя под английским флагом.

Присутствующие не могли не согласиться с этим доводом и поспешили добраться до корабля. Там уже собралось большинство пассажиров, оживленно обсуждавших удивительное событие. Некоторые возмущались, и, конечно, не последним среди них был сэр Гамильтон.

— Позор! Позор! — повторял он на разные лады.

— Вот что такое португальцы! Если бы Англия показала этим азорцам, что значит настоящая цивилизация, это не могло бы случиться!

Саундерс ничего не говорил, но выражение его лица было красноречиво. Если бы он желал Томпсону наибольшего зла, то ничего лучше, чем это происшествие, не придумал бы. По теории вероятности, по крайней мере, десяток пассажиров не явятся на борт, а это означает невозможность продолжения экскурсии и вынужденное возвращение в Англию. Появление первых пострадавших особенно не изменило прекрасного настроения этого неповторимого пассажира. Но Саундерс заметно помрачнел, когда на борт стали подниматься последние туристы. Он был раздосадован.

Во время обеда Томпсон сделал переключку и обнаружил, что отсутствуют только двое. Но вскоре и эти двое появились в салоне, конечно же в образе молодых людей. Саундерс, признав, что все в сборе, стал похож, как обычно, на недовольного дога. Молодая пара была верна себе — то есть демонстрировала по отношению к остальному миру абсолютное равнодушие. Ни он, ни она и не подозревали о событиях, происшедших в течение дня. Сидя рядом, они были заняты лишь друг другом, вели разговор скорее глазами, чем языком, и внешние события оставались за пределами их мира, не вторгаясь в него.

Еще одним вполне довольным жизнью человеком, как и эта трогательная пара, был сэр Джонсон. В этот день он побил все рекорды, еще немного — и достиг бы высшей стадии опьянения. Насколько его состояние позволяло ему понять ситуацию, сэр Джонсон мог только радоваться своему упорству в нежелании ступить на землю Азорских островов.

Четвертой совершенно счастливой личностью был Тигг. Его телохранительницам пришлось испытать минуты величайшего беспокойства, когда он был почти унесен потоком. Какой

лучше этого случай покончить счеты с жизнью мог представиться оригиналу, жаждущему смерти? Ценой героических усилий Бесс и Мери удалось уберечь Тигга и защитить его от толпы, при этом им приходилось пускать в ход свои длинные ногти. Тигг остался цел и невредим и считал даже, что его спутницы слишком преувеличили опасность этой свалки.

Однако для Бесс и Мери все кончилось не так уж благополучно. Синяки на теле долго не позволяли им забыть праздник Троицы на острове Терсейре.

Столь же пострадавшим, но по другой причине, оказался их отец, почтенный Блокхед, вынужденный одиноко обедать в своей каюте. Он не был ранен. Но Томпсон заметил у своего пассажира признаки зуда и считал нужным предложить бакалейщику вести себя осторожно и держаться в изоляции. Блокхед принял этот удар судьбы со смирением и не выказал гнева.

— Кажется, я подцепил местную болезнь,— говорил он дочерям, уже не сдерживаясь и всюю расчесывая себя.— И эта неприятность случилась только со мной.

Дон Игину появился на палубе, когда мистер Сандвич подавал жаркое. Он привел с собой братьев.

Поскольку дон Игину объявил их братьями, сомневаться в этом никто не стал. Но очень уж явным было несходство родственников. Насколько в доне Игину чувствовалась порода, настолько его братья казались вульгарны и грубы. По внешности они напоминали борцов: один — высокий и сильный, другой — коренастый, крепко сбитый и широкоплечий.

Примечательно, что оба имели признаки недавнего ранения. У высокого была перевязана левая рука, у более низкого правую щеку пересекал шрам, закрепленный пластырем.

— Позвольте представить вам,— обратился дон Игину к Томпсону,— моих братьев, дона Жакопу и дона Криштофу.

— Они желанные гости на борту «Симью»,— ответил Томпсон.— Я с сожалением вижу,— продолжал он, когда братья сели за стол,— что господа ранены...

— По несчастью, споткнулись и, падая, поранились о разбитое лестничное стекло,— перебил его Игину.

— Ах, так,— отозвался Томпсон.— А я хотел спросить, не пострадали ли джентльмены в страшной уличной драке. Но вы опередили меня с ответом.

При этих словах Робер машинально посмотрел на Жакопу и Криштофу, и те, как ему показалось, вздрогнули. Но, очевидно, братья в самом деле ничего не знали о прискорбном происшествии, потому что дон Игину искренне удивился:

— О какой драке вы говорите? Что-нибудь случилось?

Все просто поразились: как могли братья да Вега не знать о происшествии, взбудоражившем весь город!

— Боже, все очень просто,— ответил дон Игину.— Мы же

не выходили из дома. Впрочем, может быть, вы преувеличиваете, наверное, это была мелкая уличная потасовка.

Все зашумели, Томпсон рассказал дону Игину о том, что произошло. Тот озадаченно произнес:

— Не могу понять, как набожный народ мог так вести себя во время процессии. Но предоставим разобраться в этом им самим. Мы ведь уезжаем вечером, не так ли? — добавил он, обращаясь к Томпсону.

— Да, конечно, — ответил тот.

Не успел он закрыть рот, как раздался пушечный выстрел, отчего вздрогнули окна салона. Звук растаял как эхо, и никто не обратил на него внимания.

— Вы плохо себя чувствуете, дорогой друг? — осведомился барон у внезапно побледневшего дона Игину.

— Это лихорадка, я подцепил ее в Прайе. В этом городе решительно нездоровый климат, — ответил португалец. На лице его вновь появились обычные краски.

С палубы раздался голос капитана Пипа:

— Мальчики, поворачивать на брашпиль¹.

Сразу же послышался сухой мерный звук коловорота, бьющегося о железную обшивку. Пассажиры поднялись на верхнюю палубу, чтобы присутствовать при отплытии.

За время обеда стемнело. В ястребиной черноте были видны только огни Ангры, оттуда все время доносился шум.

Над палубой раздался голос Флишипа:

— Поднять якорь!

— Так держать! — командовал капитан с мостика.

Снова раздался звук падения брашпиля, и якорь уже подымался со дна, когда в ночи на расстоянии двух кабельтовых от «Симью» послышался оклик.

— Пару, — приказал старший механик.

— Еще, — подтвердил со своего мостика капитан.

Двухвесельная шлюпка вынырнула из темноты и подошла к левому борту корабля.

— Мне нужен капитан, — сказал по-португальски человек. Увидеть его мешала темнота. Робер перевел.

— Я здесь, — ответил капитан Пип, спустившись с мостика и подходя к борту.

— Этот человек, — перевел Робер, — просит спустить трап, чтобы подняться на борт.

Просьба была удовлетворена, и на палубу прыгнул полицейский, все его узнали по мундиру. Судя по блестящим галунам, у него был высокий чин. Между ним и капитаном состоялся с помощью Робера следующий разговор:

— Имею честь говорить с капитаном «Симью»?

¹ Брашпиль — ручная, паровая или электрическая машина — лебедка для выбирания якоря на судне.

- Вы говорите именно с ним.
- Вы прибыли вчера вечером?
- Вчера вечером.
- И собираетесь отчаливать?
- Да.
- Вы слышали пушечный выстрел?

Капитан повернулся к Артимону.

— Вы слышали пушечный выстрел, мистер? Я не понимаю, почему это должно быть нам интересно?

Инспектор удивился.

— Вы не знаете, что порт закрыт и на все корабли рейда наложено эмбарго?¹ Вот приказ,— ответил он, подавая Роберу документ.

— Хорошо,— с философской невозмутимостью сказал капитан,— если порт закрыт, мы останемся. Бишоп, опустить цепи,— скомандовал он.

— Извините! Одну минуту,— запротестовал Томпсон.— Нельзя ли договориться? Спросите, господин профессор, почему порт закрыт?

Но представитель власти оставил Робера без ответа, он направился к одному из пассажиров.

— Я не ошибаюсь? — воскликнул он.— Дон Игину на борту «Симью»!

— Как видите,— ответил тот.

— Вы нас покидаете?

— О, я надеюсь вернуться.

Между двумя португальцами завязался оживленный разговор. Суть его дон Игину перевел своим спутникам.

Оказывается, во время послеобеденной драки неизвестные злоумышленники, воспользовавшись созданным ими самими беспорядком, похитили драгоценный крест. В отдаленном переулке найдено древко, без камней, стоимость которых оценивается в шесть миллионов франков. Поэтому правитель наложил эмбарго на все корабли, пока шайка похитителей не будет поймана.

— И это надолго? — поинтересовался Томпсон.

Инспектор сделал неопределенный жест. На лице Томпсона появилось испуганное выражение. Кормить сто четыре человека на борту! В копеечку влетит эта задержка!

Все протесты Робера были бесполезны. Приказ отмене не подлежит.

Но еще большую ярость инцидент вызвал у Саундерса. Опять отступление от программы! Это вывело его из себя.

— По какому праву нас удерживают? — энергично запро-

¹ Эмбарго — здесь: запрещение захода в порты своей страны судов, принадлежащих другим странам, по военным, политическим, санитарным соображениям.

тестовал он.— Мы идем под британским флагом и не обязаны подчиняться португальцам.

— Совершенно верно,— присоединился барон.— И, кроме того, какая нужда подчиняться полицейскому, не может же он один задержать корабль, где шестьдесят шесть пассажиров плюс экипаж!

Томпсон жестом указал на форты, которые виднелись в темноте, и этот немой довод убедил спорщиков. Барон ничего не ответил. К счастью, у него нашелся неожиданный сторонник.

— Если вас останавливают форты,— сказал дон Игину, наклоняясь к уху Томпсона,— то они не опасны. Порох и пушки там есть. Но этого нельзя сказать про ядра.

— У них нет ядер? — не поверил Томпсон.

— Может, и найдутся какие-нибудь никуда не годные. Но вряд ли хоть одно войдет в пушку! Как, впрочем, и на всех других островах архипелага.

— Мой добрый Игину,— воскликнул растроганный барон.— Вы, португалец, оказываетесь нашим союзником?!

— В данном случае я торопящийся пассажир,— уклончиво ответил дон Игину.

Томпсон колебался. Конечно, решиться на такой шаг не просто. Но, с другой стороны, досадно так нелепо затягивать путешествие, терпя убытки и недовольство пассажиров. Скрежет зубов Саундерса, насмешки Гамильтона, секреты форта, раскрытые доном Игину,— все это заставило его решиться на риск. Он позвал Пипа.

— Капитан,— сказал Томпсон,— корабль, как вы знаете, задерживается по приказу португальских властей.

Капитан утвердительно кивнул.

— Если, однако, я прикажу вам отчалить, вы это сделаете?

— В ту же секунду, сэр.

— Вы находитесь под огнем фортов Ангры, как вам известно.

Капитан Пип посмотрел на небо, затем на море, потом на дона Игину и сморщил нос с видом величайшего презрения. Если бы он высказался, то не сумел бы выразить яснее, что при таком спокойном море в темноте ночи он боится португальских ядер не больше, чем яблок.

— В таком случае,— поставил точку Томпсон,— я приказываю сниматься с якоря.

— Тогда не могли бы вы отвести в салон это карнавальное чучело?

Идя навстречу энергичному пожеланию капитана, Томпсон пригласил инспектора в салон подкрепиться.

Едва они ушли с палубы, как капитан негромко приказал команде готовиться к отплытию. С большой осторожностью подняли коловорот, стараясь не произвести предательского

шума. В несколько минут в полной тишине подняли якорь. Экипаж работал с яростным старанием.

«Симью» пришел в движение. Когда инспектор в сопровождении Томпсона снова поднялся на палубу, то заметил, что корабль изменил позицию по отношению к огням города.

— В чем дело, капитан? — испугался он.

— Я вас не понимаю, — галантно ответил тот.

— Господин инспектор, — перевел Робер, — думает, что мы сорвались с якоря.

Капитан посмотрел на полицейского, изобразив на лице удивление.

— В самом деле? — промолвил он с деланной простоватостью.

Инспектор знал свое дело. Он взглянул на молчаливый экипаж и все понял. Вынув из кармана свисток, блюститель порядка издал пронзительный звук с довольно странными модуляциями, хорошо слышный в ночи. На парапетах фортов замелькали огни.

Ангра была защищена двумя фортами: с юга Морру-ду-Бразил, с севера Сан-Жуан-Батишта. Именно на последний течение медленно несло «Симью», когда свисток прервал оценивание.

— Сэр, — холодно заявил капитан, — еще один свисток, и я выброшу вас за борт.

По его тону инспектор понял, что дело принимает серьезный оборот, и, когда эти угрожающие слова ему перевели, отказался от своих намерений.

Как только заработал брашпиль, из трубы парохода стали извергаться клубы дыма и даже огня. Это входило в планы капитана, накапливающего таким образом запасы пара, которые предстояло использовать позднее. Перегруженные клапаны шумно свистели, а клубы дыма над трубой все больше и больше уменьшались. Вскоре они совсем исчезли.

В этот момент одновременно раздалось два пушечных выстрела и два снаряда, пущенные с противоположных фортов, упали на расстоянии пятисот метров от каждого борта. Это было предупреждение.

От такой неожиданности Томпсон побледнел. Ведь дон Игину говорил, что у них нет ядер?!

— Капитан, остановитесь! — испуганно закричал он.

И многие пассажиры, наверное, поддержали бы хозяина парохода. Однако, по крайней мере, один из них хранил героическое молчание. Это был почтенный бакалейщик. Он, конечно, испугался. Он даже дрожал, надо честно признать это, но ни за что в жизни не отказался бы от удовольствия принять участие в первом в своей жизни сражении. Подумать только! Он никогда такого не видел!

Роже де Сорг также готов был принять выпавший жребий.

По какой-то ассоциации¹ эти пушечные выстрелы напомнили ему о Фаяле и очень его позабавили.

«Ну вот! Теперь нас еще и обстреляли,— подумал он, держась за бока.— Ну, это уж слишком!»

Капитан поднялся на мостик.

— Сожалею, сэр, но на этот раз не могу вам подчиниться,— твердо заявил он Томпсону.— После того, как мы по приказу моего судовладельца снялись с якоря, на корабле команду я. И с Божьей помощью я выведу корабль в открытое море. Клянусь всеми святыми, английский капитан не отступит.

Никогда в жизни капитан не произносил столь длинной тирады.

В соответствии с его замыслом корабль шел с умеренной скоростью. Судно представляло собой легкоуязвимую цель благодаря огням, их капитан, к великому удивлению всех, не приказал потушить. Он взял направление к форту Сан-Жуан-Батишта.

Хитрость капитана оказалась дальновидной. Успокоенные, видно, тем, что судно приближается к форту, оттуда прекратили стрельбу.

— Румпель² на левый борт! — внезапно скомандовал капитан.

И «Симью», сверкая огнями, на всех парах устремился в открытое море.

Вслед раздались три выстрела. Один снаряд, выпущенный из форта Сан-Жуан-Батишта, просвистел над мачтами. Капитан слегка поморщил нос. Его маневр удался. Форт стал теперь безопасен. Что же касается двух других снарядов, пущенных с Морру-ду-Бразил, то первый упал позади «Симью», а второй — капитан успел затормозить на ходу — пропорол море в двух кабельтовых от корабля.

После пятого выстрела капитан отдал приказ погасить все огни и закрыть машинное отделение. Подчиняясь движению руля, корабль повернулся и полным ходом пошел к земле.

Он обогнул рейд³, оставшись незамеченным в темноте.

Затем пароход смело прошел мимо скал Морру-ду-Бразил. Если бы свисток инспектора раздался с этого места, дело кончилось бы плохо. Но с самого начала маневра капитан предусмотрительно отвел инспектора в каюту и приставил людей из экипажа сторожить его.

Опасность осталась позади. С форта Сан-Жуан-Батишта

¹ Ассоциация — здесь: связь представлений о чем-либо, когда одно представление, появившееся в сознании, вызывает другое — по сходству, смежности или противоположности.

² Румпель — рычаг для поворачивания руля судна.

³ Рейд — здесь: водное пространство вблизи берега, у входа в порт, удобное для якорной стоянки судов.

не стреляли, а с Морру-ду-Бразил продолжали расстреливать пустоту.

«Симью» быстро прошел вдоль побережья, сливаясь с темными скалами. Обогнув мыс, он повернул в открытое море, прямо на юг. А пушки двух фортов, продолжая свой бесполезный дуэт, все еще метали ядра, не приносящие никому вреда.

Уйдя в открытое море на три мили, капитан не отказал себе в удовольствии устроить блестящую иллюминацию на всем корабле. Затем приказал спустить шлюпку инспектора в море. Он вежливо проводил его до трапа и, помахав фуражкой, сказал, несмотря на то, что португалец не мог оценить его английский юмора:

— Видите, сэр, как английский моряк играет в прятки с португальскими ядрами? Вот это я называю настоящим делом. Имею честь приветствовать вас, сэр.

С этими словами капитан собственноручно перерезал канат у лодки, пляшущей на волнах, поднялся на мостик и приказал следовать курсом зюйд-вест. Затем, поглядев на небо, на море, на Терсейру, исчезающую в ночи, с достоинством сплюнул в море.

ГЛАВА IX,

касающаяся юриспруденции

Двадцать второго мая «Симью» рано утром бросил якорь в Понта-Делгаде, столице Сан-Мигеля, последней своей остановке на Азорских островах.

Этот остров, с населением сто двадцать семь тысяч жителей и площадью семьсот семьдесят квадратных километров, был самым крупным островом архипелага. Его столица, где насчитывалось семнадцать тысяч человек, являлась четвертым по значимости городом Португальской империи. Он защищен с востока и запада двумя мысами: Понта-Делгада, давшим ему имя, и Понта-Гале. Дамба длиной восемьсот пятьдесят метров делала еще более закрытым рейд города, способный принимать до ста кораблей.

«Симью» встал на якорь между этой дамбой и берегом, среди парусных и паровых судов. На севере Понта-Делгада поднималась вверх террасами¹. Симметрично расположенные светлые дома тонули в море роскошных садов, окаймляющих город зеленым ореолом.

Большинство пассажиров проснулось поздно, поэтому высадку на берег перенесли на послеобеденное время. На весь

¹ Террасы — здесь: горизонтальные или слегка наклонные площадки вдоль склонов берегов реки, моря в виде уступов, расположенных один над другим.

остров Сан-Мигель отводилось три полных дня, а на Понта-Делгаде должно было с лихвой хватить пяти часов, и можно было не спешить.

Однако этот план не прошел без споров.

Некоторые пассажиры выразили недовольство. Само собой разумеется, Саундерс и Гамильтон были в их числе. Опять отступление от программы! Это становится невыносимо! Они будут жаловаться администрации. Администрация ответила, что господа могут сойти на землю, если они этого желают. Саундерс возразил, что сделает это только вместе с администратором и переводчиком и за счет агентства. Томпсон посоветовал ему объединиться со своими друзьями. Разговор закончился в резких тонах.

В конце концов, утром корабль покинули только двое: это была, конечно, молодая пара, путешествовавшая сама по себе. Томпсон был уверен, что теперь увидит их только в момент отправления.

Саундерс и Гамильтон остались на корабле. Вместе с четырьмя-пятью спутниками, такими же «приятными», как и они сами, эти двое гуляли по палубе, обмениваясь изысканными колкостями по адресу агентства.

Группа несогласных не была многочисленной. Тем не менее с ее существованием приходилось считаться. Томпсон констатировал, что на сторону его недругов переходят все новые сторонники. Впервые легкий, но реальный раскол начал разделять пассажиров «Симью» на два лагеря, к счастью, пока не равных по количеству. Причина казалась пустяковой, но, подкрепленный всеми предшествующими разногласиями, последний случай сделался несоразмерным по значимости.

Томпсону приходилось быть терпеливым.

После обеда лодки высадили пассажиров на набережной Понта-Делгады. Среди них не было несговорчивого Джонсона и находящегося в изоляции Блокхеда. Разногласия, казалось, забыты. Все отправились осматривать город, соблюдая привычный порядок.

Осмотрели церкви и монастыри и под непрекращающийся перезвон колоколов бродили до вечера по узким нечистым улицам.

Какое разочарование! Дома, кажущиеся такими привлекательными издали, вблизи выглядели некрасивыми, грубыми. На дорогах свободно гуляли огромные свиньи, так что приходилось расчищать себе путь. А зеленые сады скрывались от глаз за огромными заборами. Только издали можно было видеть верхушки кустов белых роз или камелий. На острове Сан-Мигель они обычно достигают размеров большого дерева.

Прогулка испортила туристам настроение, и все охотно согласилось вернуться.

Колонна спускалась со склона уже не в таком порядке, как

при подъеме. Конечно, английское уважение к дисциплине для сынов Альбиона — вещь слишком серьезная, но все устали. Порядок рядов стал нарушаться, появились отстающие. Томпсон, заметив это, только вздыхал.

На набережной туристы столкнулись с непредвиденными событиями. Здесь собралось много людей, они гневно кричали и угрожающе вздымали кулаки. Было очевидно, что представители двух враждующих сторон обмениваются оскорблениями, которые вот-вот перейдут в потасовку. Неужели начинается то же, что случилось на Терсейре?

Томпсон и его пассажиры не знали, что им делать. Пройтись к корабельным шлюпкам сквозь эту толпу казалось невозможным. Нельзя воспользоваться и местными лодками, потому что не было ни одного моряка. Все сосредоточились на против корабля на набережной, где вот-вот вспыхнет скандал.

Неожиданно Томпсон закричал и стал беспокожно метаться по набережной. Он увидел, что отделившиеся от берега шесть лодок направляются к «Симью». После недавнего случая на Терсейре администратор имел основания опасаться за судьбу корабля. Гребли веслами, три последние лодки явно преследовали три первых.

Ухватив за уключину одну из ближайших лодок, Томпсон влез в нее вместе с Робером, Роже и семьей Линдсей. Лодку быстро отвязали, подняли якорь, и четыре гребца взялись за дело. Их примеру поспешили последовать другие пассажиры. Все кинулись к лодкам, мужчины сели за весла. Почти все англичане умеют грести, и минут через пять небольшая флотилия была в пути.

Добравшись до корабля, Томпсон успокоился. Находящиеся в шести лодках люди были явными врагами, и их соперничество оказалось на руку тем, кто был на корабле. Каждый раз, когда кто-то выдвигался вперед, лодка противной стороны становилась поперек и мешала приблизиться к трапу, охраняемому десятком моряков.

— Что случилось, капитан? — спросил запыхавшийся Томпсон, вскакивая на палубу.

— Ничего не знаю, — флегматично ответил тот.

— Как, вы не знаете, чем вызвана эта заварушка?

— Нет, сэр. Я находился в своей каюте, когда господин Флишип сообщил, что на борт поднялась молодая особа и что из-за этого на набережной собралась толпа. Я не знаю, есть ли связь между этими двумя фактами, малышка говорит на таком жаргоне, что совершенно ничего нельзя понять.

— И что вы сделали с этим ребенком?

— Она в салоне, сэр.

— Я иду к ней, — вдохновенно произнес Томпсон, как будто шел на смерть. — А пока, капитан, наблюдайте порядок на вверенном вам корабле.

Вместо ответа Пип иронически улыбнулся в усы.

Никакой опасности не было. Пассажиры без труда пересекли территорию, разделяющую враждующие стороны, один за другим поднялись на борт. Такую осаду «Симью» мог выдерживать долго.

Было ясно, что новая пассажирка имеет противников на острове и что у нее есть там и сторонники. И помощи их пока хватало, чтобы отбиться от врагов.

Томпсон и Робер вошли в салон. Как и сообщил капитан, на диване, спрятав лицо в ладони и содрогаясь от рыданий, ничком лежала молодая девушка. Услышав, что приближаются мужчины, она живо поднялась и смущенно поприветствовала их, приоткрыв очаровательное личико.

— Мадемуазель,— начал Робер,— вокруг корабля ссорятся люди. Имеет ли это отношение к вашему здесь присутствию?

— Я думаю, что да,— ответила девушка и заплакала еще сильнее.

— В таком случае, прошу вас все объяснить. Как вас зовут?

— Таргела Лобату.

— С какой целью вы прибыли на борт?

— Чтобы искать защиты от моей матери,— решительно ответила молодая жительница Азорских островов.

— От вашей матери!

— Да, она нехорошая женщина. Кроме того...

— Что же еще? — настаивал Робер.

— Кроме того, еще потому, что... Жоакин Салазар...

— Кто такой Жоакин Салазар?

— Мой жених,— ответила Таргела, пряча лицо в ладони.

Робер с досадой покрутил усы. Дело принимало веселый оборот.

— Англичане прибыли на остров совсем не для того, чтобы защищать влюбленных девушек от тех, кто против их изbranников,— нетерпеливо заметил Томпсон.

Робер, однако, рассудил, что некоторых моральных наставлений будет достаточно, чтобы остудить горячую голову юной островитянки.

— Ну, ну, дитя мое,— сказал он примирительно,— возвращайтесь домой. Вы не подумали, как нехорошо противиться своей матери.

Таргела стремительно выпрямилась.

— Она мне не мать,— закричала девушка хрипло, и щеки ее побледнели от гнева.— У меня не было родителей, и меня отдали этой женщине. Я ношу ее имя, потому что нет другого. Но даже если бы она и была мне матерью, то не имела бы права разлучать меня с Жоакином!

Бросившись на диван, Таргела снова залилась слезами.

— Все это печально, сэр,— сказал Томпсон Роберу.— Но история этого ребенка нас не касается, мы ничего не можем для нее сделать. Дайте ей это понять.

Но как только Робер начал об этом говорить, Таргела решительно подняла лицо.

— Вы можете, можете! — закричала она.— Есть закон.

— Закон? — переспросил Робер.

Но как он ни пытался объяснить девушке, что она заблуждается, для Таргелы закон был на ее стороне. Впрочем, если господа англичане хотят получить подтверждение, пусть позовут Жоакина Салазара. Он недалеко. И ответит на все вопросы.

Не дожидаясь ответа, Таргела увлекла Робера на палубу, подвела его к борту и указала с улыбкой, осветившей ее свежее, юное лицо, на рослого молодого человека в ближайшей к кораблю лодке.

— Жоакин, Жоакин,— позвала Таргела.

В ответ раздались крики со всех сторон. Рулевой изловчился и вскочил на палубу парохода, в то время как оставшиеся в лодке продолжали отбиваться от своих противников.

Перед пассажирами стоял красивый парень с решительным и честным лицом. Первым делом он заключил Таргелу в объятия и наградил ее, взяв в свидетели небо, двумя звучными поцелуями, что вызвало вопли во враждебном лагере. Влюбленные стали живо что-то обсуждать. Затем Жоакин, повернувшись к пассажирам, с любопытством наблюдавшим за этой сценой, поблагодарил их за помощь его дорогой Таргеле.

Робер добросовестно переводил. Томпсон недовольно морщился. Какой, однако, дипломат, этот парень! Явно хочет завоевать симпатии экипажа и пассажиров.

Жоакин тем временем продолжал свой рассказ. Таргела говорит правду. По закону Азорских островов молодые люди могут вступить в брак по собственному выбору. Для этого достаточно покинуть жилище родителей, уйдя тем самым из-под их власти, и тогда судья обязан дать влюбленным разрешение на брак. В деталях Жоакин этого закона не знает, но можно немедленно отправиться к судье, и тот даст господам англичанам разъяснение как о нравственной стороне поведения мачехи Лобату, так и относительно прав Таргелы и ее жениха.

На вопрос, почему Таргела выбрала убежище не в доме какого-нибудь друга, а на палубе «Симью», он ответил, что бедняки не имеют друзей. Кроме того, ее мачеха, Лобату, колдунья и ростовщица, держит в руках добрую половину бедняков городских предместий, о чем и свидетельствует происходящее на набережной. На земле Таргелу могли схватить. На борту же «Симью», под защитой благородных англичан, она чувствует себя в безопасности.

Жоакин умолк.

Последний его довод всех убедил. Юноша сразу привлек на свою сторону сэра Гамильтона. Парень бессознательно старался убедить именно этого джентльмена, чопорный и важный вид которого говорил о том, что это самый непреклонный слушатель. И действительно, сэр Гамильтон растаял. Слушая Жоакина, он одобрительно кивал головой.

Томпсон, не зная как поступить, бросал на всех вопросительные взгляды.

— Что вы об этом думаете, капитан? — спросил он.

— Гм... — ответил капитан, оборачиваясь.

Позади, как всегда, стоял верный Артимон.

— Вы, английский джентльмен, — спросил он своего старого друга, — вы отказали бы в помощи женщине?

— Гм... — произнес в свою очередь Томпсон, растерянно глядя на пассажиров.

— Право же, господа, — выступила вперед Элис Линдсей, — я думаю, ничего не предвещая, нам следует сделать то, о чем просит молодой человек. Надо пойти к судье, и пусть он объяснит нам наши обязанности.

— Будь по-вашему, миссис Линдсей, — воскликнул Томпсон. — Агентство ни в чем не отказывает своим пассажирам!

Раздались одобрительные возгласы. Видно, молодая пара всем понравилась. Но сэр Гамильтон в этих разговорах уже не участвовал. Раз инициатива перешла к американке, дело перестало его интересовать. Пусть эти португальцы и американцы разбираются сами. Англия в его лице умывает руки.

— Однако, — продолжал Томпсон, — это предприятие лучше перенести на послеобеденное время. Самое трудное — перейти черту, разделяющую враждебные стороны. Дорогой профессор, поручите задачу молодому человеку.

— Я берусь это сделать, — объявил Жоакин.

Подойдя к релингам, он заговорил с осаждающими. Как только стало ясно, что речь идет не о похищении с помощью иностранцев, а о законном решении суда, все сочли нужным подчиниться, причем каждая сторона думала, что она одержала победу.

Все стали расходиться, и, когда после обеда Томпсон и Робер вместе с Жоакином высадились на набережной, там было спокойно.

Все же в приемную судьи они прибыли в сопровождении большой толпы людей. Судьи не оказалось на месте, его пошли искать. Вскоре пришел человек средних лет, лысый, с лицом цвета жженого кирпича, свидетельствующим о желчном и раздражительном характере. Очевидно, раздосадованный непредвиденным делом, он стал задавать вопросы своим поздним визитерам довольно резко.

Робер изложил суть дела. Но как ни был он краток, нетер-

пеливому судье и это показалось многословно. Его пальцы выбивали яростный марш на столе.

— У Лобату,— как бы телеграфно выбивал он слова,— репутация, достойная сожаления. У Жоакина Салазара и девицы Таргелы — репутация безупречная. У нее полное право искать убежище там, где заблагорассудится, и выходить замуж за кого угодно. Таков закон. Но я не могу дать распоряжение без личного подтверждения Таргелы, устного или письменного.

— Вот оно.— Жоакин протянул судье письмо.

— Хорошо,— одобрил тот и, схватив перо, сделал записи на листе бумаги.— Сегодня двадцать второе, бракосочетание двадцать пятого. Подпись: Паблу Терраро, церковь Святого Антония.

Судья встал и яростно поставил печать. В кабинет вошли два полицейских.

— Всего хорошего, господа,— сказал судья, и трое просителей очутились на улице.

— Вот дело и сделано, мой дорогой,— сказал Робер Жоакину.— Через три дня вы женитесь на Таргеле.

— О, господа, как я смогу вас отблагодарить? — воскликнул Жоакин, горячо пожимая руки своим благодетелям.

— Тем, что сделаете вашу жену счастливой,— ответил Робер смеясь.— Но как вы будете устраивать свадьбу?

— А что? — спросил Жоакин удивленно.

— Ну, вы не боитесь этих беснующихся на набережной?

— Ба! — беззаботно воскликнул молодой человек, показывая свои руки.— У меня есть вот это.

И, насвистывая танцевальную мелодию, он скрылся в темных улицах столицы Сан-Мигеля.

ГЛАВА X,

свидетельствующая о благоразумии Джонсона

Остров Сан-Мигель имеет в плане форму длинного кувшина. В центре, у двух ручек, в самой узкой части кувшина расположены города: Понта-Делгада на юге и Рибейра-Гранди на севере. Удобная дорога, не поднимающаяся выше двухсот метров, соединяет эти почти равные по числу жителей города, расстояние между которыми приблизительно восемнадцать километров.

Остальная часть острова, и справа и слева, представляет собой более возвышенную местность.

На ознакомление с восточным побережьем должно было хватить первого дня. На второй день, после ночи, проведенной в Рибейра-Гранди, куда предполагалось доставить ездовых животных, предстояло путешествие по западной части острова.

Учитывая извилистость дороги, планировалось делать каждый день около сорока километров. Это будет довольно трудно. Получив такие сведения от Робера и местных гидов, Томпсон решил перенести час выступления в путь с восьми часов утра, что предусматривалось программой, на шесть тридцать.

На это Гамильтон и Саундерс отреагировали бурной сценой, снова выражая недовольство изменением в программе.

— Запомните, сэр,— заключил Саундерс, растягивая слова.— Я не вый-ду в шесть с по-ло-ви-ной ча-сов!

— Я тоже,— заявил барон,— равно как и моя жена и дочь. Мы поймемся на набережной ровно в восемь часов, как указано в программе, и рассчитываем увидеть там необходимые транспортные средства.

Требования Гамильтона и Саундерса были обоснованны, но, несмотря на стремление ладить со всеми пассажирами, в отношениях с этими двумя Томпсон начинал терять терпение. Поэтому ограничился тем, что сухо откланялся, не удостоив их ответом.

Оставив на борту прекрасную Таргелу, колонна путешественников по сигналу Томпсона ровно в семь часов двинулась в путь. Многие, однако, отсутствовали.

Это были, конечно, молодожены, напуганный возможными землетрясениями Джонсон, как нетрудно догадаться, Гамильтон и Саундерс, а также три пассажирки, возраст которых не позволял предпринимать длительные и утомительные экскурсии.

Колонна насчитывала пятьдесят четыре туриста, включая дона Игину да Вега. Его братья предпочли остаться на корабле.

Блокхед отправлялся в путь вместе со всеми благодаря настояниям дона Игину. Томпсон намеревался его изолировать, но португалец пообещал, что к завтрашнему утру большой избавится от своего недуга. Почтенного бакалейщика приняли в общество только при условии, что он будет держаться на расстоянии ста метров от туристов. Он следовал за всеми в одиночестве, со своим мулом и погонщиком, но совсем не сетовал на судьбу. Блокхед был из тех людей, кто видит в происходящем прежде всего положительную сторону. По характеру он счастливо отличался от сварливого Гамильтона.

Направляясь на восток, туристы в восемь часов оказались в сельской местности. Было полное впечатление, что они опять в окрестностях Орты. Те же поля зерновых культур и овощей. Те же породы растений. Но между островами существовало и различие, и оно было в пользу Сан-Мигеля. Здесь не остался невспаханным ни один метр плодородной земли. Не было корявых деревьев. Всюду великолепные хвойные леса, выращенные благодаря постоянным заботам местных властей. Они уже

пятьдесят лет культивировали посадки на все новых и новых территориях.

В полдень караван вышел на большую долину.

— Долина Фурнаш,— сообщил проводник.

Окруженная цепью гор с голыми вершинами, долина имела форму большого круга радиусом примерно три километра. К юго-востоку линия гор, прегражденная речкой, опускалась. Туристы поднялись по этой речке до теплых источников Рибейра-Кенти, что значит горячая речка. На ее берегах возделывались ранние овощи. Путешественники находились вблизи деревни, ее позолоченные солнцем крыши они увидели издалека.

Это был замечательный уголок земли. Со всех сторон пробивались источники, горячие и холодные, но все насыщенные минеральными солями. Те, что не больше едва заметных струек, туземцы называли «ольяш». Другие отличались большими размерами. Один из них вливался в бассейн, имеющий форму раковины. Источник с шумом низвергался с метровой высоты, образуя водопад кипящей воды, где температура достигала 105 градусов по Цельсию. Все вокруг было наполнено серными испарениями, покрывающими почву и траву, растения и цветы окаменевшей коркой.

Блокхеду по настоянию Томпсона и предписанию дона Игину следовало вдыхать эти испарения. Таков был курс лечения в традициях народной медицины острова Сан-Мигель.

Средство оказалось сильнодействующим. Жар источника едва можно было терпеть даже на расстоянии. Блокхед, однако, не колебался и смело исчез в клубах пара. Он не имел ничего против такого необычного способа врачевания.

Когда Блокхед вышел из парилки, то никто не понял, вылез ли он или нет, но было видно, что проварился основательно. Багровый, в поту, стекающем с лица на землю, он представлял собой жалкое зрелище.

Но это еще не все. По предложению дона Игину туристы остановились около другого источника, находящегося в двенадцати метрах от первого. Он был еще страшнее, чем первый, и кипел в глубине пещеры. Местные жители называли пещеру путем, ведущим в ад. Вода свистела ужасающе, а вокруг скопилось огромное количество мыльной грязи. На нее и рассчитывал дон Игину, чтобы окончательно вылечить больного.

Блокхед, раздевшись, несколько раз окунулся в грязь, температура которой достигала, по крайней мере, 45 градусов по Цельсию. Несчастный с трудом переносил купание. Его жалобные вопли перекрывал дружный смех немилосердных спутников. Ответом на этот смех были звуки, похожие на рычание.

Из пещеры валил густой дым, прочерчиваемый языками огня. Столб воды вздымался вверх и падал горячими брызгами на самых смелых зрителей.

Но и они не выдержали и отошли подальше. Чтобы вернуть

им смелость, потребовались настоятельные заверения гидов: нельзя пропустить это редкое зрелище, тем более что объяснения этому явлению не может дать никто.

Блокхед ловко воспользовался суматохой и незаметно для всех избавил себя от дальнейшего пребывания в грязевых ваннах. Он уже купался в Рибейра-Кенти. Воды ее, достаточно теплые, ему казались просто ледяными.

Действительно ли метод дона Игину обладал врачующим действием? Или же болезнь Блокхеда была мнимой? Этот вопрос не занимал никого. Главное, почтенный бакалейщик считался теперь здоровым и был принят в общество.

Колонна выстроилась сразу после завтрака, приготовленного в деревне и во многом напоминающего фаяльское сельское пиршество. Уже собирались отправляться в путь, когда в деревню вошел второй караван.

Он состоял только из восьми человек. Но что это были за люди! Не кто иные, как Саундерс, семья Гамильтон и их четыре погонщика, пустившиеся в путь точно по расписанию, то есть на полтора часа позже.

Саундерс и Гамильтон, сойдя с ослов, подошли к Томпсону. Тот, не замечая их, насвистывал мелодию.

— Можем ли мы здесь позавтракать, сэр? — спросил Саундерс.

— Право слово, не знаю, — ответил Томпсон небрежно. — Если вы обратитесь к тому вон хозяину на пороге харчевни, он, возможно, накормит вас... если только дамы и господа что-нибудь после себя оставили.

Томпсон подымал голову, освобождаясь от ига. Гамильтон был чрезвычайно удивлен этими попытками обрести независимость. Какой взгляд он бросил на Томпсона! В этот миг Саундерс с вожделием подумал, что за неимением другого блюда барон начнет свою трапезу с самого администратора.

Однако Томпсон повернулся к сэру Гамильтону спиной и дал колонне знак отправляться.

Покинув долину Фурнаш, караван некоторое время шел берегом озера, носящего то же имя и образованного во впадине кратера.

Туристы поднимались по извилистой тропинке, она постепенно вывела их к верхнему плато. Подъем был достаточно утомительным. Копыта животных ступали по хрупкой и сухой траве, усыпанной серой золой, хрустевшей, как смятое накрахмаленное бельё.

— Лагуна¹ Лагу-Секу, — объявил проводник.

— Сухое озеро, — перевел Робер. — Мы на месте остывшего кратера, бывшего озера протяженностью двести гектаров и

¹ Лагуна — неглубокий естественный водоем, соединенный с морем узким проливом.

глубиной тридцать метров. Озеро в свою очередь исчезло, и кратер был выровнен после извержения тысяча пятьсот шестьдесят третьего года, разрушившего эту часть острова. Во время извержения в недра земли обрушилась целая гора. Там теперь простирается озеро Фогу — озеро Огня. Мы его сейчас увидим.

И действительно, они его увидели, так же, как и много других. Озера возникали на месте кратеров, одни из них достигали от ста до двухсот метров глубины, другие только двух или трех метров.

Со временем панорама становилась однообразней.

Уже поздней ночью туристы по крутым тропинкам спустились в город Рибейра-Гранди. Разбитые усталостью, они без аппетита поели в маленькой гостинице, где смена верховых животных ждала их для завтрашней экскурсии. Затем потребовали ночлега. Но в Рибейра-Гранди не было ни одной большой гостиницы, чтобы разместить столь многочисленное общество. Пришлось разделить и устроиться в разных местах.

— Отправление завтра в семь часов, — объявил Томпсон.

Но увы! Скольких на следующий день не хватало! Предстояло их будить и собирать. Томпсон и Робер метались по городу в поисках опаздывающих, а это часто оказывалось напрасной тратой времени. Все чувствовали себя очень усталыми и жаловались на полчища клопов, не дававших им спать. Томпсон и его помощник едва собрали всех путешественников. От внушительного каравана осталось двадцать два туриста! И большая часть этих энтузиастов имела жалкий вид.

Среди не сдающих позиции, естественно, была семья Линдсей. Этих закаленных путешественников не могли напугать сорок километров пути. Равно как и Роже де Сорга, верного кавалера вечно смеющейся Долли. Как и Блокхеда и его семью. Мог ли почтенный бакалейщик упустить возможность повосхищаться! Кое-как он растолкал жену и дочерей. Те, еле поднявшись, нашли все же силы увлечь за собой Тигга.

Что касается Саундерса и трио Гамильтонов, явившихся с опозданием ровно на полтора часа, то они не отказались бы ни от одного пункта программы, приняли бы во всем участие, живые или мертвые. Верные своим непоколебимым принципам, они собирались отправиться в путь ровно в назначенное время.

Так как программа предусматривала отправление в восемь часов, то ровно в восемь часов они и оседлали своих ослов.

Поредевшая колонна покинула Рибейра-Гранди. Прибыв накануне слишком поздно, туристы не успели получить представление о городе, насчитывающем тринадцать тысяч человек. Стоило ли об этом сожалеть? Вряд ли. Кроме тех же источников, уж конечно не более примечательных, чем источники горячей долины, в городе не было ничего интересного.

Дорога проходила по плоской местности, изредка пересе-

каемой вулканическими конусами. Но вскоре она стала подниматься вверх — снова начались горы. Засаженные лесами склоны говорили об упорном человеческом труде, ни один клочок плодородной земли не был заброшенным.

Западный округ оказался населенным. То и дело встречались крестьянские семьи. Впереди обычно шествовал муж. Жена шла на десять шагов позади. Женщины были как призраки — робкие, незаметные, закутанные в широкие одежды с капюшоном, таким же, как на Фаяле, большим, но еще глубже надвинутым на голову. Увидеть их лица было невозможно. Проходя по одной деревне, туристы с удивлением увидели, как при их приближении женщины отворачиваются к стене.

— Они, наверное, некрасивые, — заметила Долли, по-своему, по-женски объясняя эту стыдливость.

При выходе из деревни дорога превратилась в тропинку. Метров на четыреста выше себя туристы отчетливо увидели гребень горы, постепенно исчезающей за горизонтом. С трудом поднявшись по узкой змеевидной тропе, они добрались до ровной площадки, но там все запросили отдыха. С утра было пройдено двадцать километров. И животные и седоки выбились из сил.

Через четверть часа колонна собиралась продолжить путь, как вдруг на вершине горы послышался шум. Одновременно появилось облако пыли, оно быстро перемещалось, следуя за изгибами тропинки.

Необъяснимый шум все усиливался. Раздавались странные звуки: то ли лай, то ли завывание, то ли блеяние. Даже проводники встревожились.

Заведя ослов в старое заброшенное строение, оказавшееся поблизости, путешественники почувствовали себя в безопасности. Запоздал один лишь Блокхед. Животное его находилось за углом дома, когда налетел ураган. В одно мгновение почтенный бакалейщик был сметен вихрем. Он исчез.

Его спутники закричали от ужаса.

Смерч умчался, неся свою разрушительную ярость дальше, и все увидели, что Блокхед, чихая, поднимается с земли. Никаких видимых ушибов на нем не было заметно.

Все бросились к нему. Он не выглядел ни смущенным, ни испуганным, на его лице можно было заметить лишь удивление. Он зачарованно проводил взглядом вихрь пыли, несущийся по склону.

— Что за свиньи! — воскликнул он с явным восхищением.

Конечно, то, что с ним случилось, приятным назвать нельзя, но его спутники нашли эти слова слишком уж крепкими. Нужно, в конце концов, выбирать выражения! Дамы отвернулись, сдерживая смех.

Тем не менее Блокхеда следовало оправдать. Он действительно был атакован стадом настоящих свиней. Что же каса-

ется причин паники, превратившей этих обычно спокойных животных в неуправляемое стадо, то и сами проводники не могли ничего понять.

Туристы достигли гребня в полдень. Величие представшего взору зрелища, похожего на то, что видели на Фаяле, заставило их застыть на месте.

Картина превосходила все, что может представить себе человеческое воображение. Земля разверзалась в форме чаши глубиной в четыреста метров, образуя удивительно правильный овал в двадцать восемь километров по окружности. Внутренние склоны, поросшие самой удивительной растительностью, постепенно спускались внутрь своеобразной долины, в середине которой была видна освещенная солнцем красивая деревня и два озера небесной голубизны.

Взгляд свободно охватывал весь остров целиком, следуя дальше, за пределы этой бездны. На севере — склоны, усеянные апельсиновыми рощами, затем поля и дома. К востоку взгляду открывалась гряда горных вершин и сельская местность, то цветущая, то изборожденная дикими черными оврагами. За побережьем Сан-Мигеля виднелось огромное зеркало моря, смутные контуры Терсейры на северо-западе и Санта-Марии на юго-востоке.

Поскольку времени на длительную остановку не было, путники быстро направились к деревне. По мере приближения очарование мало-помалу проходило и скоро исчезло совсем. Деревня, кажущаяся издали обманчиво красивой в лучах солнца, вблизи была грязной и бедной.

— Семь Градов,— объявил Робер.

Это пышное имя как нельзя более не соответствовало нагромождению жалких лачуг.

— Только бы нам дали здесь поесть,— проскрипел зубами Роже.

Небогатых запасов деревни вполне хватило на немногочисленную группу туристов. Через полтора часа, кое-как восстановив силы, тронулись в обратный путь. О том, чтобы осмотреть вулканы, овраги, пропасти в долине кратера, полюбоваться живописными каскадами, не могло быть и речи. Не хватало времени.

— Мы путешествуем по-английски,— весело сказал Роже своему соотечественнику.— Зачем любоваться чем-то сверх нормы, если положенное по программе количество километров уже пройдено!

Деревню Семь Градов от Понте-Делгады отделяло около одиннадцати километров. Путешественники вышли после обеда в три часа и должны без труда пройти это расстояние до захода солнца.

Они следовали теперь по южным склонам долины, огляды-

ваясь время от времени на деревню. По мере удаления она становилась все привлекательнее.

Во время первой половины пути никто не обмолвился и словом. Вцепившись в шею мулов, скорчившись в седлах, путешественники молчали, поглощенные тяжелым подъемом по каменистой дороге. И какое облегчение все испытали, когда за гребнем пахнуло свежим бризом океана. Языки развязались. Ну о чем же еще могли они говорить, если не о только что увиденном?

— Разрешите осведомиться, дорогой профессор,— спросил Томпсон у Робера,— каково происхождение той бездны, мимо которой мы только что проходили, и откуда появилось имя «Семь Градов»?

— Происхождение ее,— ответил Робер,— все то же. Это потухший вулкан, кратер его наполнен дождями. Только этот кратер значительно больше, чем другие, вот и все. Что касается имени «Семь Градов», то, очевидно, это воспоминание о Семи Городах, основанных на фантастическом острове Антилия семью легендарными епископами, сосланными из Португалии во время нашествия мавров. По преданию, города, основанные епископами, погрузились в море вместе с островом. Назвав так кратер, возникший одновременно с землетрясением и извержением тысяча четыреста сорок пятого года, народ, очевидно, хотел увековечить память об этом событии.

— Так недавно! — воскликнул Томпсон испуганно, став сразу похожим на Джонсона.— Я думал, что подобные явления давно уже прекратились.

— И да и нет,— сказал Робер.— Очень сильные извержения имели место в тысяча пятьсот двадцать втором и тысяча шестьсот пятьдесят втором годах. Остров Сан-Мигель и особенно западная его часть, где мы находимся, более всего подвержены вулканическим воздействиям. Последнее серьезное пробуждение вулкана датировано тысяча восемьсот одиннадцатым годом. Это достаточно недавно.

— То есть девяносто девять лет назад! — воскликнул все более взволнованный Томпсон после непродолжительного подсчета.

— Не более,— подтвердил Робер.

Но Томпсон хотел гарантий.

— Думаете ли вы, господин профессор, что подобные катастрофы могут повториться?

— Об этом я ничего не знаю,— с улыбкой ответил Робер.— Известно, что на Азорах вулканическая деятельность имеет тенденцию к затуханию. Тем не менее...

Робер не успел закончить фразу. Люди и лошади внезапно смешались в кучу, как будто потеряв опору под ногами. В один миг все вскочили на ноги.

— Вот вам и ответ,— сказал Робер Томпсону.

Один из проводников вдруг испустил крик ужаса и со всех ног кинулся в долину.

Туристам действительно грозила страшная опасность. Прямо под ними земля задвигалась в ужасающих конвульсиях. Она колыхалась, сталкивая между собой тяжелые валы песка, слышался шум, похожий на рычание тысяч диких зверей. Солнце спряталось в тусклом облаке пыли.

Несчастные путешественники находились в тот момент между двух огромных скал, отвесные стены их образовали что-то вроде коридора шириной примерно пятьсот метров. Вслед за проводниками все бросились к скале, под укрытие выступа. И сделали это вовремя.

По склону уже неслись, раскалываясь, комья земли. Кусок горы отвалился и падал. Обвал с каждым метром набирал силу и скорость. От шума закладывало уши.

Сердца туристов замирали от ужаса.

Очень скоро защищающая их скала была снесена водоворотом камней и стала одним из снарядов, бомбардирующих долину. Теперь путешественникам негде было укрыться, они остались беззащитными и поток камней как разъяренное стадо катился в нескольких метрах от них.

Это продолжалось секунд двадцать. Природа давно уже обрела обычное великолепное спокойствие, а испуганные свидетели катаклизма¹ все еще не могли прийти в себя. Одни лежали под огромной стеной, другие, крестясь, стояли спиной к скале, в нечеловеческом усилии пытаясь сделаться меньше.

Первой вернулась к действительности Элис Линдсей. Она внезапно обнаружила, что находится в щели между огромными камнями. Как она здесь очутилась? Кто ее сюда привел? Деверь? Или скорее всего Робер? Он, не отдавая себе в этом отчета, защищал ее, закрывая своим телом!

— Вот уже во второй раз, если вспомнить события на Терсейре, я должна выразить вам свою благодарность,— сказала Элис.

Робер, казалось, не понял ее.

— Но, мадам, разве не сделал бы любой другой в подобных обстоятельствах то же самое?

Этот разговор вывел спутников из парализовавшего их столбняка. Все встряхнулись, скинули с себя оторопь.

Нельзя было теперь и думать о том, чтобы идти в Понта-Делгаду по тропинке. Из-за обвала склон горы, по которому предстояло спускаться, усеивали обломки. Серьезным обстоятельством было и то, что большинство животных погибло. На оставшихся посадили женщин и с предосторожностями трону-

¹ Катаклизм — крутой разрушительный переворот, катастрофа.

лись вперед, ступая по неровному пути, заваленному глыбами земли и камней.

Перед отправлением проводники стали звать своего исчезнувшего товарища. Их призывы остались без ответа. Очевидно, в своем безумном бегстве к долине несчастный был застигнут камнепадом и спал теперь под тяжелым покровом земли и глыб двадцатиметровой толщины.

Следовало торопиться, ведь происшедшее могло повториться. Но продвигались в таких условиях медленно. До Понта-Делгады еще десять километров. Это расстояние прошли за два часа и без двадцати девять, валясь от усталости, но целые и невредимые, путешественники поднялись на борт «Симью».

Их спутники, Саундерс и Гамильтоны, вернувшись по дороге, уже давно находились на корабле. Они очень порадовались своей пунктуальности, когда узнали о том, что произошло.

Но больше всех торжествовал, конечно, Джонсон, его решение не покидать корабль оказалось не таким уж неумным.

— Кажется, сэр,— обратился он без всяких церемоний к Роберу,— вы чуть не остались там сегодня навсегда?

— Действительно так.

— И со мной было бы то же самое, если бы я имел глупость за вами последовать?

— Возможно, сэр,— ответил Робер.— Соблаговолите все же заметить, что мы все вернулись.

— Кроме проводника, насколько мне известно,— возразил Джонсон.— Его участь постигнет других в следующий раз. Но скажите, пожалуйста, после Сан-Мигеля мы идем на Мадейру, не так ли?

— Да, сэр, на Мадейру,— ответил Робер, еще не зная, куда клонит этот оригинал.

— А там тоже случаются землетрясения?

— Не думаю,— сказал Робер.

— Таким образом, нам совершенно ничего не угрожает на этом прекрасном острове?

— Ну да,— ответил Робер,— ничего, кроме разве что наводнений.

— Наводнений? — перебил его Джонсон.— Вы сказали: наводнений. Так вот, сэр, запомните, пожалуйста,— добавил он, скандируя слова.— Нога моя не ступит на ваш проклятый остров Мадейра!

И неисправимый перестраховщик, повернувшись, ушел в салон, громко требуя аперитив.

Если Джонсон торжествовал, то Томпсона ожидала большая неприятность.

Едва он поднялся на борт, как к кораблю подошла большая лодка. В мгновение на палубе оказалось около двадцати полицейских во главе с офицером.

— Сэр,— строго сказал офицер на сносном английском

языке, — в порт прибыл сторожевик «Камозэн», и мы узнали о том, что произошло на рейде в Ангре. Мне не хочется говорить о внешнеполитической стороне этого события, это дело дипломатов. Мое дело — найти воров. Ваше поведение заставляет думать, что вы их скрываете. Поэтому мы запрещаем вам и вашим пассажирам покидать корабль и входить в контакт с жителями до того, пока на корабле не произведут обыск.

Эту речь офицер произнес тоном, не допускающим возражений. Англичане порой ведут себя вызывающе. В данном случае об этом нечего было и думать. Томпсон только лишь спросил:

— Когда обыск?

— Завтра.

— И на какое время придется задержаться?

— Не знаю. Но думаю, пока не будут найдены злоумышленники. Приветствую вас, господа.

С этими словами офицер дотронулся рукой до фуражки и сел в лодку, оставив Томпсона в полном отчаянии.

ГЛАВА XI

Свадьба на острове Сан-Мигель

Следующее утро на борту было невеселым. Туристы думали о том, что могли бы уехать еще накануне, до встречи с португальской полицией, если бы не потеряли целый день до прибытия на Фаял. Никто и подумать не мог о таком. Можно ли было предвидеть, что сторожевик догонит беглецов на Сан-Мигеле?

Лишь немногие пассажиры приняли случившееся спокойно. Большинство же не церемонясь высказывало недовольство и возлагало ответственность на Томпсона, хотя он и сам оказался жертвой. Зачем надо было так открыто противиться властям острова Терсейра? Если бы действовали осмотрительнее, все было бы иначе.

Более того, если вернуться к самому началу, то вина агентства станет еще более очевидной. Если бы вопреки программе пароход не прибыл на Фаял на день позже семнадцатого, то от острова Терсейра они отплыли бы раньше и, следовательно, пассажиры не попали бы в эту бессмысленную историю с ворами, которая еще неизвестно чем кончится.

Самые непримиримые, Саундерс и Гамильтон, более всех настаивали на последнем обвинении. Это соображение, как ничто иное, подтверждало безусловный смысл их пунктуальности. Они громко рассуждали о последствиях нарушения программы в кругу одобряющих их спутников, среди них со своей постоянной трубкой был и Ван Пипербум из Роттердама.

Понял ли голландец, в какую попал историю? Во всяком

случае, он не скупился на одобрительные жесты, не понимая, впрочем, ни слова в длинных речах лидеров оппозиции.

Среди яростных обвинителей оказался и дон Игину. Он выходил из себя от гнева. Что за потребность в перемене мест двигала португальцем? Какое значение имела для него задержка, если было видно, что он не знает, куда девать время?

Томпсон ходил мимо враждебно настроенных пассажиров с побитым видом. Он вынужден был слушать, как не переставая брюзжит Саундерс. Предложить людям приятное путешествие сроком на месяц, взять с них солидную сумму, а затем запереть на неопределенное время в порту Понта-Делгады — здесь было от чего рассердиться и самым терпеливым. Он чувствовал и видел, что еще немного — и от него откажутся те, кого он до сих пор считал своими сторонниками. Некоторые другие, например, священник Кули, не высказывались так яростно и агрессивно, как Гамильтон и Саундерс, но постоянно давали понять, что, если положение в ближайшее время не изменится, они откажутся от путешествия и первым же рейсовым пароходом вернутся в Англию. Это был тревожный сигнал.

На чью поддержку перед лицом своих недоброжелателей мог рассчитывать Томпсон? Только на Блокхедов. Они не подвергали сомнению восторженное отношение ко всему происходящему главы семьи. Почтенный бакалейщик всегда улыбался и заявлял всем, кто его слушал, что не будет огорчен, если начнутся дипломатические осложнения.

Семья Линдсей и Роже занимали нейтральную позицию — ни за, ни против администрации. Их совсем не волновало то, что беспокоило их спутников. В Понта-Делгаде Элис и Долли получали удовольствие как от взаимного общения, так и от общества веселого французского офицера.

Роже совсем вытеснил нелюдимого деверя Элис. Жизнь на корабле благоприятствовала этому. Де Сорг уже не расставался с обеими сестрами, и их дружба стала предметом многих досужих разговоров. Но какое это имело значение для американок, привыкших к жизни, свободной от условностей? Роже также совершенно не обращал внимания на сплетни. Неистощимый оптимизм француза постоянно сопровождал сестер. Их общение то и дело прерывалось взрывами смеха. И сейчас происходящее было тоже лишь предлогом для шуток: Роже без конца потешался над тем, как «безукоризненно» организовано путешествие.

Робер постепенно становился ближе к этим трем спутникам. На расположение и доброжелательность соотечественника он отвечал тем же. Его постоянно влекло к Элис, проявлявшей к нему явный интерес. Скромный переводчик все больше и больше оправдывал лестное мнение о себе трех пассажиров. Он полюбил разговоры, очарование которых чувствовал все

больше и больше. Этому способствовали его частые встречи с сестрами.

Томпсон, даже считая своими сторонниками людей нейтральных, вынужден был признать, что его ряды поредели. Он ломал голову, как выйти из трудного положения с полицейскими. Первым движением было намерение обратиться к британскому консулу. Но запрет вступать в контакт с берегом делал это невозможным. Томпсон безуспешно пытался поговорить с лейтенантом, командиром полицейского отряда на борту «Симью». Но тот ответил, что до обыска помочь ничем не может.

Капитан Пип издала присутствовал при этих разговорах. Не слыша слов, он догадывался об их смысле и гневно теребил свой нос, в то время как его глаза делались ужасающе большими и косили. То, что его судовладелец унижался перед этим португальским полицейским, было, по разумению честного капитана, недостойно. Если бы Томпсон посоветовался с ним, то бывалый моряк, конечно, предложил бы ему какой-нибудь выход, вроде того, чтобы гордо уйти днем под пушками фортов.

Но Томпсон не прибегал к услугам лихого капитана. Он пытался примирить и удовлетворить всех.

Самой нетерпеливой была Таргела. Если бы не эти события, она стала бы уже женой Жоакина. Она горела желанием уговорить неумолимого офицера, полагая, что по отношению к ней он может оказаться не таким непреклонным. Она решилась на этот шаг, когда увидела, что Жоакин со своей лодки делает ей отчаянные знаки.

Таргела решительно направилась к лейтенанту и рассказала ему, в каком положении она оказалась из-за ареста корабля. И, то ли поверив в ее правоту, то ли из-за того, что эта история получила огласку на острове, то ли просто из-за прекрасных глаз просительницы, офицер уступил. Он послал на берег эмиссара¹, и тот вскоре вернулся с приказом высадить Таргелу, но с условием, что на набережной ей устроят самый тщательный обыск. Это условие убедило в строгости и жесткости карантина² даже тех, кто до сих пор не склонен был принимать дело всерьез.

Молодая девушка сразу же воспользовалась свободой. Прежде всего она поблагодарила Томпсона и Элис Линдсей. Американка была к ней особо благосклонна, и Таргела пригласила ее и всех ее спутников на свою свадьбу.

Томпсон на приглашение ответил лишь неопределенной

¹ Эмиссар — лицо, специально посылаемое с поручением, как правило секретным.

² Карантин — санитарный пункт для осмотра лиц, судов и товаров, прибывающих из местностей, где есть какая-либо эпидемия; также — задержка выхода судов из портов, пораженных эпидемией.

улыбкой, Элис же его приняла, но, конечно, с учетом обстоятельств.

Выполнив долг благодарности, Таргела радостно упорхнула.

Было около четырех часов, когда в большой лодке прибыли трое, по всей видимости магистры¹. Их сопровождали три женщины. Среди прибывших Томпсон сразу же узнал немого судью, с ним администратор имел дело два дня назад. Именно судья произнес слово, тотчас же переведенное Робером.

— Обыск,— коротко бросил он, поднявшись на палубу.

Томпсон молча поклонился и полностью предоставил ход дела новоприбывшим. Перед тем как приступить к обыску, они задержались ненадолго у наружного трапа, оглядев весь корабль внимательным взглядом.

Затем судья попросил Томпсона позвать пассажиров на палубу. Так как это уже произошло, Томпсон ограничился тем, что жестом указал на обступивших их обеспокоенных путешественников.

— Господа,— объявил судья,— на Терсейре совершена кража на сумму шесть миллионов франков. Поймавшему вора назначена премия в шестьдесят тысяч франков. Вы понимаете теперь, какое значение правительство придает этому происшествию, возмутившему наше набожное население. В связи с подозрительным поведением вашего судовладельца и капитана,— при этих словах капитан обменялся с Артимом взглядом, выражающим презрение, и с высоты капитанского мостика презрительно плюнул в море,— мы склонны предполагать, что вор скрывается среди вас. Вы все заинтересованы, следовательно, в том, чтобы подчиниться инструкциям, которые я уполномочен вам передать и которые в случае необходимости я заставляю выполнять с применением силы.

Судья сделал паузу. Эту, очевидно, заранее подготовленную речь он произнес на одном дыхании. Теперь он снова возвращался к своей обычной отрывистой краткости.

— Пассажиры — на верхнюю палубу,— сказал он, поворачиваясь к Томпсону,— экипаж — на полубак². Вас будут охранять мои люди все то время, пока мы будем осматривать корабль.

В соответствии с этим приказом, переведенным Робером, все, включая капитана, гневно жующего усы, собрались на верхней палубе, в то время как экипаж сгрудился на полуба-

¹ Магистр — ученая степень.

² Полубак — носовая часть верхней палубы называется бак; часть ее надстроек наполовину возвышается над палубой, а нижняя утоплена под ней.

ке. Один из пассажиров незаметно отделился от остальных и направился в свою каюту. Этим пассажиром был дон Игину.

Что собирался он делать в глубине корабля? Почему не подчинился приказам португальского правительства? Может, он просто отправился к братьям, ведь их не было на палубе?

— Все пассажиры в сборе? — спросил судья. — Сделайте перекличку.

Томпсон подчинился. Но в конце проверки на имена дона Игину, дона Жакопу и дона Криштофу да Вега никто не отозвался.

Судья нахмурил брови.

— Позовите этих господ, — приказал он.

Слуга, посланный за братьями, привел их. Они были явно не в своей тарелке и выглядели так, будто недавно дрались.

— Почему вы не вышли вместе со всеми? — строго спросил судья.

Как обычно, дон Игину ответил за всех.

— Я и мои братья не знали о вашем присутствии на борту, — спокойно ответил он.

— Гм, — отозвался судья.

Робер мог бы поклясться, что видел португальца среди пассажиров, однако предпочел ни с кем пока не делиться этим наблюдением.

Судья продолжал допрашивать братьев.

— Вы португальцы, господа? — спросил он.

— Да, — ответил дон Игину.

— Вы сели на корабль в Лондоне?

— Нет, на острове Терсейра, — возразил Игину.

— Гм, — второй раз отозвался судья, бросая на дона Игину пронизывающий взгляд. — И у вас ни с кем из пассажиров нет личных отношений?

Гамильтон внутренне кипел, присутствуя при этом невыносимом допросе. Разве так обращаются с джентльменами? Он не мог этого выдержать.

— Извините, — перебил он, — у сеньора да Вега есть здесь друзья, и он найдет поручителей.

— С кем имею дело? — спросил педантичный судья. Гамильтон выпрямился.

— С бароном Джорджем Гамильтоном, — ответил тот высокомерно.

Судью это несколько не смутило.

— Очень хорошо, сэр, очень хорошо, — сказал он спокойно.

Затем, настоятельно рекомендуя пассажирам ни под каким предлогом не уходить с палубы, он исчез в одном из люков. Дон Игину обменялся с Гамильтоном теплым рукопожатием.

Начался обыск. Полицейские последовательно обшарили трюмы, машинное отделение, каюты. В ходе тщательного по-

иска, проводимого чиновником, судя по его виду человеком чрезвычайно проникательным, осмотрели все потаенные углы и закоулки.

Пассажирам пришлось ждать довольно долго. Прошло два часа, когда судья впервые появился на палубе. Второй раз он появился в начале седьмого. По его нахмуренному виду можно было понять, что ничего не нашли.

— Господа,— сказал он, ступая на палубу.— Сейчас мы будем обыскивать палубу и снасти. За это время, дамы и господа, соблаговолите позволить моим людям осмотреть себя.

Поднялся ропот возмущения. Кольцо полицейских стянулось туже.

— Вы скоро будете свободны,— сказал судья,— сопротивляющихся уведем с собой и изолируем, пока правительство не примет о них решение. Начните переключку.

Сопротивление было бессмысленно. Один за другим пассажиры заходили в каюты и подвергались осмотру. Теперь стало понятно присутствие среди полицейских женщин.

Судья обыскал весь корабль. Были подняты канаты, полицейские осматривали марсы¹, не забыли даже оконечности мачт. Не пропустили ни одного закоулка, обыск проводился с необыкновенной вьедливостью.

Но и лучший из сыщиков не мог бы ничего найти там, где ничего не было. С этой невиданной охоты судья возвращался не солоно хлебавши. К семи часам все было проверено и перерыто. Никаких результатов.

— Вам возвращается свобода действий,— сухо сказал судья Томпсону, направляясь к трапу.

— Мы можем, следовательно, сойти на берег?

— Можете.

— И, конечно, покинуть остров,— сознательно спровоцировал его Томпсон.

— Вы должны дожидаться ответа на рапорт, направленный на остров Терсейра.

И судья исчез вместе с эскортом, оставив Томпсона в растерянности. Корабль не покинули только десять полицейских во главе с лейтенантом, им было поручено наблюдение за «Симью».

Во время оживленного разговора за обедом все единодушно осуждали португальское правительство. Куда ни шло задержать корабль до обыска. Но задерживать после обыска!

От всего, впрочем, люди устают, и от гнева тоже. Элис, воспользовавшись наступившей ненадолго тишиной, сообщила своим спутникам о приглашении очаровательной Таргелы. Раздосадованные арестом пассажиры приняли приглашение с

¹ М а р с — площадка на верху мачты для наблюдения за горизонтом и для работ по управлению парусами.

большим удовольствием, чем можно было предположить. Вынужденные весь долгий день оставаться на борту, они обрадовались перспективе ночной прогулки и оригинального праздника. К девяти часам почти в полном составе все вошли в зал, где Таргела устроила бал по случаю бракосочетания с дорогим Жоакином и где под звуки музыки танцевали не меньше сотни мужчин и женщин.

Англичан встретили приветливо. Все знали, что благодаря их стараниям устроилось счастье молодых людей. Без них свадьбе чего-то не хватало. Туристов принимали от чистого сердца.

Танцы на время прекратились и скоро возобновились снова. Кадрили сменяли польки, вальсы следовали за мазурками. А к одиннадцати часам гости стали требовать:

«Лаланда! Лаланда!»

Образовали круг, и Таргела с Жоакином, по желанию гостей, стали исполнять национальный танец, любимый танец всех сословий Азорских островов.

Лаланда — родной брат испанского болеро. Те же движения ногами, гибкие опрокидывания корпуса, те же задорные жесты. Таргела танцевала умело; когда кастаньеты умолкли, молодой паре долго аплодировали.

В полночь праздник был в полном разгаре. Под действием фаялского вина веселье достигло предела. Однако пассажирам пора было домой.

Перед уходом Элис Линдсей решила осуществить одно намерение. Если уж случай связал их с судьбой молодых людей, то почему бы не продолжить благородное дело вслед за тем, что уже сделано? Таргела, так умело и тактично обратившаяся к их покровительству, добилась своего. Но теперь ей надо создать семью. Конечно, с таким молодыцом, как Жоакин, жизни бояться нечего. Но небольшая сумма денег, которую туристы легко могли бы собрать, очень была бы кстати молодоженам на первое время. Она стала бы приданым Таргелы и обеспечила бы ей и ее счастливому мужу благополучие.

Итак, Элис пошла по кругу, и, справедливости ради надо сказать, никто не покусился.

Блокхед первый раскошелился на два ливра, что для почтенного бакалейщика являлось вполне приличной суммой. Саундерс, Томпсон и Тигг не сочли возможным пожертвовать меньше.

Джонсон, без сомнения, дал бы столько же, если бы, верный своей клятве, не остался на борту корабля.

Роже вложил в руку прекрасной американки пять золотых французских луидоров¹.

¹ Луидор — французская золотая монета, чеканилась в 1640—1795 годах.

Гамильтон, вопреки отвратительному характеру, имевший доброе сердце, уменьшил свой капитал на четыре ливра¹. Элис горячо поблагодарила великодушного барона, затем, продолжая обход, обнаружила, что стоит перед Робером.

Не показывая ни малейшего смущения за скромность своего дара, Робер с достоинством дал прекрасной просительнице португальскую монету в тысячу рейсов, и Элис почувствовала, что невольно покраснела до корней волос.

Раздосадованная этой слабостью, Элис поспешила поблагодарить кивком головы и быстро отошла к следующему пассажиру.

Им оказался не кто иной, как благородный дон Игину. Если Гамильтон одарил как принц, то дон Игину одарил как король. Его подарок был великолепен — сорок ливров. Он сделал его с расчетом на эффект, развернув банкноту таким образом, чтобы все имели возможность прочесть стоимость. Это было несколько безвкусно, но Элис не обратила внимания на такую мелочь.

Вдохновленные прекрасным началом, стали развязывать кошельки и другие пассажиры. Не отказал никто. Каждый дарил в зависимости от размера своего состояния.

Кончив сбор, Элис сообщила, что сумма составляет двести ливров. Результат был великолепен. Элис внесла и свою личную лепту. Но, в отличие от тщеславного дона Игину, она сделала это без демонстрации и сумму ее пожертвования не узнал никто.

Будучи скромной, она не захотела вручать новобрачной неожиданное приданое сама и поручила это паре путешествующих молодоженов. В тот вечер по великой случайности они присутствовали на празднике и с удовольствием взяли на себя приятную миссию.

Молодая англичанка передала португальской подруге собранное для нее приданое, сопроводив дар горячим поцелуем. Она не могла все же не открыть имени той, кому Таргела была стольким обязана. Элис выслушала слова пылкой признательности Таргелы и ее мужа. Для них пять тысяч франков — это целое состояние. Никогда в жизни они не забудут добрую фею, подарившую им такое счастье.

Таргела со слезами благодарности переходила от одного пассажира к другому, а растерянный Жоакин пожимал всем руки.

Пора было, однако, домой.

Пожелав счастья взволнованным молодоженам, туристы направились к выходу.

Таргела и Жоакин провожали их. Видя трогательную бла-

¹ Ливр — денежная единица Франции до введения в 1799 году франка. Обращался также в других странах.

годарность юной пары, никто из путешественников не пожалел о затратах. И когда все удалялись, Таргела и Жоакин, взявшись за руки, долго стояли в дверях и смотрели, как уходят люди, с которыми судьба свела их всего на один день.

Туристы должны были продолжить путешествие, но теперь оно наполнилось особым смыслом,— ведь было сделано доброе дело.

ГЛАВА XII

Неожиданные результаты морской болезни

Пассажиры, покинув Таргелу и ее счастливого мужа и вернувшись на борт, увидели пятерых полицейских наблюдателей. Они ходили по палубе, в то время как их товарищи вместе с офицером спали в отведенной для них каюте. И, однако, несмотря на бдительную охрану, когда двадцать шестого мая взошло солнце, «Симью» покачивался уже в открытом море более чем в тридцати милях от Сан-Мигеля.

Чтобы удрать, не надо было на этот раз бояться португальских ядер. Все произошло незаметно, под покровом густого тумана, к двум часам ночи окутавшего море непроницаемой пеленой. Лейтенант и его пять полицейских в свой черед спали, другие пять были ловко схвачены и обезоружены, и корабль спокойно ушел, как будто не существовало ни правительства, ни его декрета.

Выпущенный на волю час спустя, лейтенант понял, что вынужден сдать на волю победителей и принять условия капитуляции. Его люди были бессильны что-либо сделать. «Симью» увозил их, намереваясь высадить только на Мадейре.

Потрясенный таким поворотом событий, лейтенант беспокойно ходил по палубе. Он думал, что все это повредит его продвижению по службе, и лицо его было печальным. А в это время над всей безбрежностью моря появилась утренняя заря.

Капитану Пипу тоже было не до отдыха. «Симью» проходил мимо скал, называемых здесь «Муравьями», и эти скалы были очень опасны. К тому же корабль испытывал сильную килевую качку и продвигался вперед с трудом.

Если все заботы достались капитану, то остальные от них были освобождены. По крайней мере, так считал Томпсон. Он безмятежно спал в своей каюте, сжав кулачки, когда его разбудила рука, опустившаяся на плечо.

— Что случилось? Сколько времени? — спросил администратор, протирая глаза.

Он увидел мистера Сандвича.

— Шесть часов, сэр, — с уважением ответил тот.

— А в чем дело? — нетерпеливо повторил Томпсон.

— Слуга утверждает, что из каюты португальского джен-

тльмена и его братьев доносятся стоны. Он боится, что пассажиры заболели, и не знает, что делать.

— Хорошо. Иду,— сказал Томпсон недовольно.

Войдя в каюту португальцев, администратор не пожалел о том, что его побеспокоили. Дон Игину и его братья действительно были больны. Они лежали на спине, бледные, с закрытыми глазами, в холодном поту и непрерывно стонали. Страдания их казались невыносимыми.

— Ну и дела,— пробормотал Томпсон.

Он успокоился, угадав признаки морской болезни, вызванной сильной качкой. Правда, болезнь протекала весьма своеобразно.

Тем не менее человеколюбие требовало оказать несчастным помощь. Томпсон, надо отдать ему должное, сделал все, что мог. И не его вина, что все старания оказались напрасны. Состояние братьев, по-видимому, все ухудшалось. Администратор с беспокойством обнаруживал симптомы, обычно не свойственные морской болезни. Португальцы время от времени становились то бледными, то пунцовыми. Они, казалось, делали нечеловеческие усилия прийти в себя, но тут же обессиливали. В дыхании появился свист, тело леденело, лицо приобрело мертвенную бледность.

Томпсон решил, что положение критическое, и разбудил Робера.

Робер, к сожалению, не мог помочь шефу, и оба признали, что неспособны облегчить участь больных. А те все более походили на умирающих.

— Что-то все же надо делать,— сказал Робер.— А если спровоцировать рвоту?

— Каким образом? Вы знаете средство?

— Теплая вода,— предложил Робер.

— Попробуем! — закричал Томпсон. Он совсем потерял голову.

Средство, к которому посоветовал прибегнуть Робер, сразу же дало результаты. После второго стакана теплой воды добровольные санитары получили очевидное доказательство его эффективности.

Но что же увидели Робер и Томпсон? Что открылось их удивленным взорам?

Они с предосторожностями промыли тазы, и тогда... Их ослепил блеск.

Изумруды, рубины, жемчуга — более пятидесяти различных драгоценных камней сверкало на дне!

Томпсон и Робер растерянно посмотрели друг на друга. В эту минуту им все стало ясно. Вот они, воры — осквернители креста с острова Терсейра! Полиция Азорских островов не ошиблась, подозревая экипаж «Симью» в укрывательстве грабителей.

Робер первым обрел дар речи.

— Это слишком серьезная тайна, чтобы о ней знали только двое,— сказал он.— Следует позвать кого-нибудь из пассажиров, преподобного отца Кули, например.

Томпсон кивком выразил согласие.

Когда преподобный Кули вошел в каюту, где задыхались братья да Вега, больные были в том же состоянии. Вероятно, из их желудков удалось извлечь не все. Следовало продолжить процедуры, чтобы в этом убедиться.

Таким оригинальным способом вскоре было получено еще триста драгоценных камней, в основном алмазов. И больные наконец почувствовали явное облегчение. Теперь причиной их недомогания была только морская болезнь, и опасаться за жизнь братьев не следовало.

Трое «понятых», пересчитав камни, передали их Томпсону. Затем составили протокол весьма необычного события.

Заперев драгоценности, Томпсон отправился к лейтенанту, капитулировавшему несколько часов назад.

Но когда администратор вышел на палубу, перед ним возникла фигура вездесущего Саундерса. За ним, как всегда, следовала его тень — сэр Гамильтон. Их вид выражал недовольство.

— Минутку, сэр,— сказал Саундерс, останавливая Томпсона на ходу.— Мы хотели бы знать, когда кончатся эти безобразия.

— Какие безобразия? — бросил Томпсон нетерпеливо.— В чем дело?

— Как вы разговариваете, сэр! — надменно закричал Гамильтон.— Мы желали бы знать, наконец, долго ли будут попирались все обещания относительно соблюдения программы путешествия, ведь мы имели глупость ей поверить!

Как! Опять эта программа! — поглощенный куда более важными делами, Томпсон вместо ответа только пожал плечами и, нервно оттолкнув Гамильтона, быстро последовал по направлению к каюте лейтенанта.

Барон задохнулся от ярости.

Найдя лейтенанта, Томпсон увел его к себе, сказав, что предстоит важный разговор.

— Лейтенант,— обратился он к собеседнику,— вам пока не везло в военных действиях.

— Да, сэр,— ответил лейтенант, насторожившись.

— Мы сейчас увозим вас на Мадейру.

— Кажется так, сэр.

— Для нас обоих это неприятное дело, и я думаю, если бы представился случай разрешить его к обоюдной выгоде...

— Это невозможно,— сказал лейтенант.

— Вы знаете,— невозмутимо продолжил Томпсон,— что ваше правительство обещало премию за поимку вора?

— Да,— подтвердил лейтенант,— но я не вижу...

— Пойдите, лейтенант, пойдите! Может быть, мы сможем договориться. Поскольку этот вор, а вернее, эти воры...

— Эти воры?

— Они у меня, я их поймал,— спокойно сказал Томпсон.

— Ну да? — удивился лейтенант.

— Они у меня, равно как и большая часть украденных сокровищ!

Бледный от волнения лейтенант, неспособный произнести ни слова, схватил Томпсона за руку. И тот предложил следующее:

— Вы понимаете, что премия принадлежит мне. Сделаем так: вы скажете, что ушли сами, специально, чтобы поймать воров, присутствие которых подтвердит ваше заявление. А я готов отдать вам пятую, в крайнем случае четвертую часть причитающегося мне вознаграждения.

— Ну и ну...— пробормотал лейтенант непонятно с каким отношением к словам собеседника.

— Так как, принимаете предложение? — настаивал Томпсон.

— А если я откажусь?

— Если вы откажетесь,— ответил Томпсон,— то условимся, что я ничего вам не говорил. Я высаживаю вас на Мадейре, оставляю воров себе и передаю их в руки английского консула¹.

Голова лейтенанта работала лихорадочно. Отказаться от предложения Томпсона — значит вернуться в Сан-Мигель с повинной, стыдясь того, что дал провести себя как мальчишку. Принять его — значит, напротив, вернуться с почетом, потому что успех оправдывает все. Даже если вероятность получения своей доли премии ничтожно мала, то все равно такой поворот дела кажется более выгодным. Это поднимет его репутацию в глазах начальства, ведь он может приписать себе заслугу захвата грабителей.

— Я согласен,— сказал он решительно.

— Очень хорошо,— одобрил Томпсон.— В таком случае оформим дело сейчас же.

Между двумя сторонами было подписано компромиссное соглашение на только что выдвинутых условиях. Томпсон передал офицеру драгоценности и потребовал расписку. Затем облегченно вздохнул и поздравил себя с благополучным окончанием опасного дела.

В то время как Томпсон вел переговоры, в сердце Гамильтона накапливался гнев.

Едва придя в себя от шока, в какой повергла его наглость Томпсона, барон, кипя от возмущения, кинулся в погоню за на-

¹ Консул — здесь: представитель какого-либо государства в крупном городе другой страны.

халом. Найти его он не мог и обратился к капитану Пипу. Спустившись со своего мостика, тот прогуливался, безмятежно выкуривая утреннюю сигару.

— Капитан,— сказал барон, едва сдерживаясь,— могу ли я знать, к кому на этом корабле обращаться с протестом?

Капитан развел руками, давая понять, что не знает.

— К Артимону, быть может,— предложил он рассеянно.

— Капитан! — возмущенно рявкнул Гамильтон, красный от гнева.

— К вашим услугам, сэр,— миролюбиво ответил капитан.

— Я считаю, что здесь надо мной поиздевались достаточно. И поскольку за маршрут корабля ответственность несете вы, то сообразоволяйте сказать, почему позади я все еще вижу скалы «Муравьев»? Почему в десять утра мы все еще напротив Санта-Марии? Почему после восьми часов плавания еще виден остров Сан-Мигель?

— Сан-Мигель? — переспросил капитан недоверчиво.

— Да, сэр, Сан-Мигель,— сурово отрезал барон, показывая на черное пятно на горизонте между «Муравьями» и Санта-Марией.

Капитан взял подзорную трубу.

— Если это Сан-Мигель,— сказал он иронически,— то Сан-Мигель с паровым двигателем, так как он дымит.

И капитан поднялся на свой мостик. А разъяренный барон принялся перебирать в уме самые страшные планы мести.

Слова Гамильтона, как бы они ни воспринимались капитаном, были все же справедливы. Но морскому волку не следовало об этом говорить. Он и сам хорошо знал, что скорость упала с двенадцати узлов¹ до восьми.

Капитан позвал старшего механика Бишопа. И тот не сказал ему ничего обнадеживающего. С самого начала отплытия Бишоп тщательно раздувал огонь в котле: давление не увеличивалось. Причиной, очевидно, было плохое качество угля, загруженного в Орте. Английские запасы кончились, пришлось перейти на новую партию угля, и результаты сказались немедленно.

Механик ничего больше добавить не мог, и капитан его ни о чем больше не спросил. Разумные люди не бьются головой о стену, желая невозможного. Поскольку корабль не мог делать более восьми узлов, то именно с этой скоростью и пришлось идти. В Мадейру, таким образом, «Симью» прибудет с опозданием на двадцать четыре часа. Для особого беспокойства как будто причины не было: барометр показывал нормальное давление.

Но настроение у капитана все же испортилось. Хорошее

¹ Узел — единица измерения скорости судна; соответствует одной морской миле в час, что равняется 1,852 км/ч.

расположение духа ненадолго вернулось к нему за обеденным столом, где он сидел, как обычно, напротив Томпсона. Но, поднявшись на мостик, Пип увидел ту же точку, на которую указал сэр Гамильтон, и обретенное равновесие снова было нарушено. Точка маячила прямо по курсу следования «Симью», и эта навязчивость наводила на тревожные мысли.

Не послало ли правительство Сан-Мигеля за ними погоню? Однако это мог быть и пароход, совершающий регулярные рейсы между Азорами и Мадейрой. Ответ на этот вопрос даст только время.

Заботы капитана не были известны пассажирам верхней палубы. Там не наблюдалось привычного многолюдья. Сильное волнение моря поубавило число любителей прогулок. Немногочисленные пассажиры стояли, держась за поручни, чтобы сохранить равновесие.

Сэр Гамильтон подставлял ветру и морю лицо, словно истощенное пощечинами. Ни за что на свете не обратился бы он сейчас ни к одному живому существу. Его чувства адресовались только природе. Оскорбленный барон вновь и вновь возвращался к утренней сцене. А в это время мисс Маргарет Гамильтон под наблюдением матери разговаривала с Тиггом. Недомогание дочерей почтенного бакалейщика ненадолго вернуло ему свободу. Гамильтон слушал их разговор молча. Он был очень одинок. Ах, если бы дон Игину находился рядом! Но португалец лежал в своей каюте, измученный морской болезнью, и Гамильтон с горечью чувствовал, что покинут всеми.

Очень ли омрачало настроение барона его близких? Наверное, очень, если судить по их сочувственным лицам.

Долли была чем-то занята, и Эйлис Линдсей, оставшаяся одна, села на свое любимое место на корме. Держась за поручни, она рассеянно смотрела на море. Весь ее вид выдавал печаль, камнем лежавшую на сердце.

В десяти шагах от нее неподвижно застыл Джек. Было видно, что в нем происходит сложная внутренняя борьба.

После длительного размышления Джек, по-видимому, принял решение. Он медленно подошел к своей невестке и сел рядом.

Погруженная в мысли, Элис не заметила присутствия своего сумрачного спутника.

— Элис...— прошептал Джек.

Элис вздрогнула и подняла на деверя отсутствующий взгляд.

— Элис,— продолжал Джек,— мне бы хотелось серьезно с вами поговорить. Сейчас подходящий момент, палуба совсем пуста.

— Я слушаю вас, Джек,— доброжелательно ответила Элис, удивленная таким торжественным началом.

— Мне скоро, как вы знаете, исполнится тридцать один

год. Конечно, это еще не преклонный возраст, но я собираюсь изменить свою жизнь и не хочу попусту терять время. Жизнь, какую я вел до сих пор, внушает мне отвращение. Я хочу другой, наполненной и плодотворной. Я думаю о женитьбе.

— Очень хорошая мысль,— одобрила Элис, удивленная моментом, выбранным для подобного признания.— Вам остается лишь найти себе спутницу. Думаю, это будет нетрудно.

— Я уже нашел ее, Элис,— перебил Джек.— Женщина, которую я ношу в своем сердце, существует. Я давно ее знаю, уважаю и люблю. Но любит ли она меня, или могу ли я надеяться, что когда-нибудь полюбит?

У женщин есть замечательный инстинкт, предупреждающий их об опасности. С первых же слов Джека Элис почувствовала эту опасность. Она сказала коротко и холодно:

— Надо спросить об этом у ней самой.

Джек заметил перемену в голосе своей невестки и усилием воли подавил вспышку гнева.

— Это я и делаю,— ответил он,— и с тревогой жду решения своей судьбы... Элис,— продолжал Джек, тщетно выждав, не ответит ли его спутница,— не хотите ли вы сохранить то же имя, выйдя замуж вторично?

Нервно теребя платок, Элис быстро повернулась к своему деверю.

— Какая внезапная страсть и какое непредвиденное предложение,— сказала она с горечью.

— Внезапная! — вскричал Джек.— Зачем вы так говорите, Элис. Неужели вы не замечали, как я вас люблю?

— Не произносите этого слова,— перебила его Элис.— Нет, ничего не замечала. А если бы заметила, то неужели у меня хватило бы безрассудства отправиться в путешествие вместе с вами?

— Вы ко мне жестоки,— сказал Джек.— Чем я вызвал такое отношение? Если мое предложение для вас неожиданно, то возьмите время на размышление, испытайте меня, но не лишайте же надежды.

Элис Линдсей посмотрела деверю в глаза.

— У вас нет никакой надежды,— сказала она твердо.

Джек закрыл лицо руками, выражая глубокую скорбь. Элис была тронута.

— Джек,— сказала она мягко.— Здесь какое-то недоразумение. Может быть, вы невольно себя обманываете. Может быть, причина этого заблуждения в том положении, в каком оказался каждый из нас.

— Что вы хотите сказать? — поднял голову Джек.

— Я была женой вашего брата недолго...— продолжала Элис, осторожно выбирая слова,— и, наверное, вы не можете согласиться с тем, что его состояние перешло ко мне. Если вы считаете себя обиженным, обойденным...

Джек сделал протестующий жест.

— Я понимаю, насколько это деликатное дело. Я стараюсь не произносить слов, которые могли бы вас оскорбить. Простите, если это не получается. Вы находитесь в стесненных обстоятельствах. Естественно, вы подумали о женитьбе, она поправила бы дела и устранила то, что, по-вашему, несправедливо. Под влиянием таких соображений вы приняли за любовь обычную родственную привязанность.

— Продолжайте,— сухо сказал Джек.

— Если это правда, Джек, все можно уладить. Я имею счастье быть богатой, очень богатой... Не могу ли я оказать вам родственную помощь? Не могу ли я помочь... вам в жизни... короче, предложить приданое, что позволило бы вам найти женщину, питающую к вам более сильные чувства, чем ваша невестка?

— Вы бросаете мне кость как собаке,— проворчал Джек, опустив глаза.

— Что вы говорите? — вскричала Элис.— Значит, я нешла нужных слов. Вы не можете себе представить, как я этим огорчена...

Элис не смогла закончить фразы. Внезапно отшвырнув кресло, Джек встал.

— Довольно притворства,— сказал он жестко, с недобрым блеском в глазах.— Зачем так обставлять отказ. Вы меня отвергаете. Хватит, не будем больше об этом говорить.

Элис, расстроенная этой сценой и ее бурным завершением, уединилась в каюту, Джек удалился, дрожа от гнева. Мало-помалу гнев его остыл, и он с холодной головой стал анализировать то, что произошло.

«Следует ли отказываться от вожаемого наследства? Никогда,— твердо решил он.— Значит, надо получить деньги другим способом, если Элис не хочет стать моей женой».

Элис не появилась к обеду. Сестра постучалась в ее дверь, но Элис хотела побыть в одиночестве.

Она вышла из каюты только на следующий день. Деверь и невестка вели себя так, будто между ними ничего не произошло. Каждый оставался верен своему решению и прятал его в глубине души.

Двадцать седьмого мая море успокоилось, и количество пассажиров на палубе увеличилось. Отсутствовали только братья да Вега и семья Блокхедов.

В то время как жизнь на борту входила в обычный ритм, капитан, напротив, все больше отдавался беспокойным мыслям. Озадаченный, он ходил по мостику, потирая нос и бросая косые взгляды на ту самую точку, которую сэр Гамильтон принял за возвышенность Сан-Мигеля.

Утро двадцать восьмого мая началось для него как всегда.

Поднявшись на палубу, он навел подозрную трубу на объект, занимавший его мысли.

— Черт возьми,— проворчал он, обращаясь к Артимону,— мы попали в дьявольскую историю, а, сэр?

У него уже давно не было сомнений на этот счет. «Симью» теперь следовал к Мадейре не обычным курсом. Предполагалось в соответствии с программой сначала обогнуть остров Порту-Санту. Эта дорога не совпадает с прямым путем, соединяющим столицу Сан-Мигеля с Мадейрой. Однако неизвестный корабль шел не этой короткой прямой дорогой, а все время держался на расстоянии четырех миль от «Симью». Было очевидно, что он преследует путешественников.

То, что интервал между кораблями не уменьшался, в какой-то мере успокаивало капитана. По крайней мере, Пип не проигрывал в скорости. Да и что в этом удивительного? Ведь португальский корабль загрузил тот же уголь, что и «Симью».

Но капитан знал, что погоня не будет вечной. «Симью» в конце концов прибудет в Мадейру, а там — португальская власть.

Капитан постоянно возвращался к этим соображениям, не принимая, однако, никаких действий. Если бы он был единственным хозяином корабля, то ни за что не сдался бы преследователям. Он на всех парах устремился бы вперед, выжимая из горючего все возможное. Посмотрели бы тогда, у кого больше пороха! Но, к сожалению, он хозяин лишь наполовину и при условии, что приведет «Симью» на этот проклятый рейд Фуншала, столицу Мадейры. Все это выводило его из себя!

Когда двадцать восьмого мая на горизонте показалась вершина Порту-Санту, капитан понял, что нужно принимать решение. Он сообщил свои соображения Томпсону.

К его удивлению, Томпсон принял сообщение совсем не так, как тот ожидал.

— Вы считаете, капитан, что это португальский корабль?

— Думаю, что да, сэр.

— И что он нас преследует?

— Боюсь, что да, сэр.

— В таком случае, капитан, нам остается делать только одно.

— Что же, сэр?

— Остановиться.

— Остановиться?

— Ну да, капитан, остановиться.

Капитан, казалось, был весьма озадачен.

— Аминь, сэр,— произнес он энергично, без всякого на этот раз упоминания о всех святых.

Он героически выполнил приказ. Двигатель остановился. Расстояние между «Симью» и преследующим кораблем стало

постепенно уменьшаться. Это был португальский военный корабль. Через двадцать минут только одна миля отделяла его от «Симью».

Томпсон спустил на воду шлюпку и помог сесть в нее нескольким полицейским. Капитан Пип все еще не мог опомниться. Похоже, отдают заложников? Однако лейтенант и шесть его подчиненных оставались на борту. Удивление капитана достигло предела, когда он увидел, что те тоже направляются к шлюпкам, волоча большие тяжелые тюки.

В этих тюках находились благородный дон Игину Родригш да Вега и его братья. Еще не оправившиеся от морской болезни, они не оказывали сопротивления. Капитан видел, как их, бесчувственных и неподвижных, перенесли через релинги.

— Ну и ну,— удивлялся капитан, не находя всему этому никаких объяснений.

Сэр Гамильтон был поражен еще больше капитана. Возмущенный таким обращением с джентльменами, он, однако, предусмотрительно не стал выражать свои обычные протесты. Он ограничился тем, что попросил объяснений у матроса, оказавшегося рядом.

Гамильтону не повезло. Матрос был загорелым, бронзовым, с душой, наполненной покоем от долгого созерцания морских просторов. Его не интересовали всякие пустяки, он ничего не знал, потому что не хотел знать. На вопрос барона он только пожал плечами. Однако соизволил вынуть трубку из рта.

— Эти чудачки,— объяснил он,— наглотались камней. Наверное, это запрещено в Португалии.

Гамильтон вынужден был довольствоваться таким ответом. Правду Гамильтон узнал позднее, вместе с остальными пассажирами. Для тщеславного барона это было оскорбительно.

— Помните о нашем договоре,— сказал Томпсон лейтенанту, когда тот покидал корабль.

— Будьте покойны,— ответил офицер.

Лодка отчалила. Избавившись от живого груза, она вернулась на «Симью», и винт корабля заработал снова.

Капитан Пип все еще ничего не понимал. А Томпсон пока пребывал в тревоге. Несмотря на заверения лейтенанта, администратор боялся, не будет ли военный корабль опять преследовать их, да еще теперь, на расстоянии пушечного выстрела?

Но лейтенант, очевидно, сдержал слово, и его объяснения сочли удовлетворительными. Военный корабль описал по правому борту полукруг и исчез, уйдя за горизонт. В это время на юге показался берег Порту-Санту.

В полдень «Симью» проследовал вдоль этого острова, особенно гористого в своей северной части, затем повернул на зюйд-зюйд-вест и устремился прямо к Мадейре, возносящей над водой свою гигантскую громаду.

Два часа спустя состоялось знакомство с мысом Сан-Ло-

ренсу, затем потянулись возвышенные острова Дезерташ, дикие скалы Сальвадуш. Глазам пассажиров открылся северный берег острова.

Создавая Мадейру, Творец, очевидно, не стремился к чему-то новому: те же вертикальные скалы, вытянутые полуострова, горы, разделяемые глубокими и темными долинами. Одним словом — модель Азорских островов, но только увеличенных размеров.

Над дикими берегами возвышалось под небом еще одно море — море зелени, вздымались волнами гигантские деревья. Украшенные этими лесами словно коврами, громоздились друг над другом горы. В центре на высоту тысяча восемьсот пятьдесят метров возносился пик Руиву.

Постепенно вырисовывался северный берег, и, наконец, к трем часам путешественники обогнули мыс Сан-Лоренсу, восточную оконечность острова. «Симью» приблизился к рейду на расстояние двух миль. Можно было легко различить сигнальную мачту и маяк.

Капитан подошел к берегу еще ближе, и взглядам пассажиров открылось южное побережье.

Сначала показались низкие скалы и язык суши, соединяющий мыс с островом. Затем берег поднялся, образуя чудовищные контрфорсы¹, поддерживающие центральные горы. За ними скрывались привлекательные с такого расстояния деревни: Мажику, Санта-Круш, Каникал — Робер называл их по порядку.

В четыре часа показался мыс Гаражу. Несколько оборотов винта — и он позади. И вот «Симью» уже бросает якорь на фуншалском рейде, среди многих других кораблей и флагов самых разных стран.

ГЛАВА XIII

Разгадка анаграммы

Мадейра расположена в девятистах километрах от самого ближайшего пункта Европы, в семистах километрах от Марокко, четырехстах километрах от Канарских островов, четырехстах шестидесяти морских милях² от острова Санта-Мария. Она имеет длину примерно семьдесят километров, располагаясь на тридцать третьем градусе северной широты и семнадцатом градусе западной долготы.

Невозможно себе представить более грандиозный оазис в морской пустыне.

¹ Контрфорс — поперечная стенка, вертикальный выступ, укрепляющий основную конструкцию; природный контрфорс — вертикальный выступ крутого берега.

² Миля морская — мера длины, одинаковая во всех странах, равна 1,852 км. Существуют также миля сухопутная и миля географическая.

Гористая цепь, вознося центральный гребень на высоту тысячи девятисот метров, спускается к северному берегу острова. От нее отделяются боковые цепочки, образуя как бы притоки главного хребта. Цепочки бегут к морю среди глубоких долин. Здесь буйствует причудливая растительность, украшая берега подобно кружевам, направляясь к северу с одной стороны и к югу — с другой.

У острова мягкие очертания. Неповторимый зеленый покров, смягчая острые углы и округляя вершины, падает вниз каскадами.

Ни в одном другом месте земного шара нет такой буйной растительности. На Мадейре наши кустарники — это большие деревья, а наши деревья — настоящие великаны. Здесь в еще большем количестве, чем на Азорах, растут рядом породы самых разных поясов, цветы и плоды всех пяти континентов. На тропинки свешиваются розы, и достаточно нагнуться, как сразу же в траве найдешь землянику.

Можно себе представить, как выглядел этот райский уголок во времена его открытия. В ту далекую эпоху остров представлял собой сплошной гигантский лес. Каждый дюйм земли приходилось отвоевывать. Первые поселенцы расчищали непроходимые заросли с помощью пожаров. Хроника передает, что огонь бушевал здесь шесть лет подряд. Считается, что плодородие почвы во многом оказалось результатом этого, может быть, необходимого, но варварского способа завоевания земли.

Богатству растительности на Мадейре способствует еще и счастливый климат, в этом отношении немногие страны могут сравниться с островом. Лето здесь холоднее, чем на Азорах, а зима теплее, летняя и зимняя температуры различаются не больше, чем на десять градусов. Это настоящий рай для людей.

В начале каждой зимы сюда прибывает много больных, особенно из Англии. Приезжают в край янтарного песка и лазурного неба за здоровьем. У жителей острова каждый год остается около трех миллионов франков. А могилы тех, кто уже не может уехать домой, превращают остров, по образному выражению островитян, «в самое большое кладбище Лондона».

На южном берегу находится город Фуншал — столица острова. Каждый год в гавани бросают якоря около тысячи кораблей. Многочисленные рыбацкие баркасы разбрасывают днем на море белые полотна своих парусов, а ночью расцвечивают порт обманчивой приманкой огней.

Едва «Симью» встал на якорь, как сразу же был окружен множеством лодок, управляемых полуголыми детьми. Изъяняясь на англо-португальском жаргоне, они предлагали цветы и фрукты. Или просили пассажиров бросить в море монету и стремительно прыгали за ней в воду.

Как только служба здравоохранения разрешила посещение острова, к пароходу устремились лодки туземцев, предла-

гающих помощь при высадке на берег. Но было уже пять часов вечера — время довольно позднее для осмотра Фуншала.

Покинуть корабль решили только двое пассажиров. Этими нетерпеливыми были все те же молодожены, которые оставались верны себе под любимыми небесами и широтами. Сопровожаемые одобрительными взглядами своих спутников, муж и жена с небольшими вещевыми мешками направились к лодке, сделав ей знак приблизиться.

Остальные не захотели спускаться на берег. В программе на осмотр Фуншала отводилось шесть полных дней, так что времени было достаточно.

«26—31 мая — стоянка в Фуншале». Вот и все, что лаконично говорилось в программе. Была ли такая краткость упущением со стороны Томпсона? Или же он считал, что в городе нет ничего особенно интересного? Программа не давала никаких разъяснений на этот счет.

Гамильтон решил потребовать дополнительную информацию.

Со времени их последней стычки он и Томпсон не разговаривали друг с другом. В отношениях со своими двумя привередливыми пассажирами, Гамильтоном и Саундерсом, Томпсон вел себя теперь независимо. Постоянно приветливый и шумный, он становился холоден, спокоен и вежлив, когда сталкивался с этими двумя.

Барон подошел к ненавистному администратору.

— Почему, сэр, — спросил он высокомерно, — вы не даете разъяснений, какие предполагаются экскурсии в течение шести дней стоянки на Мадейре?

— Смотрите программу, сэр, — сухо ответил Томпсон.

— Допустим, — поджал губы Гамильтон. — Ну, по крайней мере, вы хоть можете сказать, где мы будем жить?

— Смотрите программу, сэр, — невозмутимо повторил Томпсон.

— Но там ничего не написано, в вашей программе, — настаивал Гамильтон. — В какой мы будем гостинице... Ничего там нет!

— А корабль, сэр? — возразил Томпсон.

— Как, — закричал Гамильтон, — вы хотите держать нас на борту «Симью»? И это называется осмотром Мадейры?

— Смотрите программу, сэр, — в третий раз сказал Томпсон, поворачиваясь спиной к раздраженному собеседнику.

Но, уйдя от Сциллы, он попал к Харибде¹ — несчастный администратор оказался лицом к лицу с новым врагом.

¹ Сцилла и Харибда — в греческой мифологии два чудовища, жившие по обеим сторонам пролива и пожиравшие проплывающих мимо них моряков. Выражение «находиться между Сциллой и Харибдой» означает подвергаться опасности одновременно с двух сторон.

— Конечно, сэр,— раздался скрипучий голос Саундерса,— следует сообразовываться с программой. Но ваша программа — сплошной обман, могу сказать это при всех.

И Саундерс сделал рукой жест, будто беря в свидетели всех образовавших вокруг кольцо.

— Как! — продолжал Саундерс.— Неужели на всем острове нет ничего достойного внимания? Вы обращались с нами как со стадом баранов там, где не было ни дорог, ни людей. И осмеливаетесь держать нас на борту вашей... вашей...— Саундерс искал нужное слово,— ...вашей галоши,— нашел он его наконец,— когда мы оказались в более или менее цивилизованной стране!

Томпсон, подняв глаза к небу и запустив руки в карманы, позвякивал связкой ключей, ожидая конца этой грозы. Такое поведение окончательно взбесило Саундерса.

— Это вам так не пройдет! — закричал он.

— Вот именно,— поддержал его Гамильтон.

— В Лондоне мы обратимся с жалобой в суд!

— Это уж точно! — энергично поддержал его барон.

— А сейчас я спускаюсь на землю и отправляюсь в гостиницу. Слышите? В гостиницу первого класса, сэр! И живу там за ваш счет!

С этими словами Саундерс исчез в каюте и вскоре показался снова с чемоданом. Он кликнул лодку и торжественно и шумно покинул корабль.

Большинство пассажиров не протестовало столь бурно, но тем не менее разделяло недовольство Саундерса. Плохую организацию путешествий осуждали многие. Они предпочли бы не ограничиваться осмотром одной только столицы.

Элис и Долли решили путешествовать по острову по собственной программе. Естественно, с ними был и Роже. Француз намеревался получить у Робера некоторые необходимые для этого сведения, а также хотел воспользоваться случаем и выяснить давно интересовавший его вопрос относительно личности корабельного гида, его происхождения.

— Позвольте задать вам несколько вопросов,— сказал он, подходя к Роберу после ужина и не пряча лукавой улыбки.

— К вашим услугам,— ответил Робер.

— Семья Линдсей и я,— продолжал Роже,— хотели бы совершить экскурсию в глубь острова. Не могли бы вы посоветовать нам, какой выбрать маршрут?

— Я? — почему-то растерялся Робер, и при свете фонарей Роже увидел, что тот покраснел.— Но я совершенно ничего не знаю о Мадейре!

Робер во второй раз дал себя поймать на том, что пренебрегает своими обязанностями. Это его огорчало и унижало. Какая у него слабая воля! Все время посторонние мысли отвлекают его от того, что должно быть для него главным!

— В самом деле? — удивился Роже. — Но вы ведь корабельный гид-переводчик!

— Действительно так, — сухо подтвердил Робер.

— Как же случилось, что вы ничего не знаете о Мадейре?

Робер предпочел оскорбляющим его оправдательным словам молчание, он развел руками.

Роже продолжал чуть насмешливо:

— У вас, наверное, не было возможности заглянуть в справочники? Я давно не вижу по ночам света в вашей каюте.

— Что вы хотите сказать? — опять покраснел Робер.

— То, что говорю, черт возьми!

Робер ничего не ответил в замешательстве. Что-то располагающее было в поведении его собеседника, несмотря на иронию. С дружеской фамильярностью взяв его за руки, Роже сказал в упор:

— Ну, дорогой мой, признайтесь, что вы такой же гид, как я папа римский!

— Я вас не понимаю, — попробовал защищаться Робер.

— Зато я понимаю, — настаивал Роже. — Вы такой же переводчик, как я матрос. Разве я похож, например, на священника? Должен заметить, если вы и оказались гидом, то плохим!

— Но... — запротестовал Робер, пытаясь улыбнуться.

— Конечно, я прав, — энергично продолжал Роже. — Вы делаете свое дело неважно. Не вы направляете, а вас направляют. И всегда у вас лишь общие слова, заимствованные из путеводителя. Если это называется гид...

— Но, наконец... — запротестовал Робер.

Роже снова прервал его, добродушно улыбаясь:

— Не упорствуйте, ваше инкогнито шито белыми нитками. Вы такой же профессор, как моя трость, и такой же гид, как моя сигара. Вы надели маску, дорогой, не так ли?

— Маску? — повторил Робер.

— Ну конечно, прикинулись гидом. Вы надели эту личину, как надевают взятый напрокат костюм.

Робер почувствовал озноб. Ему больше не хотелось в самом любимом упорстве отвергать дружбу, предлагаемую с таким доверием.

— Вы правы, — произнес он.

— Черт возьми! — удовлетворенно сказал Роже, увлекая за собой Моргана. — Я давно об этом догадался. Хорошо воспитанный человек узнает другого и под слоем угольной пыли. Но теперь, я надеюсь, вы продолжите ваши признания. Как вы попали в такое положение?

Робер вздохнул.

— Причиной была любовь?

— Нет, — ответил Робер. — Бедность.

Роже остановился и сжал руку своего соотечественника. Этот жест тронул Робера. А де Сорг продолжал:

— Бедность!.. Дорогой мой, расскажите все. Ведь делиться своими неприятностями — такое облегчение, и вы не найдете слушателя, который посочувствует вам более, чем я. Ваши родители живы?

— Умерли.

— И мать и отец?

— И мать и отец. Мать, когда мне было пятнадцать лет, отец полгода назад. Все это время я вел жизнь богатого, даже очень богатого человека, и только после смерти отца...

— Я понимаю,— сказал Роже с глубокой симпатией.— Ваш отец был светский человек, один из тех прожигателей жизни...

— О, я нисколько его не обвиняю,— быстро перебил собеседника Робер.— Он был ко мне добр. Его душа и кошелек всегда были для меня открыты. Что касается остального, то он имел право жить как ему хотелось. Тем не менее в один прекрасный день я оказался без гроша в кармане. Все, что осталось в наследство, через две недели после смерти отца перешло к кредиторам. У меня не осталось почти ничего. Следовало подумать о том, как зарабатывать себе на хлеб. Не имея привычки преодолевать трудности жизни, я, надо признаться, растерялся. Вместо того чтобы противостоять беде, остаться в Париже, воспользоваться связями, я почувствовал какой-то глупый стыд из-за своей бедности и решил исчезнуть. Переменил имя и уехал в Лондон, там очень скоро потратил последние сбережения. К счастью, удалось найти место преподавателя, и я начал даже вынашивать разные планы, например, хотел попытаться счастья в какой-нибудь французской колонии. И вдруг снова потерял работу и оказался в отчаянном положении. Тогда я решил воспользоваться первым же подвернувшимся случаем. Этому случаю суждено было материализоваться в образе мистера Томпсона. Вот в немногих словах вся моя история.

— Она не очень веселая,— сказал Роже.— Но вы сказали, что изменили имя...

— Да.

— А ваше настоящее имя? Если уж вы столько мне рассказали...

Робер горько улыбнулся.

— Боже мой! Но я прошу вас хранить тайну, иначе я стану на корабле притчей во языцех. Признаюсь, что решился на это из самолюбия. Я не хотел, чтобы потешались над моим настоящим именем. И, как в детстве, сделал анаграмму.

— И следовательно, Морган — это?..

— Морган — это Грамон. Прибавьте сюда бесполезную теперь частицу «де» и титул маркиза — и вот вам моя полная личность.

Роже с горечью воскликнул:

— Черт возьми! Я ведь был уверен, что знаю вас! Вы должны вспомнить, что в детстве мы встречались. Я имел честь

быть принятым у вашей матери. Я думаю даже, что мы дальние родственники.

— Именно так,— подтвердил Робер.— Я вас вспомнил, как только услышал ваше имя.

— И после этого вы упорствовали в своем инкогнито! — упрекнул Роже.

— Зачем было его нарушать? — сказал Робер.— Ведь только ваша настойчивость заставила меня раскрыть имя.

Некоторое время оба соотечественника молчали.

— А ваша должность переводчика?.. — внезапно спросил Роже.

— Что? — не понял Робер.

— Хотите ли вы с ней расстаться? Я с радостью готов вам помочь.

— А как я с вами расплачусь? Нет-нет! Я очень тронут вашим предложением, но не могу его принять. Если я низвел себя до такого состояния, если покинул страну и друзей, то прежде всего чтобы не быть никому обязанным. В этом я буду упорствовать и теперь.

— Может быть, вы и правы,— ответил Роже задумчиво.

Два француза долгое время ходили по палубе, взявшись за руки. В свою очередь, Роже немало рассказал новому другу о себе.

Разойдясь по своим каютам, случайные спутники почувствовали, что взаимные признания сблизили их. На борту корабля было теперь, по крайней мере, два друга.

Робер думал о том, что его одиночество наконец кончилось. И сознание того, что, оставаясь для всех гидом-переводчиком, в глазах одного человека он тот, кто есть на самом деле, стало для него моральной опорой.

С этими приятными мыслями Морган зажег лампу и погружился в изучение Мадейры и ее столицы Фуншала. Необходимые насмешки Роже напомнили ему о необходимости наверстать упущенное. На другой день гид чувствовал себя уверенно и был готов отвечать на любые вопросы.

Чтобы достичь берега, находящегося на расстоянии полумили, корабельные лодки не годились. Море было беспокойно, и это затрудняло высадку. Для безопасности пассажиров пришлось взять местные лодки и местных моряков, хорошо знающих особенности берега.

— Знаете, господин профессор,— сказал Томпсон Роберу,— на Мадейре все говорят по-английски, похоже, у вас намечается что-то вроде отпуска. Загляните только к одиннадцати часам в отель «Англетер» и, если хотите поспеть к ужину, будьте на корабле в восемь вечера.

Лодки путешественников скоро достигли суши. Но причалить оказалось не так-то легко. Был базарный день, поэтому баркасы и лодки всех видов загромождали подход к берегу.

Стоял оглушительный гвалт. Ревели, хрюкали, блеяли животные — каждый на своем языке.

Животных высаживали, бросая при общем веселье в воду. Пассажиры «Симью», затерянные в этом шумном стаде, должны были причаливать на глазах публики, выражающей к ним самое разное отношение. Те, кто на берегу принимал животных для препровождения на рынок, проявляли полное равнодушие. Больше внимание уделяла им хорошо одетая публика, в основном англичане. Они прогуливались по плотине и разглядывали вновь прибывших.

Помимо надежды обнаружить друзей и близких среди гостей острова, гуляющие англичане проявляли интерес и к самому процессу высадки на берег. Для зрителей это было своеобразное представление.

Перевозчики останавливаются в двадцати метрах от берега и ждут волну, она вынесет лодку на берег среди кипящей пены, устрашающей, но не опасной. Матросы Мадейры ловко выбирают момент причаливания, неудачи у них очень редки.

Но в этот день не обошлось без происшествия. Одна лодка остановилась немного дальше от берега, чем следовало. Уходя назад, волна потянула лодку за собой. Трое сидевших в ней, застигнутые второй волной, были опрокинуты, лодка перевернулась. Путешественники выкупались на славу. Они могли теперь не завидовать овцам и быкам.

Кто же были эти трое? Ни больше, ни меньше, как Эдвард Тигг, Абсирфус Блокхед и барон Джордж Гамильтон. В хаосе высадки они оказались вместе, и им выпало познакомиться с Мадейрой таким своеобразным образом.

Трое невольных купальщиков отнеслись к случившемуся по-разному.

Тигг — довольно флегматично. Как только волна отступила, он спокойно отряхнулся и оказался вне пределов досягаемости коварной стихии. Слышал ли он крики Мери и Бесс Блокхед? Если и слышал, то скорее всего подумал так: если отец вертится в волнах подобно морской гальке, то волноваться за него вполне естественно.

Сам же отец ликовал. Вокруг смеялись, но Блокхед смеялся больше всех. Это купание вознесло его почти на небеса. Матросы вынуждены были вытаскивать бакалейщика из воды, иначе он в детском восторге дождался бы второй волны. Воистину счастливый характер был у почтенного Блокхеда!

В отличие от Тигга и Блокхеда, Гамильтон рассердился. Едва поднявшись, он среди всеобщего смеха направился к Томпсону. Не говоря ни слова, барон продемонстрировал мокрую одежду тому, кого считал виновником всех своих несчастий.

Томпсон понял, что легко ему не отделаться, и предложил

барону вернуться на борт, где тот мог бы сменить одежду. Но Гамильтон отказался наотрез:

— Чтобы я еще раз сел в эту проклятую лодку!

Ярость Гамильтона подогревалась присутствием Саундерса. Усмехаясь, тот наблюдал с берега за неудачной высадкой. И всем своим видом будто хотел сказать: «Надо было покинуть вчера корабль вместе со мной. Как видите, я оказался сухим».

— В таком случае, сэр,— предложил Томпсон,— может, кто-нибудь из ваших спутников...

— Конечно! Конечно! — перебил Блокхед. — Я принесу сэру Джорджу Гамильтону все что нужно. Я бы даже не возражал...

Против чего не возражал бы почтенный бакалейщик? Может, против того, чтобы искупаться во второй раз?

Он не получил этого удовольствия. Второе его плавание прошло благополучно, одежда была барону доставлена.

Большая часть пассажиров к этому времени разошлась. Роже сразу же завладел Робером.

— Вы свободны? — спросил он.

— Совершенно свободен,— ответил Робер. — Здесь все говорят по-английски.

— В таком случае не согласитесь ли вы сопровождать меня?

— С большим удовольствием.

Через три шага Роже пошутил:

— Только не заблудитесь, пожалуйста.

— Будьте спокойны,— весело ответил Робер, он только что просмотрел план Фуншала.

И действительно, в первые полчаса гид ошибся только пять раз, прेमного развеселив этим Роже.

Высадившись напротив башни, где возвышалась мачта маяка, два путешественника тотчас же очутились на узких извилистых улочках Фуншала. Но уже через сто метров они замедлили шаг. И очень скоро, морщась от боли, остановились совсем. Такую мостовую не могла выдержать никакая обувь. Дорога, состоящая из осколков базальтовых пород, больно ранила ноги. О тротуаре не приходилось и мечтать. Тротуар был роскошью, неизвестной на Мадейре.

В одиннадцать часов за обеденным столом, в отеле «Англетер», собрались все пассажиры «Симью», кроме исчезнувших по обыкновению молодоженов и, конечно, Джонсона.

Как этот обед отличался от обеда на Фаяле! Туристы сразу отметили разницу. Можно было подумать, что находишься в Англии, если бы не картофельное варенье, приготовленное монахинями монастыря Санта-Клары и поданное на десерт. Это безвкусное лакомство не имело у гостей успеха.

После обеда Роже объявил своему спутнику, что целиком

рассчитывает на него при прогулках по Фуншалу вместе с семьей Линдсей.

— Однако,— добавил он, отводя его в сторону,— наши дамы не выдержат длительной ходьбы по такой кровожадной мостовой. Есть ли в этой стране какой-нибудь транспорт?

— Никакого транспорта на колесах,— ответил Робер.

— Черт возьми,— отозвался обеспокоенный Роже.

— Но есть нечто лучшее, чем колесный транспорт.

— И что это...

— Гамак¹.

— Гамак? Очаровательно! Гамак! Прогулка в гамаке будет великолепно. Но где найти эти гамаки, о мудрейший наш гид?

— На площади Шафариш,— смеясь, ответил Робер.— Если хотите, можно пойти туда сейчас же.

— Конечно,— согласился восхищенный Роже.

Попросив Элис и Долли подождать, Роже последовал за своим соотечественником. Но на пути к цели Роберу не хватило его познаний, и он вынужден был обратиться к прохожему с просьбой показать дорогу.

— В путеводителе, стало быть, нет плана города, не так ли? — безжалостно констатировал Роже.

Миновав толпу прибывших на базар провинциалов, на большой площади Шафариш, украшенной фонтаном, французы без труда наняли два гамака.

Элис и Долли с удовольствием в них разместились, и наша небольшая компания отправилась в путь.

Прежде всего посетили Палаццо Сан-Лоренсу, прошли вдоль фортификационных сооружений². С флангов их охраняли круглые, окрашенные в желтый цвет башни, где располагалась резиденция правителя Мадейры. Затем, повернувшись на восток, добрались до красивого ухоженного городского сада рядом со столичным театром.

Дамы покинули гамаки только перед собором XV века. Зрелище, правда, не было достойно внимания: храм утратил свой первоначальный вид из-за многочисленных переделок, производимых местной администрацией.

От посещения других церквей воздержались: Робер заметил, что они недостаточно интересны. Исключение сделали только для монастыря францисканцев, где, по словам Робера, сохранилась некоторая «достопримечательность».

Чтобы попасть в монастырь, туристы должны были пересечь весь город. Улицы, окаймленные белыми домиками с зе-

¹ Гамак — переносное, плетенное в виде сети ложе; изобретено индейцами Южной Америки.

² Фортификационное сооружение — особо прочное военное оборонительное сооружение на местности.

леными ставнями и украшенные железными балконами, следовали одна за другой, одинаково извилистые, лишенные тротуаров и умошенные все тем же безжалостным камнем. На первых этажах зазывающе распахивались окна магазинов, но, судя по бедности витрин, они вряд ли могли удовлетворить даже самого нетребовательного покупателя. Некоторые из этих магазинов торговали специфической продукцией острова: вышивкой, кружевами, циновками, мебелью. На витринах ювелирных лавок были выставлены браслеты...

Время от времени приходилось уступать дорогу идущим навстречу. Пешеходов встречалось мало, как правило, они передвигались в гамаках, иногда на лошади. В последнем случае за животным следовал слуга, отгоняющий moskitov и неукоcнительно повторяющий ее ритм: слуга шел рысью, когда шла рысью лошадь, галопом, когда лошадь переходила на галоп. И никогда не жаловался, какими бы ни были скорость и расстояние.

Иногда навстречу попадались «карру» под непромокаемым балдахинном. Это повозка на коньках, скользящих по гладким камням. «Карру» тащили быки с колокольчиками, двигаясь предусмотрительно медленно. Как правило, быков вел мужчина, а впереди шел подросток — будущий почтарь.

— Два запряженных быка, медленным и спокойным шагом... — начал Роже, перефразируя известное стихотворение Буало.

— Везут по Фуншалу ленивого англичанина, — подхватил Робер шутливое перекраивание стиха.

Характер города постепенно менялся. Магазинов становилось меньше, улицы делались уже, кривее, мостовые — невыносимее. В то же время становился круче подъем. Начинались кварталы бедняков. Раскрытые окна домов, прилепившиеся к скалам, позволяли видеть скудную обстановку внутри. При взгляде на эти мрачные жилища становилось понятно, почему население острова все время сокращается от болезней, казалось бы, не подходящих для этого счастливого климата: скарлатина, проказа, не говоря уже о чахотке, которая пошла от англичан, приезжающих сюда, чтобы от нее избавиться.

Несущие гамак не сетовали на крутизну склона. Они продолжали шествие ровным и уверенным шагом, обмениваясь приветствиями со встречными.

«Карру» здесь не попадались. Их заменили «каррину», что-то вроде санок, великолепно приспособленных к этим горным склонам. «Каррину» попадались на каждом шагу, скользя с самой разной скоростью. Везли их обычно двое крепких мужчин с помощью веревок, закрепленных на повозке.

Дамы сошли на землю перед монастырем францисканцев. Обещанная «достопримечательность» представляла собой большую залу в часовне, стены которой были выложены тремя

тысячами человеческих черепов. Местные гиды не могли объяснить происхождение этой странной архитектуры.

Наглядевшись, путешественники стали спускаться по склону. Два пешехода сразу же отстали, так как не могли двигаться по мостовой быстро. Они награждали ее самыми не лестными словами.

— Ну и улицы здесь! — возмутился Роже, останавливаясь. — Не желали бы вы немного передохнуть или, по крайней мере, замедлить шаг?

— Я как раз собирался предложить вам то же самое, — ответил Робер.

— Чудесно! Я воспользуюсь нашим уединением, чтобы сделать вам предложение.

Роже напомнил, что вместе с сестрами Линдсей они наметили на завтра экскурсию в глубь острова. Понадобится переводчик, и Роже рассчитывает на своего друга.

— Боюсь, что это трудноисполнимо, — усомнился Робер.

— Почему?

— Потому что я работаю на всех туристов, а не на некоторых из них.

— Но мы не будем обособливаться. Пусть с нами идут все, кто хочет. Те, кто останется в Фуншале, где все говорят по-английски, не нуждаются в переводчике. Весь город можно осмотреть за два часа, включая часовню с черепами. Впрочем, это должен решать мистер Томпсон, я с ним вечером поговорю.

Два друга догнали своих спутниц внизу. Те остановились, привлеченные смехом и восклицаниями, доносившимися из одного дома. Через некоторое время мимо туристов прошло шествие, сопровождаемое звуками веселой музыки и праздничными песнями.

Роже удивленно воскликнул:

— Но... но... Прости меня, Боже, но ведь это похороны!

И действительно, на плечах четырех мужчин двигалось нечто вроде носилок, где спала вечным сном маленькая девочка.

Со своего места туристы хорошо видели лоб, окаймленный белыми цветами, закрытые глаза, скрещенные на груди руки — на кладбище везли мертвого ребенка при всеобщем ликовании.

Относительно церемонии не могло быть ошибки, относительно факта смерти — тоже. Желтый лоб, сморщенный нос, две застывшие маленькие ножки, выступающие из-под складок платья, неподвижность тела — все было подлинным.

— Как это понять? — прошептал Роже, в то время как толпа медленно шла мимо.

— Ничего непонятного, — ответил Робер. — В этой католической стране полагают, что души умерших детей попадают сразу на небо и становятся ангелами. Зачем их тогда оплакивать? Не следует ли радоваться их смерти тем больше, чем

сильнее любили их на земле? Поэтому и поют радостные песни. После церемонии друзья семьи маленькой покойницы поздравляют ее родителей.

— Какой странный обычай! — сказала Долли.

— Да,— прошептала Элис,— очень странный... но утешающий.

Как только они добрались до гостиницы, где собрались туристы, чтобы вместе отправиться на корабль, Роже познакомил Томпсона со своим планом. Томпсон охотно согласился, он всегда был рад избавиться от лишних ртов.

Администратор не только принял предложение сразу, но начал активно пропагандировать эту не входящую в программу экскурсию.

Желающих нашлось мало. Зачем лишние траты, когда путешествие и так слишком дорогое!

Нашелся все же один турист, одобвивший эту идею и присоединившийся к экскурсантам.

— Поистине, сэр,— сказал он резко,— это путешествие должны были организовать для нас вы.

Кто мог быть этим пассажиром, если не тот же непреклонный Саундерс?

За ним, воодушевленный его примером, последовал барон, и, конечно, Блокхед, заявивший, что восхищен идеей.

Больше никто не изъявил такого желания.

— Следовательно, нас будет восемь,— заключил Джек.

Элис поморщилась и посмотрела на своего деверя с удивлением. При их отношениях он должен был бы воздержаться от экскурсии. Но Джек отвернулся и не видел того, чего не желал видеть.

Элис вынуждена была не выдавать своего недовольства, но ее обычно ясное лицо омрачилось. Она упрекнула Роже в том, что он обнародовал их планы. Роже извинился и добавил, что во время путешествия в глубь острова будет необходим переводчик. Кроме того, сказал он серьезно, мистер Морган знает страну и будет гидом.

— Может, вы и правы,— ответила Элис,— но я все же немного недовольна тем, что вы приняли его в наше общество.

— Почему? — спросил весьма удивленный Роже.

— Потому что экскурсия придаст нашим отношениям характер близкой дружбы. Для нас, женщин, это деликатный вопрос. Я согласна, что мистер Морган привлекателен. Но все же это человек зависимый, неизвестного происхождения, у него нет поручителя...

Роже с удивлением выслушал эти неожиданные принципы гражданки свободной Америки. Обычно Элис вела себя в подобных делах независимо. Он не без некоторого тайного удовольствия отметил внимание, которое женщина, по своему со-

стоянию высоко стоящая в обществе, оказывала скромному служащему агентства.

Элис невольно выдавала себя, говоря о возможной близкой дружбе с Морганом, ее занимала мысль о его происхождении, она сожалела, что у него нет поручителя.

— Прошу меня извинить, но у него есть поручитель,— перебил молодую женщину собеседник.

— Кто же?

— Я. Я за него ручаюсь,— серьезно сказал Роже и распрощался с Элис.

Слова Роже заинтриговали Элис, ведь любопытство — главная черта всех женщин. Она долго не могла заснуть в своей каюте. Ее волновала загадка Моргана и, с другой стороны, мучила ложность ее отношений с деверем.

Почему она не покинула корабль? Почему не прервала путешествие, которое, впрочем, не следовало предпринимать с самого начала? Это был единственный логический выход, он поставил бы все на свои места. Вынужденная это признать, Элис, однако, чувствовала в глубине души, что все ее существо протестует против такого решения.

Она открыла иллюминатор и с наслаждением подставила лицо теплomu бризу.

В эту ночь рождалась новая луна. И небо и море тонули в черноте. Сверху были звезды, внизу — огни корабля, стоящего на якоре.

Волнуемая беспокойными мыслями, Элис долго сидела задумавшись, вглядываясь в темное пространство, в то время как с пляжа до нее доносился вечный шепот гальки.

ГЛАВА XIV

Куррал-даш-фрайаш

На следующий день в шесть часов по утренней прохладе от отеля «Англетер», куда были доставлены восемь гамаков, караван из восьми путешественников тронулся в путь. Шестнадцать носильщиков сопровождали еще шестнадцать сменных. К восьми часам сделали короткую остановку в Камара-ди-Лобуш, затем решительно устремились в гору по дороге, прозванной из-за ее крутизны Мата-Беф, что значит «убийца быков».

Люди брали штурмом и побеждали тропинку, доканывающую быков. Одно удовольствие было смотреть на носильщиков гамака. Два часа подряд, сменяясь через каждые пятнадцать минут, они ровным шагом без единой жалобы поднимались по крутому склону. Только к десяти часам устроили отдых. Дорогу тут пересекал небольшой, почти пересохший ручей, и вместо надоевших камней здесь был ровный грунт. После часа ходьбы носильщики, пройдя заросли старых кашта-

нов, унылую степь, где от прежнего леса сохранилось лишь несколько сосен и, наконец, мелколесье пахучих кустарников, установились около грубой ограды. За ней виднелись красивые стены кинты Кампанариу.

Эта кинта, когда-то великолепная, теперь представляла собой жалкие развалины. Туристы не стали искать помещение для обеда, а предпочли расположиться на открытом воздухе, на площадке. Носильщики расчистили ее от камней и колючего кустарника, а также от всяких отбросов — следов мадейрской нечистоплотности. Из вещевых мешков достали продукты, постелили на землю белую скатерть.

Пока под наблюдением Робера накрывали на стол, туристы остановили свое внимание на двух каштанах, возвышающихся возле кинты. Самый большой из них — настоящая достопримечательность острова — был более одиннадцати метров в окружности.

Но разыгравшийся после тяжелого подъема аппетит заставил всех поспешить за импровизированный стол. Однако и тут не обошлось без неприятностей: стол окружили козы и грязные оборванные дети. Угрозами и подачками с трудом удалось всех прогнать.

Только путешественники вошли во вкус обеда, как внимание их привлекла странная личность, показавшаяся в дверях кинты. С лицом кирпичного цвета, всклокоченной бородой и гривой волос, которые в чистом виде, наверное, должны быть светлыми, этот человек, опираясь на дверной косяк, жадно смотрел, с каким аппетитом туристы поглощают еду.

— Добро пожаловать в мои владения, — сказал он, приподнимая остатки огромного сомбреро¹, от которого, впрочем, остались только поля.

— Ваши владения? — переспросил Робер, приподнявшись и отвечая на приветствие хозяина.

— Да, мои владения кинта ди Кампанариу.

— В таком случае, сеньор, извините иностранных туристов за бесцеремонность, с какой они расположились на вашей земле.

— Не надо извинений, — возразил собеседник на вполне сносном английском языке. — Счастлив оказать вам гостеприимство.

Робер и его спутники смотрели на подошедшего с удивлением. Их взгляды переходили от его жалкой личности к лачуге — жилищу этого странного собственника. Последнему, казалось, доставляет удовольствие удивление гостей.

— Позвольте представиться дамам самому, поскольку оказать мне эту услугу некому. Надеюсь, дамы простят такую

¹ Сомбреро — испанская широкополая шляпа.

невежливость дону Мануэлу ди Гойа, вашему покорному слуге.

Благородный оборванец произнес эту тираду полувеличественно, полушутливо. Но его, несмотря на подчеркнутую вежливость, выдавали глаза. Они не могли оторваться от обильного стола и перебегали от паштетов к ветчине, ласкали соблазнительные фляги и очень красноречиво говорили о страданиях желудка.

Элис сжалась над несчастным хозяином. Радужным жестом она пригласила сеньора Мануэла разделить их трапезу.

— Благодарю, охотно принимаю приглашение, — ответил тот, не заставляя себя упрямиться. — И не считайте, что вы попали в плохую компанию. Эта грубая внешность скрывает «моргаду», как нас здесь называют. Вы видите одного из крупнейших земельных владельцев острова.

Видя вопросительно-ошеломленные взгляды туристов, дон Мануэл рассмеялся.

— А! — воскликнул он. — Вы спросите, как же выглядят остальные? У других еще больше дыр, чем у меня, а дома еще хуже моего.

Глаза моргаду блестели. Сюжет своего рассказа он, по-видимому, принимал очень близко к сердцу.

— Все очень просто, все произошло из-за идиотских законов, царящих в стране. Принадлежащие нам земли, которые мы сами не можем обработать, наши отцы сдали в аренду фермерам. Те могут продать землю либо завещать ее своим детям, но отдают владельцу половину дохода. Арендатор может строить на арендованных землях дома и все что ему угодно. А владелец по истечении срока аренды, для того чтобы снова стать хозяином, должен выкупить ее за полную стоимость своего владения. Но кто из нас может это сделать? И вот, будучи номинально владельцами, мы в реальности лишились всего. Такое положение длится уже двадцать лет, и вот результат. Я унаследовал от моих дедов достаточно земли, чтобы построить на ней город, а не могу даже починить свой дом.

Лицо моргаду помрачнело. Он машинально протянул стакан, его наполнили. Утешение оказалось хозяину по душе, он все чаще стал этим пользоваться. Теперь он почти не говорил, он наедался на две недели и напивался на месяц. Временами его взгляд смягчался, глаза туманились, становились влажными. Наконец они совсем закрылись. Упав на землю, моргаду сладко заснул.

Отправляясь в дорогу, путешественники не стали его будить.

— Как нелегко найти разумное решение социальных проблем, — заметил Роже. — С такими законами крестьяне скоро станут феодалами.

— А феодалы крестьянами,— меланхолично подхватил Робер.— И придет их очередь совершать революцию.

Роже ничего не сказал в ответ на этот печальный аргумент. Общество тронулось в обратный путь молча.

Отдохнувшие носильщики шли быстро. К тому же дорога спускалась вниз. Менее чем через полчаса узкая тропинка привела экскурсантов к небольшой естественной платформе на вершине Кабу-Жиран.

С этого узкого гребня они увидели южную сторону острова. Перед ними — пустынный силуэт Порту-Санту, без деревьев, без какой-либо поросли. На западе — город Кальета, позади него — высокие горы в дымке тумана. На востоке — Камаради-Лобуш, Фуншал и мыс Сан-Лоренсу.

До захода солнца предстояло пройти еще много километров, и это не позволяло предаваться долгому созерцанию.

Носильщики шли по-прежнему бодро. Этот способ передвижения, хотя и был неустойчивым, оказывался неудобным для бесед. Путешественники не имели возможности обмениваться впечатлениями, они находились далеко друг от друга. Пассивно покачиваясь в гамаках, туристы любовались великолепным пейзажем.

Дорога то поднималась, то опускалась, а высота постепенно увеличивалась. Вместо тропических зарослей появилась растительность умеренных широт. Вместо пальм, кактусов, папоротников теперь попадались дубы, кедр, грабы.

Неустойчивые носильщики шли все так же легко. Спустившись в долину, они поднимались на следующий гребень, снова опускались и снова поднимались, будто не чувствуя усталости. На тринадцатом подъеме при заходящем солнце показался город Магдалена.

Через четверть часа гамаки остановились перед приличной на вид гостиницей. Их тут же окружила орава детей, выпрашивающих милостыню.

Мягкие туманы Робера и Роже не остановили сорванцов. Только Саундерс нашел способ избавиться от попрошайек. Взяв пригоршню мелких монет, он пересчитал их и бросил в сторону. Вся орава жадно кинулась за добычей, а Саундерс вынул блокнот и сделал запись. Затем, убирая блокнот в карман, повернулся к заинтересованному этими маневрами Роберу.

— Надеюсь, вы подтвердите мистеру Томпсону расходы, что я записал? — агрессивно спросил он дребезжащим голосом.

На следующий день отправились в путь с самого утра. Дорога была длинной. Особенно трудным оказался переход от Магдалены к Сан-Винсенти, где предстояло заночевать.

Сначала в течение приблизительно двух часов шли той же дорогой, что была пройдена накануне. Затем носильщики,

свернув налево, пошли по козьей тропе, вьющейся в глубине узкой долины.

По крутой каменистой дороге носильщики продвигались медленно, хотя и уверенно. Они часто сменяли друг друга и каждые четверть часа делали короткую остановку.

К десяти часам чем-то обеспокоенные носильщики остановились.

— Что случилось? — раздался сварливый голос барона.

— Непредвиденные обстоятельства, — ответил Робер, — и это нас несколько задержит.

По его примеру туристы спустились на землю.

— Но что же это все-таки такое? — спросила в свою очередь Элис.

— Ничего серьезного, миссис Линдсей, успокойтесь, — поспешил ответить Робер. — На нас надвигается лешти, как здесь называют восточный ветер, — вот и все.

— Лешти?

— Смотрите. — Робер показал в сторону моря.

В атмосфере произошли необычные изменения. Горизонт обложилось желтое облако. В этой туче, похожей на расплавленное золото, воздух трепетал так, словно его палило огнем...

— Это облако, — объяснил Робер, — предвещает порыв ветра со стороны Сахары. Проводники делают все возможное, чтобы нас защитить.

— Как, — воскликнул Гамильтон, — мы задержимся из-за этого облачка?!

Не успел он договорить, как ветер достиг туристов. В одно мгновение стало невероятно жарко. В воздухе носился обжигающий песок.

Даже в городе уберечься от ветра пустыни невозможно. Песок, перенесенный через моря, проходит всюду, проникая даже сквозь очень плотно закрытые окна. На дороге же, где не было укрытия, положение становилось просто невыносимым.

Казалось, в воздухе совсем не осталось влаги. Обжигающие порывы ветра вздымали вверх пожелтевшие за несколько минут листья. Ветки бессильно никли.

Туристы задыхались. По примеру проводников они прятали лицо в одежду, но это не помогало. Песок, проникая в бронхи, вызывал приступы мучительного кашля.

Выносить это становилось все более невозможно. К счастью, Робер нашел выход. Рядом, вдоль тропинки, шли борозды «левадуш» — изобретение, которым славится Мадейра. Затратив огромные усилия, жители Мадейры покрыли весь остров сетью миниатюрных акведук¹, подводящих в жилые районы питьевую воду с горных вершин. Роберу пришла

¹ Акведук — мост для прокладки водопроводных труб, оросительных каналов через овраги, ущелья, долины рек, дороги.

мысль превратить ближайший акведук в убежище от обжигающего дыхания ветра африканской пустыни.

По его распоряжению в канавке сделали перекрытие из камней. Вода пошла через край, падая каскадом и закрывая влажным занавесом образовавшийся грот¹.

Грот, к несчастью, был слишком мал, чтобы вместить всех туристов. В нем укрылись Элис и Долли. Оставалось еще одно место. Мужчины занимали его по очереди, меняясь каждые пять минут. Когда они входили в убежище, их обдавал душ, доставляя немыслимое удовольствие.

Проводники были этого лишены. Трудно сказать, испытывали ли они страдания. Прислонившись к скалам и спрятав головы в просторные капюшоны, они ждали неподвижно и терпеливо.

Их терпение подвергалось испытанию довольно долго. Обжигающий ветер дул часа четыре.

И вдруг запела птица. Ей ответили другие. Стали распрямляться листья деревьев. Проводники поднялись, откинув капюшоны.

Через двадцать секунд лешти как-то внезапно прекратился и сразу подул свежий бриз.

— Конец, — сказал один из проводников, а туристы закричали «ура».

Прежде чем продолжить путь, следовало пообедать. Быстро расправившись с провизией и утолив жажду из брызжущего каскада, снова оказались в пути.

Опоздание более чем на пять часов все осложняло. Теперь они не смогут прибыть в Сан-Винсенти до наступления ночи.

Но опоздание ли тревожило проводников, когда в семь часов они вышли к Паул-да-Серра, обширному плато, на высоте тысячи пятисот метров? Их явно угнетало что-то другое, и они молча спешили, насколько позволяли силы.

Страх проводников был столь очевиден, что обеспокоенная Элис спросила об этом у Робера, когда их гамаки оказались рядом во время одной из тех коротких остановок, которые проводники делали теперь все реже. Роже успокоил ее, предположив, что страх проводников объясняется приближением ночи. Но даже и среди бела дня переход через Паул-да-Серра заставлял бы их дрожать: здесь, по местным преданиям, обитали злые духи.

Туристам этот суеверный страх оказался только на руку. Как только они очутились на плато, гамаки понеслись с головокружительной скоростью. Носильщики не шли — они просто неслись по унылой безлесной местности, совсем неприглядной в сумерках.

¹ Грот — здесь: естественная или искусственная пещера.

К восьми часам прошли три мили. Плато кончилось, начался спуск. Проводники вздохнули с облегчением и запели.

Тропинка падала почти отвесно, темнота делала спуск еще более трудным. Усталость вскоре взяла верх, пение прекратилось, проводники сменялись каждые две минуты.

В девять тридцать оказались наконец в Сан-Винсенти, в гостинице. Ее хозяин, услужливый и предупредительный, расточал любезности перед своими припозднившимися клиентами.

Надобность в гамаках кончилась. Туристы должны были пересестись на лошадей. Теперь им предстояло следовать по великолепной дороге, соединяющей город с Фуншалом.

Покидая на следующий день гостиницу, расположенную на самом берегу моря, путешественники прошли через деревню Сан-Винсенти, красиво приютившуюся в глубине зеленой долины, окруженную со всех сторон скалами. Затем дорога снова начала петлять, лошади рванулись с крутого спуска горы.

Погода с недавнего времени резко изменилась. Лешти больше не было, но не было и безоблачного неба. Ветер нагнал большие тучи, закрывшие весь горизонт, — явление для Мадейры очень редкое. Прошли всего метров двести, как окунулись в густой туман, едва позволявший различать ухабистую дорогу. Воздух был насыщен электричеством, надвигалась гроза.

Люди и животные тяжело переносили такое напряжение. Этот способ передвижения позволял туристам общаться, но они молчали. Животные поднимались с трудом, нагнув головы и раздвигая ноздри, шерсть их блестела от пота.

Но через два часа после отправления альпинисты, достигнув перевала Энкуэмада, вдруг вынырнули из тумана. Внизу на гребне гор, гонимые легким бризом, висели облака, а над облаками расстилалась чистая лазурь. И на севере и на юге взгляд, не встречая препятствий, следовал до самого моря.

На этой высоте воздух был свежим. Носильщики тоже почувствовали его благотворное влияние. Но кавалеристы стали испытывать неудобства: дорога перешла в узкую тропинку.

От перевала Энкуэмада начался спуск по южному склону острова. Сузившаяся дорога шла ущельем, в его глубине бурлил горный поток, с высоты казавшийся до удивления маленьким.

В течение полутора часов продвигались между скалой с одной стороны и пропастью — с другой. Экскурсантам показалось, что они слишком долго идут по этому пути, как вдруг тропинка, став широкой дорогой, свернула направо.

Но никто не торопился выходить на дорогу. Сгрудившись, туристы смотрели вниз. Они находились на краю старого кратера, восьмисотметровой бездны, прекрасного творения Создателя.

Все с благоговейным молчанием созерцали эту некогда наполненную пламенем пропасть.

В доисторические времена здесь кипели огненной лавой сотни вулканов, заполняя море, испаряя воду, сотворяя побережье. Затем неистовство Плутона утихло, вулканы потухли, безжизненная раскаленная лава стала островом, возникла жизнь. Последний вулкан еще бушевал, когда все остальные уже успокоились, и в течение веков волны накатывались на уже охладевшие берега. Прошли еще века, и, в свою очередь, затих и этот вулкан. Расплавленные скалы затвердели, образовался гумус — почвенный слой, появились растения. В местах, отвоеванных у леса с помощью пожаров, возникли деревни. Страшный кратер превратился в «Куррал-даш-Фрайаш» — «парк монахинь». В глубине парка журчал ручей.

Это место, свидетель всех ужасов Земли, производило сильное впечатление. Следы прошлых катаклизмов еще сохранились: головокружительные пропасти, нагромождения огромных скал, причудливая фантазия окружающей природы. Слева от вулкана туристы видели «Торриньяш»: на высоту тысячи восьмисот восемнадцати метров поднимались горы-близнецы. Справа возвышался пик Ариеру, прямо — самая высокая вершина Мадейры — пик Руиву.

В глубине пропасти со временем появилась растительность, возникла деревня Либраменту — дома и колокольня.

По программе намечался спуск в эту деревню. Там даже рассчитывали пообедать. Однако путешественники колебались, они понимали, что лошадям трудно спускаться в глубину куррала по тропинке. А подняться оттуда будет, наверно, еще трудней. Проводники успокоили туристов: они предусмотрели все трудности. И путешественники начали спуск.

Тропинка оказалась опасной только на вид, идти по ней было легко.

Но обоим французам все же приходилось постоянно заботиться об Элис и Долли.

Робер решил предложить помощь своей спутнице не без колебаний. До сих пор он не позволял себе такой вольности. Однако какое-то смутное чувство побудило его преодолеть сдержанность. Элис часто обращалась к нему, делилась впечатлениями, в какой-то мере даже искала общества. Удивленный и растроганный Робер спрашивал себя, уж не выдал ли его Роже.

И все-таки, как бы ему ни хотелось, он не мог выйти за пределы вежливой учтивости. Морган полагал, что только такое поведение приличествует переводчику, и поначалу оставлял иногда американку в довольно затруднительном положении. Пусть ей помогают другие — барон, Саундерс, Джек Линдсей, думал он.

Но Гамильтон и Саундерс были заняты только собственны-

ми персонами. А Джек шел позади. Если он и обращал внимание на свою невестку, то выражалось это в том, что бросал порой на нее взгляды, которые заставили бы вздрогнуть того, кто нечаянно их поймал. Эти взгляды от Элис переходили к пропасти и не предвещали ничего доброго. Может, он ее туда и не решился бы сбросить, но уж точно не оказал бы помощь, если бы ей грозила опасность упасть.

Поэтому Робер вынужден был обратить внимание на оставленную всеми Элис. В трудных местах он машинально предлагал ей руку, она опиралась на нее совершенно естественно, и так они, даже не заметив, дошли до центра куррала и до Либраменту.

По мере спуска воздух наливался тяжестью. А когда закончили обед, вдруг повеяло свежим ветром. Видно, где-то началась гроза. На гребнях Арриеру и Руиву, вероятно, шел дождь, вершины их скрывались за непроницаемой для глаз пеленой.

В долине же обошлось без дождя. Небо было серое, но земля оставалась сухой и, по-видимому, погода не собиралась меняться. Местный житель, с которым решили посоветоваться, отнесся к плану спуска в глубь куррала неодобрительно. Он посмотрел на подернутую туманом вершину Руиву и с сомнением покачал головой.

Робер пытался задавать ему вопросы, но ничего более определенного вытянуть из крестьянина не удалось. Тот ограничился только напутствием не приближаться к руслу.

«Вероятно, старик опасается наводнения, они бывают здесь часто»,— догадался Робер. Во время грозы в горах по руслам пересохших рек стремительно несутся потоки воды. Такой паводок длится несколько часов и оставляет после себя опустошительные разрушения. Предостережение этого человека забывать не следовало.

Через полчаса всем показалось, что погода разясняется. В небе совсем не было туч. Если на вершинах гор и плавали облака, то они быстро расходились.

И туристы забыли об осторожности. Почва стала каменистой и неровной, а несколькими десятками метров ниже, рядом с руслом, по которому текла безобидная струйка воды, расстился прекрасный песок. Он был как освежающий бальзам для уставших ног.

Путешественники сошли на этот песок и весело устремились вперед. Робер и Роже в расщелинах скал собирали для своих спутниц розы, фиалки, боярышник.

Долина постепенно сужалась и наконец совпала с руслом. А русло уходило в коридор, ограничиваемый отвесной стеной слева и привлекательным склоном справа. Через пятьсот метров туристов должны были ждать лошади.

Перед тем как углубиться в этот коридор, путешественни-

ки огляделись. Взгляд охватывал расстояние, равное примерно километру. Вдали виднелась колокольня Либраменту. Небо становилось все чище. Погода не предвещала ничего неожиданного.

По словам поэта, кого Юпитер¹ хочет наказать, того лишает разума. Ведь предупреждений путешественникам было достаточно. И тех, что Робер заимствовал из путеводителей, и тех, что высказал крестьянин из Либраменту. Но, успокоенные хорошей погодой, они последовали вдоль русла в новом направлении.

Метров через триста Робер, полагая, что туристы должны находиться рядом с местом, где их ожидают лошади, пошел на разведку. Он поднялся на правый берег и стал пробираться между скалами, а его спутники продолжали путь.

Не прошло и двух минут, как они остановились. В глубине куррала раздался непонятный грохот, он усиливался с каждой секундой.

К забывшим осторожность туристам сразу вернулись и память и разум. Все поняли, что означает этот грохот, и мгновенно бросились на правый берег. Роже поддерживал Долли, остальные заботились каждый о себе. С лихорадочной поспешностью все поднялись на крутой склон горы.

Теперь Долли, Роже, Гамильтон, Блокхед и Саундерс оказались в безопасности... Джек, находившийся все время на некотором отдалении, залез на скалу.

Они сделали это вовремя.

Грохот превратился в свист, рев, завывание. Надвигался огромный яростный поток, несущий за собой камни. Элис бессознательно побежала за деревом. Немного замешкавшись из-за падения, она достигла подножия скалы, когда тот забрался уже на вершину. Она тоже сделала попытку залезть наверх, но поняла, что не успеет. Вода подступила очень близко.

Надо подняться всего на два-три метра — и достаточно. Но для этого она нуждалась в помощи. Если бы Джек...

— Джек! — крикнула она.

Услышав крик, Джек посмотрел вниз. Он ее увидел. Нагнул, подал руку.

И тут по его губам пробежала дьявольская улыбка. Взгляд метнулся от невестки к угрожающему ей потоку. После короткого колебания он выпрямился, убрал руку, и Элис, закричав от ужаса, исчезла в водовороте.

Очень бледный, задыхающийся, Джек покинул место драмы. Он присоединился к своим спутникам. Никто ничего не узнает. Джек подошел к пребывавшей в полуобморочном состоянии Долли и хлопотавшему возле нее Роже.

¹ Юпитер — в римской мифологии верховный бог; соответствует греческому Зевсу.

Робер стремительно бежал к месту катастрофы. Он все видел с высокой скалы и кинулся на помощь. Но опоздал. Однако успел стать свидетелем отвратительной сцены.

О наказании злодея молодой человек сейчас не думал. Он как безумный промчался мимо остолбеневших спутников и бросился в поток. Долли мгновенно поняла, что случилось. Она закричала и упала на руки Роже.

ГЛАВА XV

Лицом к лицу...

Удача, кажется, начала изменять Томпсону. Дела на «Симью» шли все хуже. Гидра недовольства все смелее поднимала голову.

Как и накануне, пассажиры сошли тридцатого мая на берег. Как и накануне, они собрались за завтраком в гостинице «Англетер» и, как и накануне, посвятили день прогулке по Фуншалу и его окрестностям.

Но вечером, уже на борту, при мысли о том, что в течение еще четырех дней придется делать то же самое, всем стало так тошно, что тридцать первого мая половина пассажиров отказалась покидать корабль.

Томпсон, уверенный, что все идет отлично, кажется, не понимал, что происходит, и не заметил всеобщего недовольства. Он и бровью не повел, когда сошел на берег во главе сильно уменьшившегося отряда, чтобы позавтракать в гостинице.

Тем не менее ему все-таки скоро пришлось открыть глаза и уши.

Среди проскукавших целый день на рейде нарастало недовольство. И когда Главный Администратор вечером вернулся на борт, ему пришлось признать, что туристы, обычно такие спокойные, просто ходуном ходят от возмущения.

Назревал бунт. Он разразился утром первого июня, когда к дурному расположению духа тех, кто просидел на «Симью», добавилось недовольство остальных. Те тоже сердились из-за того, что третий день бестолково слонялись по городу, и были теперь полны решимости больше так не развлекаться.

Вот почему первого июня Томпсон оказался на переправе один. Не совсем, правда, один. У него был спутник в лице Вана Пипербума из Роттердама, поскольку тот оставался глух к происходящему, по известным причинам. Он невозмутимо следовал повсюду за единственным своим начальником. Томпсон для этого слоподобного пассажира стал постепенно кем-то вроде погонщика.

В течение трех дней он ни разу от него не отстал. Куда шел Томпсон, туда шел и Пипербум. И сейчас он был с ним, как бы сохраняя верность командиру, которого предали солдаты.

Увидев, что его «эскорт» сократился до одной единицы, Томпсон, потеряв обычную самоуверенность, остановился. Он так растерялся, что ему послышалось, будто Гамильтон и Саундерс сказали: «Программа, сударь, программа». Чтобы выполнить воображаемое требование этих педантов, наводивших на него ужас, он подошел к трапу. И тогда на палубе раздались возмущенные крики собравшихся там пассажиров. Томпсон снова в нерешительности остановился. Его окружили двадцать разъяренных туристов.

Один из них заговорил от имени своих попутчиков.

— Итак, сударь,— сказал он, пытаясь сохранить спокойствие,— вы едете сегодня в Фуншал?

— Да, конечно,— ответил Томпсон с деланным простодушием.

— А завтра, а послезавтра?

— Также.

— Так вот, сударь,— сообщил пассажир, повышая голос,— смею заявить, что мы находим это слишком однообразным!

— Ну что вы! — воскликнул Томпсон, как бы не понимая, о чем идет речь.

— Да, сударь, однообразным! Скверно заставлять нормальных людей шесть дней подряд гулять по такому городу, как Фуншал; мы рассчитывали на интересные прогулки, экскурсии...

— Тем не менее, сударь,— заметил Томпсон,— в программе ничего подобного не обещано.

Пассажир громко вздохнул, как это делают, когда хотят сдерживать гнев...

— Вот именно, и мы никак не можем понять, почему! Почему на Мадейре вы не предлагаете нам то же, что во время пребывания на Азорских островах?

Причина же была в том, что одновременно с европеизацией нравов местных жителей и цены также приблизились к «среднеевропейским». Томпсон побоялся, что здесь, в стране, избалованной англичанами, экскурсии окажутся слишком дорогими. Но разве мог он назвать такую причину?

— Нет ничего проще,— ответил он, призвав себе на помощь свою самую любезную улыбку.— Агентство подумало, что пассажиры, устав от постоянных совместных походов, с удовольствием отправятся кто куда хочет. Здесь это просто благодаря тому, что местные жители знают английский язык...

— Так вот! Агентство ошиблось,— прервал его оратор с верхней палубы,— и следовательно...

— Ошиблось?! — воскликнул Томпсон, в свою очередь прерывая представителя протестующей стороны.— Ошиблось! Я рад, однако, что вы ставите мне в вину лишь это заблуждение.

Он вышел на середину палубы и продолжил, переходя от одного пассажира к другому:

— Господа, вы же знаете, что агентство ничего не пожалеет, лишь бы угодить своим пассажирам. Агентство ни перед чем не остановится, если можно так сказать!

Он постепенно все больше вдохновлялся:

— Агентство, господа, друг пассажиров! Преданный и не знающий усталости друг. Да что я говорю! Оно для них как мать, господа! — Томпсон расчувствовался, он даже прослезился. — К счастью, никто не обвиняет наше агентство в том, что оно намеренно пренебрегло хоть какой-нибудь возможностью доставить вам удовольствие. Подобное обвинение возмутило бы меня. Возмутило бы, осмелюсь сказать. В то время как ошибиться!.. Ошибиться — это другое дело. Я мог ошибиться. Я допускаю, что ошибся. Любой может ошибиться. Прошу извинить за это, господа, прошу извинить. Ошибка не в счет, господа, договорились?

— Тогда давайте исправим эту ошибку, — непреклонно сказал тот же пассажир, пропустив мимо ушей всю эту бесполезную болтовню.

— Каким образом, сударь? — любезно спросил Томпсон.

— Завтра же организуйте экскурсию, вместо того чтобы томить нас еще два дня в Фуншале.

— Но это невозможно! — воскликнул Томпсон. — Агентство ничего не подготовило, ничего не предусмотрело. У нас нет времени. Экскурсию следует организовывать заранее, не торопясь. Она требует серьезной подготовки...

Взрыв смеха прервал речь Томпсона. Все помнили, как «хорошо» были подготовлены агентством предыдущие экскурсии! Но смутить Томпсона не удалось.

— Невозможно, — повторил он очень твердо.

И что-то в его интонации убедило всех, что здесь он не уступит.

— Тогда давайте уедем отсюда! — слышался чей-то голос.

Томпсон не замедлил воспользоваться этим предложением.

— Уехать, господа? Но я как раз об этом и думаю. Агентство к вашим услугам, разве нужно это повторять. Итак, проголосуем: кто за отъезд?

— Да, да, хотим уехать! — закричали пассажиры в один голос.

— Будет сделано, как вы желаете, — заявил Томпсон. — И в данной ситуации, и как всегда, осмелюсь заметить!

Он не пошел на берег и дал капитану Пипу новые указания. В это время Пипербум, поняв, что сегодня решительно никто не собирается в Фуншал, спокойно устроился в кресле и закурил свою неизменную трубку. Его великолепное безразли-

чие распространялось на любые непредвиденные обстоятельства.

Как бы там ни было, корабль не мог отплыть немедленно. Следовало дожидаться возвращения восьми пассажиров. Они, впрочем, должны скоро вернуться. А Томпсону предстояло в их ожидании проявить свои необыкновенные дипломатические способности. Хотя воюющие стороны и подписали мирный договор, в их сердцах не было настоящего мира. Против Томпсона повернулись как противники, так и сторонники поспешного отплытия.

Томпсон решительно ничего не хотел замечать. Пассажиры с ним не разговаривали, едва не отворачивались, когда он появлялся. Но эти стрелы пролетали мимо цели. Со свойственной ему невозмутимостью администратор проходил сквозь толпу врагов, не забывая, по своему обыкновению, всем улыбаться.

Но время шло, и с каждым часом Томпсону становилось все более не по себе. Вот-вот вернутся на корабль Саундерс и Гамильтон. Что скажут о новых изменениях в программе эти недоброжелатели? От таких мыслей у Томпсона по спине пробежали мурашки.

Но прошло пять часов, шесть, семь, а экскурсанты не возвращались. За ужином пассажиры недоумевали: в чем причина опоздания? А члены семьи Гамильтонов и Блокхедов начали уже серьезно тревожиться. Всеобщее беспокойство увеличилось, когда окончательно стемнело.

— Что могло случиться, сударь, то уже произошло,— прошептал на ухо преподобному Кули Джонсон, еле ворочая языком. Его собеседнику пришлось отвернуться, чтобы не задохнуться в винных парах, исходивших от философствующего выпивохи.

В половине десятого, когда Томпсон собрался в Фуншал узнать, в чем дело, к правому борту подошла лодка. Один за другим на палубу поднялись запоздавшие туристы.

Но вернулись не все.

Каким веселым было начало экскурсии, и как грустно она закончилась. До чего же длинной показалась обратная дорога в Фуншал!

Во-первых, приходилось все время успокаивать Долли: ее разум, казалось, помутился от отчаяния. Одному Роже удавалось находить слова, хоть немного утешающие девушку.

Когда наконец усталость взяла свое и Долли перестала рыдать, француз сумел убедить ее, что господин Морган ловок и смел и, конечно, спасет женщину, которой предан всем сердцем. Роже без устали повторял это с такой уверенностью, что в душе бедняжки затеплилась надежда.

Он помог Долли добраться до дороги, где их ждали лошади, усадил в седло и пошел рядом.

Джек был мрачен, молчалив и погружен в свои мысли. Он

не стал, будучи родственником Элис, претендовать на роль нуждающегося в утешении. Его хладнокровие могло бы показаться странным, если бы все не были так поражены катастрофой и могли хоть что-нибудь замечать. Они шли молча и думали только о печальном происшествии. И ни у кого не было той надежды, которую Роже, жалея Долли, упорно ей внушал.

Туристы медленно следовали вдоль восточного склона Куррал-даш-Фрайаш, не отрывая глаз от кипящей воды. Гнев ее постепенно затихал. С наступлением ночи добрались до Новой дороги, и она увела людей от потока, поглотившего их друзей.

В Фуншале какая-то лодка перевезла туристов на «Симью», где Томпсон ждал их возвращения с нетерпением и тревогой. Поэтому он бросился навстречу опоздавшим.

Первым из лодки поднялся барон. Скрежет за его спиной выдавал и присутствие ужасного Саундерса. Томпсон был лицом к лицу с одним из своих врагов. Второй был рядом.

— Как поздно вы вернулись, господа! — воскликнул Томпсон. Он призвал себе на помощь самую располагающую улыбку, не подумав о том, что в темноте она не произведет своего действия. — Мы все в страшном беспокойстве.

При отношениях, установившихся между этими двоими и Главным Администратором, выражение такого беспокойства должно было весьма удивить Гамильтона и Саундерса. Но мысли их были заняты совсем другим. Гамильтон и Саундерс слушали Томпсона рассеянно, в то время как другие экскурсанты, поднявшись на палубу, встали полукругом и молча замерли.

— Мы ждали вас с тем большим нетерпением, — словоохотливо продолжил Томпсон, — что в ваше отсутствие господа и дамы попросили меня, можно сказать, потребовали от меня, чуть-чуть изменить нашу программу...

Последние слова Томпсон произнес с опасением. Не получив ответа, он осмелел.

— Нет, действительно, изменение пустяковое. Господа и дамы нашли, что мы слишком задержались в Фуншале, и пожелали сократить свое пребывание здесь и сегодня же вечером сняться с якоря. Я полагаю, вы не станете возражать — ведь в результате мы наверстаем два дня из трех, проведенных в пути.

Ответа снова нет. Удивленный, что все получается так просто, администратор присмотрелся к только что прибывшим внимательнее. Внезапно до его сознания дошло, что они ведут себя странно: Долли плакала, склонившись на плечо Роже. Четверо их измученных спутников ждали, когда болтливый Томпсон даст им вставить слово. Судя по выражению лиц, они собирались сказать что-то важное.

Томпсон охватил взглядом всю группу экскурсантов и только тут обнаружил, что не хватает двоих.

— Что-то случилось? — спросил он задрожавшим голосом.

Будто по некоему таинственному знаку, пассажиры вдруг тесно окружили Томпсона.

— Миссис Линдсей?.. — уточнил он. — Мистер Морган?..

Саундерс жестом, полным отчаяния, указал на рыдавшую Долли. Джек Линдсей, выступив немного вперед, собрался было заговорить, но вдруг попятился, побледнел, вытянув вперед руку, как бы защищаясь.

Происходящее настолько захватило всех присутствующих, что никто не видел, что происходит у другого борта. Вместе с Джеком все посмотрели туда, куда смотрел он.

И тогда при свете бортовых фонарей пассажиры различили две фигуры. Там стоял Робер Морган, с окровавленным лбом, в насквозь промокшем костюме. Он поддерживал Элис Линдсей. Молодая женщина едва держалась на ногах, но вид у нее был решительный.

На вопрос Томпсона ответила Элис.

— Мы здесь, — сказала она, не сводя со своего деверя лихорадочно горящих глаз.

— Мы здесь, — повторил Робер.

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I

Над Томпсоном сгущаются тучи

Развитие событий подтверждало правоту Саундерса. Над Томпсоном сгущались тучи, и вот наконец случилось то, что этот злоязычный пророк предсказывал еще в Орте.

Было совершенно ясно — что-то нарушилось в отношениях между Главным Администратором и его подопечными.

Говорят, хороший сон может заменить голодному желудку обед. Но хорошее расположение духа раздраженным туристам не могло вернуть ничто. Утром второго июня недовольные пассажиры заполнили прогулочную палубу.

Накануне вечером назревающее недовольство было нейтрализовано последними событиями. Они стали единственной темой разговоров и тем самым смягчили первые утренние встречи администратора с туристами. В ином случае скорее всего разразилась бы гроза.

Пассажиры сочувствовали миссис Линдсей, подвергшейся такой опасности, но особенно восхищались Робером Морганом. Для попутчиков француза, давно уже оценивших хорошие манеры и корректность Робера и относившихся к нему лучше, чем к пустомеле Томпсону, он стал теперь героем. И встреча, ожидавшая его на палубе, польстила бы самолюбию любого.

Но, видно, волнения и физические нагрузки предыдущего дня утомили Робера; может быть даже, он был ранен во время схватки с бурным потоком: Робер не вышел утром из каюты и не предоставил своим поклонникам возможность выразить восхищение.

Тогда все набросились на свидетелей происшествия. Саундерсу, Гамильтону, Блокхеду приходилось не один раз вспоминать подробности драматических событий.

Однако нет неисчерпаемых тем, и эта тоже оказалась исчерпанной. Когда все детали были рассказаны и пересказаны, когда Роже объявил, что его соотечественник еще чувствует себя не совсем отдохнувшим, но, вероятно, появится к обеду, туристы перестали заниматься Элис и Робером и вернулись к собственным проблемам.

И тогда все крепко взялись за Томпсона. Если бы речи имели вес, его, безусловно, раздавили бы насмерть. Жертвы агентства, разделившись на группы, выражали свои претензии в гневных тирадах. Снова вспомнили все грехи администратора. Ни о чем не забыли. Гамильтон и Саундерс позаботились об этом.

Тем не менее, несмотря на усилия двух недоброжелателей, недовольство оставалось лишь на словах. При этом ни один не подумал довести свои претензии до сведения Томпсона. Да и к чему? Даже если бы он очень захотел, ничего сейчас нельзя изменить из того, что уже произошло. Поскольку хватило глупости поверить обещаниям агентства, приходилось терпеть последствия до конца путешествия, близкого, впрочем, к завершению. Но будет ли последняя его треть лучше, чем две первые?

Пока последние дни путешествия начинались неважно. Не успели уйти с Мадейры, как терпение пассажиров опять подверглось испытанию. Не нужно быть моряком, чтобы заметить, что скорость движения сильно упала. Где были те двенадцать узлов, выдержанные... в течение нескольких первых дней? Сейчас еле-еле выходило пять миль в час. Обычное рыбацкое судно могло взять «Симью» на буксир.

О причине этого чрезвычайного замедления легко было догадаться по шуму паровой машины. Она стонала, задыхаясь, и ее стоны сопровождались свистом пара, прорывающегося сквозь все щели.

Таким ходом до Канарских островов идти не менее двух дней, это совершенно ясно. Но что поделаешь. Так и доложил капитан Пип весьма расстроенному Томпсону. Очередное опоздание наносило ощутимый ущерб его агентству.

Все переносили новую неприятность молча, понимая, что гневаться бесполезно. Пассажиры пребывали в этом состоянии в продолжение всего обеда. Хотя, видит Бог, качество обеда тоже могло бы послужить поводом для совершенно обоснованных претензий.

Томпсон всячески старался как-то сократить расходную часть бюджета. О стремлении сэкономить можно было судить прежде всего по корабельному меню. Как отличался обед от того, в гостинице, когда Саундерс дал выход своей желчи!

Но никто не высказал недовольства: заведомо бесполезная затея. Каждый закончил трапезу молча. Томпсон, наблюдая краем глаза за своими жертвами, мог предположить, что он окончательно их укротил. Не сложил оружия один Саундерс. Он аккуратно занес этот факт в свой блокнот, куда записывал расходы каждый день. Ничего не следует забывать. Все претензии будут предъявлены компании в конце пути.

Робер, появившийся на верхней палубе около двух часов пополудни, несколько оживил невеселое собрание. Пассажиры

бросились ему навстречу. Многие из тех, кто до этого момента еще ни разу к нему не обращались, от души пожали ему руку. Переводчик вежливо выслушал похвалы, на которые никто не скупился, и, как только позволило приличие, удалился с Долли и Роже.

Долли посмотрела на молодого человека глазами, полными благодарных слез, и схватила его руку. Робер, сам очень взволнованный, не стал уклоняться от выражения столь естественной признательности. Правда, он был немного смущен и потому обрадовался, когда соотечественник пришел ему на помощь.

— Теперь мы остались одни, — промолвил Роже, — и я надеюсь, вы расскажете, как вам удалось спастись!

— О да, господин Морган, — попросила Долли.

— Что вам сказать, — начал Робер. — В общем-то, все очень просто...

Долли слушала его, затаив дыхание.

Он бросился в поток через несколько секунд после падения Элис и почти сразу настиг ее. Но в этом бешеном водовороте ему не удалось бы не только спасти миссис Линдсей, но и спастись самому, если бы не дерево — огромное дерево, со всеми своими ветвями, вырванное где-то на вершине горы. Дерево в нужный момент оказалось рядом и послужило плотом. С этого момента ничего предпринимать не требовалось. Пока их несло на этом дереве, миссис Линдсей и он были вне опасности. Используя толстую палку в качестве багра, в какой-то момент удалось подтолкнуть спасительный плот к берегу. Дерево увязло в песке. Остальное понятно без объяснений. Совершенно выбившись из сил, они добрались до какой-то крестьянской хижины. Оттуда, в гамаках, вернулись в Фуншал, затем появились на «Симью». Как раз вовремя, чтобы успокоить своих попутчиков.

Таков был рассказ Робера; Долли еще не один раз просила его повторить все сначала, пока не выяснила детали до мельчайших подробностей. В этот момент прозвучал гонг к ужину. День пролетел как во сне.

Трое друзей, занятые собой, не замечали до сих пор настроения своих попутчиков, но за ужином поневоле пришлось обратить на это внимание. Вечернее застолье, как и утреннее, прошло тихо. Бросалось в глаза, что всем ужасно скучно. Исключением были ненасытные Джонсон и Пипербум. Эти, наверное, вообще никогда не унывали, один — непросыхающая губка, другой — бездонная утроба.

Пипербум, как обычно, собирался после ужина закурить трубку. Дым ее унесет с собой все мелкие человеческие неприятности. Безразличный к качеству пищи, он ее в данный момент просто поглощал.

Джонсон был достойной парой для этой машины по пере-

вариванию пищи. Он сидел на другом краю стола, опустошая бутылки в таком количестве, что мог привести в изумление самого избалованного подобным зрелищем зрителя. Пьянея, он застыл на своем стуле, с пунцовым лицом, с дрожащими руками, с мутным, ничего не видящим взглядом.

Неспособные что-либо понять, они не знали, что все окружающие недовольны путешествием. Да если бы и узнали, не поверили бы. Может ли быть более приятным путешествие, во время которого набираешься градусов, пока не воспламенишься, и ешь, пока не лопнешь?

Но за исключением этих двух, остальные пассажиры чувствовали крайнюю неудовлетворенность. И если сотрапезники Томпсона не объявили еще ему открытую войну, то уж, во всяком случае, найти среди них доброжелателя администратору было нелегко.

Правда, один друг еще оставался. С первого взгляда любой непосвященный заметил бы этого пассажира среди остальных. Он пытался со всеми заговаривать, и при этом громко. Не важно, что его слова не находили ответа и терялись, как в вате, в холодной отчужденности попутчиков.

В десятый раз принимался он рассказывать подробности драмы, едва не стоившей жизни миссис Линдсей, и, не обращая ни малейшего внимания на безразличие слушателей, находил все новые слова восхищения в адрес Робера Моргана.

— Да, господа,— восклицал рассказчик,— это героизм! Мы видели, с какой скоростью надвигалась волна высотой с дом. Это было ужасно, и, чтобы прыгнуть в воду, господину профессору потребовалось необычайное мужество. Я, тот, кто вам об этом рассказывает, не сделал бы этого, признаюсь, нет. Говорю правду, чистую как золото, господа, чистую как золото!

Конечно, в лице достойнейшего почтенного бакалейщика Томпсон имел настоящего друга. И все же — как подводит нас мелочность — и этого верного друга Томпсон в какой-то момент едва-едва не потерял.

Все только что вышли из-за стола и поднялись на прогулочную палубу. Но тишина здесь с появлением пассажиров почти не нарушилась. Один Блокхед продолжал делиться со всеми прекрасным настроением, в коем он пребывал. В первую очередь он обращался к своей дорогой семье, увеличившейся за счет Тигга: две его надзирательницы не спускали с него глаз.

— Абель! — торжественно говорил Блокхед. — Запомните на всю жизнь то, что довелось вам увидеть во время этого великолепного путешествия! Надеюсь...

На что надеялся Блокхед? Бакалейщик не успел объяснить на сей счет. К нему подошел Томпсон с какой-то бумажкой в руках.

— Простите меня, господин Блокхед,— сказал Томпсон,—

но я должен представить вам мой счетец. Коммерсант всегда предпочитает улаживать дела сразу.

В тот же миг Блокхед заволновался. Его добродушная физиономия утратила свое радостное выражение.

— Счет? — повторил он, отталкивая рукой протянутую ему бумагу. — Между нами не может быть счетов, сударь, как мне кажется. Мы, сударь, заплатили за свои места.

— Не все заплатили... — поправил его Томпсон, ласково улыбаясь.

— Как это не все? — пробормотал Блокхед.

— Вам изменяет память, позволю себе заметить, мой друг, — настойчиво продолжал Томпсон. — Если вы окажете мне любезность вспомнить, то память подскажет вам, что вы заплатили за четыре полных места и еще за полместа.

— Да, так, — сказал Блокхед, широко открывая глаза.

— Ну вот, — продолжил Томпсон, — полместа — это билет для вашего сына, присутствующего здесь господина Абея, которому еще не исполнилось десять лет к моменту отплытия. Нужно ли напоминать его отцу, что именно сегодня он достиг этого замечательного возраста?

По мере того как Томпсон говорил, Блокхед становился все бледнее. Какой удар по его кошельку!..

— Ну и что... — попробовал он возразить упавшим голосом.

— Теперь больше нет причины для скидки на билет господина Абея, — ответил Томпсон. — Но тем не менее, во имя сохранения наших добрых отношений и учитывая, что путешествие уже близко к завершению, наше агентство решило предъявить счет лишь на половину суммы, которую ему следует доплатить. Вы увидите, что это десять фунтов, и ни пенсом больше.

С этими словами Томпсон вложил счет в руку своего пассажира, замершего в растерянности, и, сложив губы сердечком, стал ждать ответа. Лицо Блокхеда окончательно утратило благодушное выражение. Какой гнев выразило бы оно, если бы только тихая душа бакалейщика была знакома с этим неистовым чувством. Но Блокхед не ведал гнева. С побелевшими губами, сморщив лоб, он продолжал молчать, совершенно подавленный, под чуть насмешливым взглядом Томпсона.

К своему несчастью, Томпсон рассчитывал на реакцию одного лишь Блокхеда. Но у того нашлись грозные союзники. Внезапно Главный Администратор в двух дюймах от своих глаз увидел три пары отточенных коготков, а за ними — три рта с острыми зубами. И в тот же момент в его ушах раздался утроенный крик. Миссис Джорджина и нежные мисс Мери и мисс Бесс явились спасти главу семьи.

Томпсон развернулся в сторону атакующих, но при виде этих трех лиц, перекошенных яростью, почувствовал паниче-

ский ужас. И быстро отступил. Назовем вещи своими именами: он сбежал. А миссис Джорджина, мисс Бесс и мисс Мери бросились в объятия мистера Абсирфуса Блокхеда. Бакалейщик с облегчением перевел дыхание.

ГЛАВА II

Вторая тайна Робера Моргана

На борту «Симью» все еще спали, когда на следующее утро Джек Линдсей появился у трапа, ведущего к палубе. Он прошелся по палубе, в задумчивости сел на скамью по левому борту, машинально взялся за поручень, и его рассеянный взгляд устремился вдаль.

Легкая дымка у горизонта указывала на приближение к первому из Канарских островов. Но Джек не видел далекого гранитного берега. Его внимание было поглощено другим. Он бесконечно анализировал свое положение под разными углами зрения. Снова и снова переживал сцену у разбушевавшегося потока. Слышал как наяву крик Элис. В этом месте драмы он всякий раз задавался вопросом, от которого никак не мог отделаться и который сильно его беспокоил. Поняла ли тогда Элис, что он сделал?

Если поняла, если видела, как внезапно отдернул он протянутую ей руку, то, вероятно, Элис начнет действовать и выдст его! Что ему тогда делать?..

Но, придирчиво рассматривая этот эпизод со всех сторон, он успокаивал себя. Нет, Элис не заговорит. Она никогда не согласится покрыть позором имя, которое носит. Даже если знает правду, будет молчать.

Джек так долго размышлял об этом, что в конце концов совсем успокоился. Он убедил себя: ничто не мешает ему жить, как и раньше. Следовало, однако, признаться самому себе, что его внезапный план провалился: Элис жива, она по-прежнему хозяйка своего состояния. Но, если бы она и погибла, притязания Джека на наследство не стали бы более реальными. В этом случае следовало завоевать Долли, что было бы не легче, чем жениться на ее сестре, это он знал хорошо. Отчаяние заставило девушку забыть о принятых в обществе условностях, сделало очевидным ее сердечную привязанность даже для самых ненаблюдательных. Ее сердце принадлежало Роже де Соргу, и Джек не мог ни на что надеяться.

В таком случае, к чему все старания?

«Если только не...» — прошептал ему внутренний голос. Но Джек передернул плечами, отвергая опасные мысли. До сих пор он о таком и не помышлял, неужели теперь он может превратиться в убийцу двух женщин?.. Это, конечно, безумие. Подобное преступление было бы опасным. Родственник, который

является единственным наследником погибших молодых женщин, естественно, первым попадет под подозрение. Да и каким образом можно обмануть Роже де Сорга?

Нет, не оставалось ничего другого, как только ждать. Спокойно жить, выжидая, не представится ли другой удобный случай добиться своего. Главное, быть уверенным, что нет свидетелей покушения на жизнь Элис. Но Джек полагал все же, что в этом отношении ему ничего не угрожает. Они были совершенно одни с Элис, когда она протягивала ему умоляюще руки. Никого рядом не было.

Когда Джек в который раз возвращался к этим мыслям, он почувствовал, как на плечо легла и твердо его сжала чья-то рука. Он вздрогнул и резко встал. Перед ним стоял Робер Морган.

— Сударь...— проговорил Джек, пытаясь придать своему голосу интонацию уверенности.

Робер жестом прервал его, еще сильнее сжимая плечо.

— Я все видел! — только и сказал он с угрозой в голосе.

— Сударь,— попытался возразить Джек,— я не понимаю...

— Я все видел! — повторил Робер еще более решительно, и эти слова прозвучали как предупреждение.

Джек, освободившись от руки Робера, резко выпрямился и, не желая больше притворяться, высокомерно сказал:

— Как вы себя ведете. Станные манеры у служащих агентства! Кто дал вам право до меня дотрагиваться?

— Вы,— ответил Робер, не обращая внимания на содержащийся в словах американца оскорбительный намек.— Схватить за руку убийцу имеет право каждый.

— Убийцу! Убийцу,— повторил Джек Линдсей, не теряя спокойствия.— Как у вас все просто... Таким образом, вы намерены меня арестовать? — спросил он насмешливо, не делая ни малейшей попытки оправдаться.

— Пока нет,— холодно сказал Робер.— Сейчас я ограничусь предупреждением. И если на этот раз я оказался между миссис Линдсей и вами только по воле случая, то отныне так будет всегда.

Джек пожал плечами.

— Договорились, друг мой, договорились,— согласился он с издевательской наглостью.— Но вы сказали: «Пока!» Значит, позже...

— Я расскажу об этом миссис Линдсей,— прервал его Робер, сохраняя спокойствие.— И она решит сама, как поступить, когда все узнает.

На этот раз Джек утратил насмешливый тон.

— Вы расскажете Элис?! — воскликнул он, и глаза его вспыхнули гневом.

— Да.

— Вы этого не сделаете!

— Я это сделаю.

— Берегитесь! — прорычал Джек, угрожающе надвигаясь на переводчика.

Теперь наступила очередь Робера пожать плечами. Джек усилием воли вернул себе невозмутимость.

— Берегитесь, — повторил он свистящим шепотом. — Берегитесь...

И, не дожидаясь ответа, быстро удалился.

Робер задумался. Оказавшись наедине с отвратительным родственником молодой женщины, он со всей прямотой сказал то, что хотел, не прибегая ни к каким уловкам. Возможно, этого урока будет достаточно, ведь обычно злодеи трусливы. Робер догадывался, какие скрытые причины подтолкнули Джека Линдсея на это неосуществленное преступление. Но теперь, когда негодяй знает, что за ним наблюдают, миссис Линдсей уже не будет угрожать опасность.

Расставшись с неприятным попутчиком, Робер, не желая больше о нем вспоминать, выбросил происшедшее из головы и устремил взгляд к горизонту, где недавнее пятнышко превратилось в высокий пустынный остров, а к югу от него едва заметно проступали другие участки суши.

— Что это за остров, господин профессор? — прозвучал у него за спиной насмешливый вопрос.

Робер, обернувшись, оказался лицом к лицу с Роже де Соргом. Гид обрадовался ему, но промолчал. Названия этого острова он не знал.

— Чем дальше в лес, тем больше дров! — воскликнул Роже с откровенной насмешкой в голосе, но вполне дружелюбно. — Значит, мы забыли заглянуть в наши замечательные путеводители. Как хорошо, что я проявил некоторое прилежание.

— Да полно вам! — промолвил Робер.

— Нет, послушайте. Остров перед нами — это Алагранса, то есть Веселый, господин профессор. Почему он веселый? Может, потому, что на нем никто не живет? Бесплодный дикий кусок суши, где люди появляются только в период сбора лакмусового лишайника, растения-красителя. Лишайник — одно из богатств архипелага. Южнее, прямо под этим облачком, расположился остров Лансароте. Между ним и Алагрансой можно разглядеть Грасьосу — еще один необитаемый остров, отделенный от Лансароте узкой протокой. Рио и Монта-Клара — это просто скалы, они часто оказываются роковыми для мореплавателей.

— Очень вам благодарен, господин гид, — поблагодарил Робер с нарочитой серьезностью, улучив момент, когда Роже переводил дыхание.

Соотечественники одновременно рассмеялись.

— Признаюсь, что непозволительно пренебрегаю своими

обязанностями вот уже несколько дней. Но, кстати, стоило ли мне терять время на прогулки по Мадейре?

— Разве вы провели это время так уж бесполезно? — возразил Роже, указывая жестом на Элис и Долли. Дамы обнявшись шли по направлению к своим спутникам.

Уверенная походка миссис Линдсей показывала, что силы полностью к ней вернулись. Небольшая бледность и чуть заметные ссадины на лбу и на щеках были последним напоминанием о приключении, которое едва не привело ее к гибели. Робер и Роже бросились навстречу американкам. При виде друзей те сразу развели руки.

Элис долго держала руку Робера, а глаза молодой женщины лучше всяких слов говорили о ее благодарности.

— Рад видеть вас, мадам! — воскликнул Робер. — Вам уже можно покидать каюту?

— Да, вполне, — ответила Элис, улыбаясь, — вполне можно благодаря вам. Вы спасли меня, рискуя собой, — добавила она.

— О, мадам, что в этом особенного? Мужчины гораздо сильнее женщин. Мужчины...

Смутившись, Робер не смог закончить фразы. Он испугался, что скажет какую-нибудь глупость.

— Давайте об этом больше не говорить, — нашелся он. — Я счастлив, что так получилось, и не хотел бы, — как ни странно это звучит, — чтобы было иначе. То, что все обошлось благополучно, для меня радость и награда, и вы не должны считать, что чем-то мне обязаны.

И, желая покончить с дальнейшими проявлениями благодарности, он стал рассказывать про острова, все более заметно выступающие на горизонте.

— Мы приближаемся, сударыни, к концу нашего путешествия, — скороговоркой начал он. — Прямо перед вами — первый из Канарских островов, Алагранса. Пустынный остров, невозделанная и необитаемая земля. Собирают здесь только лакмусовый лишайник. Это растение-краситель является одним из главных богатств архипелага. Южнее виден остров Рио, отделенный проливом Монта-Клара от другого необитаемого острова...

Робер еще не закончил свое выступление, как Роже, смеясь, его прервал.

— Черт побери, какой винегрет! — воскликнул офицер, выслушав эту вольную интерпретацию своей недавней лекции.

— Мне решительно нужно еще немного почитать о Канарских островах, — в тон ему подхватил Робер.

Утром путешественники были в пяти милях от Алагрансы. «Симью» взял курс на юг. Через час, когда склянки позвали пассажиров к завтраку, корабль проходил мимо скалы Монта-Клара.

Кормили пассажиров все хуже и хуже. Многие с этим смирились и как будто ничего не замечали. Но Элис на этот раз не смогла сдержать невольной гримасы.

— Жизнь не может состоять из одних удовольствий, мадам,— громко заметил Саундерс через весь стол.

Элис молча улыбнулась. Томпсон же сделал вид, будто не слышал слов своего яростного преследователя. Он ограничился тем, что аппетитно причмокнул языком. Лично он был доволен своей кухней.

Когда все поднялись на палубу, корабль миновал островок Грасьоса и двигался со все уменьшающейся скоростью вдоль берега Лансароте.

Моргану полагалось, наверное, находиться на своем посту, в полной готовности к вопросам пассажиров обо всем, что открывалось их взору. Да, таковы были его обязанности, но гид почему-то не показывался на палубе.

Впрочем, он не рассказал бы ничего интересного. К тому же однообразные пустынные пространства дикого берега Лансароте понемногу наскучивали путешественникам.

Сначала шла отвесная скала Риско-де-Фамара, затем более пологий участок побережья, покрытый вулканическим пеплом и усеянный черными конусами. И в самом конце — Плайя-Кемада — Обожженный Берег,— название говорило о его полной бесплодности. Повсюду один и тот же пустынный пейзаж, скалы, голубоватые растения с толстыми ветвями. Только они способны пустить здесь корни. Нет ни одного сколько-нибудь интересного города. Вся жизнь побережья сосредоточена в нескольких бедных деревушках, названия которых никому ничего не говорят.

На острове два торговых центра. Один — Тегизе, расположен в глубине материка, другой — Арресифе, на восточном берегу в удобной, прекрасно защищенной со всех сторон гавани.

Люди смогли обосноваться только в этих местах, открытых для северо-восточных пассатов, несущих с собой благотворную влагу. Остальную часть острова засуха превратила в настоящую пустыню.

Вот все, что Робер Морган мог бы рассказать, если бы находился на палубе. Но на этот раз туристам пришлось обойтись без гида, чего, впрочем, почти не заметили. Они были одинаково безразличны и к курсу корабля, и к течению времени. Даже Блокхед после вчерашнего разговора с администратором выглядел весьма подавленным. Лишь Гамильтон и Саундерс не потеряли воинственного задора.

Роже, по обыкновению, не отходил от американок. Те то и дело повторяли, что удивлены отсутствием Робера. На это француз замечал, что Роберу необходимо изучить свой путеше-

датель. Видит Бог, насколько в самом деле была велика эта нужда!

Как только разговор заходил о Робере, остальные темы сразу забывались, и у переводчика должно было звенеть как раз в том ухе, которое слышит добрые вести. Долли говорила, что она находит его очень славным, а Роже энергично ее в этом поддерживал.

То, что Морган совершил ради миссис Линдсей, думал Роже, само по себе уже делает его героем. Но Робер Морган — из тех, кто в любых обстоятельствах поступает так же, без лишних слов. Это настоящий мужчина.

Элис слушала эти разговоры, глядя вдаль, где все было так же смутно, как в ее растревоженной душе.

— Здравствуйте, Элис! Рад, что вы здоровы, — раздался голос за ее спиной.

Миссис Линдсей вздрогнула, однако быстро справилась с испугом.

— Спасибо, Джек, — спокойно ответила она. — Я действительно чувствую себя прекрасно.

— Для меня не может быть ничего более приятного, чем это известие, — вздохнул с облегчением Джек.

Первый момент встречи, которого он так боялся, прошел благополучно. Его невестка вела себя как обычно.

Это так подбодрило его, что он, человек нелюдимый, необычайно оживился. Он вмешался в общий разговор. Удивительное дело, он был почти весел. Долли и Роже не могли прийти в себя от удивления и вежливо поддерживали разговор. А мысли Элис по-прежнему витали где-то далеко.

К четырем часам «Симью», оставив позади остров Лансароте, шел уже вдоль берегов Фуэртевентуры, и если бы не пролив в десять километров шириной, никто бы не заметил, что это два разных острова.

Робер все не появлялся. Роже, заинтригованный его отсутствием, постучал в каюту друга. Господина профессора там не было.

Его увидели лишь за ужином, который прошел так же скучно, как и обед. Только ужин кончился, Робер снова исчез, а Элис, поднявшись на палубу, увидела в наступающей темноте, что в каюте ее спасителя зажегся свет.

До поздней ночи Морган так и не появился, и, когда американки уходили спать, в каюте прилежного гида было все так же светло.

— Он закусил удила! — сказал со смехом Роже, провожая сестер в каюты.

Элис легла не сразу, она утратила обычное спокойствие. Что-то в мире для нее изменилось, но она не хотела себе сознаться, что именно. Ее сердце терзала печаль.

Судя по шороху перелистываемых в соседней каюте стра-

ниц, господин Морган был у себя и действительно читал. Но вот Элис вздрогнула. Звук отодвинутого стула и сразу за тем хлопнувшая дверь сообщили нескромному уху, что Морган вышел из каюты.

«Не потому ли, что там нет нас?» — невольно подумалось Элис.

Тряхнув головой, она отогнала эту мысль и решительно закончила свой туалет. Через пять минут она была уже в постели. Сегодня ей не удастся, наверное, заснуть быстро, как обычно.

После длительного затворничества Робер испытывал потребность в свежем воздухе. Он вышел на палубу.

Нактоуз¹ на верхней палубе, светящийся в ночи, привлек его внимание. Он сразу увидел, что курс корабля лежит на юго-запад, и сделал из этого вывод, что «Симью» направляется к острову Гран-Канария.

Робер вернулся на корму и сел в кресло. Рядом кто-то курил, но Морган его не заметил. Взгляд молодого человека некоторое время блуждал над невидимым в ночи морем, затем он, обхватив голову руками, глубоко задумался.

— Ей-богу, профессор, сегодня вы что-то уж очень мрачны, — сказал вдруг куривший.

Робер вздрогнул и резко встал. Куривший встал одновременно с ним, и при свете бортовых фонарей Робер узнал своего соотечественника Роже де Сорга. Тот приветливо улыбался.

— Да, так и есть, я чувствую себя не очень хорошо.

— Заболели? — сочувственно спросил Роже.

— Нет, не то, скорее устал, утомился.

— Последствия вашего прыжка в воду?

Робер сделал неопределенный жест.

— Но тогда для чего вам было закрываться на целый день в каюте? — продолжал Роже.

— Согласитесь, мне нужно заниматься! — настаивал на своем Робер.

— Но где вы скрывались, чтобы изучать свои дурацкие путеводители? Я несколько раз стучал вам в дверь, и мне никто не ответил.

— Видно, вы наведывались как раз тогда, когда я выходил подышать свежим воздухом.

— Но не с нами! — упрекнул Роже.

Морган промолчал.

— Не я один удивлен вашим отсутствием. Дамы много раз повторяли, что сожалели об этом. Признаюсь, я отправился разыскивать вас по просьбе миссис Линдсей.

— Неужели? — не сдержал восклицания Робер.

¹ Нактоуз — деревянный шкафчик, на верхнем наклонном основании которого устанавливается судовой компас.

— Поймите, а ваше затворничество действительно продиктовано необходимостью, сознайтесь честно? — мягко, но настойчиво поинтересовался Роже.

— Никакой другой причины нет.

— В таком случае, — твердо заявил Роже, — это никуда не годится, вы не правы. Из-за того, что вас не было с нами, день прошел скверно. Мы все скучали, а миссис Линдсей особенно.

— Весьма странно! — пробормотал Робер.

О просьбе миссис Линдсей де Сорг сказал непреднамеренно, но не мог не заметить, какое впечатление произвели на его друга эти слова.

У Робера от волнения изменился голос, а на лице отразились одновременно и замешательство и радость.

«Ах, вон оно что!» — подумал осененный своим открытием Роже.

— Вообще-то, — заговорил он после паузы, — может быть, я преувеличиваю, объясняя плохое настроение миссис Линдсей вашим отсутствием. Представьте себе, всю вторую половину дня нам пришлось терпеть этого противного Джека Линдсея. Невероятно, этот тип был сегодня веселым. Но его малоприятные любезности выносить труднее, чем его неприветливость. И неудивительно, если одно только его присутствие испортило настроение миссис Линдсей.

Роже посмотрел на Робера, но тот даже не шелохнулся. Он продолжил:

— Тем более что бедной женщине пришлось отбивать эту бесконечную атаку в одиночку. Мы ее подло бросили одну, мисс Долли и я.

При этих словах Робер вопросительно взглянул на своего соотечественника, но тот и не думал замолкать.

— Как вы находите мисс Долли? — спросил он, толчком подвигая свое кресло поближе к Моргану.

— Восхитительной, — откровенно ответил Робер.

— Правда? — обрадовался Роже. — Так вот, я хочу вам первому сказать. Эту восхитительную девушку, как справедливо вы заметили, я люблю и хочу жениться, как только вернемся домой.

Робер несколько не удивился такому признанию.

— Я догадывался об этом, — сказал он одобрительно. — По правде говоря, ваш секрет для всех пассажиров — секрет Полишинеля¹. Тем не менее, позвольте один вопрос. Вы не подумали о том, что брачному союзу с девушкой может воспрепятствовать ваша семья?

— Моя семья? — ответил Роже, сжимая руку добровольного советчика. — У меня нет семьи. Если не считать дальних

¹ Полишинель — персонаж французского народного театра во Франции с конца XVI века. Секрет Полишинеля — тайна, которая всем известна.

родственников, которых мои дела абсолютно не касаются. И потом, влюбиться без ума — это не значит лишиться ума. Да будет вам известно, что действовал я при этом весьма осмотрительно. Как только мы пришли на Азорские острова, а я уже страстно хотел жениться на Долли,— я по телеграфу запросил сведения о семье Линдсей и получил их на Мадейре. Сведения подтвердили, что порядочный человек должен считать за честь стать мужем мисс Долли... или ее сестры,— добавил он, помолчав.— Что касается Джека Линдсея, то на его счет телеграф не сообщил мне ничего, о чем бы я уже не догадывался сам.

Робер молча с облегчением вздохнул.

— Что-то вы стали молчаливы, дорогой мой! — снова заговорил Роже.— Уж не обдумываете ли вы возражения...

— Нет, напротив, я могу только пожелать вам удачи,— живо отозвался Робер.— Мисс Долли очаровательна, и вы — счастливчик. Но, слушая вас, я сознаюсь, в какой-то момент позавидовал вам, прошу простить мне это недостойное чувство.

— Позавидовали! Почему? Какая женщина смогла бы отвергнуть господина маркиза де Грамона...

— ...Переводчика, обладателя ста пятидесяти франков, если можно еще на них рассчитывать, зная Томпсона,— с горечью закончил его фразу Робер.

Роже беспечно махнул рукой, отвергая это замечание.

— Подумаешь, какая важность! — беззаботно присвистнул он.— Разве любовь меряют на франки? Сколько раз уже, и именно американки...

— Ни слова больше! — резко прервал Робер речь своего друга, сжав ему руку.— Откровенность за откровенность. Выслушайте мое признание, и вы поймете, что я не расположен шутить на эту тему.

— Слушаю вас.

— Вы только что спрашивали, нет ли у меня причины держаться в стороне. Так вот, такая причина есть.

«Так, так»,— мысленно сказал Роже.

— Вы можете свободно следовать душевному влечению к мисс Долли. Вы не скрываете, что любите, что счастливы. А меня удерживает страх, что я полюблю.

— Страх, что полюбите! Вот уж чего не следует пугаться!

— Да, страх. Происшествие, благодаря которому мне посчастливилось оказать услугу миссис Линдсей, кажется, возвысило меня в ее глазах...

— Уверяю, что у вас не было необходимости возвышаться в глазах миссис Линдсей,— уверенно прервал его Роже.

— Это событие сблизило нас, сделало менее заметной разницу в нашем положении, мы стали почти друзьями,— продолжал Робер.— Но и оно позволило мне лучше разобраться, хорошо разобраться в моих чувствах. Увы, я не уверен, что сделал бы то, что сделал, если бы не был влюблен!

Робер замолчал на мгновение. Потом снова заговорил:

— Именно потому, что я осознал это, я не воспользуюсь своими дружескими отношениями с миссис Линдсей.

— Какой же вы странный влюбленный! — сказал Роже с необидной иронией в голосе.

— Для меня это вопрос чести, — ответил Робер. — Я не знаю, как велико состояние миссис Линдсей, но можно думать, что оно весьма значительно, даже если судить только по тем свидетельствам, которыми я располагаю.

— Каким свидетельствам? — спросил Роже.

— Считаю для себя недопустимым, — продолжил Робер, никак не разъясняя сказанного, — чтобы считали, будто я ухаживаю за богатым приданым. А мое плачевное положение позволяет делать какие угодно предположения на этот счет.

— Послушайте, мой дорогой, — возразил Роже, — ваша деликатность делает вам честь. Но вы не подумали о том, что строгость, с какой вы судите себя, является для меня укором? Думая о мисс Долли, я не могу быть рассудительным, как вы.

— Вы не в таком положении, как я. Вы богаты...

— По сравнению с вами, да, — согласился Роже, — но по сравнению с мисс Долли я беден. Мое состояние — ничто рядом с ее приданым.

— По крайней мере, ваше состояние гарантирует вам независимость, — сказал Робер. — Впрочем, мисс Долли любит вас, это совершенно очевидно.

— Надеюсь, — сказал Роже. — А если бы вас любила миссис Линдсей?

— Если бы миссис Линдсей любила меня!.. — повторил безнадежно Робер.

И тут же встал, тряхнув головой, как бы отгоняя это безумное предположение. Роже встал рядом, и друзья долго стояли молча.

Вахтенный матрос уже давно отбил полночь, а они все смотрели на волны и мечтали. У одного мечты были грустные, у другого — полные надежд.

ГЛАВА III,

в которой «Симью» останавливается совсем

Поднявшись утром четвертого июня на верхнюю палубу, пассажиры могли бы заметить в отдалении высокие берега Гран-Канарии. «Симью» бросит якорь в этом архипелаге. В Тенерифе — вторая, и последняя, остановка.

Канарский архипелаг состоит из одиннадцати островов и островков, расположенных полукругом. Если с северо-восточной оконечности двигаться к северо-западной, то по порядку будут идти: Алагранса, Монта-Клара, Грасьоса, Лансароте,

Лобос, Фуэртевентура, Гран-Канария, Тенерифе, Гомера, острова Иерро и Пальма. Здесь живет около двухсот восьмидесяти тысяч жителей. Самые восточные острова отделяет от Африки морской пролив шириной более ста километров. Их общая площадь составляет более двухсот семидесяти пяти квадратных миль.

Канарские острова являются испанской провинцией. Ими управляет губернатор, — он находится в Санта-Крус на Тенерифе, — и два верховных алькальда.

Метрополия всегда несколько пренебрегала этой провинцией. Только так и можно объяснить неналаженность связей архипелага с миром, хотя географическое положение уготовило ему роль одного из главных постоянных дворов на большой океанской дороге.

Канарские острова различны по величине, но все имеют одинаково дикий вид. Повсюду — отвесные базальтовые скалы и только у самого моря — узкая кромка побережья. При виде этих суровых с металлическим блеском стен путешественник удивится, узнав, что раньше острова назывались «Счастливыми». Но, проникнув в глубь острова, он перестанет удивляться такому названию, вернее, его удивит уже другое.

Острова имеют вулканическое происхождение. Центральный, главный вулкан окружен цепью мелких вулканов. Слово «счастливый», вызывающее недоумение при первом знакомстве с островами, становится понятным после посещения кратеров потухших вулканов, защищенных от горячих африканских ветров, а также после посещения долин между вулканами и плато. Там царит вечная весна, земля дает до трех урожаев в год, не требуя особых трудов.

Гран-Канария среди островов архипелага не самый большой. Он выделился среди других и стал главным только благодаря мужеству его первых обитателей во времена захвата островов Жаном де Бетанкуром. Право же, такой способ завоевания первенства ничем не хуже других.

Выбрав это место для стоянки, «Агентство Томпсон» доказало, что подошло к составлению программы серьезно, так как Гран-Канария — типичный остров архипелага. Правда, здесь нет такой выдающейся вершины, как на Тенерифе, зато берега у него самые неприступные, так что даже рыбы не могут отложиться здесь икру. Долины самые уютные, русла рек самые глубокие, и вообще ландшафт имеет самые привлекательные особенности.

Тем не менее агентству можно было бы сделать вполне справедливое замечание. Чтобы увидеть достопримечательности, которыми располагает Гран-Канария, чтобы иметь хотя бы представление о них, следовало бы совершить экскурсию в глубь острова, по крайней мере, сделать небольшую вылазку

за город. Но программа совершенно этого не предусматривала.

«2-го июня — прибытие в Лас-Пальмас, в 4 часа утра. В 8 часов — экскурсия по городу. Отплытие на о. Тенерифе в тот же день, в полночь» — вот что сообщала программа.

Правда, придут они в Лас-Пальмас не второго, а четвертого июня, но из-за этого агентство не собирается менять планы. Второго ли, четвертого ли попадут они в Лас-Пальмас, но возьмут курс на Тенерифе в тот же день. Не считаясь с тем, что на Гран-Канарии туристы почти ничего не увидят.

Впрочем, пассажиры против этого не возражали. Ни у кого не нашлось бы сил как-то выразить протест — все устали. Да и были ли основания для недовольства? Агентство в данном случае как раз выполняло то, что обещано в программе. И если бы Томпсон вдруг предложил остаться здесь еще на один день, большинство пассажиров отказались бы: многим уже надоело путешествовать.

К одиннадцати часам «Симью» находился на траверзе¹ столицы Лас-Пальмас — города пальм. Пассажиры смогли налюбоваться в свое удовольствие. Судно, все так же вздыхая и постанывая, еле двигалось вперед, будто привязанное.

Впервые, с тех пор как пароход покинул Лондон, пассажиры увидели нечто действительно экзотическое. В устье Гинигуанды, на склонах горы, расположился город, похожий на восточный: узкие улочки, белые дома с плоскими крышами. Роже де Сорг назвал его «глиняным городом».

К полудню «Симью» бросил, наконец, якорь в порту Лалус, в трех километрах от города.

Расстояние от города предстояло пройти пешком, поэтому Томпсон, только закончилась швартовка, сошел на берег. Его подопечные вслед за ним спускались на землю, и он пытался выстроить их в колонну, как делал это во время первых стоянок на Азорских островах.

Но куда делась прежняя дисциплина? Все ворчат и бунтуют. Требования Томпсона встать в строй выполняются с явной неохотой. Ряды распадаются, не успев построиться.

Через четверть часа, несмотря на все усилия, удалось собрать не более десяти пассажиров: среди них — невозмутимый Пипербум из Роттердама, а также господин Абсирфус Блокхед, к которому вернулось обычное благодушное расположение духа, как только был снят вопрос о доплате.

Основная масса туристов держалась отдельно. Они стояли компактной группой, и, несмотря на все усилия, администратору не удалось их выстроить.

¹ Траверз — направление, перпендикулярное курсу судна. «Быть на траверзе» какого-либо пункта, предмета — значит идти параллельно этому объекту.

— Ну же, господа! Давайте же, господа! — выкрикивал Томпсон, обращаясь к непокорным.

— С нас довольно, сударь, — грубо отрезал Саундерс, хотя никто не просил его отвечать от имени всех. — Мы терпеливо ждем обещанных программой средств передвижения и носильщиков.

С этими словами Саундерс помахал в воздухе листком, где черным по белому было об этом написано.

— Но, господа, где же я их возьму? — жалобно спросил Томпсон.

— Отлично! — снова изрек Саундерс скрипучим голосом. — Значит, я постараюсь раздобыть себе повозку сам.

Он, как обычно в подобных случаях, достал из кармана блокнот.

— Но эти расходы я тоже занесу на ваш счет! И вам, сударь, придется расплатиться в Лондоне, — добавил он и двинулся в путь. Все его суставы при этом заскрежетали самым воинственным образом.

— Я с вами, дорогой друг, я с вами, — крикнул сэръ Джордж Гамильтон, ни на шаг не отстававший от предводителя. За ним последовали и сопровождавшие его леди Гамильтон и мисс Маргарет.

Вслед за ними к Саундерсу стали присоединяться другие, и уже через несколько минут две трети всех туристов двинулись следом за Саундерсом.

Поблизости от порта Лус находилось небольшое селение, где можно было найти все необходимое для кораблей, заходящих в порт. Повозки стояли у ближайших домов, и стоило Саундерсу сделать знак, как они двинулись ему навстречу.

Однако этих четырех колясок не хватило на всех, и, когда они увезли взявших их приступом пассажиров, большинство сепаратистов вернулись на берег. Отряд Томпсона получил подкрепление, на которое уже не рассчитывал.

В этот момент миссис Линдсей в сопровождении своей сестры и Роже тоже сошла на берег. Томпсон, завидев ее, захлопал в ладоши, чтобы всех поторопить.

— Ну же, господа, по местам, пожалуйста! — вскричал он. — Время идет, подумайте об этом!

Миссис Линдсей в качестве путешественницы вела себя обычно покладисто и совсем не походила на Саундерса. Но, видно, ей надоело маршировать в смешной шеренге. Как бы там ни было, ей явно пришлось не по вкусу приглашение, косвенно обращенное и к ней.

— Как, — прошептала она, меряя взглядом длинную пыльную дорогу, где не было ни домов, ни деревьев, — все это пройти пешком?

— Я буду рад, мадам, прогуляться в город за коляской, — предложил Робер.

Протесты других по тому же поводу его не слишком трогали. Но то, что сказала миссис Линдсей, было для него очень важно. Любезное предложение вырвалось у Робера непринужденно, но он тут же был вознагражден. Миссис Линдсей приняла это благосклонно, как само собой разумеющееся.

— Если бы вы были так добры...— промолвила она, улыбаясь Роберу. Но в тот же момент последовала еще одна просьба.

— Поскольку вы, господин профессор, идете в город,— подключилась к разговору леди Гайлбат,— не будете ли вы так любезны заказать коляску и для меня?

Хотя просьба звучала вежливо, Робер все-таки отметил про себя, что леди вполне могла бы послать за коляской своего верзилу-лакея, стоявшего у нее за спиной с болонкой в руках. Тем не менее он вежливо поклонился пожилой путешественнице и заверил, что готов оказать ей эту услугу.

Но ему тут же пришлось пожалеть о своей любезности. Все разом стали просить молодого человека о том же самом.

На лице Робера промелькнула тень досады. Выполнить просьбу миссис Линдсей — удовольствие, поручение леди Гайлбат — так и быть! Но обеспечить колясками всех пассажиров — это уж слишком! Роже де Сорг великодушно пришел ему на помощь.

— Я пойду с вами, дорогой друг,— сказал он Роберу.— И мы привезем все коляски, какие есть в этом городе.

Путешественники закричали «браво», а Робер взглядом поблагодарил соотечественника. Роже снова выручил его.

Друзья быстрым шагом дошли до города и без труда раздобыли коляски. Возвращаясь, они на полпути встретили Томпсона во главе жалкой колонны. В ней было не больше дюжины туристов, самых бедных или самых скупых. Робер отправил своего спутника исполнять поручение до конца, а сам, как того требовали его обязанности, присоединился к отряду.

Нельзя сказать, что Робер сделал это с удовольствием. Но выбора у него не было, он встал впереди рядом с Томпсоном и без особого энтузиазма двинулся в путь.

Когда добрались до первых домов на окраине города, Робер, а вслед за ним и Томпсон оглянулись и обнаружили, что отряд разбрелся. На каждом повороте дороги, под каждым цветущим кустом, в тени деревьев дезертиры один за другим покидали колонну, и постепенно весь строй как бы растаял. За спиной у Томпсона не было никого, если не считать громадного Вана Пипербума из Роттердама. Тот покорно остановился одновременно со своим предводителем и терпеливо ждал.

Робер и Томпсон переглянулись.

— Бог мой,— сказал наконец администратор, пряча улыбку,— господин профессор, мне остается лишь вернуть вам сво-

боду, раз так получилось. Я, с вашего разрешения, вернусь на судно.

И Томпсон повернул назад, а за ним как привязанный пошел и голландец.

Робер повеселел и, размышляя, что ему теперь делать, услышал вдруг радостный голос француза:

— Эй, какого черта вы здесь? Где ваш отряд? — Роже сидел в коляске напротив молодых американок.

— Мой отряд? — ответил Робер ему в тон. — Мне бы тоже хотелось знать, где он. Начальник отряда только что вернулся на корабль в надежде обнаружить там своих солдат.

— Он там увидит только бесподобного Джонсона, — засмеялся Роже. — Этот оригинал никогда не сойдет на землю. Но вы-то что теперь будете делать?

— Ничего, как видите.

— Ну, в таком случае, — сказал Роже, освобождая рядом с собой место, — вы будете нашим гидом.

Рио-де-Гвинигуанда разделяет Лас-Пальмас на две неравные части: в верхнем городе живут знать и чиновники, в нижнем сосредоточена торговля; он тянется вплоть до западного мыса, до крепости Кастильо-дель-Рей.

Четверо туристов гуляли по столице то пешком, то в коляске; потом, когда устали, вернулись на «Симью». Если бы кто-нибудь стал их расспрашивать, вот что он мог бы услышать:

«Лас-Пальмас — ладно построенный город с узкими улицами, сплошь в тени. Природный ландшафт постоянно заставляет то карабкаться в гору, то спускаться с горы. Здесь мало интересных памятников. Исключением можно считать собор в стиле испанского Возрождения¹. Очарование мавританского² обличья города, когда смотришь на него с моря, вблизи пропадает. Ничто не напоминает о Востоке — ни улицы, ни дома, ни жители, щеголяющие в европейских нарядах, по последней парижской моде».

Вот и все впечатления от прогулки. Да и как могло быть иначе? Разве туристы углубились в жизнь этих людей, разве было время оценить их любезность, обходительность, экспансивность³, из-за чего слишком часто обнажаются кинжалы? Разве путники заходили внутрь жилищ, где за красивыми фасадами скрываются крохотные комнатки, но где основную часть дома занимает гостиная, размеры которой являются

¹ Возрождение (Ренессанс) — период в культурном и идейном развитии стран Западной и Центральной Европы (в основном конец XV—XVI вв.), переходный от средневековой культуры к культуре нового времени.

² Мавритания — арабское государство в северо-западной части Африки. Берет начало с VII века.

³ Экспансивность — несдержанность в проявлении чувств, бурная реакция на все.

предметом соперничества местных жителей между собой? Разве возможно за время короткой прогулки понять людей, в душе которых соединяются благородное достоинство испанцев и наивная гордость гуанчей¹, других предков? Впрочем, о них здесь стараются не упоминать.

В этом основной недостаток кратких поездок. Людей с их сложной жизнью понять за время одной экскурсии невозможно. Турист способен оценить только пейзаж. Но при этом не следует торопиться. Нужно задержать свой взгляд. Однако программа агентства плохо этому способствовала.

У Робера не было даже и того весьма приблизительного представления о Лас-Пальмасе, какое его друзья составили о городе во время экскурсии. Он ничего не видел вокруг, кроме миссис Линдсей. Морган не отрывал взгляда от молодой женщины: вот она идет вверх по улице, вот спускается вниз по склону, вот задает вопросы или отвечает с милой улыбкой.

Забыв о твердом намерении быть сдержанным, Робер весь отдавался сиюминутному счастью. Но как только вернулся на палубу «Симью», тяжелые думы, на какое-то время покинувшие его, нахлынули снова. Зачем себя обманывать? Зачем вступать на путь, пройти по которому не суждено? Его мучила тревога от того, что он был, наверно, слишком откровенен или выдал себя взглядом. И богатая американка заподозрила нищего обожателя в самых презренных помыслах.

При этих мыслях лицо его заливала краска стыда и он давал себе обещание впредь держаться на расстоянии, даже если из-за этого суждено потерять дружеское расположение миссис Линдсей. Но судьба все решила по-другому. Линия каждой жизни начертана на небесах, события развиваются как им положено, и никому не дано изменить их ход.

В то время, когда четверка туристов поднималась на борт, между Томпсоном и капитаном Пипом шел оживленный разговор. Предмет обсуждения был, очевидно, весьма серьезен: Томпсон покраснел и, по своему обыкновению, отчаянно жестикулировал. Капитан же, напротив, невозмутимый, отвечал ему коротким словом или чаще энергичным жестом, который мог означать только категорический отказ. Заинтересованные разговором, миссис Линдсей и ее спутники остановились в нескольких шагах. Впрочем, спор привлек внимание и других пассажиров, столпившихся на верхней палубе.

Все недоумевали оттого, что труба «Симью» не дымилась. Корабль будто и не собирается отплывать, хотя отправление намечено в полночь. Все терялись в догадках и с нетерпением

¹ Гуанчи — древнее население Канарских островов; после испанского завоевания в XV веке основная часть истреблена или вывезена в рабство, оставшиеся смешались с испанцами.

ждали окончания переговоров капитана с администратором, чтобы получить наконец объяснение.

Склянки пробили к ужину, а разговор на палубе и не думал кончаться. Пассажиры заняли свои места, рассчитывая что-нибудь узнать за столом.

Но ужин как начался, так и закончился, а Томпсон не счел нужным удовлетворить любопытство своих сотрапезников. Впрочем, их одолевали и другие заботы.

Жизнь на «Симью» постепенно ухудшалась во всех отношениях. Томпсон, решив, очевидно, что все ему сойдет с рук, то и дело переходил границы дозволенного. Ужин в тот вечер оказался почти несъедобен; возмущение вызвали и крошечные порции. Appetit у пассажиров только начал разыгрываться, а уже подали десерт.

Все за столом переговаривались, поглядывая на Томпсона, но тот, казалось, чувствовал себя вполне комфортно. Никто, однако, не осмеливался высказать недовольство вслух. Как всегда, первым начал Саундерс, совершенно бесцеремонно обратиться к стюарду скрипучим голосом:

— Стюард!

— Да, сэр,— подошел к нему господин Ростбиф.

— Я съел бы еще кусок этой отвратительной курицы. Считаю, что лучше умереть от отравления, чем от голода.

Господин Ростбиф, кажется, не понял, в чем соль этой великолепной шутки.

— Курицы больше нет, сударь,— ответил он откровенно.

— Тем лучше! — воскликнул Саундерс.— В таком случае дайте что-нибудь другое. Ничто не может быть хуже того, что нам подавали.

— Другое, сударь! — воскликнул Ростбиф.— Но, сударь, на судне больше нет съестного. Господа туристы ничего не оставили на ужин прислуге.

Нужно было слышать, с какой горечью Ростбиф произнес эти слова!

— Господин Ростбиф, вы, верно, смеетесь надо мной? — прогремел Саундерс голосом, в котором слышалось приближение грозы.

— Я, сударь? — удивился Ростбиф.

— В таком случае, что это за шутки? Мы что, терпим здесь бедствие, как на плоту «Медуза»?¹

Ростбиф развел руками, не понимая, о чем идет речь. Этим жестом он также снимал с себя ответственность, перекладывая ее на Томпсона. А тот, будто ничего не слышал, с отсутст-

¹ Речь идет о кораблекрушении фрегата «Медуза» в 1816 году в открытом море. Сто сорок девять человек спаслись на плоту «Медуза». Спустя двенадцать дней, когда плот был обнаружен, на нем оставалось лишь пятнадцать умирающих человек.

вующим видом ковырял во рту зубочисткой. Тогда взбешенный Саундерс стукнул по столу так, что вся посуда подпрыгнула, и рывкнул:

— Я с вами разговариваю, сударь!

— Со мной, господин Саундерс? — удивился Томпсон.

— Да, с вами! Вы что, решили уморить нас всех голодом? По правде говоря, это — единственный способ заставить нас молчать.

Томпсон сделал удивленные глаза.

— Вот уже третий день,— гневно продолжал Саундерс,— то, что нам дают за столом, не стала бы есть даже собака. Мы долго терпели. Но наше терпение иссякло — и присутствующие здесь господа это подтвердят.

Речь Саундерса имела успех. В парламентском вестнике об этом было бы сказано: «Горячее одобрение» и «Бурные аплодисменты». Все поддержали Саундерса. С разных сторон слышалось: «Совершенно верно!» и «Вы, конечно, правы!». Начался ужасный шум.

Роже веселился от души. Путешествие превращалось в сплошное развлечение. Элис, Долли и Роберу тоже было смешно.

Тем временем Томпсон, никак не выдавая своего беспокойства, пытался добиться тишины. Вероятно, у него в запасе имелся внушительный аргумент.

— Признаю,— сказал он, когда установилась относительная тишина,— что ужин сегодня не так хорош, как раньше...

Общий крик возмущения не дал ему закончить.

— ...как раньше,— продолжал Томпсон совершенно спокойно,— но агентство в этом вовсе не виновато, и господин Саундерс не стал бы так говорить, если бы знал, как обстоят дела.

— Пустые разговоры! — грубо оборвал его Саундерс.— Этим меня не купить! Вам придется заплатить мне звонкой монетой,— добавил он, вытаскивая из кармана свой неизменный блокнот,— как только мы вернемся в Лондон. В том числе и за очередной моральный ущерб, нанесенный всем нам сегодня.

— Довожу до сведения присутствующих,— снова заговорил Томпсон, никак не реагируя на реплику Саундерса,— что Канарские острова, как вы знаете, находятся вблизи Африки. Сюда с континента завезли саранчу. Ее набеги очень редки, но мы как раз попали в неудачный момент: здесь все уничтожено саранчой. И если агентство стало сокращать порции, то только потому, что на Канарах действительно не хватает съестного.

— Будет вам,— неумолимо возразил Саундерс.— Скажите лучше, что все стоит дорого.

— Но ведь я так и сказал,— как ни в чем не бывало заявил Томпсон, и всем стало окончательно ясно, что больше всего беспокоит администратора!

Пассажиры были обескуражены подобной откровенностью.

— Да, действительно! — сказал Саундерс. — Но мы с этим разберемся, когда вернемся в Лондон. А пока единственное, что можно сделать, — это уйти с острова сейчас же. Поскольку нельзя поужинать на Гран-Канарии, сделаем это на Тенерифе.

— Прекрасная мысль! — послышалось со всех сторон.

Томпсон жестом потребовал тишины.

— Относительно этого, господа, — сказал он, — с вами сейчас поговорит наш уважаемый капитан.

— И он вам скажет, что сняться с якоря нельзя, — проговорил капитан Пип. — К сожалению, машины нуждаются в серьезной прочистке, все прокладки следует заменить. На это потребуется не меньше трех дней. Таким образом, продолжить путь мы сможем не ранее седьмого июня.

Слова капитана подействовали на пассажиров удручающе. Еще целых три дня просидеть на корабле!

— Да еще при таком питании! — добавил Саундерс; он упорно бил в одну точку.

Гнев вскоре прошел, осталось скверное настроение. Тем не менее пришлось встать из-за стола и подняться на верхнюю палубу.

А в этот момент в бухту вошел огромный пароход, один из тех, которые выполняют регулярные рейсы между Англией и ее колониями на юге Африки. Судно возвращалось в Лондон, и на «Симью» об этом немедленно узнали.

Некоторые пассажиры решили воспользоваться случаем и отправились на пароход со всем своим багажом. Среди этих нетерпеливых была и леди Гайлбат со сворой собачек.

Томпсон сделал вид, что ничего не заметил. К тому же беглецов было немного. То ли из соображений экономии, то ли по каким другим причинам, но большинство пассажиров не покинуло «Симью».

Саундерс тоже остался, но не из-за денежных соображений. Пересесть на другое судно? Ну уж нет! Томпсон у него в руках, и следует дело довести до конца. У неугомонного преследователя не было, кажется, более сильного чувства, чем жажда мести.

Но не у всех не покинувших «Симью» были столь же серьезные, как у Саундерса, причины остаться.

Почему, например, миссис Линдсей собиралась продолжить путешествие, которое принесло ей столько неприятностей? Чем объяснить ее верность «Агентству Томпсон»? Робер пытался найти ответ на эти вопросы. Он стоял на палубе, в нескольких шагах от Элис, и не сводил с нее глаз. А миссис Линдсей смотрела на проплывающий мимо огромный пароход

и, казалось, не видела его. Нет, она не собирается покидать «Симью». Доказательство тому — слова, обращенные к Роже:

— Надеюсь, эти два дня мы не будем сидеть на корабле?

— Нет, конечно,— ответил Роже как всегда весело.

— Благодаря задержке можно, по крайней мере, лучше осмотреть остров, если вы согласны использовать это время для экскурсии.

— Да, безусловно,— ответил Роже.— Мы с господином Морганом уже сегодня вечером могли бы подыскать средства передвижения. Мы ведь отправимся впятером?

Робер ждал этого момента. Он считал, что, как бы ни было тяжело, ему не следует присоединяться к этой компании: он останется на судне, чтобы не нарушать правила.

— Позвольте...— начал было он.

— Нет, нас будет четверо,— твердо прервала его Элис.— Мой деверь с нами не поедет.

У Робера сильно забилося сердце. Таким образом, миссис Линдсей сама повелевает ему ехать, определяя его роль в этой поездке. Она хочет, чтобы Робер был рядом с ней...

Он так обрадовался, что забыл о своих сомнениях. Тысячи невероятных мыслей промелькнули у него в голове. Не закончив фразу, он глубоко вдохнул вечерний воздух и посмотрел на небо, где, как ему показалось, зажглись новые звезды...

ГЛАВА IV

Еще одно звено в цепи преступных действий Джека

На следующее утро, в шесть часов, наши друзья сошли на берег. Здесь их должны были встретить проводник и лошади, о чем накануне позаботились Робер и Роже. Но компанию ожидал сюрприз. Лошадей оказалось больше, чем ожидалось: пятнадцать, не считая лошади проводника.

Скоро все само собой разъяснилось. Вслед за миссис Линдсей и ее спутниками на берег сошли Саундерс, семейство Гамильтон и еще несколько пассажиров. Среди них оказался и Тигг. О мрачных планах этого господина пассажиры уже стали забывать. Но, к счастью, не все. Девуцы Блокхед все так же беспокоились о нем и не спускали с него глаз. Как только где-нибудь появлялся Тигг, можно было с уверенностью утверждать, что девушки рядом.

И сейчас они были в десяти шагах от предмета своих забот. Следом за ними спускался на берег отец. Хочешь не хочешь, а приходилось подчиняться капризам дочерей; он вопросительно поглядывал на лошадей, не зная, на какой остановить свой выбор.

Очевидно, слух об экскурсии распространился среди пассажиров, и, к большому неудовольствию молодых американок

и обоих французов, прогулка в тесной компании, как было задумано, не получилась.

Но судьба готовила им еще одну неприятность. На берег сошел, отдельно от всех, пятнадцатый участник похода — Джек Линдсей. Увидев его, Долли и Роже недовольно переглянулись, а Элис и Робер покраснели от гнева, но оба промолчали.

Джек, не обращая внимания на то, как холодно и даже враждебно встретили его появление, сел на лошадь. Другие, не тратя времени даром, последовали его примеру. Вся процессия готова была отправиться в путь.

Не совсем, правда, вся. Один из участников похода выбивался из сил, пытаясь взобраться на лошадь. Он то повисал, уцепившись за гриву, то пытался подтянуться, ухватившись за седло, но неизменно падал на землю, терпя поражение в неравной борьбе с земным притяжением. Он был весь в испарине, задышался, его попытки оказаться в седле стоили ему больших усилий и были чрезвычайно неуклюжи. А зрелище казалось настолько комичным, что окружающие веселились от души.

— Ну же, папа! — подбадривала его мисс Мери Блокхед.

— Вам-то хорошо говорить, — ворчал господин Абсирфус Блокхед. — Вы думаете, с моим весом это легко? И потом, разве бакалейщик должен уметь ездить на лошади? Я же не служил в конной гвардии и вообще боюсь животных, я вам это прямо говорю, это чистая правда, дочка, чистая как золото.

И Блокхед, окончательно опустив обе ноги на землю, решительно вытер лицо, залитое потом. Кажется, он прекратил свои безуспешные попытки.

Робер сделал проводнику знак, и тот пришел на помощь туристу. Господину Блокхеду наконец-то удалось забраться на лошадь. Правда, он так заторопился, что чуть не проскочил лошадиный круп. Но ему не дали упасть снова, и кавалькада тронулась в путь.

Первым ехал проводник, за ним Робер и Элис, затем Роже и Долли. Третий ряд был отмечен присутствием сэра и леди Гамильтон, а в пятом ряду Тигг находился рядом с мисс Маргарет.

Девицам Блокхед не удалось помешать такой возмутительной расстановке участников кавалькады. Но они приняли меры, чтобы окружить предмет своего внимания со всех сторон. В четвертом ряду Саундерс оказался в компании мисс Бесс, в то время как в шестом — мисс Мери подбадривала своего несчастного отца. Бакалейщик, вцепившись в гриву лошади, послушно следовал вместе со всеми, проклиная день, когда появился на свет.

Последним ехал Джек Линдсей, как всегда молчаливый и одинокий. Время от времени его взгляд пробегал вдоль цепоч-

ки всадников, задерживаясь на молодой паре в первом ряду. И тогда в его глазах появлялся недобрый огонек.

Робер чувствовал эти взгляды затылком. Само присутствие этого человека вызывало у него тревогу и вынуждало оставаться впереди, рядом с Элис, тогда как гиду полагалось ехать замыкающим.

У Моргана была еще одна причина оставаться во главе отряда. Ему не внушал доверия проводник, похожий на настоящего бандита. Молодой человек решил не спускать с него глаз и быть все время рядом, чтобы в случае какой-либо опасности вовремя вмешаться.

Робер не пытался как-то воспользоваться положением, которое занял по воле обстоятельств. Не выказывая неприветливости, говорил только то, что было необходимо, и ограничился несколькими фразами о хорошей погоде. Элис тоже, кажется, нравилось молчать. Но, контролируя свой язык, Робер не мог заставить себя отвернуться, и его красноречивый взгляд то и дело задерживался на изящном профиле спутницы.

Когда влюбленные едут вдвоем, то, даже если они молчат, в их душе происходит что-то таинственное. Близкое расстояние, ласковый утренний ветерок, мимолетные взгляды — все сближало молодых людей и притягивало друг к другу. Они постигали это чудо молчаливого разговора и с каждым шагом все лучше понимали друг друга без слов.

Кавалькада оставила Лас-Пальмас позади. Менее чем через час копыта лошадей уже цокали по одной из дорог, разбегавшихся в разные стороны от столицы. Начиналась же дорога как столичный проспект с выстроившимися в два ряда особняками, утопающими в зелени. В роскошных садах раскачивались верхушки пальм.

Теперь навстречу всадникам постоянно попадались крестьяне. На спинах верблюдов, легко прижившихся на Канарских островах, крестьяне везли в город плоды своих трудов. Они были худощавого телосложения, среднего роста, с правильными чертами лица, большими черными глазами — облик этих людей отличался врожденной грацией.

По мере продвижения кавалькада все больше растягивалась. Расстояние между отдельными парами увеличивалось. Вскоре Элис и Робер оказались на расстоянии двухсот метров от Джека. Тот все так же замыкал колонну.

Джек продолжал наблюдать за парой в первом ряду, и злоба в его душе нарастала. Ненависть прозорлива. От его взора не ускользнул ни один знак внимания, оказанный Робером своей спутнице. Он перехватывал каждый взгляд, расшифровывал неуловимые признаки нежности. Он почти догадывался о смысле произнесенных слов и постепенно сделал для себя открытие: так значит, этот ничтожный гид бросился спасать его невестку, чтобы сохранить ее для себя, а та, ка-

жется, попалась на приманку. Она была холодна с деверем, даже когда ее сердце было свободно, а теперь, когда влюблена, наверное, станет его врагом?

Постоянно возвращаясь к этим мыслям, Джек чувствовал, что гнев все больше душит его. По своей глупости он оказал неоценимую услугу этому интригану, и тот теперь занял его место. Разве смотрелся бы француз таким героем, если бы Джек, отведя руку помощи, не дал был Роберу тем самым возможность проявить свою преданность, в основе которой, конечно же, лежит корысть.

Да, он сам сотворил себе соперника. И какого соперника! Который знает все, что произошло на Куррал-даш-Фрайаш, и чувствует себя достаточно сильным, если осмелился угрожать.

Что касается его угроз, то маловероятно, что Морган их уже выполнил. До сих пор ничто в поведении Элис не говорило о том, что она знает теперь больше, чем сразу после происшествия. Но, возможно, Элис слушает слова, которых Джек так боится, именно сейчас.

Джек постоянно чувствовал опасность. И понимал, что нет другого способа избавиться от нее, кроме уничтожения единственного свидетеля.

К его большой досаде, Морган оказался не из тех людей, кого легко устранить с пути. Джеку было ясно, что в честном поединке у него мало шансов победить. Нет, действовать нужно иначе, рассчитывая скорее на хитрость, нежели на отвагу и силу. Хотя придумать и осуществить какое-либо хитроумное злодейство невозможно, когда рядом целая дюжина туристов.

Таким образом, ненависть Джека переключилась на другой объект. Она сосредоточилась исключительно на Робере. Сейчас главным врагом был он. Если тогда, во время наводнения в горах, его решение погубить Элис созрело мгновенно, этому способствовали возникшие обстоятельства, то сейчас он замышлял преднамеренное убийство Моргана.

А, занятые собою, двое влюбленных и думать забыли про своего врага. В то время как в его душе разрасталась ненависть, в их сердцах зарождалась любовь.

Как мы уже говорили, кавалькада распалась на отдельные группы, но по крайней мере три пары сплоченно шли след в след. Тигг, окруженный со всех сторон, не мог и помыслить, чтобы ускользнуть от своих надзирательниц. Девуцы Блокхед, обуреваемые глухой яростью, не отставали от него ни на один лошадиный шаг. Мисс Мери, разгорячась, несколько раз посылала свою лошадь вперед, так что та подталкивала лошадь мисс Маргарет. Тогда раздавался пискливый голос: «Осторожнее, пожалуйста, мисс», но позиций при этом воюющие стороны не меняли.

Туристы ехали по плодородной, хорошо освоенной земле.

Здесь выращивались европейские и тропические культуры, но более всего было плантаций кактуса-опунции.

Так получилось, что жителей Канарских островов обошло чудовище, именуемое Прогрессом. Сначала крестьяне занимались выращиванием сахарного тростника. Но когда люди научились получать сахар из свеклы, островитяне потеряли все, что добывали тяжелым трудом. Не отчаиваясь, труженики засадили землю виноградниками, но на них обрушилась другая напасть, против которой не могли найти средства, — филлоксе-ра¹. Почти полностью разоренные, канарцы заменили виноградные кусты кактусом-опунцией, чтобы разводить кошениль, и в короткое время стали основными поставщиками этого ценного насекомого, из которого получают краску. Но наука, обесценившая сахарный тростник и не защитившая от микроскопических врагов виноградную лозу, ударила по канарцам новым открытием, не давая встать на ноги. Были созданы химические красители на анилиновой основе. Это грозило производителям кошенили окончательным разорением.

Однако бесконечные трудности только способствовали все новой предприимчивости местных жителей. Они многого добились бы своим упорным трудом, если бы не засуха. Иногда проходили недели, месяцы, даже годы, а на землю, сожженную солнцем, небо не посылало ни капельки дождя. Засуха здесь — настоящее бедствие. И сколько же требуется труда и изобретательности, чтобы от нее защищаться: густая сеть водопроводов несет воду с вершин в долины; люди роют углубления вокруг стволов кактусов, деревьев алоэ, чтобы туда стекала влага, собранная широкими листьями растений.

Было около восьми часов, когда кавалькада углубилась в заросли молочая. Дорога постепенно поднималась вверх, зажатая с двух сторон частоколом уродливых колючих стволов, полных смертельно ядовитым соком. Они выглядели странно и враждебно. Но по мере того, как путники поднимались вверх по склону, эти заросли уступали место более привлекательным на вид деревьям с гладким блестящим стволом. В нем течет совершенно безвредное молочко, струя которого брызжет метра на три, чуть только ударишь по стволу.

Уже через полчаса путники были на вершине Кальдейра-де-Бандана, кратера в форме правильного круга глубиной двести тридцать метров. На дне виднелся дом фермера и его поля.

Затем осмотрели по пути Сима-де-Гирамар, другой кратер, от него остался только узкий бездонный колодец. Здесь туристы развлеклись тем, что слушали, как отдается бесчисленным эхом каждый брошенный в колодец камень. И, наконец,

¹ Филлоксе́ра — род насекомых, паразитирующих на растениях; главным вредителем является виноградная филлоксе́ра.

около одиннадцати часов кавалькада прибыла в Сен-Лоран — селение с двумя тысячами жителей. Здесь, по утверждению проводника, можно пообедать.

Действительно, поесть тут было можно, если не быть слишком привередливым. Фруктов, притом самых великолепных, в Сен-Лоране много, но других продуктов не хватает. Проголодавшиеся туристы с аппетитом съели «гофью», поданное на второе. Это национальное блюдо представляет собой варено из ячменной или пшеничной муки, предварительно обжаренной и разведенной в молоке. Хотя оно и малопривлекательно на вид, но голодным туристам понравилось. Всем, кроме непримиримого Саундерса. Он сурово записал в своем блокноте: «гофью». Осмелиться подать ему «гофью»! Уже за одно это он вправе требовать сто фунтов на возмещение морального ущерба.

Когда обед закончился, все снова сели на лошадей. Но порядок шествия теперь несколько изменился. Обе девицы Блокхед, бдительные хранительницы Тигга, оказались в одном с ним ряду.

Да, благодаря одному изобретательному маневру им удалось устранить мисс Маргарет Гамильтон, и теперь она продолжала путь в одиночестве, так же как и господин Абсирфус Блокхед. Ее соперницы, гордые своей победой, не спуская глаз с отвоєванного Тигга, шествовали по обе стороны от него.

Этот переворот произошел, впрочем, не без сопротивления. Когда Маргарет обнаружила, что ее место занято, она возмутилась и запротестовала.

— Но, мисс,— сказала она, обращаясь к обеим сестрам сразу,— мне кажется, это мое место.

— К кому из нас изволите...— язвительно начала мисс Бесс,— обращаться, мисс? — закончила фразу мисс Мери, не менее издевательским тоном.

— Места...

— ...не пронумерованы, как я полагаю!

Что касается Тигга, то он не прислушивался к этим разговорам и не подозревал о военных действиях, развернувшихся из-за него. С вежливой беспечностью он позволял окружающим распоряжаться собой, вполне довольный нежной опекой.

Произошло еще одно изменение в первоначальной расстановке путешественников. Джек Линдсей перешел из арьергарда¹ в самый первый ряд. Теперь он ехал даже впереди своей родственницы, которую все так же сопровождал Морган. Джек ехал рядом с проводником, и между ними шел оживленный разговор.

Это обстоятельство очень заинтересовало Робера. Значит, проводник говорит по-английски? Разговор затягивался, и к

¹ Арьергард — часть войск, находящаяся позади главных сил, замыкающая шествие.

любопытству молодого человека стала примешиваться тревога. Джек с проводником отъехал теперь метров на сто вперед от первой пары, очевидно, боясь, что их кто-нибудь услышит.

О чем мог говорить Джек с туземцем, не внушающим Роберу доверия? Он не мог найти ответа.

Еще немного, и он рассказал бы о своих подозрениях спутнице. Джек правильно угадал, что миссис Линдсей ни о чем еще не знала. Морган не мог решиться нарушить спокойствие молодой женщины, открыв ей, что был свидетелем столь деликатных обстоятельств. К тому же он не сомневался, что сумеет вовремя предупредить возможную опасность, и потому снова промолчал. Отложив этот разговор, он решил просто удвоить внимание.

Через три часа путники были уже в Галдаре, резиденции бывших берберских¹ королей на северо-западном побережье; на обратном пути они проехали через селение Агаэте, а к пяти вечера прибыли в Артенару.

Эта деревня расположена на внутреннем склоне котловины Тейды, на высоте более тысячи двухсот метров, выше всех других селений на острове. Отсюда можно видеть, как ровные стенки кратера спускаются почти отвесно, образуя амфитеатр без единого оползня, без единой трещины. Внизу взору восхищенного наблюдателя открывается дно кратера в форме эллипса, протяженностью тридцать пять километров, к центру сбегаят ручьи, цепочкой спускаются поросшие лесом холмы, прачутся деревушки.

Само селение весьма необычно. Живут в нем только угольщики, и если дать им волю, они скоро сведут на нет последнюю растительность на острове.

Артенара — значит пещерное поселение. Только церковь поднимает к небу свою колокольню. Люди живут в углублениях, вырытых в стенках кратера. Пещеры расположены этажами, одна над другой. Свет проникает внутрь жилища через отверстия, напоминающие окна. На полу — плетеные циновки, на них сидят во время еды. О других сиденьях и лежанках позаботилась сама природа, а изобретательные жители вырубili необходимую мебель прямо в песчанике.

Не могло быть и речи о том, чтобы остаться в Артенаре ночевать. Пришлось продолжить путь, и только через час путешественники добрались до Тейде — селения, получившего название от самого вулкана.

Давно пора было сделать остановку. Некоторые всадники устали до изнеможения, и прежде всего трое Блокхедов. Мисс Мери и мисс Бесс то желтели, то зеленели, то бледнели, и от

¹ Берберы — группа народов в Северной Африке, Центральном и Западном Судане.

них требовалось настоящее мужество, чтобы выполнять до конца задачу, которую они перед собой поставили.

С каким облегчением все вздохнули, когда, наконец, объявили остановку.

Постоялый двор, куда проводник привел своих туристов, ничем не отличался от многих других. Это заведение, очевидно, вполне устраивало самого проводника, и он не заметил, как нахмурились клиенты при виде места, где им предлагали переночевать. Но жаловаться было поздно. Поскольку в Тейде не нашлось ничего лучше этой гостиницы, приходилось довольствоваться тем, что есть.

В действительности же заведение оказалось лучше, чем можно было судить о нем по внешнему виду. Для всех пятнадцати туристов и их проводника нашелся ужин, правда, пришлось еще раз отведать гофью, и это опять стало поводом для очередной записи в блокноте Саундерса.

При устройстве на ночлег возникли проблемы. Хозяину удалось разместить дам в комнатах, мужчинам же пришлось устраиваться на полу общей залы или на траве под открытым небом, завернувшись в одеяло.

На Канарских островах климат мягкий, но по утрам, перед восходом солнца, бывает свежо. И это вредно для ревматиков. Сэр Гамильтон узнал об этой особенности местного климата на своем опыте. Он проснулся на рассвете от болей во всех суставах, и ему пришлось долго себя растирать, прежде чем он смог встать. При этом барон не переставая проклинал Томпсона, из-за которого так страдает.

А Саундерс тем временем с завистью наблюдал за действиями Гамильтона. Саундерс готов был отдать что угодно, только бы обнаружить у себя какую-нибудь ломоту. Вот был бы неоспоримый аргумент впоследствии! Саундерс проверил свои суставы: он сгибался, напрягал мускулы, чтобы добиться судорог. Все напрасно. Его узловатое тело, крепкое как дуб, не поддавалось болезням.

Тем не менее он все же сделал в блокноте пометку о страданиях своего спутника. Пусть у него самого и не было приступа ревматизма, но ведь приступ мог случиться, поскольку случился с бароном. Упоминание об этой опасности тоже может быть использовано в суде ловким стряпчим.

Девушки Блокхед провели ночь под крышей, в тепле, и тем не менее встали совершенно больными. Они не могли ни согнуться, ни разогнуться и с трудом передвигались, опираясь при этом на все, что оказывалось рядом: на мебель, стены, людей. Тигг первый спросил утром, как мисс себя чувствуют, и узнал грустную новость: у девиц Блокхед начался радикулит.

Тем не менее нужно было ехать дальше. Мисс Бесс и мисс Мери, стеная и жалуясь, взобрались на лошадей. Кавалькада двинулась в путь.

И тут Робер заметил нечто странное. В то время как все животные были расчесаны скребницей благодаря усердию хозяина гостиницы и казались прекрасно отдохнувшими за ночь после трудного перехода накануне, лошади проводника и Джека Линдсея выглядели уставшими. Судя по пыльным узорам и поту на спинах животных, можно было догадаться, что им пришлось скакать галопом всю ночь.

Робер понимал: прояснить это обстоятельство могут только прямые объяснения седоков, но ему претил вопрос. И он оставил свои наблюдения пока при себе.

К тому же, если Джек Линдсей сговорился с проводником и замышляет что-то недоброе, сейчас уже невозможно ему помешать. Теперь один едет во главе кавалькады, а другой занял опять место в конце.

Правда, Джек на этот раз не был замыкающим, в аррьергарде находились господин Абсирфус Блокхед и обе его девушки. В каком ужасном положении находились мисс Блокхед! В то время как любовь к ближнему толкала их вперед, боль во всем теле заставляла замедлять шаг. И постепенно Тигг ушел из-под их ослабевшего надзора. А вскоре сестрам, отставшим уже на целую сотню метров от последнего всадника, пришлось наблюдать победу ненавистной соперницы.

Отправившись в путь рано утром, в назначенное время прибыли к кратеру Тирьяна. Проникнуть внутрь этого потухшего вулкана можно через узкую расщелину в западной части кратера, где дорога извивается змеей.

Уже давно кавалькада двигалась по дороге вверх, когда она вдруг разделилась на две, почти параллельные друг другу.

Элис и Робер, ехавшие впереди, остановились, ища глазами туземца-проводника.

Проводник исчез.

Туристы собрались на развилке и стали шумно обсуждать это странное обстоятельство.

В то время, как его спутники терялись в догадках, Робер молча размышлял. Не было ли исчезновение проводника частью какого-то заговора? Робер издали наблюдал за Джеком Линдсеем, но тот, казалось, разделял удивление своих спутников вполне искренне. В его поведении нельзя было заметить ничего, что подтвердило бы опасения Моргана.

В любом случае лучше повременить с рассказом о своих подозрениях. Отсутствие проводника могло быть вызвано самыми простыми причинами. Возможно, он вот-вот вернется.

Но прошло полчаса, а он не возвращался, и туристы стали терять терпение. Какого дьявола! Нельзя же сидеть здесь целый день! Нужно двигаться вперед по одной из этих дорог, на удачу. Дорога всегда куда-нибудь приведет.

— Может быть, сначала поехать на разведку кому-то одному по любой дороге,— здраво рассудил Джек Линдсей,—

чтобы знать, куда она ведет. Остальные подождут, да и проводник может за это время вернуться.

— Вы правы,— ответил Робер. Идти в разведку, конечно, предстояло ему.— Какую же дорогу, по вашему мнению, следует выбрать?

Джек жестом показал, что оставляет выбор за Робером.

— Вот эту, например? — осторожно спросил Робер, показывая налево.

— Как хотите,— сказал Джек равнодушно.

— Пусть будет эта,— сказал Робер, и Джек опустил глаза. Против его воли в них промелькнуло удовлетворение.

Но прежде чем отправиться в путь, Робер отвел в сторону Роже де Сорга и попросил его быть начеку.

— Есть обстоятельства,— сказал он,— в частности, необъяснимое исчезновение нашего проводника, которые заставляют меня опасаться, что готовится западня. Так что будьте очень внимательны.

— А как же вы? — спросил Роже.

— О, если и готовится покушение, то уж, наверное, не на меня,— ответил Робер.— Но я буду осторожен.

Высказав вполголоса эти наставления, Робер отправился по выбранной им дороге, а туристы вновь принялись ждать.

Первые десять минут прошли незаметно — время, необходимое для того, чтобы проскакать галопом один километр. Следующие десять минут уже тянулись дольше, и с каждой новой минутой отсутствие Робера казалось все более странным. Через двадцать минут Роже не выдержал.

— Мы не можем больше ждать,— заявил он.— По поводу исчезновения нашего проводника у меня нет пока соображений, но убежден, что с господином Морганом что-то случилось. Я еду след за ним, не медля более ни минуты.

— Мы с сестрой едем с вами,— твердо сказала Элис.

— Мы поедem все,— решили остальные.

Что бы ни скрывал Джек Линдсей в глубине души, вслух он не возразил и пустил свою лошадь вскачь вместе с остальными.

Дорога, по которой быстро неслась кавалькада всадников, пролегла между известковыми скалами, отвесно поднимавшимися с обеих сторон.

— Настоящее разбойничье ущелье,— проворчал Роже сквозь зубы.

Но пока вокруг не было ничего необычного. Первый километр пути был пройден за пять минут, но ни одной живой души не встретилось.

На повороте дороги туристы остановились и прислушались. До них донесся шум, похожий на крик толпы.

— Скорее вперед! — крикнул Роже, пуская лошадь галопом.

Через несколько мгновений всадники находились уже около деревни, откуда и слышался шум.

По правде сказать, это была весьма необычная деревня, поскольку в ней не было домов. Как и в Артенаре, ее обитатели использовали для жилищ толщу меловых скал вдоль дороги.

В данный момент жилища пустовали. Все население, состоявшее исключительно из негров с черной кожей, находилось в страшном возбуждении.

Деревня была взбудоражена. Но чем? Туристы и не пытались найти ответ на этот вопрос. Все их внимание сразу приковало к себе страшное зрелище.

Они увидели Робера Моргана. Против него, судя по всему, и был направлен гнев собравшихся. Робер спешил. Стоя спиной к стене, он защищался как мог, прячась за лошадь. Испуганное животное горячилось, брыкалось, и потому нападавшие не могли приблизиться к его хозяину.

Негры не имели огнестрельного оружия. Но развязка казалась близка. Морган заметно терял силы. Разрядив пистолет и уложив двух негров, Робер не имел больше никакого оружия, кроме хлыста, он оборонялся тяжелым набалдашником. Но наступление шло одновременно с трех сторон, мужчины, женщины и дети яростно забрасывали его камнями. Некоторые камни, брошенные ловкой рукой, уже попали в цель. По лбу осажденного струилась кровь.

Появление туристов не могло его спасти. Ведь между всадниками и Робером находилась толпа в несколько сот человек, и они кричали так яростно, что даже не заметили путешественников.

Роже собрался уже, как у себя в полку, скомандовать атаку. Но один из спутников его опередил.

Из последних рядов пулей вылетел какой-то всадник и как снаряд врезался в самую гущу негров. Пока он несся сквозь толпу, туристы успели с изумлением признать в нем господина Блокхеда. Бледный, с помертвевшим лицом, он в ужасе цеплялся за шею лошади, испуганной криками негров.

Обезумевшая лошадь неслась галопом, затаптывая всех на своем пути. В одно мгновение дорога была расчищена. Пытаясь спастись, негры поспешили укрыться.

Но сбежали не все. Один все же остался.

Он стоял посреди дороги, настоящий гигант богатырского сложения. Даже оставшись один, он не поддался панике. Твердо упершись ногами, негр стоял напротив Робера и держал в руках какое-то старинное ружье, нечто вроде большого испанского мушкетона¹. Он засыпал в ружье порох, наполняя его до краев.

¹ Мушкетон — старинное короткоствольное ружье кавалерии; дуло расширено воронкой.

Затем, приложив ружье к плечу, негр навел его на Робера. Роже сразу бросился бежать к негру по проходу, образовавшемуся в результате блестящей джигитовки достойнейшего бакалейщика, а за Роже побежали и другие. Успеет ли он помешать выстрелу?

К великому счастью, его обогнал господин Абсирфус Блокхед на совсем неуправляемой лошади.

Она оказалась вдруг в двух шагах от негра-гиганта, поглощенного непривычным для него занятием, — он все еще прилаживал к плечу старинное ружье. Разгоряченная лошадь сначала резко остановилась перед неожиданным препятствием, присела на всех четырех ногах, затем встала на дыбы.

Господин Абсирфус Блокхед, напротив, влекомый горячей боя, а также центробежной силой, перелетел через голову своего скакуна и, описав великолепную дугу, врезался прямо в грудь негра, как пушечное ядро.

Снаряд и его жертва вместе покатались по земле.

Роже и его спутники уже находились на месте небывалого сражения.

В одно мгновение Блокхеда подняли с земли и перекинули через седло одной из лошадей, а в этот момент кто-то другой поймал лошадь, потерявшую всадника. Робер вскочил на свою, и весь отряд европейцев галопом унесся из негритянской деревушки в сторону, противоположную той, откуда приехал.

Не прошло и минуты, как все уже были в безопасности. Но за это короткое время господин Абсирфус Блокхед успел прославиться в искусстве джигитовки¹, изобрести новое метательное устройство и к тому же спасти одного из своих близких.

В настоящий момент этот доблестный воин был не в лучшем виде. В результате сильного сотрясения мозга он потерял сознание, и оно как будто не собиралось к нему возвращаться.

Как только всадники оказались на таком удалении от негритянской деревни, что можно было не опасаться нападения, все спешили. Чтобы привести господина Блокхеда в чувство, оказалось достаточно обливания холодной водой. Он заявил, что готов продолжить путь.

Но прежде ему все-таки пришлось выслушать слова благодарности от Робера. Судя, однако, по виду почтенного бакалейщика, он никак не мог взять в толк, о чем речь, — наверное, от избытка скромности.

Пустив лошадей шагом, наши путешественники обогнули центральную вершину острова, Пиццо де ла Ниеве, то есть Колодец со снегом, названную так из-за ледников внутри горы, затем проехали по огромному плато, покрытому множеством остроконечных пиков. Одну за другой оставили в стороне Сау-

¹ Джигитовка — упражнения на скачущей лошади, демонстрирующие храбрость и ловкость наездника; здесь — в ироническом смысле.

сильо-дель-Убло — монолит высотой в сто двенадцать метров, затем — Рейтайго и Куимбре.

То ли после пережитых волнений, то ли от усталости, во время этого перехода через плато никому не хотелось разговаривать. Туристы ехали молча, почти в том же порядке, как и при отправлении. Но произошли небольшие перемещения. Саундерс пристроился рядом с доблестным Блокхедом, а Робер ехал теперь рядом с Роже. Элис и Долли оказались во втором ряду.

Французы обсуждали происшествие, едва не стоившее одному из них жизни.

— Вы правильно догадались о готовящейся западне. Однако опасность была не там, где вы думали.

— Это верно, — признал Робер. — Но как я мог предположить, что кого-то интересует моя скромная персона? Впрочем, я полагаю, что, если бы вместо меня отправились в эту деревню вы, вас встретили бы точно так же.

— Кстати, — спросил Роже, — откуда эта черная колония в самом центре страны с белым населением?

— Это бывшее поселение беглых рабов, — ответил Робер. — Сейчас, когда рабство отменено, у них больше нет причин скрываться. Но эти потомки прежних беглецов сохраняют обычаи своих предков. Они все так же живут в глубоких пещерах, почти не связаны с внешним миром, редко показываются в соседних городах.

— Они не очень-то гостеприимны, — заметил Роже не без юмора. — Что, черт возьми, вы им сделали, что они так взбунтовались?

— Абсолютно ничего, — сказал Робер. — Бунт начался еще до моего появления.

— Вон как! — воскликнул Роже. — Из-за чего же?

— Я догадываюсь об этом по тем проклятиям, которые на меня сыпались. Чтобы понять, в чем причина, надо знать: жителям Канарских островов не нравится, что с каждым годом к ним приезжает все больше иностранцев. Канарцы считают, что приезжие завозят на острова свои болезни и что в конце концов здесь будет опасно жить. К тому же наши негры почему-то думают, будто мы приехали устроить в их деревушке лечебницу для прокаженных¹ и туберкулезников. Отсюда такая ярость.

— Лечебницу! — воскликнул Роже. — Как такая мысль могла прийти в их курчавые головы?

— Кто-то им, по-видимому, эту мысль подкинул, — отве-

¹ Проказа, лепра — хроническое инфекционное заболевание кожи, тканей, нервных стволов человеческого тела. Прокаженных — страдающих этой болезнью — изолируют и лечат в специальных учреждениях — интернатах-лепрозориях.

тил Робер,— и можно себе представить, какое впечатление произвела эта угроза на их детские мозги, насквозь пропитанные суевериями.

— Кто-то подкинул? — повторил Роже.— Кого же вы подозреваете?

— Проводника,— ответил Робер.

— С какой целью?

— С целью наживы, естественно. Этот негодяй рассчитывал, наверное, получить свою долю из наших вещей.

Такое объяснение казалось правдоподобным; так, видно, и было. Прошлой ночью проводник подготовил эту западню, заронил искру гнева в головы легковверных негров, обмануть которых очень легко.

О чем Робер умалчивал, так это о том, что Джек, без сомнения, принимал в этом заговоре участие и цель у него была другая, не грабеж. Но, поразмыслив, Робер решил не говорить никому о своих подозрениях. Для таких обвинений нужны доказательства, а у него их не было.

Но Морган, возможно, поступил бы так же, даже если бы имел доказательства. Он все равно предпочел бы скорее оставить безнаказанным своего врага, нежели скомпрометировать фамилию Линдсей.

Пока оба француза обсуждали эту волнующую их тему, Саундерс занялся Блокхедом.

— Поздравляю, сударь! — сказал он ему, когда все снова двинулись в путь.

Блокхед промолчал.

— Какой бросок, сударь, черт побери! — воскликнул Саундерс, посмеиваясь.

Блокхед снова промолчал. Саундерс подъехал поближе.

— Ну как, дорогой друг, вы себя чувствуете?

— Очень болит,— вздохнул Блокхед.

— Да, да,— согласился Саундерс.— У вас голова...

— Не голова!

— А что же?

— С другого конца! — жалобно вздохнул Блокхед, лежа ничком на лошади.

— С другого конца? — повторил Саундерс.— Ах, ну да, ну да! — сказал он, поняв.— Но важно не это!

— Как раз наоборот! — пробормотал Блокхед.

— Черт побери! — гнул свою линию Саундерс.— Но ведь во всем виновато «Агентство Томпсон»! Если бы нас было не пятнадцать, а сто человек, разве на нас напали бы негры и разве болела бы тогда у вас голова? Если бы были не лошади, а гамаки с носильщиками, как было обещано этой бессовестной программой, болело бы у вас... в другом месте? Я понимаю ваше возмущение и ваше негодование.

У Блокхеда достало сил возразить.

— Восторг! Сударь! Совсем, напротив, мой восторг,— прошептал он жалобно — так велика была сила привычки.

— Восторг? — повторил Саундерс в совершенном изумлении.

— Да, сударь, я в восторге,— подтвердил Блокхед уже громче.— Хочешь — вот тебе лошади, хочешь — острова с неграми... Все это невероятно, сударь, совершенно невероятно!

От избытка чувств Блокхед забыл про свои синяки. Он неосторожно выпрямился в седле и торжественно простер руку.

— Чистая правда, сударь, у Блокхеда слово... Ай! — вскрикнул он, падая ничком. Резкая боль пронзила его насквозь и возвратила в реальность. Недовольный Саундерс отъехал от неисправимого оптимиста.

Около одиннадцати кавалькада добралась до деревни, укрывшейся в отрогах Куимбре. Миновав деревню, путники оказались на маленькой площадке, откуда не было другого пути. Все остановились в совершенной растерянности.

Следовательно, двумя часами раньше они выбрали не ту дорогу. Единственный способ исправить ошибку — это вернуться назад.

Робер попытался объяснить с жителями деревни. Но испанский язык Робера был, по-видимому, совсем непонятен крестьянам, а для Робера загадкой был испанский, на котором разговаривали местные жители.

Робер не очень этому удивился. Он знал, что внутри страны существует множество местных говоров.

Однако при помощи выразительной мимики, все время повторяя слово «Тедде» — название города, куда хотели попасть к обеду, Робер в конце концов добился результата. Туземец хлопнул себя по лбу в знак того, что понял, позвал мальчика, долго объяснял ему что-то, затем жестом пригласил всадников следовать за этим проводником.

Туристы ехали за мальчиком. Тот все время насвистывал мелодии. Вслед за ним сначала вскарабкались вверх по тропинке, затем по другой спустились вниз, пересекли дорогу, попали на новую тропу, и так без конца. По расчетам, уже давно должны были добраться до места. Робер хотел поговорить с мальчишкой, но в этот момент всадники подъехали к новой дороге. Сопровождающий указал рукой на южное направление и, быстро сбегав по узкой крутой тропке, мгновенно скрылся из виду.

Туристы остановились, не зная, что думать.

Понял ли их тот крестьянин, вот вопрос? Как бы там ни было, жаловаться некому. И они поехали дальше, только не на юг, а на север, в ту сторону, где, как они полагали, должен быть город Тедде.

Прошло немало часов, но туристы, еле живые от усталости и голода, не увидели и городской колокольни. День клонился к

вечеру, а всадники все еще были в дороге. На девиц Блокхед было просто жалко смотреть. Они молча обхватили руками шеи своих лошадей, у всадниц не было сил даже стонать.

К шести вечера туристы уже начали поговаривать о том, чтобы сделать привал прямо под открытым небом, когда, наконец, показались дома. Лошади прибавили шагу. И вот сюрприз! Они оказались в Лас-Пальмасе! Часом позже туристы, проехав через весь город, поднимались на борт «Симью», хотя никому так и не удалось понять, каким образом они сюда добрались.

Путешественники поторопились занять места за столом, где уже подавали обед, и энергично принялись за еду. К несчастью, принципы, которыми руководствовались на «Симью» при составлении меню, оставались те же, что и два дня назад. Того, что подали, оказалось явно недостаточно для голодных едоков.

Но на это сейчас не обратили внимания. Всех занимало другое: как обстоят дела с ремонтом котла? Ремонт еще не закончился: стук молотков давал это понять. Он проникал повсюду, в салоне из-за него не было слышно собеседника, в каютах невозможно было уснуть. Грохот продолжался всю ночь и довел пассажиров до отчаяния.

Усталость помогла Роберу в конце концов заснуть, несмотря ни на что. В пять утра он проснулся от внезапно наступившей тишины. Стук на судне прекратился.

Одевшись за минуту, Робер поднялся на пустынную палубу. Он увидел внизу капитана Пипа и господина Бишоп: они разговаривали.

До Робера донесся голос капитана:

— Итак, все готово, сударь?

— Да, капитан, — ответил Бишоп.

— Вы удовлетворены ремонтом?

— Ну-у!.. — слышалось неопределенное мычание. Помолчав, Бишоп изрек: — Артимон сказал бы, что нельзя из старого сделать новое, капитан.

— Уж конечно! — подтвердил капитан. — Но, полагаю, мы сможем отплыть?

— Сможем, капитан, — ответил Бишоп. — Но вот приплыть?..

Снова молчание. Теперь оно продлилось несколько больше. Робер перегнулся через перила и увидел, что у капитана глаза страшно косят, как всегда, когда он волнуется. Пип стал тербить себя за нос, а потом схватил главного механика за руку и закончил:

— Ну и дела, сударь! — и с этими многозначительными словами отпустил помощника.

Робер рассудил: ни к чему остальным знать о перспективах, которые стали ему известны не совсем обычным путем. Об

отплытии же извещать не пришлось. Клубы дыма, появившиеся над трубой, все объяснили пассажирам.

Только уверенность, что час выхода в море близок, спасла Главного Администратора от ярости его подопечных после отвратительного завтрака. Никто поэтому не стал предъявлять претензий. А когда до слуха пассажиров донеслись команды об отплытии, что позволяло рассчитывать на хороший обед, лица сидящих за столом прояснились.

ГЛАВА V

На вершине Тейде

Лас-Пальмас и Санта-Крус разделяют почти пятьдесят миль. «Симью» снова шел с нормальной скоростью в двенадцать узлов, и для преодоления этого расстояния потребовалось четыре часа. Уже в половине четвертого он бросил якорь в порту возле столицы Тенерифе.

Между Санта-Крусом, Лас-Пальмасом и Европой налажено регулярное сообщение. Многочисленные пароходные линии соединяют его с Ливерпулем, Гамбургом, Гавром, Марселем и Генуей. Связь с различными островами архипелага каждые два месяца обеспечивает местная компания.

Подступы к Санта-Крусу, расположенному амфитеатром в окружении гор, очень живописны и могут выдержать сравнение с Лас-Пальмасом. Однако пассажиры остались равнодушны к очарованию этого города. Чудо стало привычным. Город ничем не отличался от других, уже виденных. Привлекал пассажиров только знаменитый пик Тейде, более известный под названием Тенерифе, подъем на него был гвоздем программы. Вот это казалось необычным! Уже само предвкушение подобной экскурсии значительно повышало акции Томпсона.

Но экскурсия на Тенерифе была связана с самыми непредвиденными сложностями. Пик прятался за плотной завесой облаков, непроницаемых даже для сильных подзорных труб. Эта помеха делала пик еще более загадочным и возбуждала любопытство будущих покорителей. Все говорили только о нем, и Томпсону без труда удалось убедить одержимых этой мыслью пассажиров отказаться от возвращения в Санта-Крус.

Молодая пара была не из их числа. Прежде чем якорь коснулся дна, молодожены незаметно сошли на берег и исчезли, намереваясь появиться лишь к отплытию.

Томпсон, учитывая всеобщее равнодушие к столице Тенерифе, отказался от сухопутного маршрута, означенного в программе, и предложил идти морем до города Оротавы, отправного пункта восхождений. Тем самым он надеялся сэкономить на транспорте. Предложение не встретило возражений, и, по-

сколько отплытие приходилось на другой день, большая часть туристов решила остаться на борту.

Однако некоторые путешественники не разделяли этого равнодушия к городу. Ими были все те же: Элис Линдсей вместе с сестрой, их неразлучный спутник Роже де Сорг, Саундерс со своим блокнотом и строго придерживающийся программы сэр Гамильтон с семьей. Как только «Симью» стал на якорь, они сошли на берег, чтобы идти до Оротавы сушей. Поскольку на сей раз Джек Линдсей не считал нужным присоединиться к экскурсии, Робер также решил остаться на борту. Но Роже попросил Томпсона возложить на Робера обязанности переводчика, ибо его помощь, как уверял де Сорг, окажется необходимой. И Робер вошел в состав небольшой группы, лишенной, увы, тех, кто был ее гордостью.

Да и могло ли быть на сей раз иначе? Был ли способен мистер Абсирфус Блокхед проявить свои незаурядные способности восхищаться всем на свете, если вот уже двадцать часов он спал так крепко, словно и не собирался просыпаться? Могли ли очаровательные дочери заменить отца, если они возлежали, боясь перевернуться на спину?

Тигг коварно воспользовался их плачевным положением. Он покинул «Симью» и, разумеется, во время экскурсии держался вблизи мисс Маргарет Гамильтон.

Стояла изнурительная жара. По совету Робера решили вечером отправиться в Ла-Лагуну, бывшую столицу острова, чтобы заночевать. Считалось, что там нет свирепствующих в Санта-Круссе комаров.

Туристы ограничились беглым осмотром города. Они прошли по широким улицам мимо домов, иногда расписанных по итальянской моде, пересекли площадь Конституции. В центре ее возвышался обелиск из белого мрамора, охраняемый изваяниями четырех гуанчских королей. В пять часов туристы сели в комфортабельные автобусы и скоро были в Ла-Лагуне.

Расположенный на высоте пятисот двадцати метров, город славился мягким климатом, и действительно, там не было комаров. Эти преимущества превратили город в место отдыха жителей Санта-Круса, которые искали покоя в тени больших деревьев, среди эвкалиптов.

Несмотря на свои несомненные климатические достоинства, город пребывал в упадке. В хорошем состоянии были там только две церкви, но встречалось множество разрушающихся памятников. На мостовых и даже на крышах домов зеленела трава.

Следующим утром эту разочаровавшую всех королевую острова туристы покидали на дилижансе¹, ежедневно соверша-

¹ Д и л и ж а н с — многоместный крытый экипаж, запряженный лошадьми, для перевозки почты, пассажиров и их багажа.

ющем два рейса между Ла-Лагуной и Оротавой туда и обратно.

Пять задыхающихся кобыл тянули повозку с трудом. Поэтому тридцать километров, отделяющих Ла-Лагуну от Оротавы, преодолевали четыре часа. Дилижанс проехал мимо Такоронте, где находится музей с любопытной коллекцией мумий гуанчей, а также коллекцией оружия и орудий труда этого исчезнувшего народа. Проехали карьер из вулканического шлака Мантасу, его название сохранило воспоминание о давнем кровавом сражении, Викторину — место другой древней битвы, и вот, наконец, Санта-Урсула.

При выходе из этого городка дорога устремляется к долине Оротавы, которую знаменитый путешественник Гумбольдт считал прекраснейшей в мире.

В самом деле, трудно вообразить себе более гармоничное зрелище. Направо — бескрайний простор моря, налево — нагромождение диких остроконечных горных пиков, отрогов вулкана, его «сыновей», как называет их выразительный народный язык. А отец, сам Тейде, возвышается на заднем плане. И между морем и горными вершинами среди невообразимого буйства зелени простирается Оротавская долина.

По мере продвижения вперед вершина Тейде казалась все меньше. Она исчезла в тот момент, когда стали различимы дома двух Оротав: города, в пяти километрах от моря, и порта, расположенного ниже. Одновременно с прибытием в город экипажа у порта остановилась дымящаяся точка: своих пассажиров доставил «Симью».

Экипаж приблизился к комфортабельной на вид гостинице. «Отель гесперид»¹ — указывала золотая надпись на фасаде. Робер, первым спрыгнувший на землю, был обрадован, услышав приветствие на родном языке. «Отелем гесперид» владел француз. Он был взволнован, обнаружив среди прибывших своих соотечественников. Как же он старался для них! Как хлопотал, готовя завтрак! Хорошо знакомые с кулинарным искусством «Симью», туристы не хотели больше туда возвращаться. Французская кухня одержала победу.

После настоящего пиршества Робер быстро направился в порт, чтобы договориться с Томпсоном о завтрашней экскурсии. Он вернулся с двумя повозками, груженными провизией.

Было почти четыре часа пополудни, — времени, для того чтобы организовать экскурсию, не хватало. К счастью, Роберу помог любезный хозяин «Отеля гесперид». Этот превосходно осведомленный человек дал много ценных советов. Оставалось лишь следовать его рекомендациям. Однако за день с делами

¹ «Отель гесперид». — В греческой мифологии геспериды, дочери Атланта, жили в прекрасном саду, где росла яблоня, приносящая золотые плоды.

не управились, понадобился еще и вечер. Поглощенный хлопотами, Робер не появился за обедом.

Обед превзошел завтрак. Пассажиры «Симью» спрашивали себя, не снится ли им это все, и вопросительно поглядывали на Томпсона. Уж не подменили ли администратора? Еще немного, и ему стали бы аплодировать, забыв недавние недоразумения.

Но был среди них один, кто не сдавался и не обольщался видимостью.

— Надо полагать, что саранча не достигла Тенерифе,— произнес Саундерс нудным голосом.

— О! Она никогда не залетает дальше Гран-Канарии,— ответил не заподозривший подвоха хозяин.

Саундерс бросил на него гневный взгляд. Что за нужда в его комментариях! Однако этот ответ в известной степени оправдывал Томпсона, и он не прошел мимо внимания туристов. За ночь хорошее настроение укрепилось. Выспались с комфортом, поели с удовольствием и на рассвете восьмого июня в прекрасном расположении духа стали готовиться к отъезду. С шести утра их уже поджидала настоящая армия: пехота и кавалерия.

Исключая нескольких дезертиров, ранее отбивших на рейсовом пароходе в Англию, на борту «Симью» вместо шестидесяти пяти осталось только пятьдесят девять пассажиров. В силу обстоятельств армия несла все новые потери, и сейчас ее численный состав сократился до пятидесяти одного.

Молодая пара, по своему обыкновению, исчезла сразу же по прибытии в Санта-Крус. Было очевидно, что они появятся лишь перед самым отъездом. Затем Джонсон. Что удерживало его на борту «Симью»? Никто не сумел бы ответить на этот вопрос, ибо Джонсон не унижался до того, чтобы оправдывать свои поступки, если предположить, что он вообще был на это способен. Он просто остался на борту. Возможно, он не знал, что «Симью» стоит на якоре. Разве не испытывал он постоянную качку и на море, и в порту, и на суше? Миссис Джорджине Блокхед с юным Абелем пришлось стать сиделкой при страдающих радикулитом муже и двух дочерях.

Поэтому Робер взял на себя заботу только о пятидесяти одном туристе.

В начале колонны шли мулы: на каждого путешественника приходилось по мулу. Эти выносливые животные особенно отличались на крутых и нехоженных тропах, ведущих к Тейде. Затем следовали двадцать лошадей, груженных одеялами и провизией. Таким образом, четвероногие в количестве семидесяти одного составляли кавалерию.

Не менее внушительно выглядела пехота погонщиков: двадцать для вьючных лошадей и двадцать в помощь женщинам, затем двадцать проводников каравана под командованием Игнасио Дорты. За Игнасио важно вышагивал Томпсон,

затем Робер. В присутствии множества людей он был спокоен и мог позволить себе отойти от Элис. Потом длинной цепочкой шли пассажиры, охраняемые одиннадцатью проводниками и двадцатью погонщиками. Шествие замыкали лошади, их вели остальные двадцать погонщиков.

Хотя жители Оротавы и привыкли уже к подобным зрелищам, это восхождение вызвало живое любопытство. Кавалькада, направляясь к склонам Монте-Верде, проходила при большом стечении народа.

Все это прекрасно организовал Робер. Однако заслуга приписывалась исключительно Томпсону, и именно ему предстояло оплачивать расходы. Это повышало его акции¹ администратора. Превосходная организация экскурсии подняла туристам настроение. Если воспоминания о недавних неурядицах и не изгладились из памяти, то, во всяком случае, значительно поблекли. Впрочем, все способствовало душевному покою. Стояла восхитительная погода, дул свежий бриз, тропа была легкой. Даже Саундерс расчувствовался.

Но резким усилием воли он стряхнул с себя эту слабость. Что такое! Неужели он так глупо признает себя побежденным? Разве может одна удачная экскурсия стереть из памяти десять других, совершенно не организованных? Впрочем, окажется ли она удачной? Что-нибудь, конечно, случится до возвращения в Оротаву. Поживем — увидим. Саундерс решительно хрустнул суставами и придал своему лицу высокомерное выражение.

Гора Монте-Верде своим названием обязана соснам, покрывавшим ее в былые времена. Теперь остались лишь отдельные экземпляры. В тени каштанов и уцелевших сосен кавалькада двигалась вперед по красивой тропе, окаймленной цветущей геранью и остроконечными агавами. По другую сторону раскинулись виноградники, поля, засеянные зерновыми культурами. На высоте тысячи метров вступили в чашу древовидного вереска. Игнасио Дорта подал знак остановиться на привал. Все уселись завтракать в прозрачной тени раkitника. Было десять часов утра. Саундерсу пришлось отметить, что завтрак оказался на должной высоте. Несмотря на небольшую усталость, сотрапезники продолжали пребывать в приподнятом настроении благодаря хорошему аппетиту. Они восторгались легкостью восхождения. Саундерс, слушая это, в душе молил Провидение ниспослать трудности. Внял ли его недобрым пожеланиям тот, кто вершит судьбами агентств? Во всяком случае, они скоро осуществились.

После завтрака довольные туристы с веселыми шутками снова отправились в путь, но характер дороги изменился.

¹ Акция — здесь: степень авторитетности человека, уважения к нему со стороны окружающих.

Вступив в ущелье Портильо, они начали находить подъем уже не таким легким. Начались бесконечные повороты. Зажатая между крутыми откосами и прорезаемая глубокими оврагами, тропа оказалась усыпанной шлаком и пемзой: мулы то и дело спотыкались.

Скоро подъем стал просто изнурительным. Когда же кончится эта адская тропа?

Но одни повороты сменялись другими, овраги — оврагами, а цель не приближалась. Не обошлось без падений, не имевших, правда, последствий, и это охладило пыл самых выносливых. Многие подумывали, не вернуться ли назад, но пока ни один на это не решался. Первым беглецом стал пастор Кули. Он внезапно повернул поводья и, не оглядываясь, спокойно затрусил на Оротаву.

О, пагубное воздействие примера! Старые леди и джентльмены почувствовали при этом зрелище, как их покидает мужество. С каждой минутой число отступников увеличивалось. Уже растаяла добрая треть каравана, когда часа через два утомительного восхождения взорам самых стойких предстал пик Teneriffe, дотоле скрывавшийся за поворотами. Они вступили на небольшое плато горы Эстансия-де-ла-Сера.

В светлом одеянии из пемзы, испещренном черными потоками лавы, пик, вершину которого закрывали облака, одиноко возвышался правильным конусом посреди необозримой равнины. Обращенные к нему горы, как бы молитвенно склонившись перед своим господином, образовали округлые границы равнины. И только на западе гряда гор ломалась, оседала, и там блестело на солнце далекое море.

Это возвышенное зрелище решило судьбу экскурсии. Раздались возгласы «ура». Томпсон скромно раскланялся. Он полагал, что снова вернулись прекрасные времена, когда колонна подчинялась ему беспрекословно. Разве не завоевал он снова всеобщее расположение?

Администратор обратился к туристам.

— Господа,— его рука, казалось, преподносит всем в дар колоссальный конус горы,— вы можете еще раз убедиться, что агентство, смею вас заверить, идет на любые расходы ради клиентов. Если вам будет угодно, мы соединим приятное с полезным, и господин профессор Морган расскажет немного о панораме, которой мы имеем счастье любоваться.

Робер, весьма удивленный этим неожиданным предположением, тотчас напустил на себя строгий вид, вид «чичероне»¹, как он мысленно выражался.

— Дамы и господа,— обратился он к туристам, образовавшим круг,— перед вами равнина Лас-Канадас, бывший кра-

¹ Чичероне — проводник, дающий объяснения туристам при осмотре достопримечательностей.

тер, заполненный вулканическими породами. В центре кратера накопилось столько вулканического шлака, что образовался пик Тейде, достигающий тысячи семисот метров высоты. Вулканическая деятельность затихла, но не прекратилась. Вы сейчас увидите у оснований конусов дымовые трещины для выхода подземных сил. Туземцы называют их «ноздри вулкана».

Пик Teneriffe достигает высоты трех тысяч восьмисот восьми метров. Это самый высокий вулкан на земном шаре. Такие размеры не могут не поражать воображение. Первые европейские путешественники считали Teneriffe самой высокой вершиной мира и приписывали ему более пятнадцати лье в высоту. Гуанчи, коренное население островов, обожествляли вулкан. Они поклонялись ему, приносили в жертву обитающему в глубине кратера злому духу Гуайате тех, кто нарушил слово или совершил нехороший поступок.

— Уж не рассчитывает ли мистер Томпсон туда подняться, — прервал Моргана хриплый голос; по неповторимым интонациям каждый узнал Саундерса, и все почувствовали неловкость. Робер замолчал, а Томпсон не счел уместным просить его о продолжении. По знаку администратора Игнасио Дорта объявил отправление. Туристы двинулись к равнине Лас-Канадас.

Переход начали бодро. Размеры равнины казались не такими большими, и никто не сомневался, что путники достигнут основания конуса менее чем за полчаса. Однако полчаса прошло, а цель приблизилась мало. Уверенность, что путешественники вот-вот дойдут до конуса, оказалась иллюзией, до него еще далеко.

К тому же под ногами были сплошные бугры и расщелины, а из растительности попадались лишь редкие скудные рошцы ретамас¹.

— Господин профессор, — спросил у Робера один из туристов, — сколько потребуется времени, чтобы пересечь это ужасное плоскогорье?

— Около трех часов, сударь, — ответил Робер.

Туристы призадумались.

— А после перехода через плоскогорье на каком расстоянии мы будем от вершины? — снова спросил обеспокоенный турист.

— Около тысячи пятисот метров по вертикали, — лаконично ответил Робер.

Надо признать, что прогулка уже не казалась приятной. На этой высоте становилось прохладно, хотя солнце в разреженном воздухе светило ярко. Туристы, подогреваемые спере-

¹ Ретамас — безлистный кустарник альпийских (свыше 1800 м над уровнем моря) лугов на Канарских островах в Атлантическом океане близ побережья Африки.

ди и охлаждаемые сзади, весьма сдержанно оценивали подобную компенсацию.

Наши путешественники постепенно начинали испытывать все большие неудобства. Еще более ослепительная, чем снег, пемза, по которой они ступали, отражала лучи солнца, как зеркало, причиняя боль глазам. Роже, прихватив по совету Робера несколько темных очков, смог оградить себя и американок от возможных неприятностей. Но мало кто из попутчиков принял подобную предосторожность. В результате начавшаяся у многих офтальмия¹ вынудила их отступить. Призадумались и другие; цель все еще казалась далекой, и вот большая часть всадников, не то опасаясь за зрение, не то из-за усталости, благоразумно повернула назад на Оротаву.

Робер шел во главе каравана рядом с Игнасио Дортой. Задумавшись, он за все три часа перехода через равнину не произнес ни слова. И лишь после того, как достигли вершины Белой горы, крайнего отрога пика, высотой в две тысячи четырехста метров, он оглянулся. И увидел, насколько уменьшился караван. Теперь он состоял, самое большее, из пятнадцати туристов. Численность погонщиков также претерпела пропорциональное уменьшение.

— Английский караван,— прошептал Роже на ухо своему другу,— безусловно, представляет собой тело, имеющее самую низкую температуру плавления. Беру на заметку это наблюдение из области химии.

— В самом деле! — засмеялся Робер.— Но я полагаю, что процесс закончился.

Однако события вскоре доказали обратное. Теперь надо было идти на штурм конуса по тропе такой крутизны, что лошади и мулы, казалось, не смогут удержаться. Многие бестрашные туристы при этом зрелище отступили и под предлогом крайней усталости решительно заявили о своем желании возвратиться в Оротаву самым кратким путем. Напрасно Томпсон настаивал, напрасно изошрялся в красноречии, он встречал лишь энергичное сопротивление, выраженное отнюдь не самым любезным образом.

Предпринимать подобную экскурсию было безумием. Могли здравомыслящий человек предложить такое не профессиональным альпинистам, а обыкновенным людям?

Раскаиваясь в том, что три часа назад поверили в успешное завершение экскурсии, путешественники смеялись над собой: как они допустили мысль, что Томпсон способен на разумные действия?

Пришлось отпустить разочарованных, предоставив им часть проводников и лошадей, груженных провизией. После

¹ Офтальмия — воспаление глаза.

этого Томпсон незамедлительно начал восхождение, не дав своим оставшимся сторонникам времени опомниться.

Разумеется, в первом ряду фигурировал Ван Пипербум из Роттердама. Он словно тень в течение двух недель ни на шаг не отставал от своего начальника. Возможно, таким образом он намеревался отомстить Томпсону. Чрезвычайно раздраженный администратор не мог отделаться от этого живого упрека. Когда он шел, Пипербум следовал за ним по пятам, когда говорил, голландец смотрел ему в рот. Передышка наступала лишь в ночные часы.

На сей раз, как и всегда, Пипербум был на своем месте. Его мул мог бы жевать хвост томпсоновского мула.

Если седок и верховое животное, вопреки старой поговорке, не всегда одна скотина, то еще более верно то, что у них две головы, то есть различные и нередко противоположные желания. И если Пипербум собирался карабкаться за своим вожатым по склону горы до самой вершины, то его мул придерживался другого мнения. Пройдя десять шагов, он категорически отказался сделать одиннадцатый. Животное находило свою ношу слишком тяжелой.

Исчерпав все физические и словесные доводы, проводники ухватили упряма за удила, но он, по-видимому, принял бесповоротное решение и не поддавался. Наконец мулу надоели вольности по отношению к нему, и он проявил недовольство открыто, сбросив седока на землю. Пипербум волей-неволей вынужден был покинуть своего начальника и отправиться назад в сопровождении проводника, двух погонщиков и лошади, в то время как его более удачливые товарищи продолжали восхождение.

Их осталось всего девятнадцать: три проводника, восемь погонщиков, четыре оставшихся лошади и восемь путешественников, а именно: Томпсон, чье положение обзывало показывать пример выносливости, Робер, Роже де Сорг, Элис с сестрой, Джек Линдсей, Саундерс и Гамильтон. Что касается леди Гамильтон и мисс Маргарет, то они давно уже должны были быть в Оротаве вместе с Тиггом, галантно предложившим их сопровождать. Ах! Если бы мисс Мери и мисс Бесс Блокхед могли все это видеть! Они предпочли бы, чтобы неблагодарный взошел на вершину пика и бросился в кратер, чем стал бы поклонником соперницы!

В этой поредевшей колонне Робер занимался своими обычными обязанностями. Заметив, что Джек и американка оказались на тропе друг за другом, он энергично взнуздal мула, слегка задев Элис. Она, словно угадав побуждение молодого человека, не обратила внимания на эту несколько нервную поспешность, а спокойно пропустила его и оказалась позади своего верного защитника.

Джек Линдсей также заметил маневр Робера, но, как и его невестка, не подал виду. Только легкое подергивание лица вы-

дало его тайный гнев, но он продолжал подниматься по склону, будто не видел соперника, который следует за ним.

Восхождение было изнурительным. Каждый шаг по рыхлой, обваливающейся почве давался с трудом. Когда в шесть часов вечера, после двухчасового тяжелого подъема раздался наконец сигнал привала, люди и животные были утомлены до предела. Они добрались до Альта-Висты, выступа на конусе, где находилась хижина для рабочих, добывающих серу. Там предстояло заночевать.

Прежде всего путники воздали должное превосходному обеду, обильному из-за небольшого числа едоков, затем принялись устраиваться на ночлег. Становилось свежо. Термометр показывал не более трех градусов выше нуля. Крыша над головой казалась совершенно необходимой. Но вряд ли Элис и Долли согласились бы на пристанище, уже занятое рабочими. Этому соседству они явно предпочитали ночевку на холоде.

Робер все же постарался избавить дам от неудобств. По его распоряжению поставили палатку, и через несколько минут там запылал огонь.

День быстро клонился к закату. В восемь часов на море легла тень. Она надвигалась на берега, крутые откосы и горы со скоростью экспресса. Равнина Лас-Канадас погрузилась во тьму. И только по-прежнему сверкал пик, выступая из бездны. Солнечный шар достиг океана. В то же время огромная конусообразная тень, отбрасываемая пиком, заиграв всеми тонами, стала удлиняться. И вот светлой стрелой промелькнул в потемневшем воздухе последний луч.

Элис и Долли сразу же удалились в палатку. А Роберу и Роже так и не удалось заснуть в хижине из-за одолевавших их полчищ насекомых. Рабочим же они, казалось, совсем не мешали. Друзьям, однако, удалось согреться, разведя костер.

К двум часам ночи, когда отвратительные паразиты досыта напились крови, путешественники наконец заснули, но очень скоро были разбужены сигналом подъема. Чтобы подняться на вершину к восходу солнца, нельзя было терять время. Уважение к истине требует признать, что двое туристов, не желая подыматься, поначалу упорно затыкали уши.

Барон сэр Джордж Гамильтон поступить иначе просто не мог. Для того чтобы заставить этого педантичного туриста нарушить программу, требовалась действительно серьезная причина. На сей раз он и в самом деле оказался не в состоянии подняться. Как мог он карабкаться на вершину, если малейшее движение причиняло ему жесточайшие страдания? Ночная прохлада пагубно повлияла на его благородные суставы. Ревматизм, начавшись на Гран-Канарии, стал просто драмой на Тенерифе.

Второй альпинист отступил по другим причинам. У него было прекрасное здоровье, и самые высокие соображения тре-

бовали, чтобы он показывал пример мужества. Но никаких доводов не существует для крайне утомленного человека, а Томпсон был измучен до предела. Поэтому на призывы Игнасио Дорты он отвечал лишь нечленораздельным мычанием и позволил своим немногочисленным подопечным уйти без него.

Самые трудные, преодолеваемые только пешком, пятьсот тридцать пять метров, отделяющих вершину от выступа Альта-Виста, нашли мужество штурмовать лишь шесть альпинистов. Они осторожно ступали по осыпающемуся склону, с каждым метром становящемуся все круче. В непроглядной тьме проводники освещали путь сосновыми факелами. Холод усиливался, температура упала ниже нуля. Отважные туристы с трудом переносили ледяной ветер, бивший в лицо. После двух часов изнурительного восхождения достигли Рамблеты — маленького круглого плато недалеко от вершины.

Скоро стало очевидно, что Саундерс не сможет пройти эти оставшиеся метры. Едва дотащившись до Рамблеты, он сразу рухнул на землю и оставался неподвижен, невзирая на уговоры проводников. Его крупное, сильное тело изнемогало. Мощным легким не хватало воздуха. Игнасио Дорта успокоил встревоженных спутников.

— Всего лишь горная болезнь, — пояснил он. — Пройдет, как только господин спустится вниз.

Не беспокоясь больше за больного, пятеро остальных возобновили восхождение, оставив с ним одного проводника. Но конец пути всегда самая трудная его часть. На склоне под углом в сорок пять градусов каждый шаг опасен, путь преодолевается медленно и с огромным напряжением. В разреженном воздухе каждое движение требует усилий.

На последнем отрезке пути пришлось, в свою очередь, признать поражение и Джеку. Теряя сознание, сотрясаемый ужасными приступами рвоты, он упал. Его спутники, шедшие впереди, ничего не заметили и, не останавливаясь, продолжали идти дальше. Возле побежденного туриста остался лишь последний проводник.

Пятьюдесятью метрами выше настала очередь Долли; Роже, сразу поняв ее состояние, посоветовал ей отдохнуть. Его одобрителный взгляд следил за Элис и Робером, которые под руководством Игнасио Дорты достигли, наконец, вершины.

Несмотря на темноту, им удавалось как-то различать землю под ногами.

Проводник куда-то исчез. Элис и Робер укрылись в углублении скалы. Ледяной воздух внезапно потеплел. Вскоре посветлело, и тут они обнаружили, что нашли прибежище у зиявшего перед ними кратера вулкана метров сорок глубиной. Со всех сторон поднимались струи газа. Пористая, горячая земля была усеяна пробоями, откуда вырывались сернистые испарения.

Элис и Робер, стоя в трех шагах друг от друга, любовались рдеющим от зари горизонтом. В религиозном экстазе они глазами и душой отдавались открывающемуся перед ними ни с чем не сравнимому зрелищу. Вокруг жужжали мухи и пчелы, стремительно носились быстрые вьюрки. Робер заметил у своих ног фиалку, робко притаившуюся под бархатистыми листьями. Он сорвал этот удивительный цветок, распустившийся на высоте, где никакой другой представитель растительного мира не смог бы выжить, и преподнес его своей спутнице. Она молча приколола его к corsage.

Дневной свет вспыхнул как-то внезапно. На горизонте поднималось пылающее солнце, похожее на металлический шар, раскаленный добела. Ярko загорелась вершина, и тут же на нее опустилась тень. Показались Альта-Виста и равнина Лас-Канадас. И внезапно, как если бы разорвалась пелена, под небом вновь засверкало море.

Тень от пика ложилась на море удивительно правильным конусом, ее острие почти касалось острова Гомеры. Дальше к югу, несмотря на расстояние в сто пятьдесят километров, четко вырисовывались острова Иерро и Пальма. А к востоку в сиянии зари возвышался Гран-Канария. Его столица Лас-Пальмас скрывалась на противоположном берегу. Виднелись также Ислета и порт Дела-Лус, где три дня назад «Симью» стоял на якоре.

У основания Тейде широко раскинулся остров Тенерифе. Косые утренние лучи подчеркивали неровности рельефа, нагромождения бесчисленных вершин, дикие ущелья и долины, где в этот час просыпались деревни.

— Как это все прекрасно! — прошептала Элис после долгого созерцания.

— Как прекрасно! — эхом отозвался Робер.

Слова, прозвучавшие во вселенской тиши, спугнули очарование. Американка и француз одновременно повернулись друг к другу. И тут Элис заметила отсутствие Долли.

— Где моя сестра? — спросила она, словно пробуждаясь ото сна.

— У мисс Долли легкое недомогание, — сказал Робер, — она с господином де Соргом остановилась немного ниже. Если угодно, я могу им помочь.

Робер хотел идти назад. Но Элис жестом остановила его.

— Не надо, — сказала она, — останьтесь.

После нескольких минут молчания она заговорила с легким смущением, не свойственным ее решительному характеру:

— Я рада, что мы одни. Мне нужно вам сказать... вернее, поблагодарить вас.

— Меня, сударыня? — воскликнул Робер.

— Да, — продолжала Элис. — Я заметила, что вы окружили меня особым попечением, и поняла его причину. Поверьте,

это покровительство для меня драгоценно, но я хочу, чтобы вы знали... Я не так уж беспомощна. Я поняла, что произошло на Мадейре.

Робер растерянно молчал. Элис его предупредила:

— Не отвечайте. Я сказала то, что должна была сказать. Мы оба владеем постыдной тайной, но я знаю, она будет сохранена.

После небольшой паузы она произнесла с нежностью в голосе:

— Разве теперь я не обязана вам своей жизнью?

Робер сделал протестующий жест.

— Как, вы пренебрегаете моей дружбой? — шутливо спросила Элис.

— Дружба недолговечна, — грустно ответил Робер. — Через несколько дней корабль бросит якорь в Темзе и каждый из нас последует своим путем.

— Это правда, — сказала взволнованная Элис. — Судьба нас, возможно, разлучит, но нам останутся воспоминания.

— Они так быстро растут в тумане времени!

Элис промолчала, устремив взгляд вдаль.

— Должно быть, жизнь была к вам очень сурова, — наконец промолвила она, — если эти слова верно передают вашу мысль. Может быть, вы одиноки и потому так мало доверяете людям? У вас нет родителей?

Робер отрицательно покачал головой.

— Нет друзей?

— Раньше были, — с горечью ответил Робер.

— А теперь разве у вас их нет? — возразила Элис. — Неужели вы в самом деле настолько слепы, что отказываете в этом звании господину де Соргу, моей сестре и мне?

— Вам, сударыня! — задыхающимся голосом воскликнул Робер.

— Очевидно, вы не дорожите дружбой, которую вам предлагают, — продолжала Элис, не обращая внимания на то, что ее перебили. — Я спрашиваю себя, уж не провинилась ли я в чем-нибудь перед вами?

— Неужели это возможно? — искренне изумился Робер.

— Не знаю, — ответила Элис. — Но совершенно ясно, что с тех пор, как произошло только что упомянутое мною событие, вы отделились от нас. Мы с сестрой не можем этого понять, а господин де Сорг порицает ваше поведение и не находит ему объяснения. Может, в самом деле вас кто-нибудь ненароком обидел?

— Что вы, сударыня, — сконфуженно запротестовал Робер.

— Тогда я не понимаю...

— Потому что здесь нечего понимать, — живо отозвался Робер, — вопреки вашим предположениям, я остался преж-

ним. Единственная разница между тем, что было вначале, и тем, что сейчас, состоит в том, что благодаря случайному событию я вызвал к себе интерес. Скромный переводчик об этом не мог и мечтать.

— Вы для меня не переводчик,— ответила Элис, и щеки ее слегка порозовели.— Ваше объяснение неубедительно. Признайте же, что вы нас избегаете, меня, мою сестру и даже господина де Сорга?

— Это правда,— сказал Робер.

— Тогда я спрашиваю снова: почему?

Вопрос привел Робера в смятение. Но он овладел собой и сказал откровенно:

— Я руководствуюсь в поведении своим положением, и это требует от меня сдержанности. Могу ли я игнорировать дистанцию, разделяющую нас?

— Это не довод,— нетерпеливо сказала Элис,— какое значение для нас троих имеет дистанция, о которой вы говорите?

— Мой долг о ней помнить,— решительно заявил Робер,— не злоупотреблять великодушным чувством благодарности и не позволять себе вольности, это может быть превратно истолковано.

Элис покраснела, и сердце ее забилося. Ей показалось, будто она вступила на раскаленную землю. Но что-то неудержимо побуждало ее довести опасный разговор до конца.

— Я не понимаю, что вы хотите этим сказать,— произнесла она несколько надменно,— и не знаю, чье мнение вас так страшит.

— А если только ваше, сударыня? — невольно воскликнул Робер.

— Мое!

— Да, ваше, сударыня. За пределами «Симью» у нас слишком разные судьбы, чтобы они могли пересекаться, не вызывая кривотолков. Что сказали бы обо мне в обществе и что сказали бы вы сами, если бы я когда-нибудь дал вам повод думать, что я осмелился, что я смею...

Робер внезапно осекся, удержав усилием воли роковое слово, которое поклялся не произносить. Но, может быть, он замолчал слишком поздно и сказал достаточно, чтобы миссис Линдсей поняла?

Если Элис в самом деле угадала готовое вырваться слово, то, надо полагать, оно ее не испугало. Оказавшись по своей воле в сложном положении, она смело пошла до конца, не прибегая к уловкам. Она храбро повернулась к Роберу.

— Ну так что же? — сказала она решительно.— Договаривайте.

Роберу показалось, что земля уходит у него из-под ног. Остатки прежней решимости исчезли. Еще секунда, и его пере-

полненное сердце вот-вот выплеснет свою тайну. Но тут недалеко от него покатился камень, и в разреженном воздухе раздался кашель. Почти тотчас же появился Роже, поддерживая изнемогающую Долли. За ними следовал Игнасио Дорта, он спустился, чтобы помочь молодым людям завершить восхождение.

Роже с первого взгляда заметил смущение своих друзей и понял, что произошло. Однако не подал виду, и лишь еле заметная улыбка пробежала по его усам, когда он показывал Долли развернувшуюся перед ними необозримую панораму.

ГЛАВА VI

Авария происходит вовремя

Одиннадцатого мая в десять утра «Симью» покинул порт Оротавы. В программе отплытие значилось седьмого мая в шесть часов утра. Но поскольку запаздывали на четыре дня, Томпсон не стал делать проблемы из-за четырех часов. В сущности, это не имело значения, ибо они пускались в обратный путь, а продлить отдых всегда приятно.

Теперь каждый поворот винта приближал корабль к набережной Темзы, и администратор старался всячески задабривать клиентов, ведь некоторые могли стать его врагами. За семь дней плавания многое можно сделать, чтобы привлечь людей на свою сторону. Стоянок больше не предвидится, а на борту корабля не должно быть неприятностей.

Пассажиры вполне оценили любезность и деликатное внимание администратора. В тот день все долго спали. Никто не вышел из каюты, когда «Симью» снялся с якоря.

Томпсон распорядился начать «кругосветное плавание», что было с его стороны еще одним проявлением заботы о подопечных. Прежде чем капитан возьмет прямой курс на Англию, туристов ждут очаровательные прогулки: они пройдут между Тенерифе и островом Гомерой, обогнут Иерро, затем приблизятся к Пальме, где и заночуют. Ибо даже самый требовательный пассажир не сможет заставить Томпсона замедлить ход солнца. После прощального обзора Канарских островов путешественники с большим удовольствием увидят перед собой на следующее утро открытое море.

Склянки оповестили о завтраке как раз в то время, когда, в соответствии с новой программой, «Симью» шел вдоль западного берега Тенерифе с предписанной скоростью в двенадцать узлов.

За столом собрались немногочисленные сотрапезники, так как из-за усталости или по какой-то другой причине многие пассажиры не вышли из кают.

Спуск с пика прошел накануне быстрее и легче, чем подъ-

ем. И лишь четырем покорителям вершины предстояло преодолеть некоторые трудности. Если до Альба-Висты они скользили по наклонной плоскости, то потом пришлось вновь оседлать мулов и двигаться по извилистой тропе, при этом спуск оказался значительно опаснее подъема. Однако после того как дошли до равнины Лас-Канадас, дорога выровнялась, и в конце концов восемь смельчаков в полном здравии появились на борту «Симью».

Неудивительно, что наши альпинисты нуждались в длительном отдыхе, чтобы восстановить силы.

Накануне капитан Пип оказался свидетелем того, как туристы поочередно возвращались на борт. До полудня прибыли первые беглецы, через некоторое время последовали другие, и, наконец, последним, в семь часов вечера, стал Пипербум, целый и невредимый, страдающий разве что от своего непомерного аппетита.

Вскоре, однако, у возвратившихся появились разные недуги. Дело в том, что усталость измеряется не столько проделанной работой, сколько затраченными усилиями. У каждого обнаружилась своя болезнь. У одного — ломота, у другого — офтальмия, у третьего — сильный насморк из-за ледяного горного ветра. Но болезни эти не были опасными, ибо не прошло и часа, как туристы начали вылезать из своих убежищ. «Симью» тем временем огибал косу Тено на западной стороне Тенерифе.

Вскоре показался остров Гомеры. Корабль приблизился к нему и прошел вдоль Гомеры около трех миль. К двум часам миновали Сан-Себастьян, столицу острова, город, хотя и непривлекательный на вид, но связанный с важными событиями. Именно отсюда 7 сентября 1492 года Христофор Колумб отважно устремился вперед, навстречу неизведанному. И через тридцать четыре часа бессмертному путешественнику суждено было открыть Америку.

Несколько поворотов винта — и вот уже показался Иерро, отделенный от Гомеры проливом в двадцать две мили.

Этот самый южный остров архипелага находится в стороне от торговых путей и обязан своей относительной известностью лишь географической особенности: в течение долгого времени его меридиан служил эталоном. Долгота различных пунктов мира измерялась в градусах к востоку или к западу от Иерро.

Помимо этой специфической особенности, остров славился дикой и неприступной красотой. Поэтому Томпсон распорядился плыть в обход.

Иерро, передовой страж архипелага, не так высок, как Тенерифе, Пальма и Гран-Канария, но более суров, чем эти земли. Со всех сторон остров вздымается вертикально, как скала, на высоту более тысячи метров над морем и считается недо-

ступным. На этой несокрушимой стене нет ни расселины, ни единого выступа.

Поэтому большинству островитян пришлось обосноваться вдали от берегов, ибо немногие корабли решаются подвергать себя опасности: можно наскочить на рифы¹ у подступов к острову или стать жертвой бурных течений и опасных ветров, делающих навигацию здесь весьма затруднительной.

Сейчас для парохода эти ветры и течения не представляли опасности. «Симью» мог спокойно следовать вдоль мрачного берега. Дикое величие этих скал не нарушалось ни деревьями, ни жилищами.

На северо-западе за островом Гомерой возвышался пик Тенерифе, весь укутанный облаками. Он открывал взору вершину, добраться до которой удалось лишь немногим. В половине седьмого пик исчез за мысом Рестинга. Туристы в последний раз проводили взглядом эту удивительную гору. Увидеть ее больше не суждено. Капитан постепенно поворачивал корабль на север. Теперь они уже окончательно направляются домой.

В семь вечера все собрались за ужином. На почетном месте, согласно этикету², восседал Томпсон, капитан сидел напротив, а пассажиры на своих обычных местах. Море было спокойное, еда вкусная, все, казалось, свидетельствовало о том, что достойная трапеза возвещает эру всеобщего примирения. Однако в салоне царило тревожное молчание.

Робер и Элис испытывали неловкость. На вершине Тейде они сказали друг другу и слишком много, и слишком мало, и никто из них не осмеливался возобновить разговор. У Робера больше не было предлогов уединиться. Он был молчалив, а Элис задумчива. Роже, краешком глаза наблюдавший за ними, не мог понять, что происходит.

«Вот так влюбленные!» — иронизировал он про себя.

Ведь эта пара была в явном смущении, когда они с Долли поднялись на вершину пика, на сей счет он не мог обмануться. Но их теперешнее отступление от завоеванных позиций очевидно. Роже приходил к досадному заключению, что он несколько поспешил тогда нарушить их уединение.

Другие туристы, каждый по своей причине, тоже были в плохом настроении. Над пароходом витал какой-то гнетущий дух.

Мрачен был и Джек Линдсей. Но разве это не обычное его состояние? Он с яростью перебирал в памяти произошедшие

¹ Риф — ряд подводных или едва выдающихся над уровнем моря скал; коралловые рифы — острова или отмели, созданные в результате жизнедеятельности морских животных — кораллов.

² Этикет — строго установленные порядок и формы обхождения в высших кругах при официальном общении.

накануне события. Почему же, несмотря на переполнявшую его ненависть, он вынужден был ничего не предпринимать? Не довольствуясь догадками, он жаждал все знать про невестку и француза.

Его охватывали приступы безумного гнева. Если бы он мог одним ударом проломить этот проклятый корабль! С каким восторгом низвергнул бы он своих спутников и себя в пучину моря ради удовольствия погубить невестку и ее ненавистного спасителя!

Но если дурное настроение Джека было объяснимо, отчего же тогда скучали остальные? Почему после полудня не собирались группами, как в начале путешествия? Почему, проплывая мимо острова Иерро, не обменивались впечатлениями?

Потому, что они утратили надежду на лучшее — самое драгоценное благо, заменяющее все другие. До сих пор они надеялись, что предстоящие впечатляющие экскурсии, уютные гостиницы, приятные прогулки вознаградят их за то, что было так неудачно поначалу, и это помогало им переносить все невзгоды. Теперь книга прочитана. Путешествие не таило более никаких неожиданностей, и люди были разочарованы до крайности. Каждый испытывал унижение от сознания, что его обманули.

В глубине души Саундерс наслаждался затянувшимся молчанием. Он чувствовал его скрытую наэлектризованность. Несомненно, назревала гроза, и он заставит ее разразиться. Он ждал лишь благоприятного повода, и такой повод вскоре представился.

Саундерс время от времени позволял себе язвительные замечания, не встречавшие, впрочем, отклика. Но вот его рыщущий взгляд обнаружил, что два соседних места пусты.

Двое благородных пассажиров уехали в Англию во время стоянки в Лас-Пальмесе, подумал он поначалу. Но, приглядевшись повнимательней, убедился, что ошибается. Незанятые места принадлежали молодой чете. По своему обыкновению, они высадились на берег сразу, как только прибыли в Санта-Крус.

Саундерс тотчас заметил это вслух и спросил об отсутствующих пассажирах. Никто их не видел.

— Может быть, они заболели? — предположил Томпсон.

— Почему они должны болеть? — раздраженно возразил Саундерс. — Их и вчера здесь не было.

— Где же они, по-вашему? — благодушно спросил Томпсон.

— Откуда мне знать? — ответил Саундерс. — Наверно, вы забыли их на Тенерифе.

Саундерс обронил это между прочим. Томпсон пожал плечами:

— Как могли их забыть? Разве у этих пассажиров нет программы?

Тут в разговор вмешался барон.

— Да, что уж и говорить, хороша программа,— высокомерно заявил он.— Объявляет, что «Симью» отчаливает четвертого июня, а не седьмого, да еще из Санта-Круса, а не из Оротавы. И на такую программу можно полагаться?

— Они должны были знать об изменениях,— настаивал Томпсон.— К тому же нет ничего проще, как постучать в дверь их каюты.

Через десять минут мистер Ростбиф сообщил, что каюта пуста. Молодожены исчезли.

Несмотря на свою обычную самоуверенность, Томпсон слегка побледнел; на этот раз дело принимало серьезный оборот. Получить с людей стоимость поездки, а потом спокойно потерять их по пути,— английский суд, конечно, не одобрит подобное событие.

— Есть только одна возможность...— сказал он после минутного размышления.— Если господа не будут возражать, мы вернемся в Санта-Крус. Благодаря одному маневру это нас не слишком удалит с нашего пути, а завтра утром...

Его слова были прерваны воплем негодования. Все пассажиры кричали разом. Продлить на ночь, даже на один час поездку в обществе Главного Администратора,— нет, это невыносимо! Итак, искра вспыхнула, вот-вот разразится гроза! Что касается грома, Саундерс взял это на себя.

Он кричал громче всех, шумно жестикулируя:

— Черт возьми! Мы не виноваты в том, что вы забываете своих пассажиров, как какой-нибудь носовой платок. Вернуться! Неплохо придумано! Нам пришлось бы проделать слишком длинный путь, если бы мы стали искать все, что вы обронили по дороге! Например, обязательства, которые вы растеряли на Канарских и Азорских островах... на Мадейре! Но мы отыщем их в Лондоне,— прибавил он страшным голосом, изо всех сил ударяя по блокноту.

Томпсон поднялся и вышел из-за стола.

— Сэр, вы говорите со мной недопустимым тоном,— сказал он, пытаясь принять позу оскорбленного достоинства.— Позвольте мне удалиться.

Навряд ли оскорбления проникали сквозь толстокожего Томпсона. Его кожа, во всех отношениях нормальная, превращалась в панцирь при уколах подобного рода. Но он понимал, что выпады Саундерса могут привести к неблагоприятным последствиям именно в тот момент, когда примирение так необходимо. Нужно во что бы то ни стало наладить спокойствие. И нескольких вкусных обедов будет достаточно, чтобы вернуть расположение клиентов.

Но он плохо знал своего врага. Саундерс неотступно следо-

вал за ним по верхней палубе, а за Саундерсом — пассажиры. Одни были раздражены, другие, среди них Роже и американки, забавлялись. Но все одобряли если не форму, то содержание разоблачительных выступлений Саундерса.

— Да, сэр,— снова заговорил преследователь, оттеснив в угол несчастного администратора и тыча ему под нос блокнот,— мы их разыщем в Лондоне, ваши обязательства, и суд даст оценку всем превосходным штучкам агентства. Я выставлю счет. Я докажу, что вы из скаредности вынудили меня потратить деньги сверх цены за место в общей сумме двадцать семь фунтов стерлингов девять шиллингов и пять пенсов, которые должны были остаться в моем кармане. Я расскажу о том, как тонула миссис Линдсей, о лавине на Сан-Мигеле, о завтраке в Орте, о ревматизме у сэра Гамильтона, о радикулите у мистера Блокхеда...

— Позвольте! Позвольте! — задыхаясь, запротестовал Блокхед.

— ...о смрадных гостиницах, обо всех так прекрасно организованных прогулках и экскурсиях. Не забуду упомянуть об этом безумном восхождении на пик Тенерифе, в результате чего бо́льшая часть пассажиров заболела, а самые рьяные нахватались блох!

— Bravo, bravo! — закричали присутствующие, заходясь от мстительного смеха.

— Именно так я и поступлю,— продолжал, путившись во весь опор, Саундерс.— Ну а теперь вот что я вам скажу, сэр: вы нас обокрали.

Дело решительно принимало опасный оборот. Ярость противника и его слова заставили Томпсона защищаться. И он запротестовал:

— Сэр, я нахожу ваше поведение нетерпимым. Поскольку, по вашим словам, вы должны обратиться в суд, соблаговолите подождать его решения и избавить меня от подобных сцен. С первого дня отплытия я постоянно с вами сталкиваюсь. Если бы вас здесь не было, никто не говорил бы, что недоволен. Что вам от меня нужно? В конце концов, мистер Саундерс, мы с вами незнакомы.

— Напротив, вы меня прекрасно знаете.

— Я?

— Да, вы. Моя фамилия отнюдь не Саундерс,— внятно вымолвил он.

— Ба! — произнес Томпсон, удивленно глядя на врага.

— Моя фамилия Бейкер,— закричал тот.

— Бейкер?!

— Да, сэр, Бейкер, директор туристического агентства, к счастью, не имеющего никакого отношения к вашему.

Ошарашенные пассажиры замолкли, глядя на Бейкера, ожидавшего реакции на свои слова.

Разоблачение должно было, по мысли его автора, убить Томпсона наповал, однако, напротив, оно вернуло ему уверенность.

— Ах вот как, Бейкер! — насмешливо повторил он. — Теперь все объясняется! Подумать только, я придавал значение вашим непрерывным обвинениям, а это всего-навсего конкуренция.

Томпсон с презрительным высокомерием махнул рукой.

Бейкер, — отныне он будет называться своей подлинной фамилией, — сделал такое свирепое лицо, что деланное спокойствие Главного Администратора сразу испарилось.

— Здесь я такой же пассажир, как и остальные, и вместе с ними имею право утверждать, что меня обокрали!

— Но зачем же вы здесь? Что вас заставило сюда явиться? — в сердцах спросил Томпсон.

— Вот как, — ответил Бейкер, — неужели вы думаете, что мы спокойно позволим себя разорить? Зачем я здесь? Чтобы увидеть своими глазами, что скрывается за непомерными скидками шутников вроде вас. К тому же я рассчитывал и на другое удовольствие. Вам, конечно, известна история одного англичанина, который следовал за дрессировщиком в надежде увидеть, как того сожрут дикие звери? Так вот! Так же поступаю и я.

Томпсон сделал гримасу.

— Разница между этим англичанином и мной в том, что я намерен и сам здесь пожить. Знаете ли вы, что, если бы я не сдерживался, я бы вызвал вас на боксерский поединок?..

Вокруг двух бойцов уже раздавались восклицания «браво!». Подбадриваемый криками, Бейкер принял классическую позу и сделал пробный выпад. Томпсону захотелось отойти назад. Но как пробить людской барьер, окружавший его со всех сторон?

— Господа! Господа! — взывал он.

Бейкер же продолжал наступать и, по-видимому, собирался перейти от слов к делу.

Но в этот момент корабль содрогнулся, раздался оглушительный свист.

Все, в том числе воюющие стороны, оцепенели. К свисту примешивались крики о помощи. Через наружные шланги машины повалил густой пар. Винт остановился.

Что произошло?

Капитан Пип бросился выяснять, в чем дело. Он напав на машинное отделение, но тут на палубу выпрыгнул кочегар и с криком снова исчез. Затем вылез другой кочегар, потом третий, оба живые и невредимые. Первого кочегара долго не было. Он появился, вернее, его вынес мистер Бишоп. У кочегара оказался сильный ожог всего тела.

Когда пострадавшего уложили на палубе, в недосягаемо-

сти от пара, продолжавшего с шумом вырываться из машинного отделения, мистер Бишоп выпрямился. И все увидели, что его лицо и грудь сильно обожжены. Но механик, казалось, этого не замечал, он повернулся к капитану.

— Что случилось, сэр? — спросил тот спокойно.

— Авария. Я говорил вам, капитан, что из старого не сделаешь новое. Лопнул котел, к счастью, только у основания, и потушил огонь.

— Устранимо ли повреждение?

— Нет, капитан.

— Все, сэр,— сказал капитан Пип.

Пока пассажиры хлопотали возле пострадавших, он поднялся на мостик и обычным голосом скомандовал:

— Отдать грот!¹ Отдать кливер!²

Затем взглянул на мистера Бишоп, на кочегара,— их в обморочном состоянии уносили в каюты,— и обернулся к Артимону. Последнего никакое происшествие не заставило бы покинуть свой пост. Капитан посмотрел на Артимона, Артимон — на капитана. После этого обмена знаками взаимной симпатии капитан особенным образом подмигнул, как делал это в серьезных обстоятельствах, и, осторожно сплюнув в море, сказал:

— Клянусь всеми святыми, сударь, ну и в переделку же мы попали!

ГЛАВА VII

В дрейфе

На следующий день, двенадцатого июня, в восемь часов утра капитан Пип, сменившись с ночной вахты, навестил мистера Бишоп и пострадавшего кочегара. Больные чувствовали себя лучше. Успокоившись за них, капитан отправился в свою каюту и написал в вахтенном журнале:

«Сегодня 11 июня. Снялись с якоря в десять часов утра. Покинули Оротаву, о. Тенерифе (Канарские острова), держим курс на Лондон (Англия). Отклонился от прямого курса согласно указаниям судовладельца. Взял курс на запад. Обошел с южной стороны косу Тено. Ознакомились с островом Гомерой. Держим путь на юг. Половина второго — идем на юго-запад; оставили о. Гомеру с правого борта судна. В пять часов прошли вдоль берега острова Иерро. Курс зюйд-тен-вест³. В

¹ Грот — здесь: самый нижний парус на второй от носа мачте.

² Кливер — косой парус впереди фок-мачты (первой на судне).

³ Зюйд-тен-вест — курс судна, отклоняющийся на 1 румб (11¼° от южного: в градусном выражении — 191°).

половине седьмого обогнули косу Рестинга острова Иерро (Канарские острова). Экипаж поужинал. В семь часов ужин в кают-компании¹. В восемь часов на траверзе порта Наос, в пяти милях от берега, лопнул паровой котел в трех дюймах² от основания, в результате чего огонь погас. Первый мастер-механик мистер Бишоп, поднимая тяжело раненного и потерявшего сознание кочегара, получил ожог лица и груди. Повреждение котла неустранимо. Развернули все паруса. Корабль идет правым галсом³. Пассаты⁴ с северо-востока. Давал предписанные в таких случаях сигналы. В половине девятого повернулись одним бортом. Ночью выпустили ракеты, но без результата. В десять часов повернулись другим бортом.

12 июня. В два часа поворот судна. В четыре часа снова поворот. На рассвете на севере показался остров Иерро, расстояние около двадцати миль. Приспустил флаг. Промерял глубину, не встретив дна. Взял курс на зюйд-тен-вест, идем левым галсом к островам Зеленого Мыса».

Поставив на этом точку, капитан растянулся на койке и задремал.

К несчастью, не все пассажиры «Симью» обладали силой духа, позволившей bravому капитану Пипу описать эти чрезвычайные обстоятельства в простых и кратких выражениях. Накануне вечером началась паника. Пассажиры пытались захватить штурмом шлюпки, как будто предстояло неминуемое кораблекрушение. Однако хладнокровие капитана, внушавшего всем доверие, привело их в чувство.

Долгое время большая часть пассажиров оставалась на палубе, обсуждая обстоятельства аварии и размышляя о возможных последствиях. Томпсон у этих людей, разумеется, не пользовался хорошей репутацией. Мало того, что он посягнул на кошельки своих клиентов, теперь администратор подвергает опасности еще и их жизни. С непростительной безответственностью он распихал людей, — эти слова мистера Бейкера были совершенно уничтожающими, — по каютам старой развалины, не дожившей до окончания поездки.

Последний инцидент Бейкер, конечно, занес в свой блокнот. Несомненно, это принесло бы солидное возмещение убыт-

¹ К а ю т - к о м п а н и я — общее помещение на судне (для командного состава), в котором собираются на обед, отдых и проч.

² Д ю й м — мера длины, равная 2,54 см.

³ Г а л с — курс судна относительно ветра; например, судно идет правым галсом, когда ветер дует в правый борт.

⁴ П а с с а т ы — постоянные северо-восточные ветры в Северном и юго-восточные — в Южном полушариях, дующие в области между тропиками и экватором.

ков, если бы возможно было сейчас обратиться в английский суд.

Но судьи находились далеко, а потерявшее управление судно окружал океан, равнодушный к самым веским аргументам.

Что теперь будет? Куда пристанет этот беспомощно дрейфующий¹ корабль? Пассажиры начали понемногу успокаиваться, когда увидели, что капитан Пип, стоя на капитанском мостике, как обычно отдает команды. А «Симью», распустив паруса, вновь набрал скорость и взял курс на исчезнувший ночью южный берег Иерро. Завтра они, конечно, пристанут к бухточке у скалы и смогут сесть на какое-нибудь пассажирское судно, совершающее регулярный рейс.

Верхняя палуба постепенно опустела. На «Симью» все спали, когда склянки пробили полночь.

Едва забрезжил рассвет, пассажиры, проснувшись после беспокойной ночи, собрались на палубе. Каково же было их разочарование, когда они увидели, что берег, куда они надеялись причалить, находится почти в двадцати милях к северу!

И лишь вид капитана Пипа, продолжавшего как ни в чем не бывало расхаживать по капитанскому мостику, придал им немного мужества. Но когда пассажиры заметили, что земля продолжает все больше удаляться, их вновь охватила тревога. Они немного оживились, услышав приглашение капитана собраться в большом салоне и выслушать его сообщение.

Салон заполнился мгновенно. Взволнованный гул при появлении капитана тотчас смолк.

Он четко обрисовал ситуацию в нескольких словах:

— «Симью», лишившись паровой машины, может теперь рассчитывать только на паруса. Но пароход не оснащен мачтами, пригодными для такого плавания. Он может использовать лишь ограниченную поверхность парусов. Кроме того, конфигурация² его подводной части годится не для всякого курса. Его маневрирование по отношению к ветру очень ограничено. На том курсе, где парусник легко держал бы направление, «Симью» дрейфует и относится в сторону в той же мере, как и идет вперед.

Капитан, хотя и не питал на этот счет иллюзий, решил идти галсами, ибо только таким способом можно приблизиться к Канарскому архипелагу. Всю ночь маневрировали, стремясь продвинуться вперед при помощи северо-восточных пассатов. Но как Пип и предвидел, корабль сильно отклонялся от курса, тем более что его одновременно сносило течением со скоростью

¹ Дрейфовать — перемещаться по ветру или течению на судне без парусов, весел, двигателя.

² Конфигурация — внешнее очертание.

приблизительно два узла. Это течение проходило с севера на юг вдоль западного берега Африки.

В таких условиях упрямитесь было безумием; следовало воспользоваться течением и ветром, чтобы как можно скорее добраться до любой спасительной гавани¹.

Теперь встал выбор: взять курс на французское владение Сенегал или на острова Зеленого Мыса. Капитан выбрал последнее. Как он объяснил своей аудитории, расстояния одинаковы, но он надеется избежать встречи с африканским берегом: приближаться к нему с ограниченной маневренностью небезопасно.

Впрочем, он не видит оснований для беспокойства. Дуэт великолепный бриз, и в этом районе пассатов он может продолжаться долго. И, в конце концов, речь идет о продлении путешествия, риск же при этом невелик.

Закончив разговор, капитан откланялся, затем, сманеврировав таким образом, чтобы направить корабль по новому курсу, вернулся в свою каюту и перед сном сделал в вахтенном журнале обязательную запись о последних событиях.

Пассажиры продолжали находиться в совершенно подавленном состоянии.

Томпсон выслушал сообщение капитана вместе со всеми. Разумеется, винить во всем происходящем следовало Главного Администратора. Никто в этом не сомневался. Но у него был такой несчастный вид, что никто не решился его упрекнуть. Разве Томпсон не оказался теперь такой же жертвой аварии на корабле, как и остальные?

И вдруг среди озабоченного молчания раздался громкий смех. Все посмотрели на Роже де Сорга, удивленные этим неуместным весельем. Француз так искренне забавлялся происходящим, что даже не заметил недоумения своих спутников.

— О Боже! Дорогой сэр,— обратился он к Томпсону, дружески хлопая его по плечу,— какие невероятные путешествия устраивают английские агентства! Отплыть на Канарские острова на пароходе и подойти к островам Зеленого Мыса на паруснике,— невозможно себе представить более остроумной шутки!

Роже, заражая беспечностью двух американок, направился с ними на верхнюю палубу. А в салоне его смех разрядил нервное напряжение успешнее, чем самые убедительные обещания. Правда, подняться до оптимизма веселого французского офицера пассажиры все же не смогли.

Тревога не исчезала, и надо признать, ситуация в полной мере ее оправдывала. Ведь речь шла не просто о морской про-

¹ Гавань — естественно или искусственно защищенная от ветра, волн и течений прибрежная часть водного пространства для стоянки, ремонта, заправки судов.

гулке. Кораблю предстояло преодолеть расстояние между Иерро и первым островом Зеленого Мыса почти в семьсот двадцать морских миль. При скорости в пять узлов, которую ему сообщали одновременно течение и неполные паруса, на преодоление этих семисот двадцати миль требуется по меньшей мере восемь дней плавания. А за восемь дней чего только не может произойти в капризных владениях Нептуна!¹

Однако всем пришлось смириться, ибо делу горем не поможешь. Мало-помалу жизнь на борту пошла своим чередом; ее разнообразие в положенное время нарушалось едой.

Вопрос о питании приобретал особую важность. Число трапез увеличилось, как это бывает в поезде, скорее от нечего делать, чем из-за большого аппетита. Томпсон не препятствовал этому развлечению и даже трусливо поощрял его, лелея иллюзорную надежду на прощение. Вскоре ему пришлось убедиться в своей недалекости.

Особенно высоко оценил последнее развлечение Пипербум из Роттердама. Он слышал взрыв котла, присутствовал при сообщении капитана. Понимал ли он, что маршрут изменился? Судя по тому, что голландец стал часто поглядывать то на солнце, то на компас, можно было сделать подобное предположение. Но если он и испытывал какое-то беспокойство, это не отражалось на его аппетите. Пипербум оставался большим поклонником кулинарного искусства. Как ни множились трапезы — завтраки, обеды, чай, ужины, — он воздавал им должное, поглощая все в невероятных количествах. Его желудок был поистине бездонным.

Наравне с этой прорвой Джонсон, вероятно, вкушал еще большее блаженство. Он наконец достиг той черты, за которой пьянство становится уже болезнью, но благодаря ловким ухищрениям балансировал на этой грани. Он отказался от появлений на верхней палубе, а если и бывал там, то держался подальше от людей. Он почти все время спал, просыпаясь лишь для очередной выпивки, и употреблял ровно столько, сколько необходимо, чтобы снова заснуть. Ему ничего не было известно ни об аварии, превратившей «Симью» в парусное судно, ни о новом маршруте. А если бы он и узнал об этом, то не испытал бы никаких эмоций. Разве на суше ему было бы лучше, чем на этом корабле, оснащенном разнообразнейшими спиртными напитками? Восхитительное ощущение, будто находишься в кабаке, не покидало этого джентльмена.

Но самым довольным на борту был, как всегда, мистер Абсирфус Блокхед, почтенный бакалейщик, одаренный от природы счастливым характером. Как раз в то время, когда произошла авария, он только что испытал подлинную радость.

¹ Нептун — в римской мифологии бог источников и рек; затем, отождествленный с греческим Посейдоном, стал почитаться как бог морей.

Впервые за много дней он и его дочери смогли наконец сесть, не крича от боли. Они поздравляли друг друга с этой приятной новостью, и тут свист пара снова заставил их в испуге принять прежнюю позицию.

Конечно, мистер Блокхед жалел раненых, конечно, он испытывал беспокойство по поводу последствий этого события. Но к тревоге примешивалось и своего рода тщеславное сознание, что он подвергается серьезной опасности. Когда же капитан Пип изменил маршрут, дело приняло другой оборот. Мысль о посещении какого-то Зеленого Мыса повергла мистера Блокхеда в пучину предположений.

К всеобщему несчастью, он всегда щедро делился с окружающими своими мыслями. Сейчас мистер Блокхед пошел бы на любые усилия, чтобы ускорить ход корабля. Он предложил капитану увеличить площадь парусов, распустив по ветру все имеющиеся на «Симью» простыни и салфетки. Хотя это предложение не возымело успеха, мистер Блокхед не считал себя побежденным и лично претворил свою теорию на практике. Можно было видеть, как он с утра до вечера сидит на корме с женой, сыном и дочерьми; все пятеро терпеливо подставляют ветру носовые платки, словно маленькие паруса. Время от времени, устав от этого однообразного упражнения, они встают в ряд и что есть мочи дуют в парус корабля.

Если бы мистер Блокхед обладал познаниями Архимеда¹, ему было бы известно, что для эффективного воздействия на какое-либо тело надо иметь точку опоры. Но мистер Блокхед не был Архимедом и поэтому не сомневался в том, что плавание значительно сократится благодаря его похвальным усилиям, весьма развлекавшим публику.

Оттого ли, что он сильно раздувал щеки, или по какой-либо иной причине, но на третий день ужасная зубная боль заставила почтенного бакалейщика прекратить неравное состязание с Бореєм. Его правая щека раздулась весьма причудливым образом. Флюс мистера Блокхеда стал причиной нового оживления на борту корабля. Его спутники, лишившись зрелища с носовыми платками, нашли другое развлечение.

Но что заставило мисс Мери и мисс Бесс помогать своему отцу? Неужели они забыли о своем долге милосердия? Неужели отказались от намерения вырвать Тигга из объятий смерти?

Да, надо признать, они в самом деле от него отказались. Не без страданий и внутренней борьбы эти ангелы отвергли миссию, продиктованную любовью к ближнему. К несчастью, им пришлось убедиться в том, что мисс Маргарет, которой удалось занять их место, твердо вознамерилась удержаться на

¹ А р х и м е д (ок. 287—212 гг. до н. э.) — древнегреческий ученый, математик, изобретатель.

земле эту готовую воспарить душу. Что же произошло во время восхождения на Тейде, когда жестокий приступ радикулита помешал им принять в этом участие? Мисс Мери и мисс Бесс этого не знали, но могли констатировать результат. Теперь бесспорное преимущество было на стороне мисс Маргарет Гамильтон, и после нескольких безуспешных попыток все изменить сестры вынуждены были признать себя побежденными.

Однако они не утратили сочувствия к несчастному и предрекали, что Тигг, лишившись их опеки, скоро станет жертвой драматических событий.

— Вот увидите, дорогая,— угрюмо твердила мисс Мери,— с ним случится несчастье!

— Он убьет себя, дорогая,— с содроганием подтверждала мисс Бесс.

Но, по-видимому, этим мрачным предсказаниям сбыться было не суждено. Тигг, опекаемый семьей Гамильтон, проявлял черную неблагодарность к своим ангелам-хранителям, а мисс Маргарет Гамильтон не особенно досадовала на его слабую память.

Ее отец сэр Гамильтон чувствовал какое-то неудовлетворение. Чего-то недоставало ему для внутреннего равновесия. С тех пор как «Симью» полностью отошел от программы, протесты потеряли смысл, а такое положение тяготило уважаемого барона.

Он поделился своими мыслями с Бейкером, но это ничего не изменило. Тот сжег свои корабли и уже более ничего теперь предпринять не мог. Оба заговорщика вспоминали прежние обиды и мечтали о том дне, когда, вернувшись в Лондон, смогут за все отомстить, возбудив судебные иски. Бесспорно, у них найдется немало союзников среди обманутых пассажиров.

Время шло, и терпение путешественников все больше уступало место беспокойству.

Однако на борту не было недостатка ни в тех счастливых натурах, чью здоровую жизнерадостность не может поколебать ничто, ни в тех закаленных характерах, которые никакая опасность не в силах сломить. Разве не относились к первым Роже и Долли? И разве нельзя причислить Элис и Робера ко вторым?

Но с ними, по-видимому, что-то случилось. Непривычное для окружающих поведение этого квартета бросалось в глаза.

Недоразумение в отношениях между Элис и Робером не разрешалось, так как обе стороны избегали объяснений. Обуреваемый гордыней Робер ничего не делал для того, чтобы вернуться к деликатной теме. Элис же считала, что она сказала достаточно много. Каждый из них думал, что другой его не понял, и они пребывали в плену мучительных сомнений.

Угнетенное душевное состояние отражалось и на их поведении. Робер, толкуя упреки Элис буквально, почти не покидал ее, но избегал оставаться с нею наедине. И если Роже удалялся, он тоже уходил, а Элис не пыталась его удержать.

Роже замечал эту натянутость в их отношениях, и это омрачало радость, которую приносила ему ясная и здоровая любовь к Долли, расцветающая день ото дня. Каждый из друзей по-своему чувствовал себя едва ли не самым несчастным на корабле.

Однако это было не совсем так. Участь быть самым несчастным принадлежала все-таки Томпсону. Случаются такие серьезные крушения, против которых не может устоять даже человек крайне легкомысленный и безответственный. Именно таково было состояние Томпсона. Как долго они пробудут на островах Зеленого Мыса? Сколько времени займет починка этой проклятой машины? Во время непредвиденной остановки он должен будет кормить пассажиров и экипаж, в общей сложности почти сто человек. Это катастрофа, огромные издержки вместо ожидаемой прибыли.

И в довершение всех бед по возвращении его ждет судебный процесс. Суд теперь не просто кровавая мечта Бейкера. Теперь для этого есть серьезные основания: авария, поставившая под угрозу жизнь пассажиров, и значительное опоздание, наносящее ущерб их интересам,— это очень веские аргументы для его врагов.

Перед Томпсоном уже маячил призрак полного разорения. Но если невозможно исправить случившееся, то нельзя ли что-нибудь сделать, чтобы улучшить свое будущее? Ведь, угождая пассажирам, он может предотвратить жалобы хотя бы некоторых из них. Однако и эта надежда угасала, когда он видел, в каком состоянии находятся туристы. Томпсон испробовал все средства, чтобы их развлечь. Он пригласил Робера прочитать лекцию, но никто на нее не пришел. Тогда администратор устроил настоящий бал с шампанским и пирогами, но расстроенное пианино фальшивило, к тому же разгорелся спор между желающими спать и желающими танцевать.

Томпсон отказался от всех попыток изменить настроение на корабле, как вдруг на него обрушилось новое испытание.

Поскольку «Симью», покидая Тенерифе, должен был следовать в Лондон, движимый силой пара, а вовсе не к островам Зеленого Мыса да еще под парусами, запасы провианта сделали всего на семь дней. И Томпсон пришел просто в отчаяние, когда утром 17 июня мистер Ростбиф объявил, что, если режим питания не изменится, на борту уже к вечеру не останется ни куска хлеба.

Эта проблема стала серьезным испытанием для пассажиров и моряков.

Что с ними будет, если плавание затянется?

Неужели люди дойдут до того, что, подобно обитателям плота «Медузы», начнут поедать друг друга?

Такое предположение и в самом деле не было лишено оснований. По тому, как пассажиры поглядывали на монументального Пипербума, можно было судить, что такая мысль зарождалась не в одной голове.

Несчастный голландец! Как ужасна участь быть съеденным! Но еще ужаснее, когда не понимаешь происходящего. Пипербум, возможно, кое о чем все же догадывался. В его глазах мелькало подобие тревоги, когда приходилось вставать из-за стола, ставшего вдруг менее обильным. Другие путешественники, знавшие больше, чем он, тоже переносили суровый режим с трудом.

Когда капитан Пип по просьбе Томпсона сообщил пассажирам эту неприятную новость, вначале последовал взрыв отчаяния. Капитан попытался успокоить испуганную толпу.

Ничего страшного! Продовольствия осталось на один приличный обед. Ну так что? Вместо одной обильной трапезы можно сделать четыре более скромных, вот и все. И таким образом дотянуть до вечера восемнадцатого июня. За это время, надо надеяться, покажется земля, и они смогут высадиться на берег.

Энергия капитана сообщилась людям. Они решили вооружиться терпением. Но как плачевно выглядели туристы, навчавшие некогда путешествие в прекрасной форме!

Один лишь Бейкер испытывал глубокое удовлетворение, наблюдая, как поездка, организованная «Агентством Томпсон», все больше погрязает в трудностях. Дойти до того, что заставить людей голодать! Ничего себе! Если бы кто-нибудь из пассажиров умер с голода, он оказался бы наверху блаженства. Но даже если дело до этого не дойдет, он убежден, что противник повержен окончательно. Помогая себе резкими жестами отчеканивать немые монологи, он уже вычеркивал имя Томпсона из списка английских агентств путешествий.

Что же касается риска, которому подвергался лично он,— это его, похоже, не волновало. Может быть, этот желчный, мстительный англичанин знал средство от голода?

День семнадцатого числа провели в голодном режиме. И это оказалось не так уж страшно. Но пустой желудок вызывает неуверенность в завтрашнем дне.

Следующий день начался в напряженном молчании. Люди

хмурились и сторонились друг друга. Все с надеждой посматривали на юг, где так и не было видно земли.

За ужином съели последние куски хлеба. Если в самое ближайшее время земля не появится, положение станет просто критическим.

За весь день был только один, весьма сомнительный, повод для веселья. Объектом этого жестокого развлечения был мистер Блокхед.

Несчастному бакалейщику решительно не везло. В то время как вот-вот должны иссякнуть последние съестные припасы, он не мог пользоваться даже тем, что пока еще давали. Флюс его все больше раздувался с каждым днем и принял поистине феноменальные размеры.

Блокхед так настрадался, что больше не мог терпеть. Он отправился к Томпсону и потребовал облегчить его муки. В конце концов, на борту должен быть врач!

Томпсон со вздохом посмотрел на нового нарушителя покоя. Теперь и этот! Опять судьба приготовила ему подножку!

Но страдания Блокхеда были столь очевидными, что Томпсону захотелось ему помочь. В самом деле, чтобы вырвать зуб, обязательно быть дантистом. С этим может справиться тот, кто умеет орудовать щипцами или на худой конец клещами. Разве не было на борту людей, хорошо знакомых с этими инструментами? И Томпсон, по доброте душевной, привел больного на пост, где механики изнывали от безделья. Один из них согласился сделать требуемую операцию. Это был крупный рыжий детина геркулесова сложения с красным лицом. Силач, конечно, мигом справится с задачей. Но одно дело — гайка, а другое — зуб. И самодеятельный лекарь в этом убедился. Вооружившись огромными кузнечными клещами, он трижды принимался за дело. Пациент, сидящий на палубе на солнцепеке, каждый раз оглушительно взывал, в то время как его крепко держали два развеселившихся матроса.

Гримасы и вопли почтенного бакалейщика в других обстоятельствах непременно вызвали бы смех у его не слишком милосердных спутников. Так уж устроен человек. Чувство юмора у него опережает сострадание. Смех раздается раньше, чем пробуждается сочувствие. Но в данной ситуации, хотя мистер Блокхед и выглядел в высшей степени нелепо, лишь немногие улыбались, глядя, как он, избавившись наконец от зуба, бежал в свою каюту, держась за щеку обеими руками.

Неистребимую потребность восхищаться происходящим не смогли убить и эти мучения. Его оперировал механик, при помощи кузнечных клещей, на борту потерявшего управление судна — вот что было поистине не банально! И теперь, когда событие свершилось, мистер Блокхед гордился тем, что оказался его героем. Он нашел в себе силы попросить свой зуб. Позднее зуб станет сувениром, напоминающим об этом нео-

быкновенном путешествии. Ему тотчас же вручили великолепный коренной зуб. Блокхед рассмотрел его с удовольствием и положил в карман.

— Он сохранит зуб как аргумент против компании,— с любезным видом сказал Бейкер администратору.

Наконец-то Блокхед мог поест! Но на борту «Симью» уже не осталось никакой еды.

Вечером того памятного дня, знаменательного полным очищением камбуза, порывшись во всех углах, удалось раздобыть кое-какие остатки съестных припасов. Эти крохи дали возможность немного продержаться, но теперь уже в последний раз. И если в скором времени не покажется земля, ничто не спасет пассажиров и экипаж от голода.

С какой надеждой всматривались все в южный горизонт!

Но тщетно. Взгляд не замечал там ничего похожего на сушу.

Однако острова Зеленого Мыса должны находиться где-то недалеко. Капитан не мог ошибиться. Они, видно, просто опаздывают и, возможно, прибудут ночью.

Судьба же решила иначе. Беда никогда не приходит одна. С заходом солнца бриз стал ослабевать с часу на час. В полночь наступил полный штиль¹. Лишенный управления корабль могло двигать только слабое течение.

В районе пассатов направление ветра меняется редко. Но «Симью» приблизился к месту, где бриз дует не постоянно. По правде говоря, корабль еще не достиг этого района, но близость континента изменяла режим пассатов. Немного юго-восточнее архипелага пассаты совсем прекращаются, тогда как на той же широте в открытом океане дуют постоянно. Там, где находился «Симью», пассаты регулярны только с октября до мая. В декабре и в январе преобладают сухие восточные ветры. В июне, июле и августе устанавливается сезон дождей, и можно считать удачей, что палуба парохода оставалась пока сухой.

При этом новом испытании Томпсон чуть не начал рвать на себе волосы. Реакцию капитана Пипа понять было невозможно. Однако его насупленные брови свидетельствовали, что погодой он недоволен.

Беспокойство капитана, хотя он его и прятал, было для всех очевидно. Ночью Пип находился на палубе. Каким образом надеялся он достичь земли на лишенном управления корабле?

Пока же горизонт оставался пустынным, без единого островка или скалы.

День прошел в напряжении. С утра все стали чувствовать

¹ Штиль — спокойствие, безветрие.

голод. Если слабые и тщедушные переносили вынужденный пост легче, то сильные и крепкие испытывали настоящие мучения. Особенно страдал Пипербум. Он с явным сожалением реагировал на молчание судового колокола и отсутствие каких бы то ни было приготовлений к еде. И когда не слышал сигнала ни к завтраку, ни к обеду, то потерял терпение. Он подошел к Томпсону и, энергично жестикулируя, дал ему понять, что умирает с голоду. Томпсон тоже жестами показал, что ничего не может сделать, и голландец впал в глубокое отчаяние.

Джонсон оказался счастливей всех. Алкоголя на корабле хватало, и для него это с лихвой возмещало отсутствие еды. Оступение, в котором он постоянно пребывал, лишало его всякого чувства страха.

У Бейкера такого утешения не было, однако он, по-видимому, пребывал в отличном настроении и не казался голодным. Робер не мог удержаться, чтобы не выразить удивление.

— Вы не испытываете голода? — спросил он.

— Нет, — ответил Бейкер.

— Не будете ли вы так добры сказать, как вам это удается? — спросил Робер.

— Нет ничего легче. Я просто ем в обычное время.

— Едите? Но что?

— Могу показать. — Бейкер жестом пригласил Робера в свою каюту. — Впрочем, у меня хватит еды и на двоих.

Еды хватило бы и на десятерых. Взяв с Робера клятву молчать, Бейкер продемонстрировал ему два огромных чемодана с провизией.

— Как! — воскликнул Робер, восхищаясь такой предусмотрительностью. — Вы подумали и об этом!

— Когда имеешь дело с агентством Томпсона, нужно быть готовым ко всему, — глубокомысленно ответил Бейкер, предлагая Роберу от своих щедрот.

Робер воспользовался этим великодушием, чтобы отнести добычу американским пассажиркам. Те согласились принять еду с условием, что молодой человек возьмет кое-что и себе.

Для других пассажиров, лишенных такой поддержки, время тянулось страшно медленно. И какой же крик облегчения вырвался у всех, когда около часу пополудни с фок-мачты крикнули: «Земля!»

Думая, что приближается спасение, все посмотрели на капитанский мостик. Но капитана там не оказалось. Требовалось, однако, немедленно сообщить ему эту новость. Кто-то из пассажиров постучал в дверь капитанской каюты. Но ни в каюте, ни на корме Пипа не нашли.

Туристы забеспокоились и разошлись по всему кораблю, громко клича капитана. Тем временем неизвестно откуда распространилось известие, что трюм на три фута заполнен водой.

Все словно обезумели. Бросились к лодкам, но столкнулись с командой, охраняющей шлюпки по приказу капитана. Людской поток хлынул на верхнюю палубу. Многие проклинали и Томпсона и Пипа, лишивших их последнего шанса на спасение.

Томпсона тоже никто не видел. Можно было предположить, что он предусмотрительно спрятался, пережидая в безопасности, пока пройдет гроза.

Капитан же в это время, как всегда, исполнял свой долг.

Узнав о новой беде раньше всех, он бросился в трюм и внимательно его осмотрел. Результат был неутешительным.

Он тщательнейшим образом исследовал трюм, но в подводной части судна дыр и пробоин не нашлось. Явной течи не обнаружилось. Вода проникала в трюм не в одном месте, а капля за каплей просачивалась в тысячах мест. Очевидно, заклепки не выдержали непрерывных ударов волн, швы разошлись, и «Симью» просто разваливался от старости.

С этим капитан ничего поделать не мог и, слушая убийственный шум воды, вынужден был признать свое бессилие.

Однако несколько мгновений спустя он как ни в чем не бывало поднялся на верхнюю палубу и спокойным голосом приказал команде взять себя в руки.

Положение было не таким уж безнадежным. Земля, по-видимому, приближалась, и, если дружно взяться за насосы, можно откачать воду из трюма.

Надежда на это скоро улетучилась. Стало ясно, что вода опережает усилия матросов, трюм продолжает заполняться на пять сантиметров в час.

Земля же, хотя и находилась в пределах видимости, не приближалась. Солнце уже садилось, а пятнышко суши оставалось в том же отдалении.

Этой ночью никто не спал. С трепетом ожидали восхода солнца. К счастью, в июне оно появляется здесь очень рано.

К четырем часам стало возможно различить низкий песчаный берег, над которым слегка возвышались суша и пик Мартин — самая высокая точка острова. Остров оказался в пределах видимости за двадцать — двадцать пять миль. Следовательно, течение, каким бы оно ни было слабым, все же несло «Симью» к берегу, и мало-помалу, со скоростью одного узла, к полудню корабль приблизился к месту, называемому косой Мартиниш, на одну милю. И тут течение внезапно изменило направление и устремилось с севера на юг, удвоив скорость.

Теперь до земли совсем близко. Вода в трюме поднялась до одного метра двадцати сантиметров. Если ничего не произойдет, то корабль скоро сядет на мель вблизи берега. Это «приземление» должно произойти относительно благополучно, пока погода прекрасная и море спокойное.

Но не тут-то было. «Симью» следовал вдоль берега, не при-

ближаясь к нему. Отдавшись течению, корабль огибал неровности, косы, оставаясь на расстоянии неизменной мили от берега.

Без конца измеряли глубину. И результат все тот же: бросить якорь невозможно.

Капитан яростно кусал концы своих усов. Берег близок, рукой подать, но недостижим. Настоящие танталовы муки¹.

Да и вид берега не очень-то радовал. Ни одного дерева, ни клочка растительности. Повсюду, куда хватало взгляда, простирались лишь песчаные пространства.

По мере продвижения к югу берег опускался. Остров превращался в бесплодную равнину.

К трем с половиной часам достигли Петра-ди-Луми, где покачивалось несколько рыбацких лодок. Подали сигнал бедствия, но никто не ответил. Петра-ди-Луми осталась позади.

Через два часа обогнули Восточную косу, и у пассажиров вспыхнула была надежда: корабль сильно приблизилось к берегу водоворотом, до суши теперь самое большее метров пятьсот.

К несчастью, течение изменило направление так же внезапно, как и возникло, и «Симью», не приближаясь к берегу, стал следовать вдоль острова Сал. Очертания его вырисовывались теперь довольно четко.

На таком расстоянии можно было даже услышать крик человека. Но никто не жил в этой пустынной местности. Перед глазами расстилалась лишь степь, которую один английский путешественник назвал песчаной могилой. Ланды² простирались почти до горизонта, низкие, серые, мрачные. От прибора их защищал скалистый пояс.

«Симью» с той же скоростью прошел залив за Восточной косой. Через час корабль обогнет косу и снова выйдет в открытое море.

Внезапно матрос, измеряющий глубину, закричал:

— Двадцать пять саженей! Песчаное дно!

Капитан на своем мостике вздрогнул от радости. Очевидно, в этом месте морское дно поднялось. Через минуту можно бросать якорь.

— Приготовить якорь, Флишип,— спокойно сказал Пип своему помощнику.

Корабль шел по течению еще четверть часа, зондирование показывало, что глубина все уменьшается.

— Десять саженей! Песчаное дно...— воскликнул матрос.

— Отдать якорь! — скомандовал капитан.

¹ Тантал — в греческой мифологии персонаж, обреченный на вечные страдания («танталовы муки»), непрерывную пытку жаждой и голодом.

² Ланды — низменность на юго-западе Франции, отделенная от моря полосой дюн. Слово применяется и к другим схожим местностям.

Якорная цепь с шумом вышла через клюз, и пароход оставался.

Он был совершенно неподвижен, не испытывал ни бортовой, ни килевой качки¹. Ни одна складка не проходила по зеркальной поверхности моря, спокойного, как озеро.

Однако туристам «Агентства Томпсон» грозила другая опасность. В трюм, наполовину уже затопленный, продолжала прибывать вода, и скоро палуба опустится на уровень океана. Нужно скорее высаживаться на берег.

Благодаря работе насосов пароход мог держаться на поверхности еще несколько часов. Времени для высадки достаточно.

Поэтому высаживались по порядку, без спешки и паники. Взяли все, что находилось в каютах. Не забыли ничего, даже самые мелкие предметы. Перед тем как спасти людей, могли позволить себе роскошь спасти и вещи.

К семи с половиной часам все пассажиры, живые и невредимые, были перевезены на берег. Растянувшиеся цепочкой перед сваленными в кучу вещами, слегка оглушенные всем пережитым, они словно оцепенели.

Капитан Пип вместе с Артимом покинул свой пост последним, как это предписывалось морским законом. Оставшись без корабля, капитан и его команда становились такими же пассажирами, как и все остальные.

Капитан, казалось, спокойно смотрел на тонущий корабль, но поверхностный наблюдатель мог бы легко ошибиться на этот счет. Потому что никогда еще капитан не косил так сильно и никогда его нос не испытывал таких мук, как в эти четверть часа.

Когда насосы прекратили работу, корабль стал погружаться быстрее. За полчаса вода дошла до иллюминаторов и продолжала подниматься выше... выше...

Ровно в восемь часов двадцать минут солнце на западе закатилось, и «Симью» одновременно с ним скрылся под водой. Он тихо погрузился в море, и волны мягко сомкнулись над ним. Еще мгновение назад корабль был виден, и вдруг его не стало. Вот и все.

Туристы неподвижно следили за происходящим. Они словно лишились и разума, и дара речи. Отправиться в веселое путешествие по Канарским островам и очутиться на пустынном песчаном берегу одного из островов Зеленого Мыса — удовольствие маленькое. Если бы они пережили шторм, если бы корабль напоролся на рифы — тогда другое дело. Но нет, ничего подобного не произошло. Погода и природа были к ним благосклонны: лазурное небо, легкий бриз, ласковое море.

¹ Качка корабля — колебания судна при волнении: бортовая — с борта на борт; килевая — с носа на корму.

Стояла самая прекрасная погода, какую только можно себе пожелать.

Тем не менее они потерпели крушение.

Случалось ли кому-либо слышать о подобном?

Можно ли вообразить себе большую нелепость?

Туристы как оглушенные бессмысленно стояли у моря и чувствовали, и не без основания, что находятся в дурацком положении.

ГЛАВА IX

Томпсон становится адмиралом необычной флотилии

Ночь бывшие пассажиры «Симью» провели не так уж плохо. Оказалось, что и на мягком песке, без кроватей, можно выспаться.

Но с первыми лучами солнца проснулись даже самые флегматичные. Поднялись, торопясь узнать, чего им опасаться и на что надеяться.

Правда открылась с первого взгляда: со всех сторон людей окружала пустыня, при виде которой сжималось сердце.

Перед ними — море без единого паруса. Над водой виднелась верхушка мачты «Симью», безжизненный остов корабля завяз в донном иле под двадцатиметровым слоем воды.

Туристы высадились в том месте, где суша, сужаясь, превращалась в узкую песчаную косу. С трех сторон ее омывало море. Эта совершенно бесплодная песчаная полоса, шириной не больше мили, была усеяна ракушками.

На какую помощь можно рассчитывать в таком месте? Каждый тревожно задавался этим вопросом — и не находил ответа.

К счастью, капитан Пип думал за всех.

Как только он увидел, что пассажиры встали, он собрал их и кратко доложил положение.

Доклад его сводился к следующему.

В результате последних событий, о чем не приходится слишком распространяться, пассажиры оказались на юго-восточном побережье острова Сол, на самой оконечности Мыса Кораблекрушения. Долго оставаться здесь невозможно, нужно поскорее придумать, как отсюда выбраться.

Капитан уже принял необходимые меры. Час назад он отправил Моргана в сопровождении боцмана к маяку на Южном Мысе, недалеко от места крушения. Там посланцы найдут справки о местности и позаботятся о провизии. Надо дожидаться их возвращения.

Сообщение капитана напомнило присутствующим, что они давно не ели. Совсем об этом забыли из-за того, что им пришлось пережить. Оказалось достаточно одного слова, чтобы разбудить голод, уже третьи сутки не утоленный.

Однако следовало запастись терпением. Туристы вышагивали взад-вперед по берегу, а время текло невыносимо медленно. К счастью, погода оставалась хорошей. Дул свежий ветерок, небо было чистым.

Боцман и Робер вернулись к восьми часам в сопровождении мула,пряженного в повозку, и погонщика негра. В повозке были разнообразные съестные припасы.

Все бросились к еде, и Томпсону пришлось вмешаться, чтобы раздача пищи проходила организованно. Наконец каждый получил свою долю. Установилась тишина, нарушаемая лишь жующими ртами.

Особенно великолепен был Пипербум. В одной руке он держал двухкилограммовый каравай хлеба, в другой — большой бараний окорок, локти его попеременно то поднимались, то опускались. Их движения напоминали своей ритмичностью работу паровой машины. Его спутники, забыв, что сами голодны, в изумлении замерли, наблюдая за таким способом поглощения пищи. Многие за него испугались: «Он переест и заболит».

Но Пипербума мало занимало, какое впечатление он производит на окружающих. Его локти продолжали двигаться туда-сюда. Время шло, хлеб и окорок постепенно уменьшались. И то и другое исчезло одновременно. А Пипербум, удовлетворенно вытерев руки, разжег свою громадную трубку и, судя по его виду, был очень доволен.

Пока пассажиры и экипаж утоляли голод, капитан при посредничестве Робера вел переговоры с хозяином повозки. Он получил сведения, вселяющие надежду.

Остров Сол представлял собой пустыню площадью двести тридцать три квадратных километра. Еще сто лет назад здесь не было ни души. К счастью для потерпевших крушение, прошло уже лет пятьдесят, как какому-то португальцу пришла в голову мысль заняться разработкой соляных залежей. Остров, кстати, обязан этому своим названием. Добыча соли привлекла сюда несколько сотен людей. Одни занялись рыбной ловлей, другие пошли работать на соляные копи. Ни одно из образованных ими поселений нельзя назвать не только городом, но хотя бы поселком. Однако на берегу бухты Мурдейра, великолепной якорной стоянки на западном побережье острова, где находится главное поселение, на расстоянии менее чем пятнадцать километров, им могут оказать помощь.

Получив эти сведения, Томпсон тотчас отправился вместе с туземцем в деревню, чтобы набрать достаточное количество повозок и отвезти туристов и багаж в бухту Мурдейра.

Пассажирам же оставалось лишь, как и утром, сидеть или прогуливаться на берегу. Но теперь у сытых туристов развязались языки и каждый проявил свой характер.

Одни старались быть спокойными, другие хандрили, третьи возмущались.

Лицо господина Абсирфуса Блокхеда не выражало бесконечного удовольствия, что было непривычно для окружающих. Нет, почтенный бакалейщик казался озабоченным. Ему явно было не по себе, он посматривал по сторонам, будто что-то потерял. Наконец, не выдержав, обратился к Роже де Соргу, к нему он чувствовал особое доверие:

— Мы ведь находимся на одном из островов Зеленого Мыса, не так ли?

— Да, сударь,— ответил Роже, еще не зная, куда клонит собеседник.

— Тогда где этот мыс, сударь? — воскликнул Блокхед.

— Мыс...— повторил за ним озадаченный Роже.— Какой мыс?

— Зеленый Мыс, черт побери! Не каждый ведь день случается видеть Зеленый Мыс. Я хочу, чтобы Абель увидел его.

Роже еле удержался от того, чтобы не расхохотаться.

— Увы, сударь, придется оставить эту надежду,— сказал он, делая огорченное лицо.— Господин Абель не увидит Зеленый Мыс.

— Почему? — спросил Блокхед разочарованно.

— Он на ремонте,— объяснил Роже.

— На ремонте?

— Да, краска начала линять. Его отвезли в Англию, чтобы покрасить заново.

Блокхед посмотрел на Роже вопросительно. Но тот героическим усилием воли сохранил серьезность и потому заставил почтенного лавочника поверить сказанному.

— Ах,— простодушно огорчился бакалейщик,— вот уж действительно не повезло!

— Да уж, не повезло! — подтвердил Роже, давась от смеха.

Среди тех, кто возмущался, особенно выделялись, конечно, Бейкер и Гамильтон. Как обычно, у них для этого имелись все основания. В чем первопричина всех несчастий, если не в скаредности и не в легкомыслии Томпсона? Этого никто не может опровергнуть. Бейкер призывал к войне против Томпсона после возвращения в Англию. И его воинственные нападки находили отклик в сердцах пострадавших путешественников.

Совершенно неожиданно Бейкер приобрел союзника в лице Джонсона. До сих пор этот пассажир никому не доставлял беспокойства, но сейчас он был вне себя от гнева. Он кричал громче самого Бейкера, проклинал Томпсона и его агентство и без конца клялся, что в Англии затаскает его по судам.

— Этот ненасытный пьяница и сушененавистник сейчас в отчаянии оттого, что пришлось сойти на берег,— говорил Роже с юмором, наблюдая издали за возбужденным пассажиром.

Сам Роже не поддавался ни отчаянию, ни гневу. Хорошее расположение духа не покидало его никогда. Он сохранил бы его в бою, сохранил бы на смертном одре. Он сохранял его на этом пустынном острове, куда забросила офицера судьба.

Замечание Роже рассмешило Долли.

— Бедняга! — вздохнула она. — Как он, наверное, страдает из-за всех этих передраг.

— Это единственный человек, который вправе жаловаться, — со всей серьезностью заявил Роже. — Во всяком случае, его возмущение объяснимо. Но остальные-то что? Они-то чем недовольны? Что до меня, то я нахожу наше путешествие просто восхитительным. Наш парусник уже превратился в подводную лодку, и теперь я с нетерпением ожидаю, когда он станет воздушным шаром.

— Да здравствует воздушный шар! — воскликнула Долли, захлопав в ладоши.

— Не знаю, как насчет воздушного шара, — невесело заметил Робер, — но конец «Симью» означает окончание нашего путешествия. Скоро мы расстанемся, возвратимся в Англию, каждый исходя из своих возможностей.

— Почему расстанемся? — вмешалась Элис. — Господин Томпсон, полагаю, должен доставить в Англию всех пассажиров, он посадит нас на первый же рейсовый корабль.

— Да, конечно, пассажиров он доставить обязан, — ответил Робер, — но экипаж и ваш покорный слуга — другое дело...

— Ну какое это имеет значение, — прервал разговор Роже. — Зачем волноваться прежде времени, когда корабль, готовый плыть в Англию, еще не появился? Кстати, насчет корабля я очень сомневаюсь, это было бы слишком просто! Я — за воздушный шар, на него, мне кажется, надежды больше.

К часу дня вернулся Томпсон с двумя десятками всевозможных повозок, которые везли мулы, погоняемые неграми. Начали грузить багаж.

Главный Администратор выглядел менее угнетенным, чем можно было ожидать в подобных обстоятельствах. Он потерял корабль, ему предстояло заплатить из своего кармана за возвращение в Англию около сотни пассажиров. Этого было вполне достаточно, чтобы испортить настроение самому жизнерадостному человеку на свете. А Томпсон, похоже, не очень горевал.

Разгадка заключалась в том, что несчастье с кораблем было событием, о котором говорят: нет худа без добра. Если расходы за возвращение пассажиров и являлись для него неприятностью, то потеря «Симью» оказалась, напротив, подарком судьбы. Корабль был застрахован в солидной компании, и Томпсон был уверен, что сумеет получить за свой старый корабль полную страховку, как за новый. Таким образом Глав-

ный Администратор рассчитывал в итоге на большую прибыль.

Прибыль агентство собиралось положить себе в карман. Она прибавится к уже имеющейся кругленькой сумме, скопившейся благодаря неутомимой экономии Томпсона. Эти деньги находились в сумке, неизменно висевшей на плече администратора с того момента, как он сошел на берег. В сумку сначала попали те шестьдесят две тысячи пятьсот франков, которые еще в Англии Томпсону заплатили пассажиры, включая и половинную стоимость детского билета Абея. Правда, несколько банкнот — совсем немного — покинули сумку для оплаты за уголь, за экскурсии и за питание на борту. Теперь оставалось расплатиться с экипажем и служащими. В числе их был и Робер Морган. Томпсон собирался выполнить все формальности сразу по прибытии в Мурдейру, рассчитывая, что даже в самом маленьком поселочке всегда найдутся перо и чернила. Наличность, которая останется после всех расчетов, — это чистый доход. Впоследствии сюда добавятся и деньги за страховку. Томпсон все время прикидывал в уме, какая кругленькая сумма должна составиться в результате.

Туристы отправились в путь в начале третьего часа пополудни, одни — сидя в повозках, другие — пешком. Потребовалось три часа, чтобы добраться по песку до бухты Мурдейра.

В этой части острова скудость земли производила менее тягостное впечатление. Рельеф был слегка холмистый, из-под песка чернели камни, и кое-где пробивалась, радуя глаз, зелень.

Как только добрались до места, Томпсон, расположившись в убогой харчевне, произвел расчет. Каждый получил свое, ни больше ни меньше, и в пять минут Робер разбогател на сто пятьдесят фунтов.

Тем временем пассажиры бродили по берегу и поглядывали на море. Похоже, Роже был прав, когда позволил себе усомниться относительно возможности комфортабельного возвращения в Англию. В бухте Мурдейра не было ни одного корабля. Лишь несколько рыбацких лодок покачивалось на волнах. Что, если в этой убогой деревушке, где они не встретили еще ни одного представителя белой расы, придется остаться надолго?

Все окружили вернувшегося из харчевни Томпсона, спеша узнать, что он собирается предпринять.

Но Томпсон ничего не решил, в чем беззаботно признался. Чтобы что-то придумать, нужны хоть какие-нибудь исходные данные. Робер, вооруженный путеводителями, сообщил ему некоторые сведения самого общего характера. Томпсон выслушал все с особым удовольствием — теперь это ничего ему не стоило.

Робер рассказал своей аудитории, что острова Зеленого

Мыса — это архипелаг, состоящий из большого числа островов и островков, образующих две группы. В первую входят острова Санту-Антан, Сан-Висенти, Сан-Николау, островки Санта-Лузия, Бранко и Резу. Они расположены почти по прямой, в направлении с северо-запада на юго-восток. Их называют «Барловенто», или «Наветренные». Еще два острова — Сол и Баавишта — начинают следующую группу, называемую Сотавенто, или «Подветренные». Они образуют полукруг, выпуклой стороной обращенный к африканскому побережью. Сюда входят, по порядку, острова Маю, Сантьягу, Фогу, Брава, а также островок Ромбу.

Поскольку оставаться на убогом острове Сол, даже на некоторое время, казалось совершенно невозможно, следовало прежде всего узнать, не собирается ли какой-нибудь корабль бросить здесь якорь в ближайшее время. В случае отрицательного ответа следовало перебраться, используя рыбацкие лодки, на другой остров, куда корабли заходят чаще. В любом случае нужно хорошо подумать, прежде чем выбрать решение.

— Мы направимся на Сан-Висенти,— решил Робер, не колеблясь.

Этот остров — не самый большой в архипелаге, но на нем уже давно сосредоточилась вся торговля. Близ его столицы Порту-Гранди устраивают стоянки сотни кораблей. Гостей здесь бывает раз в двадцать больше, чем самих жителей. В столичном порту в первый же день представится случай уплыть в Англию.

Посоветовались с капитаном, и тот согласился с доводами Робера.

— Конечно, вы правы,— сказал он.— Но боюсь, что с северо-западным ветром нам не добраться до Сан-Висенти. Для этого потребуется много дней. Такой переход нельзя совершить на рыбацких лодках. Я думаю, следует добраться до одного из подветренных островов.

— Тогда выбираем Сантьягу,— сказал Робер.— На Сантьягу нет такой оживленной торговли, как на Сан-Висенти, но он самый крупный из островов Зеленого Мыса. Его главный город, Прая,— столица архипелага. К тому же это крупный порт, через него проходит в год более ста тысяч тонн грузов. Оттуда, наверное, будет также легко уехать на родину. Единственное, что может вызвать сомнение,— это нездоровый климат. Остров называют «моровым».

— Подумаешь! — сказал Томпсон.— Мы же не собираемся там жить. Один-два дня, это не опасно, и если все согласны, то...

Но сначала следовало все-таки выяснить, не бывают ли корабли здесь, на острове Сол. В этом совсем диком краю нет ни губернатора, ни мэра, и не к кому обратиться. По совету капи-

тана Томпсон, в сопровождении своих товарищей по несчастью, подошел к группе туземцев.

Группа состояла из мулатов, родившихся от смешанных браков между португальскими поселенцами и бывшими рабами. Судя по одежде, это были моряки.

Робер спросил у одного мулата, можно ли каким-нибудь образом добраться от острова Сол до Англии.

Островитянин отрицательно покачал головой. Большие суда сейчас на остров Сол не заходят. В сезон пассатов, с октября по май, парусные корабли, случается, заходят в бухту Мурдейры. А в это время года последний корабль с грузом соли уже ушел и, вероятнее всего, до следующего октября теперь больше не будет ни одного.

Когда все прояснилось, колебаний больше не было. Местные моряки, кстати, восприняли намерение перебраться на другой остров как вполне выполнимое. Лодки у них достаточно прочные, и, если потребуется, на них можно совершить и более протяженный путь. Они единодушно поддерживали капитана в том, что при таком направлении ветра об острове Сан-Висенти нечего и думать.

— Тогда, может быть, Сантьягу? — спросил Робер.

Услышав название острова, туземцы переглянулись. Прежде чем ответить, они задумались. Их что-то беспокоило, это было видно, но они не хотели об этом говорить.

— Почему бы и нет? — наконец сказал один из них. — Смотря сколько за это заплатят.

— Поговорите с господином, — ответил Робер, показывая на Томпсона.

— Прекрасно, — заявил администратор, как только ему перевели ответ мулата. — Пусть покажут нам лодки, и одновременно обсудим условия путешествия.

Когда обо всем договорились, капитан выбрал для перевозки пассажиров и их багажа шесть лодок. По его мнению, на них можно отправляться в плавание, не подвергаясь опасности. С общего согласия назначили отплытие на три часа утра, чтобы, насколько это возможно, уйти при дневном свете. Предстояло преодолеть никак не меньше ста десяти миль, на что потребуется как минимум семнадцать часов пути.

Все горели желанием как можно скорее убраться с этого пустынного острова.

Багаж был тут же погружен в лодки. После очень простого ужина пассажиры провели оставшееся время кто как хотел. Одни гуляли по берегу, другие расположились тут же с намерением подремать.

Все были на ногах, когда наступило время отплытия. Каждый занял свое место, и шесть лодок, подняв паруса, быстро прошли мимо мыса Черепахи. Как видим, Томпсон повысился

в чине. Он стал как бы адмиралом не совсем обычной флотилии.

Через час после отплытия в лучах восходящего солнца вдалеке показался остров Боавишта.

Небо было чистым, что редко случается здесь в это время года. Свежий боковой ветер с северо-запада туго надувал паруса суденышек, и они продвигались на юг с постоянной скоростью.

В восемь утра прошли мимо Боавишты, столь же пустынного острова, как и Сол. Это была равнинная песчаная земля с несколькими базальтовыми скалами посередине, высотой не более ста метров.

Флотилии был виден Английский рейд. В глубине рейда — лачуги. Затем несколько больших домов в Рабиле — главном городе острова. Может быть, на рейде и стояли корабли, но на таком расстоянии увидеть их было невозможно.

Через несколько часов на горизонте начала вырисовываться вершина Санту-Антан, самая высокая гора на острове Сантьягу. При виде этого пика, поднимающегося в небо на две тысячи двести пятьдесят метров, туристы закричали «ура», — это знаменовало пусть неблизкую, но уже видимую цель плаванья.

Остров Маю расположен к путешественникам ближе, чем Сантьягу, но разглядели его пассажиры позже. Он едва выступал над уровнем воды. В два часа пополудни стали видны его песчаные берега, а добрались же до него около пяти часов.

Он был копией островов Сол и Боавишты. Сплошная песчаная пустыня — ни речки, ни источника, ни деревца. Лишь местами, отражая солнечные лучи, блестели на земле пятна соли. Трудно было поверить, что на этих бесплодных песчаниках умудряются жить более трех тысяч душ.

Глаз, утомленный унылой монотонностью пейзажа, с ожиданием устремлялся на юг, где на горизонте постепенно выростал Сантьягу. Его острые пики, базальтовые скалы, овраги, заросшие густой растительностью, напоминали Азорские острова. После унылых песчаников эта буйная зелень радовала глаз. А ведь когда-то путешественники находили подобный пейзаж скучным.

В восемь вечера флотилия прошла мимо Восточного мыса, как раз когда зажегся маяк. Через час, в наступающей темноте, стал виден огонь на мысе Тамару, закрывающем с запада вход в порт Прая. Еще час пути, и, пройдя мыс Бишкадаш, лодки гуськом вошли в спокойные воды бухты¹. В глубине ее горели огоньки города.

Моряки-туземцы направились не в ту сторону, где свети-

¹ Бухта — здесь: небольшой залив, врезанный в глубь суши, защищенный от ветра и волнений.

лись огни. Как только прошли мыс Бишкадаш, лодки развернулись круче к ветру, пытаясь идти вдоль берега. Якорь бросили на большом расстоянии от города.

Робера удивил этот маневр. Он прочитал в путеводителях, что на западном побережье есть пристань. Переводчик пытался объяснить, но его слова не возымели действия. По какой-то причине мулаты сделали именно так, как задумали, они начали переправлять людей и багаж на берег.

Одного за другим всех пассажиров высадили у подножия скалы, на самом краю восточной оконечности бухты. Как определил по справочнику Робер, это была старая пристань, сейчас ею не пользовались. Фантазия перевозчиков казалась все более странной.

Приливная волна бешено билась о береговую скалу, и высадку на сушу в кромешной тьме трудно было назвать простым делом. Некоторые путешественники, поскользнувшись на гладкой гранитной поверхности скалы, отполированной волнами за многие столетия, невольно купались в море. Но, в общем, в начале двенадцатого ночи все жертвы кораблекрушения были на суше.

Через десять минут флотилия распустила паруса, да так торопливо, что это опять озадачило путешественников, и, устремившись в открытое море, исчезла в ночи.

Но если здесь и скрывалась какая-то тайна, то не место и не время разгадывать ее сейчас. Мысли пассажиров были полностью заняты их нынешним положением. Они не могли оставаться ночью под открытым небом. С другой стороны, каким образом можно переправить в город эти коробки, сундуки, чемоданы?.. Снова потребовалось вмешательство капитана. По его решению багаж оставили на берегу, под присмотром двух матросов, остальные двинулись в дальний путь по направлению к городу.

Как мало походило это шествие на ту бодрую колонну, которой еще недавно так умело управлял Томпсон! Теперь его подопечные напоминали беспорядочное стадо. Подавленные и павшие духом, они с трудом отыскивали дорогу на чужом берегу, усеянном камнями и окутанном ночной мглой.

Путь был нелегким даже для крепких ходяков. Больше часа пришлось идти по узкой, едва различимой тропе, при этом ноги по щиколотку проваливались в вязкий песок. Затем поднимались вверх по крутой дороге. Уже давно пробило полночь, когда туристы, совсем выбившись из сил, добрались до первых домов.

Город спал. На улицах ни одного прохожего, ни огонька. Найти в этом мире безмолвия пристанище для стольких людей — настоящая проблема.

Разделились на три группы. Одна, под предводительством капитана, объединяла членов экипажа. Вторая, во главе с

Томпсоном, естественно, включала, среди прочих, Бейкера. Третья группа вручила себя заботам переводчика Робера.

Уже через несколько минут Робер увидел гостиницу и сразу начал стучать в дверь, да так сильно, что нельзя было не разбудить и самого завязанного соню.

Хозяин гостиницы приоткрыл дверь и замер в изумлении при виде многочисленных постояльцев.

— У вас можно снять комнаты? — спросил Робер.

— Снять комнаты... — повторил за ним хозяин, как во сне. — Но откуда вы взялись, черт побери? — воскликнул он, прежде чем ответить на вопрос Робера. — Как вы сюда попали?

— Как обычно сюда попадают. Приплыли, — сказал Робер нетерпеливо.

— Приплыли? — повторил португалец, выглядевший в высшей степени удивленным.

— Да, приплыли, — подтвердил Робер с досадой. — Что в этом необыкновенного?

— Приплыли! — снова воскликнул хозяин гостиницы. — Но ведь карантин еще не сняли!

— Какой карантин?

— Как, вы не знаете?! Христос с вами! На острове карантин. Вот уже целый месяц к острову не приставал ни один корабль!..

Теперь пришел черед удивляться Роберу.

— Что же здесь происходит? По какой причине карантин? — спросил он.

— Эпидемия черной лихорадки.

— Опасной?

— И не говорите! Только в городе, где четыре тысячи жителей, каждый день умирает по двадцать человек.

— Черт возьми! — воскликнул Робер. — Следует признать, совет направиться сюда оказался не слишком удачным. По счастью, мы здесь ненадолго.

— Ненадолго? — усомнился хозяин.

— Конечно!

Португалец недоверчиво покачал головой.

— Прошу вас посмотреть ваши комнаты, — сказал он с иронией в голосе. — Думается мне, что нескоро вы отсюда уедете. Впрочем, завтра сами все поймете. Когда попадают на Сантьягу, здесь остаются надолго.

ГЛАВА X

Карантин

Вот уж кому не везло, так это несчастным клиентам «Агентства Томпсон». На Сантьягу свирепствовала одна из самых жестоких эпидемий, и уже месяц всякая связь с осталь-

ным миром была прервана. По правде говоря, болезни на острове были обычным делом. Он прозывался «моровым» не зря, об этом Робер предупреждал еще на острове Сол.

На этот раз местная болезнь протекала в особенно тяжелой форме. Обеспокоенное правительство приняло радикальные меры, чтобы убить зло в зародыше.

На всем острове, по приказу сверху, объявили строгий карантин. Конечно, корабли сохраняли право подойти к берегу, но при условии, что не покинут его, пока не кончатся эпидемия и карантин, а когда это произойдет, никто знать не мог. Легко понять, что суда регулярных рейсов и корабли дальнего следования старались не загонять себя в капкан. До появления подопечных Томпсона действительно ни один корабль за последние четыре недели в гавань не вошел.

Этим объяснялись и колебания рыбаков острова Сол во время переговоров о Сантьягу, и их моментальное исчезновение после того, как они высадили пассажиров ночью, вдали от города. Они знали о карантине, но не хотели потерять заработка, а также оказаться здесь надолго взаперти, вдали от близких, от своего острова.

Пассажиры были в шоке. Сколько придется просидеть на этом проклятом острове?

Однако делать нечего, придется приспособливаться к новому положению. Стали ждать, и каждый убивал время как мог.

Одни, как Джонсон и Пипербум, просто вернулись к обычной жизни и, казалось, блаженствовали. Для счастья им было достаточно: одному — ресторана, другому — кабака. А в Прае хватало и того и другого.

Их спутники в этом вынужденном заточении не видели ничего хорошего. Угнетаемые страхом заразиться, они сидели в своих номерах, не осмеливаясь даже открыть окно. Эти меры предосторожности оказались не напрасны. Прошла неделя, но никто не заболел. Зато все просто умирали от скуки.

Третьи решили не обращать внимания на эпидемию и жили себе, совершенно не принимая ее в расчет. В число смельчаков входили оба француза и американки. Они рассудили, что страх заболеть опаснее самой болезни. Вместе с Бейкером, который, вполне возможно, хотел бы заболеть по-настоящему, чтобы иметь еще одно основание для нападок на соперника, они появлялись повсюду, как если бы находились в Лондоне или в Париже.

С тех пор как они попали на Сантьягу, сестры едва ли хоть раз встретились с Джеком Линдсеем. Тот более, чем когда бы то ни было, замкнулся в своем незаметном существовании.

Элис, поглощенная другими заботами, и думать забыла о девере. Если его образ и возникал иногда в ее мыслях, она сразу гнала их. Деверь занимал ее все меньше, она готова была о

нем забыть. Происшествие на Куррал-даш-Фрайаш по мере того, как проходили дни, перестало казаться таким уж значительным. Предположение о возможных новых коварных шагах Джека просто не приходило ей в голову. Под защитой Робера она чувствовала себя в безопасности.

А Робер, напротив, вспоминая о засаде на Гран-Канарии, думал о своем противнике часто. Движимый глубоко запрятанной ненавистью, Джек в тот раз покушался на него. Поэтому бездействие врага успокаивало Робера лишь отчасти, он по-прежнему не спускал с него глаз, испытывая все время тревогу.

Джек продолжал идти роковым путем. Преступный поступок на Куррал-даш-Фрайаш он совершил спонтанно, воспользовавшись благоприятным моментом. Однако после неудачи первого покушения досада в глубине его души переросла в ненависть. К ненависти прибавился страх после того, как Робер откровенно с ним объяснился. И это смешанное чувство ненависти и страха отвлекло Джека от первоначального объекта его коварных планов. На время негодяй оставил мысли о своей невестке, целиком сосредоточившись на опасном сопернике. Он даже, как мы уже знаем, устроил Роберу засаду.

Упорное сопротивление француза, героическое вмешательство господина Блокхеда еще раз нарушило замыслы Джека.

С тех пор Джек Линдсей больше не делал различия между двумя своими врагами. Элис и Робер были одинаково предметом его ненависти, обостренной до крайности. Он не предпринимал пока никаких действий, и причиной тому была постоянная бдительность Робера. Если бы представился случай, Джек, забыв о всяких сомнениях, полный решимости отыграть за свои неудачи, без колебаний устранил бы этих людей. Тогда он удовлетворил бы желание мести, а главное, стал бы богатым. Но Робер следил за ним неусыпно, и с каждым днем Линдсей все меньше надеялся на подходящий случай. Французы разгуливали с американками среди городского многолюдья так спокойно, что выводили Джека из себя.

К сожалению, Прая — не тот город, где праздный турист может найти себе много развлечений.

Город вырос на вулканической лаве, образовавшей плато. Острие плато доходило до моря и разделяло побережье на два пляжа. До города отсюда можно добраться по круто взбирающейся вверх дороге.

Внешне Прая больше напоминал африканские поселения, чем города на других островах архипелага, и это, с точки зрения путешественника-европейца, являлось единственной его достопримечательностью. Узкие, заполненные свиньями, обезьянами и домашней птицей улицы, низкие разноцветные дома и колония белых людей, большей частью государственных слу-

жащих, среди основного негритянского населения — все это было необычно.

Но через несколько дней турист, пресытившись экзотикой, уже с трудом находил для себя развлечения в городе, насчитывающем всего четыре тысячи жителей.

Европеец, пройдя по улицам европейского квартала, широким и прямым, расходящимся лучами от просторной площади У-Пелоринью, осмотрев церковь и резиденцию губернатора, стоящие друг против друга, осмотрев мэрию, тюрьму, здание суда и, наконец, больницу, совершил полную экскурсию по городу. Идти больше некуда. Здесь его и поджидает скука.

Оба француза и их спутницы быстро исчерпали запас впечатлений. Но скучнее им не стало, поскольку уму и сердцу было чем заняться. Просто теперь не было никакого определенного плана. Понемногу прогулки уступили место долгим остановкам на песчаном берегу у моря. Размеренный плеск волн навевал грезы на молчаливых Элис и Робера и вторил смеху Роже и Долли, их радостным неумолкающим голосам.

Меланхолии здесь не было места. Ни крушение корабля, ни карантин на острове не могли убить их оптимизма.

— Как хотите, — принимался иногда рассуждать Роже, — а меня забавляет, что я стал зеленомысцем — ну и словечко, мисс Долли и я, мы вполне готовы стать неграми!

— А с лихорадкой как быть? — посмеивалась Элис.

— Какие глупости! — отвечал Роже.

— У вас ведь скоро кончится отпуск? — подыгрывал Элис Робер.

— Но я попал в чрезвычайные обстоятельства, — не терялся офицер.

— А ваши близкие, кто ждет вас во Франции?

— Мои близкие? Они здесь, мои близкие!

В глубине души Роже, конечно, не был так спокоен, как казался. Разве мог он не тревожиться при мысли о том, какой опасности подвергались каждый день его друзья и он сам в этом бедствующем краю, в городе, потерявшем стольких жителей. Но француз обладал счастливым характером не портить себе дня настоящего страхом того, что может случиться завтра. А день настоящий, на его взгляд, имел немало прелестей. Он с удовольствием пожил бы на Сантьягу, при условии, что жить здесь будет вместе с Долли. Между ними не было произнесено ни одного слова, но они были уверены друг в друге. И среди пассажиров не было человека, который не знал бы об их чувствах, настолько очевидных, что влюбленные считали излишним говорить об этом друг другу.

Миссис Линдсей больше, чем других, касалось то, что происходило у нее на глазах, но ее, по-видимому, совсем не беспокоило такое развитие событий. Она предоставила сестре ту самую американскую свободу, какой сама пользовалась до за-

мужества. Она доверяла чистой и откровенной натуре Долли. А Роже был из тех людей, для кого внушать к себе доверие так же естественно, как дышать. Элис не сомневалась, что в Англии все завершится свадьбой, как и полагается по логике происходящего.

Элис молила небо послать в ее душу такую же умиротворенность и такую же уверенность! Они с Робером по-прежнему не понимали друг друга, и по мере того, как проходили дни, они все больше удалялись от ясного, откровенного объяснения, а ведь только это и могло вернуть им покой.

Вследствие душевного разлада в их отношениях стала заметна трещина. Они не избегали друг друга, это было не в их власти. Но, постоянно сводимые вместе какой-то непреодолимой силой, они чувствовали, оказавшись лицом к лицу, что между ними вырастает стена: гордыня одного, недоверие другой. Они обменивались вежливыми фразами, и это лишь усугубляло тягостное недоразумение. Роже наблюдал за этой отчужденностью в полной растерянности. Почему они не могут объясниться друг с другом прямо и откровенно? Все мнимые трудности, все внутренние споры с самими собой, по мнению Роже, были пустяковыми. Этого не принимал открытый характер офицера. Будь он королем, он мог бы полюбить дочь бедняка с таким же легким сердцем, как влюбился бы в королеву, будучи бедняком.

После целой недели молчаливой, не находящей разрешения размолвки Роже рассудил, что больше смотреть на это он не желает, и решил, как говорится, не церемониться. Под каким-то предлогом он увел однажды утром своего соотечественника на Большой пляж, совершенно безлюдный, и, усевшись на огромный камень, приступил к решительному объяснению.

В то утро миссис Линдсей вышла на прогулку одна. Ей хотелось неторопливо подумать о том, что с ней происходит. Элис в задумчивости направилась к Большому пляжу, ей нравилась пустыньность этого места. Устав от ходьбы по песку, она присела, выбрав место, назначенное ей судьбой, и задумалась.

От размышлений ее отвлекли голоса. По другую сторону камня, к которому она машинально прислонилась, разговаривали двое. Миссис Линдсей узнала в собеседниках Роже де Сорга и Робера Моргана.

Ее первым побуждением было выйти к ним. Но разговор ее заинтересовал и помешал себя обнаружить. Элис прислушалась.

Робер последовал за своим соотечественником совершенно безучастно. Он шагал, пока шел Роже. Он сел, когда Роже решил сесть. Но офицер знал, каким образом можно вывести своего невозмутимого спутника из спокойного состояния.

— Уф! — сказал он, останавливаясь. — Ну и жарко же на

этом чертовом острове. Не передохнуть ли немного? Что вы на это скажете, дорогой Грамон?

«Грамон»?.. — удивилась Элис по другую сторону камня.

Робер молча принял предложение.

— Ну что, — продолжал Роже, — надолго мы здесь остаемся?

— Не мне следует задавать этот вопрос, — ответил Робер, пытаясь улыбнуться.

— А я другого мнения, — ответил Роже, — ведь если задержка на этом зеленомысском острове никого особенно не радует — Боже мой, ну и имечко, — то для миссис Линдсей и для вас она должна быть особенно тягостной.

— Это почему? — спросил Робер.

— Как, разве то, в чем вы открылись мне на Канарском побережье, неправда?

— Нет, все правда, — ответил Робер. — Но я не понимаю...

— В таком случае все совершенно ясно, — прервал его Роже. — Если вы все еще любите миссис Линдсей... ведь вы любите ее, да?

— Конечно! — вздохнул Робер.

— Прекрасно! Продолжаю: если вы любите миссис Линдсей и при этом твердо решили не признаваться ей в этом, то пребывание на африканских скалах не может быть привлекательным ни для нее, ни для вас. Ведь достаточно посмотреть на вас обоих. У вас такой вид, будто вы черта хороните. Вы даже разговариваете друг с другом сквозь зубы. Простите за выражение, оба вы — как те кошки, которые не решаются достать из огня каштаны, когда они уже испеклись. Как вы, сударь, не замечаете того, что видят все, а именно: миссис Линдсей смертельно скучает и горячие сердечные признания были бы очень кстати.

— Дорогой мой де Сорг, — сказал Робер взволнованно, — как вы можете шутить над этим. Вы-то знаете мои мысли, вы в курсе моего положения и должны понять, почему я так щепетилен...¹

— Ладно, ладно! — прервал его Роже. — Все равно смотреть, как вы без надобности мучаете себя, невыносимо, тогда как, в сущности, все очень просто, знаете ли!

— Так что же я должен, по-вашему, делать? — спросил Робер.

— Боже мой! Я не могу давать вам советы, мой дорогой. В подобных случаях каждый действует соответственно своему темпераменту. Почему бы вам не быть самим собой, то есть веселым, любезным, любящим? Все остальное получится само

¹ Щепетильность — строгая, до мелочей последовательность и принципиальность в отношениях с кем-либо или по отношению к чему-либо.

с собой. Посмотрите на нас с Долли. Мы похожи на влюбленных из мелодрамы?

— Легко вам говорить,— заметил Робер с горечью.

— Хорошо! — согласился Роже.— Тогда действуйте решительно. Сжигайте корабли. Как только мы вернемся, идите к миссис Линдсей, как идут на штурм крепости, и скажите ей обо всем без фиоритур¹. Не умрете же вы от этого, черт побери! Увидите, что она скажет вам в ответ.

— Ответ, каким бы он ни был, меня бы не испугал, если бы я считал себя вправе заговорить с ней об этом.

— Но почему? Все из-за какой-то ерунды, вашего состояния? Но ведь вы можете предложить ей взамен нечто не менее ценное! Сейчас вы под другим именем, но вы снова станете маркизом де Грамоном, когда захотите. А маркизы пока еще на улице не валяются, насколько мне известно.

Робер взял за руку своего соотечественника и проговорил:

— Все, что вы сказали, дорогой мой де Сорг, подтверждает, что вы верный друг. Но поверьте, лучше эту тему не обсуждать. Я слышал, что сделка, о которой вы говорите, считается в обществе вполне допустимой. Тем не менее мне это не подходит, что поделаешь.

— Сделка! Сделка! — проворчал Роже, не собираясь соглашаться.— При чем здесь сделка, если вами движет вовсе не денежный интерес?

— Верно,— ответил Робер,— но миссис Линдсей-то об этом не знает.

— Ну потрудитесь же уверить ее в этом. Что бы ни случилось, все будет лучше, чем так себя изводить, не говоря уже о самой миссис Линдсей.

— Миссис Линдсей? — повторил Робер.— Не понимаю...

— А если и она в вас влюблена? — прервал его Роже.— Вы об этом подумали? Не может же она, в конце концов, заговорить первой.

— Вы приводите этот довод уже второй раз,— грустно заметил Робер.— Следует полагать, что вам он кажется очень важным. Если бы миссис Линдсей любила меня, это бы много изменило, конечно. Но миссис Линдсей не любит меня, а у меня хватает здравого смысла понимать, что она не полюбит меня никогда, тем более что я ничего для этого не предпринимаю.

— Вполне возможно, именно по этой причине...— пробормотал Роже сквозь зубы.

— Что вы сказали?

— Ничего, вернее, я говорю, что ваше ослепление феноменально. Но допустите на мгновение, что миссис Линдсей дейст-

¹ Ф и о р и т у р а — в вокальной музыке — украшение мелодии звуками краткой длительности, трелями и так далее.

вительно испытывает к вам чувства. Значит, чтобы в это поверить, вы хотели бы услышать об этом от нее самой?

— Возможно, что и этого будет недостаточно,— ответил Робер.

— Ну и ну! — изумился Роже.— Даже после этого вы бы продолжали сомневаться?

— Нет, я бы не смог не поверить, но слова не всегда передают истину. И в глубине души у меня сохранилось бы сомнение. Миссис Линдсей обязана мне жизнью, а для таких созданий, как она, подобные обязательства священны. Я бы стал думать, что это не любовь, а просто деликатное выражение признательности.

— Неисправимый глупец! — воскликнул Роже, глядя на своего друга круглыми от удивления глазами.— Сознаюсь, я бы не смог так долго перечить своему счастью. Чтобы снять замки с вашего языка и заставить вас заговорить, нужно ждать конца путешествия. Может быть, страх навсегда потерять миссис Линдсей победит вашу гордыню.

— Не думаю,— сказал Робер.

— Посмотрим,— завершил разговор Роже, поднимаясь.— А пока я заявляю: больше так продолжаться не может. Я пойду сейчас к капитану Пипу и обещаю, что мы с ним изобретем какой-нибудь способ потихоньку уехать. Какого черта! На рейде ведь стоят корабли!

Оба француза пошли в сторону города, Элис проводила их взглядом. Следы меланхолии¹ исчезли с ее лица. Она знала правду, и эта правда ей нравилась. Больше нельзя было сомневаться, ее любят, любят любовью, какую только женщина может себе пожелать, любят ее самое. И ни одно постороннее соображение не примешивается к этому искреннему чувству.

Ее обрадовало и то, что теперь устраняется еще одна помеха в ее отношениях с Робером. Конечно, ее влекло к Роберу Моргану и до того, как ей случайно открылись обстоятельства его благородного происхождения. Она всегда была уверена, что Робер скрывает какую-то тайну, вроде только что открывшуюся ей не совсем обычным образом. Тем не менее предрассудки в обществе имеют такую силу, что сердечная склонность, которой она не могла противостоять, до сих пор доставляла ей больше грусти, чем радости. Любить переводчика, будь он сто раз профессор, казалось богатой американке совсем не простым делом. С тех пор как они покинули Мадейру, ее аристократическая гордость постоянно боролась с чувством, и из-за этой постоянной внутренней борьбы Элис все время была не в своей тарелке.

Теперь все встало на место. Они были одного положения в

¹ Меланхолия — уныние, тоска, грустное настроение.

обществе. Трудность теперь была только в том, чтобы победить в Робере его шепетильность. Но Элис это не очень беспокоило. Она знала, какой силой убеждения обладает от природы женщина, когда она любит и любима. Впрочем, решительные объяснения будут не на этом острове. И кто знает, вдруг Элис каким-нибудь образом сможет расплатиться с Робером по счету признательности за то, что он спас ей жизнь. Тем самым она приобретет в его глазах свободу своего сердечного выбора.

Роже сделал, как обещал. Он сообщил капитану о своих планах побега, и не стоит говорить, как жадно ухватился за эту мысль старый моряк. Он только хотел посвятить Томпсона и других пассажиров в их планы. Это было настолько естественно, что Роже даже не пришло в голову против этого возражать.

План был принят сразу и единодушно. Одними — потому, что им надоел этот город, слишком хорошо изученный, другими — потому, что их приводило в ужас количество похоронных процессий, они все время видели это из окон. Но мужество и терпение кончилось у всех.

Мнением двух пассажиров, однако, пренебрегли. Судно собирались в избытке загрузить напитками и съестным. Зачем в таком случае спрашивать согласия Джонсона и Пипербума?

Решение было принято, теперь предстояло его выполнить.

Хотя корабли на рейде действительно стояли, но речь могла идти всего о трех парусниках водоизмещением от семисот до тысячи тонн. При этом даже несведущий человек заметил бы, что они очень ветхие. Очевидно, все корабли, способные плавать, вышли в море до объявления карантина, и в порту остались лишь негодные суденышки.

К тому же не следовало упускать их виду, что отплытие, если оно окажется возможным, должно произойти тайно. А каким образом можно скрытно переправить на корабль сотню пассажиров, а также погрузить запасы пищи и всего необходимого?

Капитан Пип решение этой трудной задачи взял на себя, и ему предоставили полную свободу действий.

Как он организовал дело? Капитан не вдавался в подробности, но уже к следующему утру собрал массу сведений и сообщил их потерпевшим кораблекрушение на Черном пляже.

Из трех кораблей на рейде два были годны только на то, чтобы их порубить на дрова, «на плохие дрова», — дал свою оценку капитан. Что же до третьего, именуемого «Санта-Мария», то это, конечно, старое судно, изрядно изношенное, но в самом крайнем случае на него положиться можно, не выглядя при этом сумасшедшим. Тем более что путешествие продлится, очевидно, недолго.

Обойдя на корабле все уголки, капитан решил прослу-

пать настроение хозяина судна и не встретил здесь трудностей. Хозяин был предупредителен и сразу пошел ему навстречу. Из-за карантина всякое сообщение между островами прекратилось неизвестно на какой срок. Но с владельцем судна можно было договориться на достаточно приемлемых условиях.

Относительно решения, которое следовало принять каждому, капитан заявил, что не хотел бы давать никаких советов. Он даже не собирался скрывать, что в случае ухудшения погоды плавание станет небезопасным. Каждый имеет право выбрать наименьшую для себя опасность: лихорадка или море.

Капитан отметил также, что риск значительно уменьшится, если высадиться в каком-нибудь порту Испании или Португалии, а не идти через Бискайский залив. При этом большая часть пути пройдет в зоне пассатов, где погода портится редко. В конце концов капитан сказал, что лично он — сторонник скорейшего отплытия, и поклялся, что предпочитает утонуть в море, чем умереть здесь от лихорадки или от скуки.

Обсуждение длилось недолго. Все единогласно решили уезжать и поручили капитану сделать необходимые приготовления. Он обещал, что все подготовит в четыре дня и в городе никто ничего не заметит.

Но прежде следовало договориться с владельцем судна, и это была забота Томпсона. Все кинулись искать Главного Администратора. Томпсон только что был здесь и вдруг пропал.

Туристы, не в силах сдержать возмущение, решили передать полномочия дезертира одному из пассажиров и направить того на переговоры с хозяином судна. Задача нового администратора — договориться о самых подходящих для всех условиях. Выбрали, естественно, Бейкера. Опыт этого джентльмена, особенно в подобных делах, прямо указывал на него как на лучшую кандидатуру.

Бейкер не отказался взять на себя функции своего соперника и сразу отправился вместе с капитаном к хозяину судна.

Через два часа он вернулся.

Дело было улажено и подписано. Договорились обо всем. К концу переговоров сошлись на шести тысячах франков. За эти деньги корабль будет в распоряжении туристов, пока они не доберутся до Европы. Позже хозяин сам распорядится судном так, как посчитает целесообразным. Туристам, таким образом, не придется думать о том, как вернуть корабль обратно. Не нужно беспокоиться и об экипаже. Рядовой состав «Симью» соглашался заступить на службу, не требуя никакого вознаграждения, кроме возможности уплыть на этом корабле и получать еду в течение всего путешествия. С оснасткой «Санта-Марии» все оказалось в порядке. Паруса находились на реях. Необходимо было лишь кое-что переоборудовать внутри, чтобы разместить пассажиров в кают-компании и на

твиндеке¹, запастись также продовольствием, чтобы хватило на месяц пути. Во всем этом им обещал свою поддержку хозяин «Санта-Марии». Под каким-то не вызывающим подозрений предлогом он взялся быстро отремонтировать корабль силами своих рабочих и тайно достать для путешественников продукты. Матросы «Симью» обязались по ночам перевезти их на корабль.

Собравшиеся одобрили этот план. С тем и разошлись, а капитан сразу взялся за дело.

Итак, нужно потерпеть еще четыре дня. В обычных условиях это нетрудно. Но четыре дня тянутся бесконечно долго, когда им предшествует целая неделя, прожитая в страхе или в скуке.

Провели эти дни так же, как и предшествующие: одни — запершись у себя в комнатах, другие — вы догадываетесь, кто — в бесконечном застолье, третьи — в прогулках, придумывая разные маршруты.

Джек Линдсей по-прежнему не попадался на глаза, и миссис Линдсей со своими постоянными спутниками обошли все окрестности города Вилья-да-Прая. Было видно, что Элис обрела то душевное равновесие, которое отличало ее в начале путешествия.

О длительных экскурсиях в глубь острова, куда вели плохие дороги, нечего было и помышлять. Но окрестности Вилья-да-Прая были вполне доступны, и четверо наших туристов исходили их во всех направлениях.

Один день посвятили городу Рибейра-Гранди — бывшей столице острова и всего архипелага. Он был взят и разрушен французами в 1712 году. Рибейра-Гранди расположен в еще более гиблом месте, чем Ла-Прая. С тех пор он так и не смог оправиться от поражения, да и число жителей там все уменьшалось. Сердца молодых людей невольно сжимались, когда они ходили по пустынным улицам разоренного города.

В следующие дни обошли многочисленные долины вокруг столицы. Населены эти плохо обрабатываемые земли почти исключительно неграми, христианами и язычниками одновременно. А вокруг — растения, известные здесь от веку: пальмы, банановые деревья, гуайява, кокосовые пальмы, папайя, тамариндовые деревья. В тени их разбросано множество африканских хижинок.

В эти четыре последних дня судьба, доселе спасавшая пассажиров от эпидемии, видно, отвернулась от них. Второго июля господин Блокхед и сэр Джордж Гамильтон проснулись с тяжелой головой. Во рту у них пересохло, везде болело, земля кружилась перед глазами. Сразу вызвали врача. Тот быстро

¹ Твиндек — помещение между двумя палубами для экипажа, пассажиров, груза на судах, имеющих несколько палуб.

поставил диагноз: тяжелый случай гуляющей по городу лихорадки. Для остальных это стало причиной новых страхов. Каждый думал про себя: когда же моя очередь?

А на следующий день предстояло отплытие. Утром туристы с трудом узнали место, где они находились. Небо стало ярко-желтого цвета, контуры предметов еле-еле проступали в туманной дымке непонятного происхождения, дрожали в разогретом воздухе.

— Восточный ветер принес песок, — объяснили туземцы.

И верно, за ночь ветер сменил направление, он дул теперь не с северо-запада, а с востока.

Не изменит ли планы капитана Пипа эта внезапная перемена ветра? Нет, тем же вечером он сообщил, что последние приготовления закончены и можно отправляться. Пассажиры, со своей стороны, также подготовились. С тех пор как было принято решение об отплытии, они каждый день выносили из гостиницы свой багаж по частям, а матросы ночью переправляли его на «Санта-Марию». В номерах остались лишь пустые чемоданы. Забрать их с собой оказалось невозможно. Это было бы слишком подозрительно, но подобные мелкие неприятности не стоили внимания.

— Впрочем, — предупредил Бейкер, — Томпсону придется заплатить нам за чемоданы, как и за все остальное.

Возможно, Томпсону действительно предстояло отвечать по всем пунктам длинного обвинительного приговора Бейкера, но администратора нигде не было, и осуждение могло быть только заочным. Что с ним случилось? Никто не мог ответить на этот вопрос. Очевидно, он сбежал, чтобы не выполнять свои обязательства и не платить за возвращение своих подопечных домой.

Впрочем, никого не беспокоило, что с ним. Раз ему так нравится Сантьягу, пусть остается здесь, вот и все!

Отплывать предстояло тайно, потому и переправляться на корабль можно было только ночью. В одиннадцать вечера, в час, назначенный капитаном, все собрались на Черном пляже, в том месте, где скала выступала в море и прибой был не таким сильным. Сразу начали погрузку на корабль.

Гамильтона и Блокхеда отправили на «Санта-Марию» первыми, хотя вначале едва не оставили на Сантьягу. Многие открыто противились тому, чтобы забирать с собой больных. Роже и обе американки изо всех сил пытались помешать принятию такого жестокого решения, но ничего добиться не могли, пока капитан Пип не бросил на чашу весов весь свой авторитет. Он заявил, что откажется вести корабль, если хоть один из тех, кто находился на «Симью», останется за бортом.

Таким образом, Гамильтон и Блокхед покинули острова Зеленого Мыса вместе со всеми, даже не осознавая этого факта. Накануне их состояние значительно ухудшилось. Они бре-

дили, не приходя в сознание, и было сомнительно, что удастся довести их до Англии.

На «Санта-Марии» находилось всего две шлюпки, и, чтобы перевезти всех, потребовалось несколько рейсов. Бейкер стоял у трапа, он, выполняя свои обязанности администратора, указывал каждому предназначенное ему место.

Конечно, жалеть о «Симью» имелись все основания. В наспех оборудованных помещениях было не слишком удобно. Если дам разместили в крохотных, но все же каютах, то мужчинам приходилось довольствоваться общим дортуаром, устроенным в трюме.

Шлюпки несколько раз проделали путь от берега до корабля без приключений. Никто на острове не заметил передвижения большого количества народа. Когда шлюпки в последний раз благополучно отчалили и вернулись на «Санта-Марию», Бейкер, стоящий на своем посту, вдруг отпрянул от неожиданности: замешавшись среди пассажиров и стараясь остаться незамеченным, на палубу соскочил Томпсон.

ГЛАВА XI

В свою очередь, Томпсон не получает того, за что заплатил

— Господин Томпсон! — воскликнул Бейкер с хищной улыбкой.

Да, это был Томпсон собственной персоной, правда, несколько сконфуженный. В нем долго боролись страх и скупость, скупость в конце концов отступила, и побежденный Томпсон сдался. Он терпеливо дожидался отплытия и, пользуясь ночной темнотой, присоединился к последней партии пассажиров.

— Господин Томпсон! — повторил Бейкер, поглядывая на своего врага, как кошка на мышь. — Мы уже не надеялись иметь несчастье видеть вас! Неужели мы будем иметь неудовольствие плыть в Англию вместе с вами?

— Да, видно, так, — ответил Томпсон, который при необходимости мог проглотить и не такое. — Но я собираюсь заплатить за дорогу, — добавил он торопливо, надеясь таким образом смягчить своего неумолимого преследователя.

— Да неужели? — удивился Бейкер. — Это совершенно невероятно!

— Невероятно?

— Да, мы пока не замечали за вами ничего подобного. Ну да ладно! Никогда не поздно начать жить праведно. Хорошо, сколько же мы с вас возьмем, дорогой сударь?

— Сколько и со всех, я полагаю, — тоскливо вымолвил Томпсон.

— Да видите ли, вот в чем сложность, — заметил Бейкер

добродушным тоном, — у нас нет тарифа. У нас здесь образовалось общество взаимопомощи, нечто вроде кооператива. В него вошли все, кого вы здесь видите, каждый заплатил взнос. А вы, вы — чужой. Для вас следует установить специальный, индивидуальный тариф. Это очень непросто!

— Но, — пробормотал Томпсон, — мне кажется, что шесть фунтов...

— Это очень мало! — ответил Бейкер мечтательно.

— Десять фунтов...

— Гм-м! — промычал Бейкер.

— Двадцать фунтов... Тридцать фунтов...

Бейкер как бы с сожалением покачал головой. Он, казалось, действительно огорчен тем, что все предложения Томпсона не могут быть приемлемы.

— Ну ладно! Сорок фунтов, — решил наконец Томпсон. — Столько же, сколько я запросил с вас, чтобы везти...

— На острова Зеленого Мыса! И даже без моего согласия, — закончил за него Бейкер. Глаза его светились дьявольской хитростью. — Итак, вы думаете, сорок фунтов?.. Что ж, пусть будет сорок фунтов! Конечно, этого недостаточно! Я совершаю ошибку. Но, черт меня побери, я не могу вам отказать. Вы, надеюсь, заплатите сейчас же?

Томпсон, вздыхая, подчинился и вытянул из глубины своей сумки затребованные банкноты. Бейкер дважды пересчитал их с великолепной наглостью.

— Здесь как раз сколько нужно, спешу это подтвердить. Хотя, впрочем, что же тут необычного? — сказал он, поворачиваясь спиной к пассажиру. А тот заторопился в общую спальню, чтобы занять место.

Тем временем «Санта-Мария» развернула все паруса, подняла якорь. В час ночи, используя свежий восточный бриз, не встретив никаких препятствий или трудностей, вышли из бухты Ла-Прая. Корабль держал курс в открытое море.

Один за другим пассажиры заняли койки. Томпсон тоже растянулся на матрасе, который сам себе выбрал. Он уже засыпал, когда почувствовал, что кто-то тронул его за плечо. Вздвигнув, он открыл глаза и увидел склонившегося над ним Бейкера.

— В чем дело? — спросил Томпсон, пытаясь проснуться.

— Произошла ошибка или, вернее, недоразумение, дорогой сударь. Очень рад был побеспокоить вас и иначе никак не мог поступить, поскольку вижу, что вы улеглись на матрас, не имея на это права.

— Я заплатил за свое место, как мне кажется! — воскликнул Томпсон недовольным тоном.

— За дорогу! Дорогой сударь, за дорогу, — поправил его Бейкер. — Я употребляю ваше собственное выражение. Давайте, пожалуйста, не будем путать! Дорога не означает мес-

то. Я обязан лишь довести вас, я вас везу. Я совершенно не обязан обеспечивать вас спальным местом. Матрасы в Ла-Прае стоят безумно дорого, и, если вы хотите иметь в своем распоряжении вот этот, я вынужден буду потребовать с вас небольшую доплату.

— Но это же грабеж! Я попал к разбойникам! — гневно воскликнул Томпсон, растерянно осматриваясь по сторонам. — И сколько же, по-вашему, следует мне вынуть из кармана, чтобы вы разрешили поспать?

— Не могу вам ответить, — торжественно изрек Бейкер, — на вопрос в таких же изысканных выражениях. Скажем... Да, пожалуй, за два фунта я смогу уступить вам это место. Дороговато, что и говорить, но в Сантьягу матрасы...

Томпсон пожал плечами.

— Этот, разумеется, не стоит двух фунтов. Ну да ладно. Я заплачу ваши два фунта, и за такую цену, надо полагать, вы мне дадите спокойно доехать.

— Доехать! Да вы что? Доехать!.. Честное слово, господа, этот джентльмен не в своем уме! — воскликнул Бейкер, вздев руки к небу и призывая в свидетели присутствующих при этой сцене пассажиров. Те привстали со своих коек и встречали каждую реплику взрывами смеха. — Два фунта за ночь, дорогой сударь. За ночь, и никак иначе!

— За ночь?! И, следовательно, шестьдесят фунтов, если путешествие продлится месяц? Ну так, сударь, говорю вам, я столько платить не буду. Такие шутки со мной не пройдут, — ответил взбешенный Томпсон, снова укладываясь на место.

— В таком случае, сударь, — совершенно невозмутимо заявил Бейкер, — я буду иметь удовольствие выставить вас вон.

Томпсон посмотрел на своего противника и увидел, что тот не шутит. Бейкер уже протягивал к нему свои длинные руки.

Что же касается пассажиров, то на их поддержку рассчитывать было нечего. В полном восторге, что наступило наконец отмщение, они корчились от смеха, наблюдая эту сцену.

Томпсон предпочел не ввязываться в поединок. Он поднялся и, ни слова не говоря, направился к трапу. Прежде чем ступить на первую перекладину, он все-таки посчитал нужным заявить о своем несогласии.

— Я уступаю силе, — сказал он с достоинством, — но я решительно протестую против притеснений, коим подвергаюсь. Меня должны были заранее предупредить, что сорок фунтов не гарантируют мне возможность спокойно спать ночью.

— Но это же само собой разумеется, — ответил Бейкер, прикидываясь удивленным. — Нет, конечно, ваши сорок фунтов не дают вам права спать на матрасах компании, а также — права пить из наших стаканов и садиться за стол компании. Оплата дороги не включает оплату матраса, кресла, напитков

и бифштексов! Если вам всего хочется, придется платить, а это страшно дорого в настоящее время!

И Бейкер беспечно растянулся на только что отвоеванном матрасе, в то время как Томпсон, почти без сил, нащупывая в темноте ступени, поднимался на палубу.

Нетрудно догадаться, что он всю ночь не спал, пытаясь найти выход из положения. И ничего не придумал, несмотря на свою изобретательность. Он, как глупец, попался в ловушку.

В конце концов Томпсон стал успокаиваться при мысли, что вряд ли Бейкер приведет свои угрозы в исполнение. Естественно, это была шутка, конечно, неприятная, но не более чем шутка, и она скоро забудется.

Эти оптимистические размышления тем не менее не помогали Томпсону заснуть. Так до самого утра, прикидывая, много ли у него шансов спасти одновременно и свою жизнь, и свой кошелек, гулял он по палубе, где вахтенные у каждого борта по очереди сменяли друг друга.

Пока Томпсон нес ночное дежурство, остальные пассажиры на «Санта-Марии» спали крепким сном, как спят люди со спокойной совестью. Погода стояла хорошая. Хотя ветер, дующий в паруса с востока, был очень сух, продвигались вперед быстро. Когда занялся день, Сантьягу оказался более чем в двадцати милях.

Корабль шел неподалеку от острова Майо, но никого, желающего созерцать эту унылую землю, кроме Томпсона, на палубе не было.

Через четыре часа проходили, правда, на большем удалении, мимо острова Боавишты. Туристы к этому времени проснулись, вышли на палубу. Взоры устремились в направлении города Рабиля, где можно было различить несколько кораблей, стоящих на якоре. Когда прозвучал колокол к завтраку, Боавишта начал постепенно исчезать за горизонтом.

Бейкер, возведенный в ранг администратора, дал волю своей приверженности к порядку и организации. Он считал, что на борту «Санта-Марии» все должно быть не хуже, чем на настоящих пассажирских кораблях дальнего плавания. Главным в его глазах было точное соблюдение времени завтраков, обедов и ужинов. Он сохранил расписание предшественника. И позаботился о том, чтобы колокол приглашал к столу в то же время, к которому все привыкли.

Однако, как бы этого ни хотелось, организовать еду по всем правилам было невозможно. В кают-компания едва могла разместиться дюжина пассажиров. Договорились, что все устроятся, кто как сможет, и на полуюте¹ и на палубе, разде-

¹ Полуют — сниженная или наполовину опущенная под палубу часть надстроек на юте (корме) судна.

лившись на группы. Впрочем, такая неустроенность имела и свои прелести. Трапезы под открытым небом походили на веселую воскресную прогулку. А в случае плохой погоды можно укрыться под палубой. Но вероятность дождей резко уменьшится, как только корабль отойдет подальше от Зеленого Мыса.

Во время завтрака, где Томпсон участия не принимал, капитан сделал неожиданное предложение.

Попросив уделить ему внимание, он сначала напомнил, что говорил уже в свое время об опасности путешествия на таком судне, как «Санта-Мария». Затем признался, что под влиянием чувства огромной ответственности в какой-то миг дрогнул и решил, что поведет судно не к португальскому и даже не к испанскому берегу, а прямо в Сен-Луи, в Сенегал. Однако сейчас он подумал, что следует пересмотреть маршрут: из-за дующего сейчас восточного ветра до этого пристанища добираться так же долго, как и до Канарских островов или даже как до какого-нибудь европейского порта. Вместо Сен-Луи лучше направиться в Порту-Гранди на остров Сан-Висенти. Капитану достаточно взять курс на двадцать градусов в сторону, и еще до наступления темноты все будет на суше, в безопасности и с гарантией быстро оказаться на борту пассажирского корабля.

Сообщение капитана Пипа произвело тем более сильное впечатление, что до сих пор за ним не замечали привычки много говорить. Решиться на такую длинную речь он мог, только считая опасность реальной.

На трибуну вышел Бейкер как избранный пассажирами администратор.

— Слова ваши серьезны, командир,— сказал он.— Но давайте все уточним. Скажите откровенно, считаете ли вы, что с нашей стороны было безрассудством отправляться в путь?

— Если бы я так думал,— ответил капитан,— я бы сразу об этом сказал. Нет, все правильно, и тем не менее... когда столько людей на борту...

— Ну хорошо,— прервал его Бейкер,— а если бы с вами были только моряки, вы бы беспокоились так же?

— Нет, конечно,— заверил капитан.— Но это не одно и то же. Плавать по морям — наше ремесло, и у нас есть свои причины, чтобы...

— У нас тоже есть свои причины,— сказал Бейкер.— Хотя бы средства, которые мы вынуждены были вложить в этот корабль из-за скверности человека, обязанного за нас заплатить. Есть и другая, более серьезная причина: карантин на острове, откуда мы уплыли. Возможно, о «Санта-Марии» уже известно на других островах архипелага. Я уверен, нам не разрешат высадиться на берег, тем более что у нас нет карантинного свидетельства и на борту двое больных. Если даже, несмотря ни на что, нам и удастся сойти на берег, то, вероятнее

всего, чтобы оказаться в тюрьме, на этот раз самой настоящей. Вы можете возразить, что в Португалии и в Испании будет то же. Возможно, но необязательно. И потом, мы уже достигнем цели и нам будет не так страшно. В этих условиях я голосую за то, чтобы ничего не менять, и, надеюсь, все здесь того же мнения.

Речь Бейкера действительно получила единогласное одобрение, и капитан Пип тоже выразил свое согласие просто жестом. Тем не менее это решение удовлетворяло его лишь наполовину. И если бы кто был рядом с капитаном вечером того же дня, то услышал бы, как он бормочет, обращаясь к верному Артимону:

— Хотите, мистер, знать мое мнение? Так вот! Опасная история, очень опасная!

Впрочем, этот вопрос больше не вставал. К двум часам пополудни ветер переменился и стал дуть с юга. «Санта-Мария» шла под попутным ветром. Идти назад было теперь невозможно. Единственный открытый для нее путь вел на Канарские острова и в Европу.

Таким ходом вечером прошли мимо острова Сол, куда никто не мог смотреть без волнения. Все подозрные трубы повернулись к этой земле, у берегов которой износившийся «Симью» нашел свой конец.

Незадолго до наступления ночи пропал из виду последний из островов Зеленого Мыса. Теперь горизонт разрежут только Канарские острова. Это вопрос нескольких дней, если сохранится тот же ветер, что и сейчас. В общем, первый день прошел благополучно. Жаловаться не на что, и есть надежда, что счастье беглецам не изменит.

Только один пассажир был недоволен, и называть его имя нет необходимости. За завтраком Томпсон добыл себе где-то тарелку и ловко подставил ее при раздаче пищи. Но Бейкер строго следил за порядком, и тарелка осталась пустой. Во второй половине дня Томпсон попытался сговориться с Ростбифом, надеясь, что тот не осмелится отказать своему бывшему хозяину. Но снова натолкнулся на вездесущего Бейкера, не спускавшего со своей жертвы глаз. Дело принимало серьезный оборот.

Ослабев от голода, Томпсон понял, что придется уступить неумолимому мучителю.

— Сударь,— сказал он,— я умираю от голода.

— Очень приятно,— равнодушно ответил Бейкер.

— Прекратите, пожалуйста, ваши шуточки,— взорвался Томпсон. От страданий у него испортился характер,— и потрудитесь сообщить, как долго вы собираетесь издеваться, выбрав меня мишенью?

— О какой шутке вы изволите говорить? — спросил Бей-

кер, делая вид, что изо всех сил пытается понять собеседника.— По-моему, я никогда с вами не шутил.

— Так что же,— воскликнул Томпсон,— вы всерьез собираетесь уморить меня голодом?

— Черт возьми,— воскликнул Бейкер.— Но ведь вы не хотите платить!

— Хорошо,— рассердился Томпсон,— я заплачу. Мы с вами потом рассчитаемся по этому счету...

— И по другим тоже,— согласился Бейкер очень любезно.

— Потрудитесь же сказать, за какую цену вы обеспечите мне возможность спать и есть во время всего путешествия.

— Поскольку речь идет об особом тарифе,— с пафосом заявил Бейкер,— то все необыкновенно упрощается.

Он достал блокнот и перелистал его страницы.

— Итак! Хм! Вы уже заплатили сорок фунтов... Это так... Да... Хм! Прекрасно!.. Ну так! Вам остается заплатить дополнительно сущий пустяк, всего пятьсот семьдесят два фунта один шиллинг и два пенса, чтобы получить возможность пользоваться всем, что есть на борту, без исключения.

— Пятьсот семьдесят два фунта! — ужаснулся Томпсон.— Вы не в своем уме! Чем терпеть такие издевательства, я расскажу все пассажирам. Черт побери, я найду среди них хоть одного честного человека!

— Я могу спросить их об этом сам,— предложил Бейкер все так же любезно.— Но сначала я бы посоветовал вам все-таки выяснить, откуда взялась такая сумма. Итак, фрахтование «Санта-Марии» стоило двести сорок фунтов. Двести девяносто фунтов и девятнадцать шиллингов мы заплатили за необходимое продовольствие на все время пути. И последнее: обустройство судна ввело нас в расход на восемьдесят один фунт два шиллинга и два пенса. Всего, таким образом, получается шестьсот двенадцать фунтов один шиллинг и два пенса, из них я вычитаю, как я уже сказал, те сорок фунтов, которые вы заплатили. Не думаю, что кто-нибудь из обобранных вами пассажиров посочувствует вашей жалобе на вполне справедливые требования. Хотя, если угодно...

Но Томпсону было не угодно, и он жестом дал это понять. Уже не пытаясь сопротивляться, он открыл свой драгоценный кошелек и достал пачку банкнот. Отделив требуемую сумму, он заботливо вернул деньги на место.

— Там еще осталось,— заметил Бейкер, указывая на сумку.

В ответ Томпсон затравленно улыбнулся.

— Но это не надолго! — добавил кровожадный преследователь.— Предстоит еще рассчитаться по мелким счетам, по нашим с вами.

Прежде чем расстаться со своим врагом, Томпсон решил, по крайней мере, получить то, за что заплатил. На «Санта-Ма-

рии» он сразу же встретил верного Пипербума. Голландец, как было и прежде, вцепился в того, кого продолжал считать главным руководителем. Эта тень, в три раза больше его самого, следовала за Томпсоном повсюду. Надоедливое постоянство громадного пассажира начинало выводить его из себя.

— Таким образом,— продолжал Томпсон,— у меня теперь такие же права, как и у всех. Подразумевается, что я такой же пассажир, как и остальные?

— Совершенно верно.

— В таком случае буду вам очень обязан, если вы можете мне отделаться от этого невыносимого Пипербума. Пока я был Главным Администратором, мне приходилось его терпеть. Но теперь...

— Конечно! Конечно! — прервал его Бейкер.— Но, к несчастью, я не больше администратор, чем вы. Впрочем, для вас нет ничего легче,— добавил нескгибаемый шутник, подчеркивая каждое слово,— чем объяснить господину Ван Пипербуму, как он вам мешает.

Побледневшему от гнева Томпсону пришлось удалиться, проглотив эту пилюлю. А Бейкер вообще перестал обращать на него внимание.

Проснувшись утром шестого июля, пассажиры обнаружили, что «Санта-Мария» почти не движется вперед. Бриз ночью стих, и к восходу солнца на море воцарился мертвый штиль. Покачиваясь на волнах, «Санта-Мария» хлопала парусами о мачты, скрипела, раскачивалась, и это вызывало у всех тошноту.

Несмотря на радостное известие о том, что под действием чистого морского воздуха наступило заметное улучшение здоровья у Гамильтона и Блокхеда, день прошел невесело: из-за штиля путешествие может затянуться. Однако уж лучше слишком слабый ветер, чем слишком сильный, и все терпеливо сносили неприятность, не внушавшую особой тревоги.

Капитан Пип воспринимал происходящее по-другому. У него сильно косили глаза, и он яростно тер себе кончик носа — признаки большого беспокойства. Очевидно, по мнению славного капитана, происходило что-то необычное, он то и дело поглядывал на запад, откуда шла рябь, раскачивающая «Санта-Марию».

Пассажиры хорошо знали привычки своего уважаемого командира и не могли не понимать, что все это означает. Потому они тоже смотрели в сторону западного горизонта, однако никому не удавалось ничего рассмотреть. Там, как и везде во круг, небо было голубым и чистым, без единого облачка.

Около двух часов пополудни на западе появилась легкая дымка, она медленно надвигалась, меняя постепенно окраску от белой к серой и от серой к черной.

Было около пяти часов, когда заходящее солнце опустилось

в эту мглу и море окрасилось в зловеющий медно-красный цвет. В шесть часов угольно-черная туча закрыла небосклон, и тогда слышались первые приказы капитана:

— Крепить кливер! Крепить бом-брамсель!..¹ Крепить топсель!² Крепить крьюс-брамсель!..³

Через четверть часа свернули кливер и бом-брамсели, а через двадцать минут — паруса бизань-мачты⁴. Не успели закончить эту работу, как последовала команда убрать грот, фок и брамсели, капитан приказал оставить только бом-кливер, оба марсея на малых рифах и крьюсель⁵.

Пока все было спокойно. Но это затишье казалось зловеющим.

И действительно, ровно в восемь налетел ураган вместе с проливным дождем, и «Санта-Мария» так наклонилась на один борт, что чуть не перевернулась. Потом, выставив форштвень и разрезая носом поднявшиеся валы, запрыгала по волнам. Капитан посоветовал всем ложиться.

«Санта-Мария» дрейфовала до утра, и пассажиров жестоко встряхивало на каждой волне. За ночь буря ничуть не стихла. Напротив, к восходу солнца она набросилась на судно с удвоенной яростью.

Капитан Пип был доволен тем, как «Санта-Мария» шла на штормовых парусах. Она легко взбиралась на волну, при этом вода на палубу почти не попадала — ее только обдавало брызгами. Но моряк обнаружил, к своему неудовольствию, что пеньковые тросы, закупленные на Сантьягу, оказались плохого качества. Ванты⁶ и бакштаг под ударами моря растянулись, и мачты у основания расшатались в своих пазах.

Сила урагана постоянно нарастала. Стало ясно, что предстоит выдержать схватку с одним из сильнейших циклонов.

Волны стали огромными. Они обрушивались на «Санта-Марию» и заливали ее водой,

Капитан продолжал идти на штормовых парусах. Но к семи часам вечера положение стало еще более серьезным. Под усилившимся ветром рангоут⁷ начал раскачиваться так угро-

¹ Бом-брамсель — парус четвертого яруса на судне с прямыми парусами.

² Топсель — треугольный парус, который ставится вершиной вниз над четырехугольным.

³ Крьюс-брамсель — парус третьего яруса на бизань-мачте, выше марсовой площадки.

⁴ Бизань-мачта — самая задняя на судне.

⁵ Крьюсель — первый снизу прямой парус на бизань-мачте, выше марсовой площадки.

⁶ Ванты — оттяжки из троса, которыми производится боковое крепление мачт и прочих вертикальных частей вооружения судна.

⁷ Рангоут — совокупность деревянных, круглых в сечении, или стальных трубчатых частей вооружения судна.

жающе, что капитан посчитал невозможным идти тем же ходом, он решил плыть по ветру.

В том положении, в каком находилась «Санта-Мария», сменить галс и встать по ветру или наоборот — это маневр, требующий большой сноровки. Между моментом, когда судно подставляет свой форштевень разъяренным волнам, и тем моментом, когда оно, набрав достаточную скорость, взлетает над водой, есть миг, когда волны бьют о борт. Если вал достаточно сильный, то судно начинает вертеться, как пробка. Поэтому нужно внимательно следить за волной и умело маневрировать.

Капитан сам встал за штурвал. Экипаж в полном составе находился вдоль левого борта, готовый броситься к марселям.

— Забирай по борту назад! — скомандовал капитан, точно выбрав момент и быстро поворачивая рулевое колесо.

Судно разом легло на правый борт и в то же мгновение встало по ветру. Но это еще не все. Развернуться к волне кормой недостаточно, нужно еще набрать большую скорость, чтобы смягчить силу удара волн.

— Забирай по борту вперед! — прозвучала команда капитана, как только корабль встал по ветру. — Отдать фок-марсель!¹ Убрать фок-рей² и крьюсель!

Маневр вполне удался. Подставив ветру большие паруса фок-мачты, «Санта-Мария» набрала скорость и понеслась, разрезая волны. Еще одна предосторожность: «Санта-Мария» тянула за собой рыбацкую сеть, обнаруженную в одном из отсеков трюма. Сеть предназначалась для того, чтобы волны, наступающие на корабль, не заливали полуют.

С переходом от дрейфа к движению по ветру пассажирам стало легче. Судно пошло мягче, и все подумали, что опасность уменьшилась.

Но капитан был другого мнения. Если продолжать двигаться на восток, то, по его расчетам, не пройдя и трехсот пятидесяти миль, можно оказаться у берегов Африки. А эти триста пятьдесят миль они проскочат очень быстро, учитывая скорость «Санта-Марии» при попутном ветре.

Капитан не спал всю ночь. Но утром восьмого июля горизонт оказался чист. Капитан подумал, что он, возможно, ошибся в своих предположениях, и стал надеяться, что ветер повернет немного к северу. Благодаря этому удастся добраться до Сен-Луиса в Сенегале и бросить якорь.

К сожалению, желанного северного ветра не дождались. По-прежнему дул вест-норд-вест, и «Санта-Мария» продолжала нестись в сторону Африки со скоростью курьерского поезда.

¹ Фок-марсель — второй снизу парус на фок-мачте.

² Фок-рей — поперечное дерево, на которое подвешивается верхняя кромка прямой парус на фок-мачте.

Из-за того, что кто-то из членов экипажа проболтался, пассажиры были в курсе происходящего и разделяли тревогу капитана. Они во все глаза смотрели на восток, пытаясь увидеть берег, к которому несет их корабль.

Но только к пяти часам утра заметили землю по левому борту. Побережье в этом месте изгибалось, образовав нечто вроде залива. «Санта-Мария» стрелой неслась вдоль берега, вместо того чтобы идти прямо на него, как следовало ожидать. Но постепенно расстояние между землей и «Санта-Марией» стало уменьшаться.

Капитан стоял на полуюте один и всей силой своего духа был на низком песчаном берегу, где вдали на горизонте виднелись дюны¹, а со стороны моря вставали стеной рифы.

Внезапно он выпрямился и, яростно сплюнув в море, сказал, обращаясь к Артимону:

— Через полчаса мы окажемся на рифах, дружище, но, клянусь всеми святыми, мы еще поборемся, сударь!

Артимон горячо поддержал его всем своим видом, и тогда капитан прокричал сквозь рев моря и урагана:

— Лево руля! Отдать крьюселя!

Через две минуты «Санта-Мария» уже дрейфовала, пытаясь отойти от берега в море. Она снова запрыгала по волнам, а морская вода, перехлестывая через полубак, перекатывалась по палубе взад-вперед.

Капитан поставил на последнюю карту. Козырная ли она, выиграет ли он игру? Сначала казалось, что выиграет.

Действительно, через несколько мгновений после того, как корабль ушел из-под ветра и сбавил скорость, море немного затихло. Капитан приказал развернуть стаксели, чтобы выйти в открытое море.

К несчастью, ветер, такой яростный всего несколько минут назад, перешел в другую крайность. С каждым мгновением он терял силу. Через несколько часов «Санта-Мария», сотрясаемая снизу продолжавшими бушевать волнами, одновременно качалась в неподвижном без малейшего дуновения воздухе.

Капитан, наблюдая за этими стремительными изменениями, сделал вывод, что судно находится в эпицентре бури и что шквал рано или поздно вернется. А пока в этом затишье бесполезно трепетали паруса. «Санта-Мария» больше не слушалась руля. Ее, как щепку, волны относили к берегу.

К семи часам вечера до берега оставалось меньше пяти кабельтовых. В трех метрах от бушприта волны яростно разбивались о прибрежные скалы.

У берегов Африки найдется немного мест, где можно так близко подойти к земле. Обычно подводные мели дают при-

¹ Дюны — песчаные холмы или гряды, возникающие на плоских берегах морей под воздействием ветра и непрерывно им передвигаемые.

близиться не более чем на пятнадцать километров. И вообще, следовало благодарить судьбу за то, что при всей кажущейся неблагосклонности она все же привела посудину к одному из редких мест, где бесконечная череда песчаных отмелей размыта течениями и прибоем.

Тем не менее подойти еще ближе казалось невозможно. Дно быстро поднималось. Лот, то и дело опускаясь в воду, показывал уже не более двадцати саженей. Капитан решил бросать якорь в любом случае.

Если бросить три якоря вперехлест, два — с полубака и становой и вытравить¹ каждый на сто саженей, то, может быть, и удастся выстоять в ураган.

Конечно, было мало шансов, что цепи не лопнут или якоря сумеют зацепиться за дно. Но это давало хоть какую-то надежду, и энергичный человек не мог пренебречь этой последней возможностью спасения.

Капитан приказал проверить исправность якорей на полубаке и подготовить цепь к травлению. Он собирался дать команду спускать якоря, как вдруг все неожиданно переменилось.

Море вокруг «Санта-Марии» внезапно вскипело. Это были уже не волны, а какие-то чудовищные валы.

Все закричали от ужаса. Один капитан казался спокойным. Не теряя времени, он попытался использовать новые обстоятельства. Водоворот подталкивал «Санта-Марию» к берегу, и, к счастью, под легким западным бризом ею можно было управлять. Так не попробовать ли подойти к берегу поближе и бросить якорь в более удобном месте?

Как раз против форштевня среди сплошной гряды прибрежных скал открывался узкий фарватер², а там, дальше, спокойная водная гладь. Если бы удалось попасть в этот фарватер, спасение стало бы вполне вероятным. В естественной бухте «Санта-Мария», вцепившись в дно якорями, устояла бы при урагане. Когда же шквал стихнет, судно тем же путем снова выйдет в море.

Капитан встал за штурвал и взял курс на берег.

Однако странное поведение моря не давало ему покоя, и капитан решил прежде всего очистить палубу и полуют от пассажиров. По его команде всем пришлось укрыться.

«Санта-Мария» приближалась к фарватеру... вошла в него.

Капитан готовился скомандовать: «Отдать якоря!»

Но не успел.

¹ Вытравить якорь — выпускать якорь-цепь из клюза (специально-го отверстия в борту судна), пока якорь не достанет дна и не закрепится.

² Фарватер — путь для безопасного прохода судов, огражденный, как правило, сигнальными знаками.

Огромный, гигантских размеров водяной вал понесся к берегу. В три секунды он достиг судна.

Если бы «Санта-Мария» подставила волне свой борт, то ее закрутило бы в водовороте и в тот же миг она оказалась бы разбитой, размочаленной в щепы. Но благодаря маневру капитана она была развернута к невиданному валу кормой, и это обстоятельство ее спасло. «Санта-Марию» подняло как пушинку, на палубу обрушились потоки воды, затем, поднятая на гребень волны, она понеслась к земле со скоростью пушечного ядра.

Матросы и пассажиры обезумели от страха. Одни цеплялись за снасти, других заливала вода, проникающая в кают-компанию. А капитан Пип по-прежнему сохранял присутствие духа. Он твердо стоял на мостике, видел все, что происходит на корабле, не выпуская из рук штурвала, и держал его очень крепко. Этот человек был так мал среди разбушевавшейся стихии, но так силен духом! Его крепкая воля пыталась спасти неуправляемый корабль от гибели. Сейчас глаза его совсем не косили. Он ясно видел, как волна ударилась о рифы, разбилась о них, вспенила гребень, как она понеслась на штурм берега, а в это время с неба устремился вниз настоящий водопад. Небесные и морские воды смешались в общем потоке.

«Санта-Мария» легко взлетела на вершину гребня. Вместе с ним опустилась вниз. Послышался ужасающий треск. Все, что было на корабле, сорвавшись со своих мест, разбилось в щепки. Огромная волна обрушилась на палубу и смыла все, что там было. Капитан не смог удержаться за штурвал, волна сбросила его с полуюта. Мачты со всем такелажем оказались внизу.

Это произошло за мгновение. «Санта-Мария» замерла без движения в полной темноте, под проливным дождем, а вокруг ревели бури.

ГЛАВА XII

Снова в плену

Было девятое июля. Уже целый месяц, согласно программе «Агентства Томпсон», его клиенты должны были ходить по улицам Лондона. Что же окружало их вместо оживленных улиц и добротных строений древней столицы Англии?

На север и на юг до бесконечности тянулась песчаная коса, ограниченная с одной стороны океаном, с другой — непрерывной цепью дюн, бесплодных и унылых. На этой полосе песка лежал корабль, превратившийся в груды обломков, заброшенных невиданной силой метров на двести от берега.

Потерпевшие кораблекрушение туристы плохо провели ночь. Ориентируясь в кромешной темноте на ощупь, они укры-

лись от дождя под остатками палубы. К счастью, ветер торопился очистить небо от туч, и путешественникам удалось ненадолго уснуть под свист утихающего урагана.

Только на рассвете разглядели масштабы бедствия. Они были огромны, непоправимы.

От воды до выброшенного на сушу корабля было более двухсот метров. Это расстояние судно, благодаря мощной волне, преодолело за считанные секунды. А в человеческих ли силах вернуть его обратно? Даже у людей, далеких от физики и навигации, сразу пропала надежда снять «Санта-Марию» с мели.

Впрочем, «Санта-Марии» больше не было. От нее остались лишь жалкие обломки.

Удар разломил ее пополам. Громадная рана рассекла борт. На палубе ничего не уцелело. Волной снесло все: скамьи, спасательную шлюпку, лодки и даже рангоут — обломки его висели, зацепившись на оборванных вантах.

Вот какое зрелище предстало перед глазами пассажиров!

Как всегда, лишь невозмутимое спокойствие капитана вернуло отчаявшимся людям немного мужества. В сопровождении Бишопа, полностью оправившегося от ожогов, Пип молча ходил вдоль берега. В несколько секунд вокруг него сомкнулось кольцо пассажиров.

Как только все собрались, капитан начал с переключки. В глазах Пипа промелькнуло удовлетворение, когда он убедился, что никто не пропал. Дом разрушен, но обитатели спасены, и такой удачей все были обязаны в значительной мере его опыту и предусмотрительности.

Если бы он не заставил туристов покинуть палубу, сколько жизней унесло бы страшное падение рангоута!

Капитан кратко описал положение.

«Санта-Марию» ураганной волной выбросило на африканский берег, снять ее с мели не представляется возможным. В результате все вынуждены продолжить свое путешествие по суше. Исход такого плана весьма неясен.

Африканское побережье пользуется дурной славой, и следует признать, что в полной мере ее заслуживает.

Между Марокко на севере и Сенегалом на юге простирается на тысячу двести километров побережье Сахары. Тому, кого злая судьба заставит высадиться на берег среди песчаных просторов, безводных и безжизненных, где лишь изредка встречается чахлая растительность, придется опасаться еще и людей. Их жестокость соответствует жестокости здешней природы. Вдоль этих негостеприимных берегов рыщут мавры, встреча с ними более опасна, чем встреча с диким зверем.

Итак, требовалось узнать, на каком расстоянии от цивилизованных мест выбросил «Санта-Марию» ураган. Ответ на

этот вопрос мог дать представление о том, погибнут ли путешественники или спасутся.

Капитан умел определять местоположение по солнцу. Но солнце было закрыто пеленой облаков.

Однако ураган продолжал стихать, небо понемногу очищалось. К девяти часам Пипу удалось сделать необходимые расчеты по солнцу, затем еще раз — в полдень.

Он доложил пассажирам следующие результаты: «Санта-Мария» разбилась немного южнее мыса Мирик, на расстоянии более трехсот сорока километров от северного побережья Сенегала!

Если бы рядом ударила молния, то даже и она не привела бы людей в большее оцепенение. Сраженные этим известием, путешественники хранили гробовое молчание. Женщины смотрели на мужчин, отцов, братьев или мужей, ожидая от них спасения.

Серьезность положения была слишком очевидной, чтобы хоть у одного из присутствующих могли возникнуть на этот счет иллюзии. Пройти триста сорок километров! На это требуется по меньшей мере семнадцать дней, при условии, что караван, включающий женщин и больных, будет проходить в день по этому песку двадцать километров. Можно ли надеяться, что, продвигаясь в течение семнадцати дней вдоль побережья, где бродит столько банд мародеров, они сумеют избежать такой ужасной встречи?

И вдруг, нарушая состояние общей подавленности, кто-то бодро произнес:

— Где не пройдет сто человек, пройдет один.

Эта фраза принадлежала Роберу, и он обращался непосредственно к капитану. Тот вздрогнул, подняв на говорившего вопросительный взгляд.

— Разве один из нас, — продолжал Робер, — не может пойти в разведку? Если мы находимся в трехстах сорока километрах от Сен-Луи, то ближе к нам Портендик, а между Сенегалом и этой факторией расположены плантации каучуковых деревьев, патрулируемые французской армией. До них не больше ста двадцати километров. При чрезвычайной необходимости один может пройти это расстояние за два дня. Следовательно, и запасов еды нужно всего на два дня. Тем временем остальным пассажирам ничто не мешает двинуться не спеша по берегу. Если повезет, то посланец вернется через четыре дня в сопровождении эскорта. И под охраной уже нечего будет бояться. Я предлагаю свою кандидатуру, чтобы сейчас же отправиться в путь.

— Клянусь всеми святыми — вот речь настоящего джентльмена! — воскликнул капитан Пип, горячо пожимая Роберу руку. — Есть только одно возражение: отправляться в путь по долгу службы следует мне.

— Вы не совсем правы, капитан,— заметил Робер.

— Почему же? — нахмурил брови старый моряк.

— Во-первых,— спокойно ответил Робер,— я значительно моложе и, следовательно, выносливее.

Капитан согласно кивнул головой.

— К тому же ваше место — среди тех, для кого вы командир и опора. Генерал не ходит на передовую.

— Да, согласен,— сказал капитан,— генерал отправляет туда отборные войска. Значит, ехать вам.

— Через час буду в пути.— И Робер сразу начал готовиться в дорогу.

Возражение капитана никто не поддержал. И никто более не претендовал на роль героя, никто не думал оспаривать у Моргана честь встретить опасность на трудном пути.

Роже так же, как и все, находил решение друга вполне естественным. Он бы и сам отправился в дорогу с такой же легкостью, если бы эта мысль пришла в голову ему первому. В следующий раз так и будет, вот и все. Тем не менее офицер предложил Роберу идти вместе. Но тот отказался и, не вдаваясь в подробности, попросил позаботиться об Элис. По мнению Моргана, ей угрожает опасность, и молодой человек отправлялся в путь с беспокойной душой.

Роже пообещал выполнить поручение друга.

Офицер почувствовал себя по-настоящему взволнованным, когда Робер, вооруженный и с запасом продовольствия на три дня, стал прощаться. Мужчины, не говоря ни слова, крепко пожали друг другу руки.

Но Роберу предстояло и другое прощание, для него оно было испытанием. Миссис Линдсей находилась рядом, и у Робера защемило сердце. Он прекрасно понимал, насколько опасно это предприятие. Он мог никогда уже не увидеть ту, которая так много для него значила. Призвав на помощь все свое мужество, Морган нашел в себе силы улыбнуться и поклониться молодой американке.

Она удержалась от слов опасения или сожаления, чтобы не омрачить Роберу настроение перед дальней дорогой. Побледнев, Элис протянула ему руку. Она понимала, что он может погибнуть, спасая всех.

— Спасибо! — только и сказала она.— До скорого свидания!

В ее словах прозвучала не только надежда. В них слышался приказ.

— До скорого свидания! — ответил Робер, выпрямляясь и чувствуя уверенность, что выполнит этот приказ.

Бывшие пассажиры долго смотрели вслед бесстрашному ходу. Он шел по берегу, все удаляясь, и вот помахал им в последний раз... Через несколько минут он исчез за дюнами.

— Я вернусь сюда через четыре дня,— пообещал Робер.

Через четыре дня будет тринадцатое июля. Дождаться этого дня, укрывшись на корабле, выброшенном на берег, невозможно. Он лежит на боку, и его нельзя использовать для жилья. Капитан наскоро соорудил на берегу бивуак из остатков рангоута и парусов. Нехитрое сооружение окончили до наступления ночи, и пострадавшие уснули, охраняемые вооруженными матросами. Здесь, на суше, они сменяли друг друга на часах так же, как делали это на корабле.

Однако в эту ночь на берегу, полном опасностей, сон никак к ним не шел. Многие не сумели заснуть и пролежали до рассвета с открытыми глазами, прислушиваясь к ночным звукам.

Для миссис Линдсей эта ночь была очень тревожной. К мучившим ее мыслям прибавилось беспокойство: неизвестно куда пропал ее деверь. Сначала она не придавала его исчезновению никакого значения, хотя это сразу показалось ей странным. Но со временем она начала недоумевать и все больше беспокоиться. Поиски оказались напрасны: ни среди пассажиров, ни среди слуг Джека не было.

Во мраке ночной тишины Элис продолжала думать об исчезнувшем Джеке. Это странное обстоятельство не давало ей покоя, и растущая в душе тревога помимо ее воли соединяла имена Джека и Робера.

Ночь прошла без приключений, на рассвете все были уже на ногах.

Элис встала первой и сразу же смогла убедиться, насколько верны ее подозрения. Она оглядела одного за другим всех пассажиров и окончательно удостоверилась, что Джек отсутствует.

Элис никому не сказала о своих терзаниях. К чему рассказывать? Если суждено быть несчастью, то оно уже случилось, думала она. Ее душа леденела при этой мысли.

Джек с самого начала путешествия держался в стороне, вел себя сдержанно, поэтому его отсутствия не заметили. Никто, кроме Элис, не обратил на это внимание: туристов волновали другие заботы.

Целый день занимались разгрузкой «Санта-Марии». По-немногу выгрузили на берег все ящики с галетами и консервами и соорудили из них нечто вроде оборонительного укрытия.

Капитан Пип принял решение ждать возвращения Робера на месте. Он объяснял это трудностью транспортировки воды. Не хватало дорожных фляг и бурдюков¹. А тащить бочки с водой было не под силу. Оставаясь на месте, можно спокойно брать воду из бочек, воды вполне может хватить на месяц. Они ничем не рисковали, оставаясь здесь на несколько дней. Если Робер не вернется к тому времени, когда, по его собственным

¹ Бурдюк — мешок из цельной шкуры козы для хранения жидкостей или (при надувании воздухом) для переправы через реки.

расчетам, пора будет вернуться, придется предпринять какие-нибудь действия. А до тех пор ящики со съестными припасами и бочки с водой и спиртом встанут стеной, упираясь противоположными концами в море, и под такой защитой большому количеству людей нечего опасаться внезапного нападения.

К заходу солнца внутри ограждения, сплошной стеной окружавшего лагерь, была установлена последняя палатка.

Поскольку предыдущая ночь прошла спокойно, а укрепленный лагерь внушал чувство безопасности, капитан несколько изменил порядок ночного дежурства. Люди его экипажа падали с ног от усталости, поэтому вместо полной вахты на часах теперь стояли только два человека, сменяя друг друга каждые два часа. Двое часовых вряд ли могли заснуть на посту одновременно, к тому же этих двух было достаточно, чтобы поднять тревогу в случае необходимости.

Капитан Пип сам заступил на дежурство в девять часов вместе с верным Артимом. Через час его сменил старший помощник, того, в свою очередь, часом позже должен сменить боцман.

Прежде чем укрыться под защитой стены из ящиков, капитан в последний раз осмотрел все вокруг. Пустыня казалась мирной, к тому же и Артимон не проявлял никакого беспокойства.

Капитан посоветовал своему сменщику быть все время на чеку и с тем ушел в палатку, где уже спали пассажиры. Усталость взяла свое, и он сразу уснул.

Он не знал, сколько проспал, но вдруг его сон встревожило какое-то видение. В этом видении ему представилось, что Артимон ведет себя весьма странно. А собака, сделав безуспешную попытку разбудить хозяина, высунула, рыча, морду наружу, затем вернулась и потянула капитана за полу костюма. Но тот не мог проснуться.

Тогда Артимон прыгнул своему другу на грудь и принялся часто лизать его лицо.

Когда и это не помогло, пес решил куснуть хозяина за ухо.

Тут капитан открыл наконец глаза и понял, что беспокойство собаки не сновидение, а реальность. Одним прыжком он вскочил на ноги и быстро выбежал из палатки, направляясь туда, куда тащил его Артимон.

Внезапно пес разразился свирепым лаем и, не успев ничего понять, капитан, сбитый с ног, увидел, падая, что лагерь захватили арабы. В своих бурнусах¹ они были похожи в ночной темноте на призраков.

¹ Бурнус — у арабов — плащ из плотной шерстяной материи, обычно белого цвета, с капюшоном.

Робер Морган шел вдоль пенящейся кромки берега легким ровным шагом. Самые высокие дюны обходил, на низкие взбирался, держа направление на юг. Чтобы успокоить своих спутников, ему пришлось приукрасить истинное положение вещей. Но сам он не обманывался. Предстоит отмерить пешком как минимум сто шестьдесят километров, прежде чем он доберется до зоны французского влияния.

Сто шестьдесят километров — это три дня трудной дороги, при условии, что каждый день он будет идти по десять часов со скоростью шесть километров в час.

Робер решил, что свои десять часов он отшагает и в первый день. Отправившись около трех часов пополудни, будет идти без остановки до часу ночи, а на рассвете двинется дальше. Это позволит ему выиграть целые сутки.

Солнце садилось за горизонт. Было еще совсем светло, но с моря веяло свежестью. Это подбадривало путника, уже пятый час упорно шагавшего вперед. Меньше чем через час наступит ночь, идти станет еще легче. Песок плотный, упругий, ноги отталкиваются от него легко и мягко.

А вокруг пустыня, навевающая острое чувство одиночества. Безграничные просторы среди дюн казались совершенно безжизненными: ни птицы, ни зверя, никого. Лишь кое-где редкие рощицы карликовых пальм указывали на скрытую глубоко под землей жизнь.

Буря закончилась, кругом тишина и спокойствие. Ни один посторонний звук не прерывает тихий шум моря, волны мерно бьются о прибрежный песок.

Вдруг Робер остановился. Уж не сон ли это? В двух сантиметрах от его уха просвистела пуля и раздался сухой звук выстрела.

Робер резко повернулся и в десяти шагах от себя увидел Джека Линдсея. Тому удалось подкрасться так близко потому, что шаги на песке не слышны. Сейчас Джек снова целился, встав на одно колено. Робера охватило чувство гнева и вместе с тем глубокого сожаления.

Не теряя ни минуты, Морган бросился на своего врага, но резкий удар остановил его. Страшная боль пронзила плечо, и Робер упал как подкошенный лицом в песок.

Выполнив задуманное, Линдсей быстро удалился, даже не удосужившись проверить, жив или нет его соперник. Да и зачем? В этой пустыне, убитый или раненный, Робер обречен. В любом случае посланник потерпевших кораблекрушение не доберется до цели.

Но остановить посланца, отправленного за помощью его товарищами по несчастью, — это, считал Джек, еще полдела.

Нужно, чтобы в его власти оказались все туристы, а таким образом и каждый из его спутников.

Джек Линдсей скрылся в дюнах, ему предстояло довести задуманное до конца.

Робер — раненный или мертвый — лежал на песке. С тех пор как он упал на землю, прошла целая ночь, затем день. Солнце совершило свой путь по небу и скрылось за горизонтом. Наступила следующая ночь, и она сейчас заканчивалась, — небо уже слегка заалело на востоке.

За все это время Робер ни разу не шевельнулся, не подал признаков жизни. Даже если он еще и жив, второй день под жгучими лучами солнца будет, конечно, его последним днем.

Но вдруг рядом с неподвижно лежащим человеком что-то шевельнулось. В темноте нельзя разобрать, какое именно животное вертится вокруг, роет лапами песок рядом с его головой. Теперь воздух легко попадет в легкие человека, если они еще не потеряли способность дышать.

Результаты проделанной работы не замедлили сказаться. Робер застонал, попытался привстать, но резкая боль в левой руке отбросила его назад. Он задыхался.

Но за эти мгновения успел узнать своего спасителя.

— Артимон! — выдохнул он, снова теряя сознание.

Услышав свое имя, Артимон отчаянно затыкал, заметался на месте, бросаясь во все стороны. Он стал лизать раненого в лицо теплым мокрым языком, освобождая от песка, налипшего на потный лоб и щеки.

Постепенно к Роберу стала возвращаться жизнь. Кровь быстрее побежала по жилам, застучала в висках, силы прибывали с каждой минутой. А с ними — и память, он вспомнил, при каких обстоятельствах упал.

С большой осторожностью раненый подполз поближе к морю, и свежесть морской воды окончательно привела его в чувство.

Солнце поднялось уже высоко. Преодолевая невыносимую боль, Роберу удалось снять с себя одежду и осмотреть рану. Она оказалась неопасной. Пуля застряла в ключице, но не перебила кость и потому легко вышла из раны. Страшная боль, от которой Робер потерял сознание, объяснялась тем, что пуля задела нерв. Обморок продолжался так долго из-за большой потери крови и еще потому, что Роберу, упавшему лицом в песок, нечем было дышать. Теперь в голове у него прояснилось. Смочив носовой платок в морской воде, он аккуратно промыл и перевязал себе рану. Плечом уже можно понемногу двигать, и, если бы не слабость, из-за чего подкашивались ноги, он тотчас бы отправился в путь.

Нужно эту слабость победить. Достав припасы, Робер подкрепился, впервые с тех пор, как покинул лагерь. Артимон тоже получил свою долю.

Но собака соглашалась есть как бы нехотя, ей не сиделось на месте, что-то ее постоянно беспокоило. В конце концов человек обратил внимание на необычное поведение животного, взял на руки, попытался приласкать... и вдруг заметил, что к ошейнику привязана бумажка.

«Лагерь захвачен арабами. Пип». Вот какую ужасную новость узнал Робер, когда дрожащими руками развернул записку.

«Захвачен арабами!» Значит, Элис тоже в плену! И Роже! И Долли!

В одно мгновение Робер сложил остатки своих запасов. Нельзя терять ни минуты. Он должен идти. И он пойдет. Пища вернула ему силы, а теперь воля эту силу удесятерит.

— Артмон! — позвал Робер, прежде чем двинуться в путь.

Но собаки рядом уже не было. Робер, посмотрев по сторонам, увидел, как Артмон, превратившись в еле заметную точку, несется вскачь вдоль берега, все более удаляясь. Верный пес, выполнив задание, возвращался с отчетом к тому, кто его послал. Он мчался не разбирая дороги, и все его существо было устремлено к одной цели: к хозяину!

— Спасибо тебе, пес! — прошептал Робер уже на ходу.

Он машинально бросил взгляд на часы и обнаружил, что они показывают тридцать пять минут второго. Он хорошо помнит, что заводил их как раз перед тем, как Джек Линдсей подло на него напал. Стальное сердечко билось ночь, затем целый день, и его ровное тиканье смолкло следующей ночью. От этих мыслей у Робера выступил холодный пот. Значит, он пролежал здесь почти тридцать часов! Пуля свалила его девятого июля, а проснулся он утром одиннадцатого. Что же будет с теми, кто на него надеется?

И Робер снова ускорил шаг. Он сверил по солнцу стрелки часов, было около пяти часов утра.

Он шагал все утро, и только в одиннадцать позволил себе отдохнуть, немного поспать в тени карликовых пальм. Сон возвратил ему силы, Робер встал энергичным и бодрым. И снова пошел вперед.

Уже двенадцать часов он в пути, а это значит — пройдено около семидесяти километров.

Наутро он продолжил путь, стараясь не думать об усталости, но этот день дался труднее. Появились жар и озноб, опять заболела рана.

После дневного сна встать удалось с трудом. Временами темнело в глазах, кружилась голова. Но он не останавливался, оставляя позади километр за километром. Каждый из них становился все мучительнее.

Наконец в сумерках показались массивные стволы. Нача-

лись заросли каучуконосов. Добравшись до первых деревьев, Робер упал без сил и погрузился в глубокий сон.

Он проснулся, когда солнце поднялось уже высоко. Наступило тринадцатое июля. Робера мучили угрызения совести, что он так долго проспал. Теперь придется наверстывать потерянное время.

Но как его наверстать при такой слабости, когда не держат ноги? Нет сил подняться с земли, во рту пересохло, болит голова, лихорадит. Плечо распухло, и рукой не пошевелить. Ничего, все равно нужно идти и, если потребуется, ползти вперед на коленях.

Робер заставил себя поесть, хотя и не хотелось. Здесь же, под деревом, где провел ночь, он решительно проглотил последний сухарь и запил его последними каплями воды. Ему нужны силы, и больше он не остановится, пока не доберется до цели.

Было два часа дня, Робер отправился в шесть утра и с тех пор ни разу не остановился. Правда, теперь он уже не шел, а еле тащился, делая не больше километра в час. Главное — не останавливаться. Он решил бороться до последнего дыхания.

Но больше нет сил. У несчастного закрывались глаза, перед его невидящим взором мелькал целый калейдоскоп¹ видений. Сердце билось слабее и реже, легким не хватало кислорода. Робер чувствовал, что падает, скользя вдоль ствола. Он прислонился к дереву в попытке устоять на ногах.

И в это мгновение — наверное, он бредил в лихорадке — ему почудилось, что впереди показался большой отряд: блестящие ружья, белые пробковые шлемы отражали солнечные лучи.

— Сюда! Ко мне! — закричал Робер.

Увы! У него пропал голос. Если отряд, который ему грезился, и существовал на самом деле, никто из этих людей не услышал крика, и они продолжали двигаться в своем направлении.

— Ко мне! — прошептал Робер и упал, потеряв сознание.

Он упал на землю как раз в то время, когда, по его плану, он должен был вернуться в лагерь. Пассажиры помнили эту дату и считали часы. С тех пор, как они оказались во власти арабов, лагерь так и стоял рядом с выброшенной на берег «Санта-Марией».

Капитан Пип не стал сопротивляться, когда понял, какое новое несчастье обрушилось на них, и вместе со всеми оказался внутри тройного кольца окруживших лагерь вооруженных африканцев. Он даже не стал гневаться на часовых, не спра-

¹ Калейдоскоп — здесь: непрерывная смена впечатлений, видений.

вившихся со своей задачей. К чему их наказывать, когда несчастье уже произошло.

Вместо этого он стал думать, как действовать дальше. Хорошо бы известить о происшедшем Робера, но как передать ему сообщение? Пип сообразил, что в его распоряжении такое средство есть, и решил немедленно это средство использовать.

Написав записку в темноте, капитан Пип привязал ее к ошейнику Артимона и поцеловал пса прямо в нос. Дав собаке понюхать кое-что из вещей Робера, он приказал найти их хозяйина, направив при этом Артимона на юг.

Артимон бросился бежать и мгновенно исчез в темноте. Капитан страдал, ему легче было пожертвовать собой, чем подвергать риску своего друга. Но Роберу необходимо сообщить о случившемся, это подскажет ему, как действовать дальше. И все колебания были отброшены.

Тем не менее капитан с трудом дождался утра. В мыслях он все время следовал рядом с Артимоном вдоль берега Атлантического океана.

Когда наступил день, все увидели размеры бедствия: лагерь был разгромлен, палатки сорваны, ящики, окружавшие лагерь, вскрыты, их содержимое валялось на земле, а все вещи пассажиров стали добычей победителей.

То, что они увидели за пределами лагеря, было еще страшней. На земле, освещенной косыми лучами восходящего солнца, темными пятнами выделялись два тела. Капитан признал своих часовых. У обоих в груди торчали кинжалы, воткнутые по самую рукоятку.

Когда совсем рассвело, африканцы зашевелились и один из них, очевидно, шейх¹, направился к пленникам. Капитан сразу двинулся ему навстречу.

— Ты кто? — спросил шейх на плохом английском языке.

— Капитан.

— Ты приказываешь этим людям?

— Морякам — да, но остальные — просто пассажиры.

— Пассажиры?.. — повторил за ним араб. — Отведи в сторону тех, кто тебе подчиняется. Я буду говорить с остальными, — продолжил он, помолчав с минуту.

Но капитан не сдвинулся с места.

— Что ты с нами сделаешь? — осмелился спросить он у араба, сохраняя спокойствие.

Мавр сделал неопределенный жест.

— Скоро узнаешь, — сказал он. — Иди.

Капитан выполнил распоряжение. Команда, отделившись от пассажиров, собралась вокруг него.

А шейх стал медленно прохаживаться среди туристов, пе-

¹ Шейх — старейшина арабского племени, деревни; глава мусульманской религиозной общины.

реходя от одного к другому, и с непонятной настойчивостью каждого расспрашивал. Кто он? Как зовут? Из какой страны? Богат ли он? Остался ли кто-нибудь дома? Это был настоящий допрос, которому он подвергал всех и на который каждый отвечал по-своему. Одни говорили правду, другие приписывали себе богатство, третьи выдавали себя за менее состоятельных, чем на самом деле.

Когда очередь дошла до американок, за них стал отвечать Роже. Он посчитал нужным представить их как можно более важными персонами, думая таким образом надежнее сохранить им жизнь. Но шейх сразу его прервал.

— Я не с тобой говорю,— сказал он, к удивлению мягко.— Эти женщины разве немые?

Роже умолк в замешательстве.

— Ты их брат? Отец? Муж?

— Вот это моя жена,— взяв на себя смелость, заявил Роже и показал на Долли.

Мавр жестом дал понять, что удовлетворен ответом.

— Хорошо! — сказал он.— А та?

— Это ее сестра,— ответил Роже.— Обе они важные дамы у себя в стране.

— Важные дамы? — повторил мавр эти слова, значение их он, по-видимому, не понимал.

— Да, важные дамы, королевы.

— Королевы? — еще раз повторил шейх.

— В общем, их отец — большой начальник,— объяснил Роже, у него иссяк запас доступных образов.

Но последнее объяснение, кажется, достигло цели.

— А-а, генерал, генерал...— свободно истолковал его араб.— А как зовут дочь большого начальника?

— Линдсей,— ответил Роже.

— Линдсей,— повторил мавр, ему явно понравилось звучание этого имени.— Очень хорошо! — добавил он и перешел к следующему пленнику, не забыв сделать любезный жест в сторону француза и обеих его протезе¹.

Следующим пленником был Томпсон. Как же изменился несчастный Главный Администратор! Где его былая важность? Насколько он блистал раньше, настолько теперь он старлся быть как можно менее заметным.

— Что у тебя там? — резко спросил у него шейх.

— Там?...— пробормотал Томпсон в смнении.

— Да, вот эта сумка... Дай сюда,— приказал мавр, положив руку на драгоценный кошель, висевший у Томпсона через плечо.

Тот инстинктивно отпрянул назад, но в то же мгновение к

¹ Протезе — лицо, находящееся под чьим-либо покровительством: чей-либо ставленник.

нему бросились два африканца. Они моментально сняли с него дорогую ношу, и Томпсон уже больше не сопротивлялся.

Шейх заглянул внутрь сумки, и его лицо выразило удовольствие.

— Хорошо! Очень хорошо!

Следующим за Томпсоном оказался, как и следовало ожидать, Ван Пипербум из Роттердама — со всем своим ростом и дородством. Он сохранял спокойствие, мирно переводя в дым огромное количество табака, и с любопытством поглядывал вокруг себя маленькими глазками.

Шейх долго любовался этим светловолосым гигантом.

— Твое имя? — спросил он наконец.

— Ik begrijp niet wat. U van mij wilt, Mynheer de Gheik, maar ik veronderstel dat u wenscht te weten welke mijn naam is en uit welk land ik ben. Ik ben de Heer Van Piperboom, en woon te Rotterdam, een der voornaamste steden van Nederland¹.

Шейх прислушался.

— Твое имя? — снова спросил он.

— Ik been de Heer Van Riperboom nit Rotterdam, — повторил Ван Пипербум, меланхолично добавив: — Overigens, waartoe dient het, и dit te zeggen? Het is blykbaar, dat ik toch maar Hebreenwsch voor u spreek, zoals ik dit voor de anderen ook doe².

Шейх пожал плечами и продолжил свой обход, не ответив на вежливое приветствие непереводаемого голландца. Его не утомляло бесконечное повторение одних и тех же вопросов. Он задавал их всем и внимательно выслушивал ответы, не пропустив ни одного.

Вот только Джеку Линдсею он почему-то задавать вопросов не стал, то ли случайно, то ли нарочно.

Элис с удивлением обнаружила своего деверя среди остальных и больше уже не спускала с него глаз. Она с тревогой отметила про себя, что Джека не допрашивали.

То, что Джек Линдсей явно где-то пропадал, а потом вернулся, а также особенное отношение к нему мавританского шейха — все это вызвало в душе Элис смятение.

Закончив обход, шейх направился к своим соплеменникам, но путь ему преградил капитан.

— Ну теперь-то ты мне скажешь, что будет с нами? — снова задал он свой вопрос.

¹ — Что? Я не понимаю. Не знаю, господин шейх, что вам от меня нужно. Я полагаю, вы желаете узнать мое имя и выяснить, из какой я страны. Меня зовут Ван Пипербум, живу в Роттердаме, одном из крупнейших городов Нидерландов (гол.).

² — А впрочем, зачем я все это вам говорю? Судя по всему, то, что я говорю, звучит для вас как древнееврейский. Кстати, так же, как и для всех остальных (гол.).

Шейх нахмурился, задумался, потом небрежно кивнул головой.

— Да,— сказал он.— Кто сможет заплатить выкуп, получит свободу.

— А другие?

— Другие?..— снова задумался мавр.

Он сделал широкий жест.

— В Африке нужны рабы,— сказал он.— У молодых есть сила, у старых — мудрость.

Эти слова вызвали у пленников взрыв отчаяния. Но Элис не поддавалась паническому состоянию, так бесконечно велика была ее вера в молодого француза! У нее не было никаких сомнений в том, что он доберется до французских владений, приведет солдат и освободит товарищей по несчастью.

Уверенность, по природе своей, обладает большой силой внушения. Упрямая вера Элис помогала людям держаться и ждать.

Если бы она была на месте капитана, ее надежда на освобождение имела бы дополнительные основания. Около восьми утра капитан, скрывая радость, увидел Артимона. Исчезновение и появление собаки, похоже, никто не заметил.

К тому же Артимон проявил почти человеческую сообразительность. Вместо того чтобы бешеным галопом броситься к хозяину, он сначала побродил вокруг лагеря и лишь потом пробрался к капитану. Арабы не обратили внимания на собачонку, гуляющую вокруг лагеря по своим утренним надобностям.

Пип схватил своего друга на руки, прижал к себе и, под влиянием переполнивших его чувств, наградил умное животное таким же поцелуем, как и при прощании, к чему Артимон вовсе не был приучен. Записки на ошейнике не было, следовательно, адресат ее получил. А из этого можно сделать благоприятный вывод.

Но после некоторых размышлений радости у капитана побавилось. Артимон отправился в дорогу в час ночи и вернулся к восьми утра, то есть находился в пути семь часов. За это время он пробежал туда и обратно расстояние, отделявшее пленников от Робера Моргана. А это, в свою очередь, значит, что тот за полтора дня ушел вперед на тридцать километров, не больше. За этим скрывалась какая-то тайна, и она могла заставить содрогнуться самое мужественное сердце. Поэтому капитан не стал ничего говорить своим спутникам.

А те, понемногу успокаиваясь, снова начали надеяться, ведь человек, пока он жив, не должен терять надежду. Двенадцатое и тринадцатое июля прошли относительно спокойно.

Эти два дня арабы занимались тем, что выносили с «Санта-Марии» все, что можно было унести. Они также отвинтили

и сняли с корабля куски железа, инструменты, винты, болты. Все эти бесценные для них сокровища лежали на берегу и дожидались погрузки на верблюдов. Арабы привели их вместе с собой.

Четырнадцатого июля стало понятно, что арабы, судя по приготовлениям, намеревались отсюда уходить. Очевидно, завтра и туристам придется покинуть побережье, если их не освободят.

Этот день показался несчастным очень длинным. Робер должен был вернуться еще вчера. И это опоздание, даже с учетом всех трудностей похода, было непонятно. Все забеспокоились. Все, кроме капитана, но он не собирался никому ничего объяснять. Ожидание стало сменяться раздражением. Робера обвиняли в самом тяжком грехе. Да зачем ему возвращаться? Если он теперь в безопасности, глупо с его стороны снова подвергаться риску.

Элис подобные черные мысли были незнакомы. Предположение, что Робер способен на предательство, даже не приходило ей в голову. Погиб, да, это могло быть... Но что-то в ее душе тут же поднималось против такого предположения, и ее вера в будущее, в их счастье, становилась еще тверже и непоколебимей.

Тем временем день четырнадцатого июля закончился, и никаких оснований для оптимизма не появилось. Ночь прошла так же. Пятнадцатого июля, как всегда, встало солнце, но для несчастных путешественников ничего не изменилось.

На рассвете арабы погрузили добычу на верблюдов, и в семь часов утра шейх подал знак к отправлению. Несколько всадников скакали впереди, остальные выстроились в два ряда с обеих сторон каравана, так что пришлось подчиниться.

Пленники и пленницы, охраняемые арабами, шли друг за другом, связанные общей длинной веревкой. Она стягивала им запястья и охватывала шею каждого в этой цепочке. О побеге нечего было и думать, не говоря уж о том, что окружавшая их со всех сторон пустыня сама по себе была смертельно опасной и делала побег невозможным.

Капитан Пип, шагавший впереди, решительно остановился и спросил у шейха, сразу оказавшегося рядом:

— Куда вы нас ведете?

Вместо ответа шейх размахнулся и ударил пленника дубинкой по лицу.

— Иди, собака,— крикнул он.

По лицу капитана заструилась кровь, но он не двинулся с места. С тем же невозмутимым видом он повторил вопрос.

Дубинка снова поднялась в воздух, но шейх тут же опустил ее, увидев решительное лицо стоявшего перед ним человека и длинную вереницу пленников за ним. Их предстояло сопро-

вождать, а, взбунтовавшись, они могли очень затруднить эту задачу.

— В Тимбукту! — сказал он, и капитан, получив ответ, двинулся в путь.

ГЛАВА XIV

Элис не остается в долгу

Тимбукту! Город, где сосредоточились все тайны Африки. Город, целые века закрытый и недоступный европейцам. Только через несколько месяцев уступит он силе французского оружия.

Но арабам не дано было предвидеть будущее, и они вели пленников в Тимбукту, рынок рабов и центр заключения сделок всей сахарской Африки.

Однако было маловероятно, что жертвы доберутся до места назначения. Мародеры редко удалялись на большое расстояние от берега. Скорее всего арабы продадут своих пленников где-нибудь на полпути туарегам.

Впрочем, для несчастных европейцев это не имело значения. Предстояло пройти более тысячи пятисот километров, а кто их поведет, все равно. Важно, что переход займет два с половиной месяца. Сколько из них продолжат путь, а сколько умятат своими белыми костями длинную песчаную дорогу?

Первый день прошел благополучно. Еще не накопилась усталость, вода была еще свежая, и ее было много. Но все изменилось, когда от непрерывной ходьбы стали кровоточить ноги, когда для утоления жажды, нестерпимой под огненным солнцем, стали пить застоявшуюся воду, к тому же скупо распределяемую.

По-видимому, Гамильтон и Блокхед скоро освободятся от этих пыток, их спасет смерть. Они еще не совсем оправились от лихорадки и стали быстро выбиваться из сил. Утром им стоило больших трудов пройти положенное расстояние, и во время привала они просто рухнули на землю. После обеда ноги этих двоих совсем перестали слушаться, и через несколько километров англичане вынуждены были остановиться.

С этого момента началось настоящее мучение для всех. Гамильтон и Блокхед падали на каждом шагу, остальным приходилось нести их по очереди. К вечеру, на привале, несчастные были похожи на покойников. Никто не сомневался, что следующий день будет для них последним.

Остальные пока стойко выносили выпавшие им испытания.

Впереди шел капитан Пип, совершенно растерянный: дюны напоминали ему волны, не разбиваемые форштевнем корабля. Верил ли он в освобождение? Очень может быть. Люди такой закалки не поддаются отчаянию ни при каких обстоя-

тельствевах. Лицо его, совершенно непроницаемое, ничего не выражало. Но весь вид и поведение говорили о том, что надежду терять не следует.

Рана от удара дубинкой подсохла на солнце. Усы, грудь и плечи были в пятнах крови. Случись это с другим, от него бы с ужасом отшатнулись. Но все существо капитана излучало непобедимую волю. Первый среди равных, он шел твердым шагом, и за ним шли остальные.

Со времени последнего разговора с шейхом капитан не проронил и двадцати слов, да и те были обращены к верному Артимону, трусившему рядом со своим хозяином с высунутым языком. «Мастер!» — коротко обращался к нему капитан, не вдаваясь в подробности, и пес чувствовал нежность в его голосе.

Через полчаса капитан высказался определеннее.

Ужасающе скосив глаза и презрительно плюнув в сторону шейха, он произнес:

— Ну, мастер, и в переделку же мы попали, клянусь всеми святыми!

И Артимон в знак согласия потряс длинными ушами.

После этого капитан не открывал рта. Время от времени он смотрел на собаку, а собака на него. Вот и все. Но как много эти взгляды говорили им обоим!

Во время стоянки Артимон сидел, а хозяин ложился на песок и делил с псом свой скудный паек и скупое отмеренные глотки воды.

За капитаном следовал командный состав «Симью», сама команда, прислуга. Шли не соблюдая чинов. О чем все думали? Очевидно, мысленно подчинялись своему командиру, взвалившему на себя ответственность за всех. Пока верили капитану, не было места отчаянию. Он в любую минуту мог отдать приказ действовать, они же были постоянно наготове.

За последним матросом шел первый пассажир, затем тянулась длинная цепь остальных.

Женщины плакали или причитали вполголоса. Особенно больно было смотреть на жену и дочерей Гамильтона и Блокхеда, бессильных свидетелей агонии дорогих им людей.

Мужчины в общем держались тверже, поведение каждого соответствовало его характеру. Если Пипербум хотел есть, то Джонсон хотел пить. Преподобный Кули черпал силу в молитве, Бейкер продолжал расточать угрозы агентству. Что же до конца растерявшегося Томпсона, то все его мысли были заняты только его сумкой.

У Роже еще оставались силы иронизировать. Он ободрял, веселил и смешил Долли, пытаясь поднять ее дух.

Оседлав своего конька, Роже потешался над тем, как неожиданно закончилось это удивительное путешествие. И действительно, что может быть смешнее, когда развлекательная прогулка по Мадейре превращается в исследование песчаных

пространств Сахары? Так как Долли не оценила изысканности этого юмора, задетый за живое Роже закусил удила и, поклявшись, что девушка забудет о трудностях дороги, рассыпался фейерверком каламбуров¹, причудливых шуток по поводу шейха, арабов, Сахары, пока, наконец, не был вознагражден взрывом смеха. Роже считал, что положение отнюдь не отчаянное, что нападение арабов в такой близости от Сенегала является с их стороны настоящим безумием и что не сегодня-завтра их освободят... или же при случае они смогут освободиться сами.

Как же Долли было не поддаться его ободрениям? Если Роже так легко шутит, значит, дело совсем не безнадежное. Впрочем, стоило только ей взглянуть на свою сестру, как страхи рассеивались.

Элис не шутила, она не имела такой привычки, но вся светилась уверенностью и спокойствием. Она не сомневалась в благополучном исходе, хотя пленники давно уже покинули место катастрофы и Робер не возвращался. Роже прав, они будут свободны. Все происходящее — это только еще одно испытание.

Поведение Роже и Элис успокаивало Долли. Вечером, в палатке, которую шейх разбил для состоятельных пленниц, она заснула в уверенности, что проснется свободной.

Наступившая заря, однако, застала ее еще пленницей. Ожидаемые спасители ночью не явились, и в этот день бывшие туристы должны еще больше отдалиться от моря.

Но, к их великому удивлению, сигнала к подъему не последовало. Солнце уже встало над горизонтом, достигло зенита, а эскорт, по всей видимости, и не собирался отправляться в путь.

Что за причина удерживала арабов на месте? Думать можно было все что угодно, но только Элис догадывалась об истинных мотивах.

Проснувшись раньше всех, она увидела, что Джек Линдсей и шейх о чем-то совещаются. Шейх слушал Джека с присущим восточным людям спокойствием, а тот говорил, вкладывая в свою речь весь пыл, на какой только был способен при своем нелюдом характере. Он, по-видимому, что-то доказывал, в чем-то убеждал. Со стороны можно было подумать, что разговаривают два хороших друга, и, как бы это ни казалось неправдоподобным, у Элис возникло чувство, что они сговорились задолго до этого.

Так, действительно, и случилось, интуиция не обманула Элис. Шейх и Джек уже давно были друг с другом знакомы.

Увидев, как упал Робер после выстрела, Джек, которому и

¹ К а л а м б у р — игра слов, вызывающая комический эффект.

в голову не могло прийти, что на помощь придет Артимон, счел врага мертвым и поспешил осуществить задуманный план.

План был чудовищно прост.

Поскольку Джек не мог посягать на Элис без риска для себя — невестку бдительно охраняли, — нужно было получить власть над всеми. Он начал с того, что уничтожил посланного за помощью Робера, сделав тем самым эту помощь невозможной. А затем устремился в пустыню в поисках союзников. В этих местах рыскали банды грабителей. Их привлекали, как воронов привлекают поля сражений, терпевшие крушение корабли. Джек не сомневался в том, что встретит бандитов, даже если в поисках ему придется проблуждать в пустыне несколько дней.

Долго ждать не пришлось. В конце следующего дня, столкнувшись с дюжиной арабов Улан-Делима, он стал пленником шейха. Все шло по намеченному плану.

Улан-Делим, немного знающий английский, допросил европейца, и тот ответил на его вопросы очень охотно. Он назвал свое имя и сообщил, что недалеко отсюда много европейцев, среди них и его очень богатая жена. За большую сумму она выкупит и себя, и его, своего мужа.

Наведенные таким образом на след, арабы захватили лагерь.

При допросе Роже в общих чертах подтвердил полученные от Джека сведения. Этим и объясняется явное удовлетворение шейха, когда он услышал имя одной из пленниц. Имя Линдсей невольно подтвердило информацию Джека. Шейх почувствовал доверие к словам и доводам мнимого мужа богатой американки.

Джек терпеливо шел к своей цели. Захват всего каравана арабами имел для него смысл, только если он сам получит свободу.

Негодяй попытался убедить шейха в нелогичности его поведения. Если всех приведут в Тимбукту, то никто из пленников не в состоянии будет заплатить выкуп. Как его жена, повторил он. Она может внести большую сумму, но как это сделать, не имея связи с Америкой и Европой? Не лучше ли одному из пленников, предпочтительно ему, Джеку Линдсею, добраться до французских владений, где он смог бы сесть на корабль? Он поспешит собрать выкупы за свою жену и за всех остальных пленников, а затем прибудет в какое-нибудь условленное место, Триполи, например, или Тимбукту, и вручит деньги в обмен на свободу заложников.

Джек видел, что шейх принимает его доводы и намерен опделить сумму выкупа каждого своего пленника. Негодяй был близок к цели. Конечно, он и не подумает ни о каких выкупах. Пусть злополучные англичане выкручиваются как хотят.

Он же отправится в Америку, сообщит о кончине Элис и станет ее наследником путем подделки документов.

Конечно, его беспокоила мысль о таком количестве обвинителей в случае, если кому-нибудь удастся получить свободу. Но выбора не было. Впрочем, так ли легко остаться живым в беспощадной пустыне, среди не менее беспощадных африканцев?

Однако Джеку предстояло последнее, самое трудное дело. Для его миссии нужно общее согласие. Шейх, конечно, сообщит сумму выкупа каждого и о том, кого он выбрал посланником. Джек должен, следовательно, разыграть комедию до конца, дать всем обещания, забрать письма. Конечно, он выбросит этот мусор при первом удобном случае. Здесь же он не должен встретить осложнений. Туристы не имеют оснований подозревать его больше, чем кого-либо другого.

Но необходимость объяснения с Элис очень беспокоила Джека. Ее согласие, конечно, будет для арабов самым важным. Даст ли его невестка? А почему бы и нет? — продолжал Джек свои размышления. И тут же вспомнил, как она отвергла его предложение, вспомнил то, что произошло в Курралдаш-Фрайаш, и у него появилась неуверенность.

Сомнения не покидали Джека, и он все откладывал трудный разговор. Уже наступила ночь, когда, наконец решившись, он вошел в палатку, поставленную для сестер.

Элис была одна. Сидя на земле, она предавалась размышлениям, едва освещенная чадающей масляной лампой.

Увидев Джека, она поднялась, испугавшись в первый момент. Джек смешался. Он не знал, с чего начать, и некоторое время молчал. А Элис ничего не предпринимала, чтобы вывести его из затруднения.

— Добрый вечер, Элис, — вымолвил наконец Джек. — Извините, что беспокою в такой час. Должен сообщить вам одну вещь, не терпящую отлагательства.

Элис продолжала молчать, не проявляя ни заинтересованности, ни любопытства.

— Вы заметили, — сказал Джек с еще большей тревогой, — что караван сегодня стоит на месте, и вас это, без сомнения, удивляет. Меня тоже, но шейх недавно объяснил мне причину.

Здесь Джек сделал паузу, ожидая реакции Элис, но она никак не прореагировала на его слова.

— Как вы знаете, — продолжал он, — арабы захватили нас, чтобы получить выкуп с тех, кто в состоянии его дать. Поэтому шейх решил остаться здесь и послать избранного им эмиссара во французские колонии. Тот должен собрать требуемые суммы и в условленном месте обменять их на пленников.

Джек опять сделал паузу, пытаясь понять, что думает невестка. Но Элис продолжала молчать.

— Вы не спросили, кого шейх выбрал эмиссаром.

— Ожидая, что вы мне скажете об этом,— спокойно ответила Элис голосом, который не сулил ничего хорошего.

— Конечно,— согласился Джек с натянутой улыбкой. Он старался быть как можно более убедительным.— Вы, конечно, понимаете, что после разговора господина де Сорга с арабским шейхом особый интерес у шейха вызвали Долли и вы. Он также обратил внимание на одинаковость наших имен и стал расспрашивать меня на этот счет. Я позволил себе ту же ложь, что и господин де Сорг, и, чтобы взять вас под защиту, сказал, что я ваш муж.

Произнеся эти слова, Джек стал ждать одобрения или осуждения. Не было ни того, ни другого. Элис слушала все так же молча, провоцируя его высказаться до конца. И пришло, наконец, время вымолвить главное.

— Меня очень удивил,— начал нервничать Джек,— результат моих слов. Как только шейх услышал, что я ваш муж, он решил, и в этом не ошибся, что я преданнее, чем кто-либо другой, буду способствовать вашему освобождению, и выбрал меня в качестве посланника за выкупом.

Мосты были, наконец, сожжены. Произнеся эти решающие слова, Джек, тяжело дыша, замолчал. Элис не пошевелилась.

— Я надеюсь,— заключил он, стараясь говорить уверенно,— вы не будете возражать против выбора шейха и согласитесь доверить мне необходимые письма и бумаги, чтобы собрать деньги для выкупа.

— Я этого не сделаю,— холодно сказала Элис.

— Почему?

— По двум причинам.

— Сובлаговолите изложить их,— быстро отреагировал Джек,— и, как хорошие родственники, мы обсудим положение.

— Во-первых,— заявила Элис,— я против того, чтобы сейчас посылать эмиссара. Вы, кажется, забыли, что господин Морган отправился за помощью.

— Он отправился, но не вернется,— возразил Джек.

— Он вернется,— уверенно настаивала на своем Элис.

— Не думаю,— произнес Джек с плохо скрываемой иронией.

Сердце Элис сжалось в предчувствии недоброго. Но она взяла себя в руки.

— Вы что-то знаете?

Ее вопрос так напугал Джека, что он благоразумно решил отступить.

— Да нет же, ничего, конечно, не знаю,— пробормотал он.— Это только предположение. Но я убежден, что господин Морган не вернется. А мы не можем терять время, мы должны вернуть себе свободу сами.

Элис снова стала спокойна.

— Мне кажется,— сказала она, выделяя каждое слово,— вы все-таки знаете что-то о господине Моргане.

— Что вы хотите сказать? — перебил ее Джек дрогнувшим голосом.

— Может быть, вы правы,— невозмутимо продолжала Элис,— и господин Морган погиб, спасая нас всех. Я все же думаю, что этого не случилось. Пока время не убедит меня в обратном, я буду верить в его возвращение.

— Пусть так! — согласился Джек.— Но я не понимаю, почему эта вера препятствует предложению шейха. Разве плохо, если у вас будут две возможности спасения, а не одна?

— Я, кажется, вам сказала, что не принимаю вашего предложения по двум причинам. Пока я сообщила только первую.

— Какова же вторая?

— Вторая заключается в том, что я категорически против выбора шейха. Я не только не буду способствовать вашему отъезду, передав письма и документы, а воспрепятствую этому всеми силами. И прежде всего я раскрою глаза на лживое утверждение, что вы мой муж.

— Но, Элис,— воскликнул побледневший Джек, понимая, что его планы рушатся,— почему?

— Потому, что я решительно убеждена, что вы не вернетесь.

Потрясенный Джек отпрянул к стенке палатки. Элис так глубоко проникла в его планы, что их осуществление стало невозможным. Однако он предпринял последнюю попытку.

— За что такое обвинение, Элис? — воскликнул он, стараясь изобразить страдание.— Почему вы меня подозреваете в такой низости? Что я вам сделал?

— Увы,— печально ответила Элис,— я не забыла того, что произошло в Куррал-даш-Фрайаш!

Куррал-даш-Фрайаш! Элис, следовательно, все знала и, стало быть, читала в преступной душе своего деверя, как в открытой книге.

Джек понял, что проиграл. Он не стал оправдываться, все равно бесполезно. Его грязное нутро вылезло наружу, уже не таясь.

— Пусть будет так! — прошипел он.— Но я не понимаю, почему происшедшее в Куррал-даш-Фрайаш вы ставите мне в упрек. Ведь, если бы не я, вас не спас бы, как в романах, красивый молодой человек.

Оскорбленная Элис, ничего не ответив, жестом указала Джеку на порог, как вдруг в полутьме раздался голос:

— Не бойтесь, мадам, я здесь.

Элис и Джек одновременно вскрикнули. Джек испустил

яростное рычание, Элис — крик радости. Неожиданный гость вышел на свет.

Это был Робер Морган! От бешенства Джек потерял рас-судок.

— А-а,— закричал он,— вот он, прекрасный рыцарь! Как смеет чичероне Морган вторгаться в семейный разговор?

Робер спокойно сделал шаг навстречу Джеку Линдсею. Но между ними встала Элис. Властным жестом она потребовала тишины.

— Господин маркиз де Грамон имеет право знать все, что касается его жены,— заявила она, разгневанно глядя на де-веря.

— Ах, вы уже маркиза! Как быстро! — съязвил Джек.— А венчаться вы, конечно, надеетесь в Тимбукту?

Внезапно Джек понял, что если Робер здесь, то ведь он не один. Лагерь, стало быть, захвачен французами. Морган их все-таки привел. И, стало быть, то, что сообщила Элис, из хи-меры станет действительностью. При этой мысли его захлест-нула новая волна ярости. Он потянулся к поясу и рванул тот самый револьвер, из которого уже стрелял в Робера.

— Мы еще посмотрим, маркиза вы или нет! — закричал Джек, направляя револьвер на Робера.

Но тут подоспела Элис.

Одним прыжком она бросилась на Джека, с силой вцепи-лась ему в руку и обезоружила его.

Выстрел все же раздался, но в цель не попал, пуля проши-ла потолок палатки.

— Вот мы и в расчете,— с облегчением сказала Элис, бро-сая дымящийся револьвер к ногам Робера.

Вслед за выстрелом Джека раздались другие выстрелы, от их грохота сотрясаясь воздух, слышались крики, ругатель-ства на разных языках.

Джек Линдсей покачнулся. Арабская или французская шальная пуля залетела в шатер и поразила его насмерть. Он схватился за грудь и упал на землю.

Элис, не понимая, что происходит, повернулась к Роберу, но не успела ничего спросить.

Палатку сорвало словно смерчем, и Элис, увлекаемая Робе-ром, оказалась среди женщин каравана. Здесь была и Долли.

Вскоре появились капитан, Роже де Сорг и другие путеше-ственники. Кого не хватает? Это можно узнать только завтра.

Через полчаса, собрав людей, расставив охрану и приняв предосторожности против повторного нападения, появился французский офицер. Хорошо видный при ярком свете луны, он, улыбаясь, послал приветствие дамам и весело сказал, об-ращаясь к Роберу:

— Все арабы разбежались, дружище.

И вдруг неожиданно для всех он устремился вперед.

— Де Сорг! — воскликнул он. — Вы здесь?
— Как дела, дорогой Бодуэн? — ответил Роже. — А почему бы мне и не быть здесь?
— Да, на этот раз всем повезло, — отозвался офицер, закуривая сигарету.

ГЛАВА XV

Заключение

Победоносной атакой французских солдат и закончилась история путешествия, столь отменно организованного «Агентством Томпсон». Конечно, дорога до Сен-Луи была трудной, но в какой-то мере ее компенсировала добыча, захваченная у арабов. Победители смогли погрузить на мегари¹, оставшиеся у них, всю воду с «Санта-Марии». В условиях относительного комфорта Блокхед и Гамильтон быстро поправились, и к ним вернулось их обычное расположение духа: один, как и раньше, остался оптимистом, другой ворчуном.

Джек Линдсей оказался единственной среди европейцев жертвой короткой стычки с арабами. Все стали высказывать Элис соболезнования. Печальные обстоятельства семейного предательства остались неизвестными.

Больше никто из туристов не пострадал. Ранили двоих французских солдат, но не опасно. Через три дня они снова смогли встать в строй.

Это не значит, однако, что туристы во время стычки забыли о своем долге. Напротив, успев вооружиться, они под руководством капитана оказали большую помощь немногочисленному французскому отряду.

Робер, Роже де Сорг, Бейкер, Пипербум, преподобный Кули — все бросились в самую гущу сражения. Особенно выделялся кандидат в смертники Тигг. Возникал вопрос: зачем ему защищать свою столь ненавистную и опостылевшую жизнь?

— Черт возьми, — не удержался на следующий день Бейкер, — вы так хорошо деретесь, а говорят, что вам надоела жизнь и вы хотите умереть. Упустили такой случай расстаться с жизнью!

— А кто вам сказал, что я хочу расстаться с жизнью? — с великим удивлением спросил Тигг.

— Не знаю, — ответил Бейкер. — Не имею никакого представления о ваших побудительных причинах, но думаю, что они основательны, если вы вступили в Клуб самоубийц.

— Я? В Клуб самоубийц?

Бейкер, удивленный в свою очередь, посмотрел на Тигга

¹ Мегари — порода одногорбого быстроходного верблюда.

более внимательно. Он должен был признать, что полные губы, веселые глаза, спокойное и ясное лицо — все это никак не согласовывалось с мрачными мыслями о смерти.

— Но у вас ведь есть намерение покончить жизнь самоубийством?

— Не было никогда!

— Разве вы не член Клуба самоубийц?

— Вы с ума сошли! — воскликнул Тигг, глядя на своего собеседника с ужасом.

Тот поспешил успокоить его, рассказав, при каких обстоятельствах среди пассажиров распространилось такое известие. Тигга это очень развеселило.

— Не знаю, — сказал он, — где газета почерпнула эту информацию и кто скрывается под буквой «Т». Но совершенно точно — не я, моя цель — дожить до ста десяти лет и, если возможно, больше.

Эта история, рассказанная Бейкером, потешила весь караван. Только Мери и Бесс Блокхед отнеслись к ней по-другому.

— Мы так и знали... — ответила Мери рассказавшей ей эту историю матери.

— ...что этот джентльмен окажется лжецом, — закончила Бесс, презрительно скривив губы.

И обе девицы с явным недоброжелательством посмотрели в сторону бывшего объекта своих забот. А он в это время оживленно разговаривал с Маргарет Гамильтон, без сомнения, убеждая ее в том, что возненавидит свою жизнь только в том случае, если не сможет посвятить ее Маргарет. Но та, по-видимому, и не думала превращать его в ненавистника собственной жизни, судя по тому, с каким расположением и одобрением она его слушала.

За исключением девиц Блокхед, все, таким образом, оказались счастливы, как и бывает, когда удается избежать большой опасности. Робер наслаждался обществом Элис. Роже с утра до вечера веселил Долли, Бейкер трещал своими суставами, преподобный Кули посылал небу благодарственные молитвы, Ван Пипербум из Роттердама без конца ел. Среди счастливых выделялись только два печальных лица.

На одном из них застыли боль и сожаление из-за отнятой толстой сумки, все время мысленно оплакиваемой. Другое лицо выражало удивление в связи с фактом своей постоянной трезвости: он был уверен, что во Вселенной не все в порядке.

Судьба могла бы и в данном случае повернуться к Томпсону более благоприятной стороной. Ведь Джонсон охотно отдал бы все содержимое своего кошелька за спиртное. Но командир эскорта французских солдат не счел спиртные напитки тем грузом, который взять с собой необходимо.

Джонсон, следовательно, лишился любимого и единственного удовольствия на все двадцать дней перехода до Сен-Луи.

Но зато как он вознаградил себя потом! Оказавшись в городе, он сразу же бросил своих спутников. А вечером все поняли, что он добросовестно наверстывал упущенные за эти дни возможности.

Трехсотпятидесятикилометровый переход под охраной французских штыков был трудным, но вполне безопасным. В дороге не произошло ни одного инцидента.

В Сен-Луи им оказывали всяческое содействие, как людям, прошедшим суровые испытания. Но у путешественников было только одно желание — вернуться домой. И скоро клиенты «Агентства Томпсон» и их посрамленный Главный Администратор покинули берега Африки на борту комфортабельного парохода.

Меньше чем через месяц после счастливого освобождения из арабского плена они благополучно высадились на набережной Темзы.

Томпсон, к великому своему удовольствию, освободился, наконец, от Пипербума. Невозмутимый голландец «отцепился» от администратора, как только почувствовал под ногами мостовую Лондона. Он исчез на первой же улице, унося с собой свою тайну.

Его примеру последовали и другие, возвратясь к обычным делам и привычкам.

Преподобный Кули вернулся к своей пастве¹.

Капитан Пип, в неизменном сопровождении Артимона, вместе с Бишопом, Флишипом и другими моряками недолго пробыли на суше. Они снова ушли в плавание. Господа Ростбиф и Сандвич опять начали обслуживать капризных пассажиров, то довольных, то недовольных.

Но перед тем, как расстаться с Пипом, бывшие туристы выразили ему признательность за его спокойствие и энергию. Смущенный капитан начал страшно косить и клясться всеми святыми, что даже Артимон сделал бы то же самое. Он почувствовал искреннее волнение, когда прощался с Робером Морганом. Капитан пожал ему руку с такой теплотой, которая лучше всяких слов показывала, насколько он уважает бывшего переводчика «Симью». Робер был глубоко тронут выражением живой симпатии этого человека. Он считал капитана непогрешимым судьей в делах чести.

Члены семейства Гамильтон, оказавшись в безопасности, обрели обычную чванливость. Не сказав ни слова людям, с которыми случай связал на время их аристократические судьбы, сэр Гамильтон, леди Евангелина и мисс Маргарет, сев в великолепный экипаж, поспешили домой. Они предложили место в

¹ П а с т в а — верующие, прихожане одной какой-либо церкви.

экипаже и Тиггу, и тот не стал отказываться. С этим семейством все было ясно.

Блокхедов не сопровождал никто. После того, как почтенный бакалейщик пожал руки всем, кому только мог, Блокхеды отправились домой одни. Им не помогал нести багаж до экипажа ни один представитель сильного пола. Семья в одиночестве добралась до своего коттеджа и вернулась к обычной замкнутой жизни. Ее заполняли рассказы сэра Абсирфуса о невиданном путешествии, заботы Джорджины о воспитании сына Абеля и погоня Бесс и Мери за мифическими мужьями. Но такая дичь попадает редко. Бесс и Мери не везло в этой охоте.

Вызванный во Францию для объяснения по поводу несвоевременного возвращения из отпуска, Роже де Сорг пробыл в Англии недолго. Он отбыл из Лондона в тот же день и через несколько часов оказался в Париже.

Решив там свои проблемы, Роже стал хлопотать о новом отпуске и получил его, так как мотивы были убедительными. Можно ли отказать тому, кто собирается жениться? Да, Роже женился. Это было решено между ним и Долли как нечто само собой разумеющееся.

Церемония состоялась третьего сентября, и в тот же день сочтались браком Элис и Робер.

Для четырех счастливых время остановилось. Оно потекло мирно и спокойно и сегодня было наполнено счастьем так же, как и вчера.

Маркиза де Грамон и графиня де Сорг приобрели рядом особняки на проспекте Буа-де-Булонь. Здесь они воспитывали своих детей, оставаясь добрыми соседями, друзьями и любящими сестрами.

Они часто возвращались к событиям, предшествовавшим их свадьбам, вспоминали подробности, черпали новые доводы в пользу того, что девушки должны сами выбирать себе мужей. В разговорах порой всплывали имена спутников по путешествию и злключениям. Тех, с кем много пережито, трудно забыть. С некоторыми из них сохранялись дружеские отношения.

Спустя четыре года после путешествия на «Симью» двое таких друзей оказались в одно и то же время у двери особняка маркизы де Грамон.

— Клянусь всеми святыми, рад вас видеть, сэр Саундерс! — воскликнул один.

— Господин Бейкер рад встрече с капитаном Пипом, — отозвался другой, энергично пожимая руку капитану покойного «Симью».

В один из дней родственных встреч семей де Грамон и де Сорг за столом сидели капитан Пип и Бейкер.

Так как оба знали историю отношений их гостеприимного хозяина и его очаровательной жены, то их не удивляла рос-

кошь, окружавшая бывшего переводчика «Агентства Томпсон и К^о». Впрочем, они много повидали в жизни и их мало чем можно было удивить. А капитан Пип, глубокий знаток людей, считал, что хозяин дома достоин всех благ на свете.

Они собирались за этим гостеприимным столом не в первый раз. В их поведении не чувствовалось натянутости. Была откровенность и свобода, приличествующая настоящим друзьям.

За стулом капитана, как обычно, сидел Артимон. Это место принадлежало ему по праву, и он занял бы его, даже если бы наступил конец света. Капитан то и дело предлагал псу лакомые кусочки, и тот принимал их с достоинством. Артимон постарел, но его глаза смотрели на хозяина с прежним умом и живостью. Слушая разговоры, он с глубоким интересом шевелил длинными ушами. Артимон хорошо знал дом, куда был приглашен этим вечером. Здесь его баловала хозяйка как спасителя своего мужа, а слуги почитали за то, что в доме его любили.

Он ценил такое обращение и энергично выражал согласие всякий раз, как только его хозяин высказывал намерение съездить в Париж.

— Откуда, капитан, вы прибыли к нам теперь? — осведомился Робер во время ужина.

— Из Нью-Йорка, — ответил капитан; в это время он работал на линии Кунар, и ему смертельно надоело однообразие переездов между Англией и Америкой. — Как это утомительно, сэр, — пожаловался он.

— Наши дамы снова хотят путешествовать по морям, — продолжал Робер, — поэтому на верфях Гавра строится по нашему заказу яхта водоизмещением в тысячу тонн. Я попросил бы вас рекомендовать надежного человека в качестве капитана.

— Я знаю только одного, — ответил собеседник, — его зовут Пип, и он не такой уж плохой моряк. Однако есть небольшое неудобство. Этот Пип, видите ли, не женат, но он не один. Он неразлучен со своим псом. Бедный Артимон очень стар и долго не протянет. Вот уже пятнадцать лет он скитается по всему свету, а у собаки это преклонный возраст, — добавил Пип, посмотрев на Артимона с нежностью и грустью.

— Значит, капитан, вы согласны?.. — воскликнул Робер.

— Да, — подтвердил капитан. — Мне надоели пассажирские пароходы. Очень утомительное занятие. И эти однообразные переходы из Ливерпуля в Нью-Йорк и из Нью-Йорка в Ливерпуль! Чертовски скучно, сэр!

— Ну, договорились! — одновременно воскликнули Робер и Роже.

— Да, — согласился капитан, — Артимон, конечно, будет с нами? А как вы назвали будущую яхту?

— В память о «Симью»¹,— сказала Долли,— мы хотели бы назвать ее этим же именем.

— Прекрасная идея,— иронически одобрил Бейкер,— я уже вижу вас по дороге в Тимбукту!

— Мы постараемся этого не допустить,— ответил капитан.— Но поскольку мы заговорили о «Симью», то догадайтесь, кого я встретил в Лондоне не позднее чем вчера?

— Томпсона! — хором воскликнули все присутствующие.

— Точно! Томпсона! И он был, как всегда, элегантен, оживлен и весь сиял, как медная монета. Может быть, у него была вторая сумка и шейху ее обнаружить не удалось? Или вы не привели в исполнение свои угрозы? — осведомился капитан, обращаясь к Бейкеру.

— Не говорите мне о нем! — мрачно отозвался тот.— Это не человек, а дьявол, он меня вгонит в гроб. Конечно, я привел свои угрозы в исполнение. Я и двадцать других пассажиров организовали процесс, и мы выиграли его по всем пунктам. Томпсон был вынужден объявить себя банкротом, закрыть контору: его имя вычеркнули из списка агентств путешествий. Но я не полностью удовлетворен. Томпсон попадаетеся мне на каждом шагу. Он ничего не делает, и, однако, у него такой вид, будто он купается в золоте. Эта скотина меня раздражает. Я убежден, у него где-то припрятана кубышка, и чувствую себя в дураках.

Во время негодующей речи Бейкера сестры несколько раз переглянулись.

— Успокойтесь, дорогой Бейкер,— сказала Элис.— Томпсон разорен окончательно и никогда не станет вашим конкурентом.

— А на какие же средства он живет? — недоверчиво спросил Бейкер.

— Как знать,— ответила, улыбаясь, Долли.— Может быть, ему оказывает помощь кто-нибудь из благодарных пассажиров.

Бейкер расхохотался.

— Хотел бы я видеть этого пассажира,— не поверил он.

— Можете спросить у Элис,— лукаво посоветовала Долли.

— Или у Долли,— шутливо отпарировала Элис.

— Вы!..— воскликнул в изумлении Бейкер.— Но почему вы помогаете этому пройдохе? Сколько раз он издевался над вами и над остальными! Сколько раз не сдерживал своих обещаний! Ведь он едва не утопил вас, не раздавил при обвале на Сен-Мигеле, не уморил от лихорадки, не спалил на солнце, не

¹ Симью — чайка (англ.).

подвел под пули арабов. Очень бы хотелось знать, за что вы ему благодарны?

— За счастье,— одновременно ответили обе сестры.

— Если бы путешествие было хорошо организовано, то разве стала бы я графиней? — весело спросила Долли, и Роже утвердительно кивнул головой.

— А я маркизой? — добавила Элис, бросив нежный взгляд на Робера.

Бейкер не нашел, что ответить. Было видно, что он недоволен объяснениями сестер. Ведь из-за их сентиментального милосердия этот проходимец остался безнаказанным.

— Что поделаешь с этими женщинами,— проворчал он сквозь зубы.

Бейкер еще некоторое время продолжал бормотать что-то нечленораздельное. Видно, все не мог переварить то, что услышал.

— Все же,— сделал он заключение,— путешествие было удивительным. Что вы думаете об этом, а, командир?

Капитан, к которому обратились столь неожиданно, растерялся. Его глаза, как и раньше, под влиянием нахлынувших чувств разбежались в разные стороны. Он слегка, но совершенно бесспорно, опять косил.

Одна привычка повлекла за собой другую, другая третью. Кося глазами, капитан потерял кончик носа. Отдав дань этой привычке, поддался было и третьей. И вот он уже повернулся, чтобы плюнуть в море. Но море далеко, вместо него ковер с яркими цветами. Капитан обескуражен тем, что потерял чувство реальности. Он должен поделиться этим соображением с верным Артимомом. Наклонившись к собаке, он сказал ей назидательно под дружелюбными взглядами друзей:

— Клянусь всеми святыми, это была чертовски забавная история, не правда ли, сэр?

И пес в знак согласия помахал ушами.

Конец

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАМОК В КАРПАТАХ. Роман.

Перевод с французского Е. Аронович 5

АГЕНТСТВО ТОМПСОН и К°. Роман.

Перевод с французского В. Большакова 105

ЖЮЛЬ ВЕРН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ДВАДЦАТИ ТОМАХ

Том восемнадцатый

Редактор *В. Никитин*

Художественный редактор *И. Марев*

Технический редактор *Н. Кленова*

Корректор *Г. Шалимова*

ЛР № 030129 от 23.10.96 г.

Подписано в печать 26.03.98 г.

Гарнитура Литературная. Печать офсетная.

Уч.-изд. л. 26,12. Цена для членов клуба 13 р. 20 к.

Издательство «ТЕРРА».

113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

